№ 2/XI 19.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. НОЯБРЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.** А. Ѳ. Кони. . . . 231—257

II. **Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).** Ивана Янжула. . . . . 258—272

III. **Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г.** (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845). Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ. . . . . 273—288

IV. **Темное Царство.** (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій . . . . . 289—297

V. **Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I.** (Великій князь Николай Михаиловичъ. „Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I.“ т. III. Спб. 1909). В. В. Тимощукъ. 298—311

VI. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.** Е. А. Рагозиной. . . . 312—332

VII. **Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэмбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ.** Д. Архангельскаго. . . . . 333—348

VIII. **Отжившіе бюрократическіе порядки.** (Къ вопросу о реформѣ Правительствующаго Сената). Н. Покровскаго. . . . . 349—364

IX. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 365—401

X. **Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.** Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Сообщ. А. Чебышевъ. 405—409

XI. **Воспоминанія идеалиста, принимавшаго участіе въ работахъ по реформамъ крестьянскимъ.** А. Н. Т. . . . . 410—424

XII. **Первые годы службы.** А. Петрушевскаго. . . 425—431

XIII. **Депутатъ отъ Россіи.** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 433—447

XIV. **А. Н. Сергѣевъ.** Николая Еремѣева. . . . . 448—452

XV. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 августа по 14 октября 1910 г.** . 455—468

XVI. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Молитва для учащагося юношества.** Сообщилъ В. П. Федоровъ. . . . 402—404

б) **Выписка изъ двухъ приказовъ по 1-й арміи.** Сообщилъ Мих. Соколовскій. 432

в) **Неизданное письмо К. Н. Батюшкова Н. Лернера.** 453—454

XVII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія. Портреты: а) Гр. **Константинъ Константиновичъ Бенкендорфъ**, б) **Николай Петровичъ Колюбакинъ**, в) Баронъ **Шеппингъ**.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

2432 ч. 19 г.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1910 года.

Библіографическій листокъ.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть II (отъ Петра Великаго). СПБ. 1910.

Почтенный ученый выказалъ въ этой учебной книжкѣ высокій педагогическій талантъ и строгій тактъ. Его учебникъ занимается не правителями и войнами, по старому и давно утратившему прелесть наивности шаблону, а государствомъ и народомъ, общественной и экономической жизнью. Не гоняясь за разнообразіемъ мелкихъ подробностей, быстро улетучивающихся изъ памяти учащихся, не загромождая изложенія множествомъ датъ, именъ и фактовъ, составитель умѣетъ показать важнѣйшія теченія народной жизни. Ни о чемъ существенномъ не умалчивая, ничего не искажая въ угоду какой бы то ни было тенденціи, проф. Платоновъ соблюлъ столь трудно дающуюся въ подобныхъ случаяхъ, но особенно необходимую въ преподаваніи, объективность, которую не обинуясь можно назвать педагогической справедливостью и честностью, и которая тѣмъ дороже, что встрѣчается крайне рѣдко.

Ѳ. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. СПБ. 1910.

Сложныя и нелегко поддающіяся объясненію отношенія Александра I и Сперанскаго довольно хорошо очерчены авторомъ, распутавшимъ этотъ своеобразный государственный романъ капризнаго, „къ противочувствіямъ привычнаго“ монарха и властолюбиваго, энергичнаго общественнаго дѣятеля. Удалось г. Уманцу нарисовать удовлетворительно и фонъ, на которомъ развертывались эти знаменательныя событія первой половины александровской эпохи; удачны и сжаты, бѣглыя характеристики другихъ участниковъ этихъ событій. Немного портятъ впечатлѣніе курьезныя, и при томъ вовсе не нужныя, обобщенія, вродѣ того, что „у насъ нѣтъ ни школъ, ни судей, ни администраціи“, или что „русскій человѣкъ“ къ великимъ государственнымъ преобразованіямъ „имѣетъ органическую наклонность“.

Е. Бѣлявскій. Русскіе писатели по ихъ происхожденію и воспитанію. СПБ. 1909.

„Въ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы“, говоритъ авторъ—„мы находимъ свѣдѣнія о каждомъ выдающемся писателѣ: гдѣ онъ родился, кто были его родители, каково было его воспитаніе въ дѣтствѣ и затѣмъ школьное и послѣ-школьное образованіе, такъ какъ всѣ эти данныя въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ возможность появленія писателя, или же объясняютъ его литературное направленіе; но мы еще не встрѣчали въ нашей литературѣ сочиненія или статьи, посвященной группировкѣ и сравнительному анализу этихъ біографическихъ данныхъ, между тѣмъ какъ это имѣетъ свой живой интересъ и содѣйствуетъ пониманію исторіи литературы“. Тема, безспорно, очень интересная и благодарная, хотя трудная. Авторъ привлекъ къ дѣлу довольно обильный, но для обезпеченія вѣрности наблюденій все-таки недостаточный по количеству матеріалъ, при томъ далеко не провѣренный. Пропусковъ и ошибокъ много. Изъ воспитанниковъ таганрогской гимназіи названъ только Н. Ѳ. Щербина, и не названъ Чеховъ. Говоря о наслѣдственности таланта, авторъ находитъ, что „литературные таланты переходятъ иногда какъ бы (?) по наслѣдству или по родственнымъ семейнымъ преданіямъ (!)“, и ссылается на Княжнина, зятя Сумарокова, и Воейкова, женатаго на племянницѣ Жуковскаго. Неужели авторъ думалъ, что литературный талантъ перешелъ къ нимъ вмѣстѣ съ женинымъ приданымъ? Но и прослѣженныхъ авторомъ данныхъ было достаточно для того, чтобы подкрѣпить нѣкоторые общіе выводы, дѣйствительно имѣющіе значеніе. „Первоклассные писатели происходятъ только изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ коренное населеніе государства, гдѣ живы народные идеалы, гдѣ силенъ патріотизмъ... Главнымъ литературнымъ центромъ Россіи служитъ Москва... Въ историческомъ же своемъ развитіи наше литературное движеніе шло не отъ центра къ окраинамъ, а наоборотъ, пока надолго совсѣмъ не сосредоточилось въ центрѣ,—но въ послѣднее время оно опять перешло къ окраинамъ, и при томъ къ окраинамъ западнымъ, самымъ непроизводительнымъ въ литературномъ отношеніи, что послужило одною изъ причинъ современнаго упадка литературы... Только тѣ школы плодовиты замѣчательными писателями, въ которыхъ, какъ и въ семьѣ, глубоки національныя начала, и силенъ литературный интересъ“. Значеніе этихъ выводовъ, конечно, должно быть сильно ослаблено тѣмъ соображеніемъ, что они основаны единственно на географическихъ и этническихъ данныхъ, независимо отъ общей исторіи народной жизни.

Н. Л.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпуски II и III. Москва. Изданіе „Научнаго Слова“. 1908—1910.

Не всякому читателю посовѣтуешь взять въ руки книгу извѣстнаго московскаго критика, несмотря на доступность и яркость ея изложенія. Послѣднее слово, пожалуй, и не совсѣмъ точно: это не яркость, а ярость краснорѣчія, какая-то Ніагара блещущихъ фразъ,

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки.

Николай Петровичъ
Колюбакинъ

(Собственность Б. М. Колюбакина).

Баронъ Шеппингъ
Офицеръ Л.-Гв. Коннаго полка,
другъ графа Бенкендорфа
спасшій ему жизнь.

(Изъ собраній Б. М. Колюбакина).

Гр. Константинъ Константиновичъ
Бенкендорфъ

(Изъ собраній Б. М. Колюбакина).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1911 годъ.

Вступая въ 1911 году въ сорокъ второй годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1911 году: **А. Ѳ. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“.—„Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**—В. С. Печеринъ въ перепискѣ съ И. С. Гагаринымъ. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается: Островскаго, Полонскаго, Писемскаго, Гайдебурова, Юрьева, Елисѣева, Щелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Крылова, Чичерина, Муромцева, Стороженко, Бунге, Делянова, Боголюбова, Побѣдоносцева, Витте и др. **А. А. Мазонъ**—Къ освященію цензорской дѣятельности И. А. Гончарова (неизданные матеріалы). **А. Лебедевъ**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій. **П. Л. Юдинъ**.—Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ. **Е. А. Лехачевскій**.—Первообразъ русскаго народа. Графа А. К. Толстого. **А. И. Слезскинскій**.—Тайный другъ Пушкина. **М. Васильевой**.—Записки крѣпостной. **Л. Н. Любимова**.—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **А. Синицина**.—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріяшевой**.—Воспоминанія стараго педагога. **В. В. Шереметевскаго**.—Басурманская неволя. **Де Ливрона**.—Изъ воспоминаній о плаваніи на клиперѣ „Стрѣлокъ“. **Г. А. Данилова**.—Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Ѳ. Г. Тернера**. Воспоминанія жизни (о Вышнеградскомъ, Витте, Рейтернѣ, Іониннѣ, гр. А. А. Ливенѣ, гр. Валуевѣ, Горемыкинѣ, И. Н. Дурново, Сипягинѣ, Ванновскомъ, гр. К. И. Паленѣ, К. К. Гротѣ, М. Н. Анненковѣ, гр. Л. Н. Толстомъ, А. Г. Рубинштейнѣ, Айвазовскомъ, Захарьинѣ, ст. секр. Безобразовѣ, гр. А. А. Толстой, Е. А. Нарышкиной, кн. Ек. Радзивиллъ, Бисмаркѣ и др.). **И. Лаврентьевой**.—Другъ дѣтей.—Изъ жизни Е. М. Бемъ.—Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ. Т. П. Пассекъ. **Е. А. Альбовскаго**.—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **Д. Перскій**.—Новый директоръ. Міокотисанъ. На абордажѣ. **М. В. Безобразовой**.—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **Ф. Д. Филоненко**.—Изъ подольской старины. (Изъ быта духовенства). „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой**. **Н. Раевскій**.—Къ постройкамъ стараго Петербурга. **А. И. Сергѣева**. — Изъ быта духовенства. **Е. А. Рагозиной**.—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліотта, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Митхадъ-п., Османъ-п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **А. Е. К.**—М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. **И. И. Оноре**.—11 лѣтъ въ театрѣ (о Вагнерѣ, Сѣровѣ, Ларошѣ и др.). **А. А. Чебышева**.—Письма П. А. Катенина—И. А. Бахтину и много другихъ историческихъ изслѣдованій и воспоминаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

БИБЛІОТЕКА
при
Подотдѣлѣ Русской Управы

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XI [1]).

Мысленное обращеніе къ моей почти сорокапятилѣтней судебной службѣ (съ 17 апрѣля 1866 г.) вызываетъ предо мною длинный рядъ образовъ. Въ памяти проходятъ личности судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора, судей, защитниковъ, свидѣтелей, свѣдущихъ людей и различнаго ранга администраторовъ. „Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten“, могъ бы сказать и я... Я говорилъ уже о *мировыхъ судьяхъ* [2]). Обращусь теперь къ *судебнымъ слѣдователямъ*.

Предъ самымъ введеніемъ судебной реформы въ Казанской губерніи я былъ назначенъ прокуроромъ Самарскаго окружнаго суда и, не успѣвъ еще выѣхать изъ Петербурга, былъ переведенъ въ Казань на ту же должность съ возложеніемъ на меня обязанностей и губернскаго прокурора впредь до закрытія судебныхъ мѣстъ стараго устройства. Работы было очень много, но дѣлалась она съ любовью и большимъ увлеченіемъ. Нѣкоторыя изъ лицъ Казанскаго общества говорили мнѣ впослѣдствіи о томъ удивленіи, съ которымъ они замѣчали, проѣзжая далеко за полночь по пустынной Воскресенской улицѣ, свѣтъ въ окнахъ оффиціальнаго прокурорскаго кабинета въ нижнемъ этажѣ окружнаго суда, гдѣ я работалъ почти безвыходно. Имъ было невѣдомо и непонятно то восторженное настроеніе, съ которымъ молодые судебные дѣятели приступали къ святому дѣлу

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1909 г.
[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1909 г. № 4.

реформы, когда интересовала каждая мелочь, когда волна солидарнаго одушевленія дѣлала всякую работу пріятной и когда, поэтому, говоря словами поэта, „каждый гвоздикъ вбивался съ любовью".

Одной изъ важныхъ заботъ по введенію реформы было образованіе состава судебныхъ слѣдователей изъ тѣхъ, которыхъ мы нашли на мѣстахъ, дѣйствующими по Наказу 1860 года.

Этотъ Наказъ составилъ несомнѣнно огромный шагъ впередъ противъ архаическихъ порядковъ производства слѣдствія по II ч. XV тома Свода Законовъ, порядковъ, пропитанныхъ насквозь безцѣльной и отяготительной канцелярской формалистикой и отражавшихъ на себѣ, въ существенныхъ частяхъ, систему предустановленныхъ доказательствъ. Слѣдователи стараго времени, т. е. полицейскіе чины, производившіе предварительное изслѣдованіе, не могли не быть связаны—даже и при доброй волѣ и желаніи вести дѣло внѣ всякихъ постороннихъ соображеній—представленіемъ о томъ, что ихъ работа будетъ обсуждаться келейно и по докладу секретарей въ цѣломъ рядѣ судебныхъ инстанцій, восходя въ нихъ по аппелляціи и на ревизію, при чемъ косвеннымъ уликамъ, играющимъ такую важную роль въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, будетъ удѣлено самое малое вниманіе, оцѣнка же свидѣтельскихъ показаній будетъ произведена на основаніи правилъ о *совершенныхъ* и *несовершенныхъ* доказательствахъ. А послѣднія требовали признанія негодными показаній „иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно", людей, „тайно портившихъ межевые знаки", и людей, признанныхъ по суду *„явными прелюбодѣями"*. Эти слѣдователи знали, что ихъ подчасъ очень трудная работа въ концѣ-концовъ приведетъ, въ большинствѣ случаевъ, къ явному уклоненію отъ правосуднаго рѣшенія въ формѣ *оставленія въ подозрѣніи*, которое,—несмотря на вопіющую иногда обстановку преступленія и краснорѣчіе совокупности уликъ—можетъ быть обращено въ обвинительный приговоръ лишь при наличности собственнаго признанія обвиняемаго, считаемаго, по выраженію закона, „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта". Это „лучшее доказательство" служило не разъ большимъ соблазномъ для производившихъ слѣдствія и толкало ихъ на различныя злоупотребленія, о которыхъ я подробно говорилъ въ описаніи жизни и дѣятельности знаменитаго Московскаго губернскаго прокурора Д. А. Ровинскаго [1]).

Наказъ судебнымъ слѣдователямъ 1860 г. имѣлъ большія достоинства. Онъ создавалъ новую должность, не связанную органически съ полиціей (въ столицахъ слѣдователи назывались приставами слѣдственныхъ дѣлъ) и освобождалъ дѣятельность

[1]) Очерки и воспоминанія. С.-Петербургъ. 1906 г. стр. 521—624.

лицъ, занимавшихъ эту должность, отъ ряда стѣснительныхъ формальностей, отнимавшихъ массу времени не только безъ пользы, но и со вредомъ и для дѣла, и дня лишаемаго свободы обвиняемаго. Но если Наказъ составлялъ шагъ впередъ, то судъ по-прежнему стоялъ на мѣстѣ, и въ этомъ ихъ противорѣчіи состоялъ главный недостатокъ отправленія уголовнаго правосудія, требовавшій не палліативныхъ, а радикальныхъ мѣръ, нашедшихъ себѣ затѣмъ выраженіе на страницахъ Судебныхъ Уставовъ. Это особенно ясно сознавали молодые пристава слѣдственныхъ дѣлъ къ которымъ въ Петербургѣ принадлежали многіе изъ будущихъ видныхъ дѣятелей обновленнаго суда, какъ напр. С. Ф. Христіановичъ, П. Я. Александровъ, А. Н. Турчаниновъ и др. Они дѣятельно готовились къ воспріятію на практикѣ новыхъ судебныхъ порядковъ, и въ ихъ средѣ образовался кружокъ, послужившій зерномъ будущаго юридическаго общества. Здѣсь изучались пріемы западно-европейскаго гласнаго и устнаго процесса, свободнаго отъ предустановленныхъ доказательствъ и направленнаго къ созданію рѣшенія, основаннаго на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти. Здѣсь, между прочимъ, былъ подробно пересмотрѣнъ и освѣщенъ громкій процессъ жены инспектора студентовъ Кіевскаго университета Дудниковой, обвиняемой въ убійствѣ мужа, и рѣшенъ на основаніи косвенныхъ уликъ иначе, чѣмъ это было сдѣлано отживавшимъ свой вѣкъ уголовнымъ судомъ. Въ провинціи однако старая закваска была еще довольно сильна и поэтому введенію судебной реформы должна была предшествовать тщательная провѣрка силъ, способностей и пріемовъ наличныхъ судебныхъ слѣдователей.

Для этого требовалась тщательная ревизія, о результатахъ которой прокуроръ судебной палаты долженъ былъ представить докладъ министру юстиціи. Производство ревизій по отдѣльнымъ уѣздамъ и участкамъ слѣдователей въ Казанской губерніи прокуроръ палаты возложилъ на меня и нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей. Мнѣ пришлось побывать въ теченіе октября 1870 года въ Козьмодемьянскомъ, Свіяжскомъ, Лаишевскомъ, Чистопольскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ.

Въ общемъ—слѣдователи переходной формаціи оказались людьми добросовѣстными, знающими и трудолюбивыми. Пришлось признать неподходящими лишь двухъ, опустившихся подъ вліяніемъ жизни въ глухомъ городкѣ и засосанныхъ провинціальной тиной. Ознакомленіе съ дѣлами ихъ производства напомнило мнѣ то мѣсто изъ „Тюрьмы и ссылки“ Герцена, въ которомъ онъ описываетъ заголовки дѣлъ, найденныхъ имъ въ губернаторской канцеляріи и въ губернскомъ правленіи въ Вяткѣ, между которыми оказались „дѣло о по-

терѣ неизвѣстно куда дома волостного правленія и объ изгрызеніи плана онаго мышами", „дѣло о потерѣ двадцати двухъ казенныхъ оброчныхъ статей (около пятнадцати верстъ)" и „дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василія въ женскій полъ". Такъ у одного изъ обревизованныхъ мною судебныхъ слѣдователей я нашелъ дѣла „о чародѣйствахъ крестьянина Андреева" и „о прелюбодѣяніи крестьянина Ѳедорова съ трехмѣсячной телицей", а у другого дѣла „о произнесеніи похвальныхъ словъ", „объ отнятіи кафтана", „о происшествіи, заключающемся изъ преждевременныхъ родовъ", „о намѣреніи крестьянина Сарафутдинова зарѣзать жену", „о сомнительномъ причиненіи смерти" и „о крестьянинѣ Василій Шалинѣ, обвиняемомъ въ нанесеніи волостному старшинѣ кулаками буйства на лицѣ".—У одного изъ ревизуемыхъ слѣдователей нашлось среди множества запущенныхъ производствъ дѣло о дракѣ крестьянина Н. съ мѣщаниномъ М. „Что же тутъ? спросилъ я его: смерть? увѣчье? раны?" Онъ посмотрѣлъ на меня растерянным взглядомъ и затѣмъ пытливо уставился на сидѣвшаго съ угрюмымъ видомъ за отдѣльнымъ столикомъ письмоводителя, который, очевидно, ближе былъ знакомъ съ дѣлами, чѣмъ самъ слѣдователь. — „Этого обстоятельства нѣтъ", отвѣтилъ тотъ, обращаясь ко мнѣ.—„Такъ почему же это дѣло въ вашемъ производствѣ?" Слѣдователь опять вопросительно посмотрѣлъ на письмоводителя. Взломъ!—произнесъ тотъ вразумительно.—Да, да,—заторопился слѣдователь:—драка была со взломомъ. — Удивившись такой квалификаціи преступнаго дѣянія, подсуднаго въ простомъ своемъ видѣ мировому судьѣ, а не общимъ судамъ, я сталъ разсматривать производство. Оказалось, что обвиняемый хотѣлъ побить потерпѣвшаго и приступилъ къ исполненію своего намѣренія, но послѣдній вырвался и заперся въ отхожемъ мѣстѣ,—однако вошедшій во вкусъ кулачной расправы обвиняемый выломалъ дверь „мѣста уединенныхъ размышленій" и тамъ паки побилъ укрывающагося. Слѣдователь, или, вѣрнѣе, его письмоводитель нашелъ здѣсь наличность взлома, и такъ какъ кража со взломомъ подсудна общимъ судамъ, то по аналогіи призналъ, что „драка со взломомъ" должна подлежать преслѣдованію тѣмъ же путемъ.

Въ другомъ, гораздо болѣе серьезномъ случаѣ, въ одномъ приволжскомъ городѣ, у чрезвычайно развязнаго и франтоватаго слѣдователя, — „души" мѣстнаго общества — я нашелъ огромныя залежи дѣлъ, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ оставались безъ производства около четырехъ лѣтъ. Между ними оказалось озаглавленное весьма странно: „*О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ*". — Что это за преступленіе? спросилъ я у слѣдователя. — А право не помню, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ обезоружи-

вающею откровенностью — надо посмотрѣть. Я еще не всѣ дѣла пересмотрѣлъ, принятыя отъ предмѣстника. Вѣроятно, какой-нибудь вздоръ.—Однако, позвольте, вѣдь вздоръ-то этотъ въ очень толстомъ томѣ.—И я взялъ дѣло съ собою, разсмотрѣлъ его подробно и пришелъ въ ужасъ. Оказалось, что за четыре года передъ этимъ, на Волгѣ, противъ одного изъ прибрежныхъ селеній, была дѣйствительно усмотрѣна стоящая на якорѣ кладнушка, т. е. маленькое, полупалубное судно, одно изъ тѣхъ, въ которыхъ некрупные торговцы въ то время развозили свой товаръ, имѣя въ качествѣ экипажа обыкновенно одного работника. Такъ какъ на кладнушкѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было замѣчено никакихъ признаковъ жизни, то нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ поѣхали полюбопытствовать, что это значитъ,—и нашли кладнушку пустою, товаръ разграбленнымъ, мѣдныя деньги изъ сундучка, въ которомъ, очевидно, хранилась выручка, разсыпанными, а на палубѣ топоръ съ окровавленнымъ обухомъ и потоки застывшей крови. Было ясно, что совершено убійство одного или двухъ человѣкъ и ограбленіе хозяина кладнушки, и что убійца или убійцы скрылись, воспользовавшись привязаннымъ къ кладнушкѣ челнокомъ. Началось дознаніе и слѣдствіе, въ города Волги и Камы было дано знать, возникла обширная переписка, и черезъ два мѣсяца въ Перми была арестована женщина-укрывательница, выдавшая работника убійцу и его сообщника, при чемъ послѣдній сознался. Всѣ трое были заключены подъ стражу въ Перми, а протоколъ ихъ допроса препровожденъ „душѣ общества“, только что вступившему въ завѣдываніе слѣдственнымъ участкомъ. На дѣлѣ была сдѣлана идиллическая надпись: „О кладнушкѣ, усмотрѣнной на Волгѣ“, и оно пролежало безъ движенія четыре года.

Самымъ слабымъ изъ тѣхъ слѣдователей, которыхъ я признавалъ необходимымъ оставить и при новыхъ судахъ, былъ старикъ Маруто-Суколъ-Краснопольскій, которому оставалось до пенсіи всего три года. Онъ съ педантической точностью исполнялъ всѣ предписанія старой слѣдственной практики, писалъ огромныя постановленія по формѣ, установленной для рѣшеній старыхъ судовъ, при чемъ обычныя слова „слушали“ и „приказали“ (а послѣ „приказали“ снова излагалось все то, что „слушали“) замѣнялъ лишь словами „разсматривалъ“ и „постановилъ“. Онъ велъ допросы по пунктамъ и составлялъ архаическую дневную записку. Мало даровитый, но честный труженикъ, онъ смотрѣлъ на судебную реформу, какъ на грозную тучу, способную потрясти и матеріально разрушить его личное, семейное и служебное положеніе почти наканунѣ заслуженнаго отдыха. Это невольно сказывалось въ его тревожныхъ

окольныхъ разспросахъ, въ которыхъ звучалъ затаенный страхъ не быть командированнымъ къ исполненію обязанностей слѣдователя при новомъ судѣ. Я старался его успокоить, какъ могъ, откровенно указалъ ему на „les défauts de ses vertus“ и просилъ его въ остающееся до открытія новаго суда время изучить новые пріемы производства и приспособиться къ нимъ. Мы разстались оба успокоенные за его судьбу, и я въ своемъ представленіи прокурору палаты, не скрывши нѣкоторой медлительности работы Маруто, тѣмъ не менѣе горячо рекомендовалъ его оставить и при новыхъ назначеніяхъ, съ чѣмъ первый и согласился. Человѣкъ съ тонкимъ умомъ, остроумный и обворожительный въ обращеніи, покоритель не только женскихъ, но и мужскихъ сердецъ, искусный мастеръ умѣть заставлять другихъ работать, знатокъ условій и отношеній провинціальной жизни, бывшій по прежней административной службѣ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ-Щедринымъ, прокуроръ палаты не былъ однако склоненъ поступаться личными или служебными интересами во имя чужихъ нуждъ и осуществлялъ на практикѣ правило о томъ, что „la charité bien comprise commence par soi-êmme“, облекая проведеніе этого начала въ форму изысканной любезности. Такъ случилось и по отношенію къ бѣдному Маруто. Представленіе министру о назначеніи признанныхъ по ревизіи годными слѣдователей и объ оставленіи за штатомъ непригодныхъ было уже готово къ отсылкѣ, когда пришло письмо вліятельнаго и „нужнаго“ правителя канцеляріи Министерства Юстиціи Бурлакова, съ просьбою дать одну изъ вакансій слѣдователя по Казанской губерніи его протеже, имѣвшему, впрочемъ, на такую должность формальныя права и оказавшемуся впослѣдствіи человѣкомъ весьма дѣльнымъ. Властною рукою прокурора палаты бѣдный старикъ былъ перенесенъ въ списокъ оставляемыхъ за штатомъ, а на мое усиленное заступничество послѣдовалъ отвѣтъ: „Ну, что же дѣлать? Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ! Нужна вакансія“. Черезъ три мѣсяца послѣ открытія судовъ мнѣ пришлось участвовать въ особомъ присутствіи губернскаго правленія при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей бывшаго слѣдователя Маруто-Суколъ-Краснопольскаго, впавшаго въ мрачную меланхолію. Я не могъ невольно не припомнить этой тягостной картины, когда лѣтъ черезъ десять мнѣ пришлось навѣстить дровосѣка, отъ рубки котораго пострадала эта щепка, уже сенатора, умиравшаго въ мрачномъ отчужденіи отъ людей съ душевной раной, причиненной смертью любимой дочери.

Производя эту ревизію, я осматривалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тюремныя помѣщенія и въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ былъ пораженъ

состояніемъ тюремнаго замка, представлявшаго собою сырую и мрачную, обветшалую каменную постройку, окруженную высокимъ тыномъ изъ заостренныхъ кольевъ. Внутри было темно, до крайности тѣсно и безъ всякихъ приспособленій для мало-мальски гигіенической обстановки. Традиціонная параша, вносимая въ камеры на ночь, составляла необходимую принадлежность послѣднихъ. Арестанты имѣли удрученный и болѣзненный видъ. Въ общей женской камерѣ воздухъ былъ таковъ, что, какъ говоритъ нашъ простой народъ, въ немъ можно было топоръ повѣсить. Всѣ жаловались на дурное качество пищи и въ особенности на ея отталкивающее однообразіе. На мои замѣчанія смотритель и исправникъ только переглядывались, а директоръ мѣстнаго тюремнаго комитета безнадежно пожималъ плечами и говорилъ вполголоса: „нѣту средствъ". Затѣмъ пришлось посѣтить помѣщеніе для приговариваемыхъ мировыми судьями къ аресту. Старинный дворянскій домъ-особнякъ, съ тоже традиціонными львами по бокамъ воротъ, выкрашенными въ темно-зеленую краску, состоялъ изъ ряда большихъ свѣтлыхъ комнатъ, въ которыхъ просторно были размѣщены кровати со столиками, графинами для воды и прочими принадлежностями. На стѣнахъ были развѣшены раскрашенныя литографированныя картинки изъ русской исторіи. Въ ванной комнатѣ было устроено нѣчто въ родѣ душа; на каждой постели лежалъ зимній и лѣтній халатъ и стояли двѣ пары туфель легкихъ и теплыхъ. Но прекрасное помѣщеніе это было пусто. Мѣстное населеніе, состоявшее въ значительной части изъ луговыхъ черемисъ, жившихъ въ жалкихъ курныхъ избахъ и страдавшихъ отъ этого по большей части глазами,—выходившихъ на охоту въ то время еще съ лукомъ и стрѣлами, давало небольшое количество арестуемыхъ. Поэтому лѣтомъ прекрасное помѣщеніе нерѣдко подолгу пустовало и принимало срочныхъ жильцовъ только съ осени. Контрастъ между обоими помѣщеніями для лишенія свободы и между послѣднимъ изъ нихъ и обычной житейской обстановкой большинства приговариваемыхъ невольно бросался въ глаза. На вопросъ мой попечителю арестнаго дома, видимо чрезвычайно довольному собою и показанною мнѣ обстановкой, о томъ, не соблазняютъ ли къ побѣгу окна нижняго этажа, отстоящія фута на два отъ земли и свободно раскрываемыя настежь, онъ отвѣчалъ мнѣ, что первоначально хотѣли сдѣлать въ окнахъ рѣшетки, но потомъ оставили эту мысль, потому что видъ рѣшетки производилъ бы непріятное впечатлѣніе на заключенныхъ, напоминая имъ, что они лишены свободы. „Помилуйте, господинъ прокуроръ,—вмѣшался смотритель, добродушный старичокъ изъ отставныхъ военныхъ—какія тутъ рѣшетки: никто и такъ не убѣ-

житъ! Имъ тутъ первое время точно что не по себѣ, никакъ ихъ къ этимъ нашимъ устройствамъ не пріучишь, ну, а потомъ, какъ обживутся, такъ ничѣмъ ихъ отсюда не выкуришь. Отсидитъ свой срокъ, объявишь ему, а онъ уходить и не думаетъ. Нѣкоторыхъ даже силою выдворять приходилось, особливо если въ серединѣ зимы". Нѣсколько лѣтъ спустя лицо, имѣвшее случай просмотрѣть журналы особой комиссіи, завѣдывавшей въ Петербургѣ постройкой дома предварительнаго заключенія, увѣряло меня, ручаясь за достовѣрность, что въ одномъ изъ этихъ журналовъ очень крупный расходъ на устройство большихъ и красивыхъ итальянскихъ оконъ, выходящихъ по фасаду на Захарьевскую улицу, оправдывался между прочими соображеніями и тѣмъ, что при отсутствіи такихъ оконъ зданіе будетъ *напоминать тюрьму*...

Во время той же поѣздки я имѣлъ оригинальную встрѣчу. При посѣщеніи одного изъ приволжскихъ уѣздныхъ городовъ мнѣ пришлось познакомиться съ мѣстнымъ исправникомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, но сохранившимъ большую физическую и умственную свѣжесть. И онъ, и его домашняя обстановка произвели на меня хорошее впечатлѣніе... Уѣзжая вечеромъ на пароходѣ, куда онъ пріѣхалъ меня проводить, я выразилъ ему удовольствіе, что имѣлъ случай лично съ нимъ познакомиться. „Да вы уже со мной знакомы,—сказалъ онъ, весело улыбаясь—вы обо мнѣ, конечно, читали—и на мой вопросительный взглядъ продолжалъ:—вы у Щедрина, конечно, читали въ „Губернскихъ Очеркахъ". Изволите помнить: исправникъ Фейеръ? Вотъ тотъ самый, который, когда для оффиціальнаго обѣда рыбу, подходящую по росту и наружности, подобрать не могутъ, говоритъ рыбаку: „да ты рыбакъ или нѣтъ?—Да рыбакъ, это точно.—Ну, а начальство знаешь?—Какъ не знать, знаю.—Ну, слѣдовательно... и нашлась именно такая рыба, какую нужно. Такъ вотъ этотъ Фейеръ—я и есть! Я прежде въ Вятской губерніи служилъ, ну Михаилъ Евграфовичъ меня и описалъ, только фамилію чуть-чуть измѣнилъ. Давно это было, лѣтъ двадцать прошло, другія времена были. Счастливаго пути"!..

Служа въ провинціи, я вынесъ о судебныхъ слѣдователяхъ Казанскаго и Харьковскаго окружныхъ судовъ самое лучшее воспоминаніе. Судебный слѣдователь по Судебнымъ Уставамъ 1864 года облеченъ очень большою властью, поставленъ во многихъ отношеніяхъ въ положеніе независимаго судьи и имѣетъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ право не подчиняться предложеніямъ обвинительной власти, когда онъ съ ними несогласенъ. Все это въ связи съ тѣмъ, что должность слѣдователя поставлена въ нашей судебной іерархіи такъ, что на нее назначаются и въ особенности назначались сравнительно

молодые люди, могло давать поводы не только къ упрямому проведенію непогрѣшимости своихъ взглядовъ на дѣло и на личность обвиняемаго, но и къ тому, чтобы вино власти бросалось имъ въ голову, какъ это случалось впослѣдствіи съ земскими начальниками въ родѣ извѣстнаго Харьковскаго „кандидата правъ“ Протопопова и подобныхъ ему „кандидатовъ безправія“.

Но ничего подобнаго однако наблюдать мнѣ въ моей практикѣ не приходилось. Способности у слѣдователей были, конечно, различныя, но, за исключеніемъ одного,—Гераклитова, о которомъ я уже говорилъ въ воспоминаніяхъ о дѣлѣ серій [1]),—всѣ они были безпристрастными изслѣдователями дѣла и преданными, трудолюбивыми, безъ высокомѣрія и самолюбованія, слугами Судебныхъ Уставовъ, доказывая своею дѣятельностью, какъ мало было основаній къ предпринятому Министерствомъ Юстиціи упраздненію ихъ судейской несмѣняемости. Насъ объединяла общая работа и одинаковое желаніе служить дѣлу правосудія—и только ему. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я Казанскихъ слѣдователей—Г. П. Завьялова и И. В. Мѣщанинова (нынѣ сенатора перваго департамента), Харьковскихъ—Э. П. Фальковскаго, Н. Н. Языкова (впослѣдствіи предсѣдателя Курскаго окружного суда) и В. Е. Шопена—и благодарю судьбу, пославшую мнѣ совмѣстную съ ними работу. Не могу также не вспомнить своеобразнаго и добродушнаго судебнаго слѣдователя одного изъ маленькихъ городовъ Харьковской губерніи, человѣка уже немолодого, съ длинной бородой, тихимъ голосомъ и чрезвычайно медлительной рѣчью. Онъ былъ большой домосѣдъ, выѣзжалъ изъ дому исключительно по дѣламъ службы и производилъ слѣдствіе съ сердечной вдумчивостью и щепетильной добросовѣстностью. Провинціалъ до мозга костей, онъ, повидимому, не бывалъ въ жизни нигдѣ дальше двухъ ближайшихъ губернскихъ городовъ и былъ далекъ отъ всякой злобы дня. Когда лѣтомъ 1868 года въ Харьковъ прибылъ на ревизію министръ юстиціи графъ Паленъ, я, по его желанію, представилъ ему подробную характеристику судебныхъ слѣдователей моего участка и обратилъ его вниманіе на этого слѣдователя, какъ на наиболѣе заслуженнаго по годамъ службы и любви къ дѣлу. Познакомившись съ нимъ лично при проѣздѣ чрезъ уѣздный городъ, министръ раздѣлилъ мой взглядъ, и результатомъ этого было полученіе этимъ слѣдователемъ, совершенно имъ неожиданное, ордена св. Станислава, а вслѣдъ затѣмъ назначеніе членомъ вновь открытаго суда въ ближайшемъ округѣ. Черезъ пять лѣтъ, когда я былъ уже прокуроромъ Петербургскаго окружного суда, предо

[1]) „Русская Старина“ 1908 г.

мною неожиданно предсталъ мой Харьковскій уѣздный домосѣдъ и объявилъ мнѣ, что, вопреки своимъ привычкамъ, рѣшился пуститься въ путь, чтобы посмотрѣть Петербургъ, посовѣтоваться съ Боткинымъ и кстати прокатиться въ первый разъ въ жизни по желѣзной дорогѣ, при чемъ вся первая и значительная часть его медлительнаго разсказа состояла въ подробномъ описаніи устройства и спеціальныхъ свойствъ этого необычнаго для него способа передвиженія, а остальная была посвящена восторгамъ передъ Петербургомъ, конно-желѣзною дорогой, циркомъ съ клоунами и учеными собаками и въ особенности Пассажемъ, который въ вечерніе часы производилъ на него чарующее впечатлѣніе. Я просто не узнавалъ въ моемъ жизнерадостномъ посѣтителѣ стараго, усидчиваго и неотзывчиваго на все чуждое его спеціальности работника.

— Вы, вѣроятно, представитесь министру? спросилъ я его.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отвѣчалъ онъ мнѣ: я не затѣмъ пріѣхалъ сюда. Къ чему его безпокоить...

— И прекрасно дѣлаете. Ну, а у Боткина вы записались?

— Нѣтъ, зачѣмъ? такъ зайду какъ-нибудь, мимо идя...

— Ну, къ Боткину, мимо идя, заходить не приходится: у него надо записываться и иногда ждать недѣли по двѣ: до такой степени онъ занятъ.

— А у насъ въ NN это просто: зайдешь, застанешь, ну и посмотритъ, а то, коли не пожалѣть трехъ рублей, то и къ себѣ пригласишь.

— Нѣтъ, знаете ли что—я дамъ вамъ письмо къ Сергѣю Петровичу, и онъ вамъ, если возможно, назначитъ пріемъ внѣ очереди.

— Нѣтъ, что же его безпокоить? Я лучше у насъ дома посовѣтуюсь. Путешествіе меня оживило, и я себя чувствую очень хорошо. Въ особенности эта желѣзная дорога, ну да и Пассажъ: какіе магазины, какія нарядныя дамы!..

При разставаніи я далъ ему дружескій совѣтъ не очень,хотя бы и платонически, увлекаться Пассажемъ и собирающимся тамъ нарядным обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшить мнѣ предоставить ему возможность пріятно провести вечеръ. Съ большимъ трудомъ и за довольно высокую цѣну удалось мнѣ достать для него билетъ на кресло второго ряда въ Большомъ театрѣ, гдѣ въ то время плѣняла петербуржцевъ своимъ голосомъ итальянская дива Патти. Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтился мнѣ на Невскомъ, по-прежнему совершенно загипнотизированный прелестями Петербурга.

— Ну, какъ вамъ понравилась Патти?

— Какая Патти?

— Да развѣ вы не получили билета въ Большой театръ?

— Нѣтъ, какъ же!—получилъ, благодарю васъ. Какой удивительный театръ! Я себѣ представить не могъ: пять ярусовъ и какъ отдѣланы! И какая люстра огромная! Интересно бы знать, какъ ее зажигаютъ?

— Да, интересно, но Патти-то, Патти?

— Это которая же? Такая чернявая? Хороша, надо сознаться. Но знаете, у насъ въ городѣ, гдѣ я учился, была цыганка Стеша, такъ у той голосокъ былъ еще звонче. Я, бывало, еще гимназистомъ ходилъ ее слушать: въ дворянскомъ собраніи цыганскій хоръ пѣлъ. Нѣтъ, но я вамъ скажу, въ циркѣ! выходитъ клоунъ въ разноцвѣтномъ парикѣ, рожа вся мѣломъ вымазана и выводитъ онъ двухъ собакъ...

— Вы, вѣроятно, уже скоро ѣдете?

— Да, да, на этихъ дняхъ. Хочу только представиться завтра министру юстиціи; знаете, думаю, узнаетъ онъ, что я былъ въ Петербургѣ, и скажетъ: вотъ NN я какое вниманіе оказалъ, а онъ былъ въ Петербургѣ и глазъ показать не захотѣлъ!

— Могу васъ увѣрить, что министръ этого не скажетъ: у него много болѣе важныхъ дѣлъ и время ему дорого. Да и откуда онъ можетъ узнать, что вы были въ Петербургѣ. А если бы и узналъ, то, повѣрьте, будетъ благодаренъ, что вы не пришли отнимать у него безплодно нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, знаете, все-таки лучше пойти: а вдругъ узнаетъ!— сказалъ онъ, задумчиво разглаживая длинную до чреслъ бороду, придававшую ему библейскій видъ.

На другой день въ мой прокурорскій кабинетъ, часа въ два дня, неожиданно пришелъ онъ и поразилъ меня своимъ видомъ. Въ его походкѣ, жестахъ, голосѣ, перешедшемъ въ прерывистый шопотъ, и въ полной безнадежности взора сказывалось глубокое душевное удрученіе. При этомъ лицо его съ выраженіемъ застывшаго испуга имѣло необычный и необъяснимый, съ перваго взгляда, видъ. Я усадилъ его въ кресло, далъ ему напиться воды, и онъ со вздохами и паузами повѣдалъ мнѣ слѣдующее: „я былъ сейчасъ у министра... онъ вышелъ и, обходя всѣхъ, остановился противъ меня и пристально на меня посмотрѣлъ... Я назвалъ себя... „Ахъ, вы членъ суда,—сказалъ онъ—я попрошу васъ остаться до конца пріема и приму васъ отдѣльно“... Вотъ, подумалъ я—ужъ извините—Анатолій Ѳедоровичъ говорилъ, что не нужно, а графъ мнѣ отдѣльную аудіенцію даетъ. Надо воспользоваться случаемъ, если спроситъ, не желаю ли чего? что ему сказать: товарища ли предсѣдателя или члена палаты? Конечно, члена судебной палаты лучше... Только ушли всѣ, представлявшіеся... Зовутъ меня въ кабинетъ министра. Вхожу, а онъ

идетъ мнѣ навстрѣчу, такой сердитый, да и говоритъ: „Вы, какъ членъ суда, должны знать правила службы. Развѣ вы не знаете, что гражданскіе чиновники не имѣютъ права носить бородъ? А вы такую бороду носите, что и данные вамъ знаки отличія не видны. И вы, и ваши товарищи должны подавать примѣръ уваженія законовъ, а не нарушать ихъ. Вы не хотите подчиняться дѣйствующимъ постановленіямъ, а я изъ-за васъ получаю непріятности. Прощайте, я больше ничего не имѣю вамъ сказать"... (Оказалось, что незадолго передъ тѣмъ, при проѣздѣ Императора Александра II черезъ Динабургъ, на станцію для встрѣчи явились мѣстные мировые судьи. Государь крайне не любилъ видѣть бороды у представляющихся ему лицъ, и борода получила право гражданства въ нашемъ служебномъ быту лишь послѣ его кончины. Увидѣвъ въ средѣ Динабургскихъ судей нѣсколько бородатыхъ лицъ, онъ прошелъ мимо, кратко и сильно выразивъ свое неудовольствіе, и, вѣроятно, при одномъ изъ ближайшихъ докладовъ графа Палена обратилъ его вниманіе на эту инсубординацію).—„Что же теперь дѣлать?—шепталъ умирающимъ голосомъ мой посѣтитель — теперь все погибло; на моей службѣ поставленъ крестъ"... и онъ съ огорченіемъ разводилъ руками. „Полноте, это все забудется очень скоро. Успокойтесь и поѣзжайте съ Богомъ домой. Я знаю, что вы, какъ судья, не поступитесь вашими убѣжденіями ни предъ какимъ гнѣвомъ, а тутъ такое мимолетное неудовольствіе министра вдругъ заставляетъ васъ падать духомъ! Вамъ вреденъ петербургскій климатъ. Вотъ и у Боткина вы не успѣли побывать! Уѣзжайте-ка по-добру, по-здорову, да и въ лицѣ вы измѣнились такъ, что просто стали неузнаваемы". Тутъ я пристально взглянулъ на него, чтобы провѣрить свои слова, и что же я увидѣлъ?! Библейская борода исчезла и вмѣсто нея отъ блѣднаго и разстроеннаго лица, почти до пояса тянулись длинныя, висячія бакенбарды и между ними свѣтился подбородокъ съ широкой дорожкой, свѣже присыпанной пудрой. „Когда это вы успѣли"?—подавляя невольную улыбку, спросилъ я несчастливца.—По выходѣ отъ министра,—скорбно отвѣчалъ онъ.—„Ужъ лучше бы до входа къ министру",—сказалъ я. Онъ безнадежно махнулъ рукой, и мы разстались. Конечно, его предположенія о гибели служебной карьеры не оправдались, и онъ скончался въ должности товарища предсѣдателя, оставивъ по себѣ добрую память.

Въ томъ же Харьковѣ, но почти уже черезъ тридцать лѣтъ, мнѣ пришлось познакомиться и работать еще съ однимъ мѣстнымъ слѣдователемъ. Это былъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ Марки. Воспоминаніе о тяжелой и чрезвычайно отвѣтственной работѣ по изслѣдованію причинъ и обстоятельствъ крушенія

17 октября 1888 года Императорскаго поѣзда между станціями Борки и Тарановка связано для меня съ личностью этого почтеннаго дѣятеля. Я встрѣтилъ въ немъ не только неустаннаго работника и отличнаго знатока своего дѣла, но и нелицемѣрнаго, искренняго и стойкаго слугу Судебныхъ Уставовъ, умѣвшаго, когда нужно, безъ задора, но съ твердостью постоять за достоинство своего званія и самостоятельность своихъ дѣйствій. А это подчасъ было нелегко при той переоцѣнкѣ нравственной цѣнности судебныхъ званій, которая тогда начинала сильно развиваться и выражалась въ перемѣщеніи центра тяжести судебной дѣятельности изъ суда въ прокуратуру. Положеніе Марки, которому пришлось вести это слѣдствіе несомнѣнной и глубокой важности, особенно усложнялось еще разнообразіемъ взглядовъ вліятельныхъ сферъ и начальствующихъ лицъ на свойства и характеръ причинъ необычайнаго крушенія. Одни стремились найти въ немъ непремѣнно и во что бы то ни стало признаки политическаго преступленія, не гнушаясь чужими иногда совершенно нелѣпыми доносами и собственными вымыслами ad hoc, не имѣвшими *ни*какой фактической подкладки;—другіе винили во всемъ исключительно людей, которые сопровождали Государя и Его семейство, и властное слово которыхъ могло ускорить движеніе поѣзда до опасныхъ размѣровъ;—третьи во всемъ обвиняли правленіе и управленіе Поляковской дороги, хищнически эксплоатировавшія все предпріятіе въ виду наступавшаго вскорѣ срока выкупа желѣзной дороги казною;—четвертые придавали всему характеръ простой несчастной случайности и, наконецъ, пятые, и въ томъ числѣ прокуроръ судебной палаты Закревскій, съ поспѣшной впечатлительностью переходили отъ одного взгляда къ другому,—неумѣстно, суетливо и самовластно впутывались въ распоряженія слѣдователя или, наоборотъ, въ случаяхъ, когда ихъ содѣйствіе было необходимо, не торопились съ нимъ, кутаясь въ тогу оскорбленнаго самолюбія. А между тѣмъ матеріалъ накоплялся громадный, и разнообразная экспертиза открывала все новыя и новыя области, требовавшія подробнаго изслѣдованія. Въ свое время я подѣлюсь съ моими читателями подробными воспоминаніями объ изслѣдованіи причинъ крушенія 17 октября 1888 года, теперь же—такъ какъ пришлось къ слову—могу лишь сказать, что крушеніе это было послѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, коренившихся въ общемъ неисполненіи своего долга должностными лицами и въ недобросовѣстности лицъ частныхъ. По выводу сложной экспертизы, произведенной цѣлой группой особо-свѣдущихъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ лицъ, крушеніе произошло отъ чрезмѣрной тяжести поѣзда при чрезмѣрной скорости на слабомъ пути, а основаніемъ къ такому заключенію послужило то, что, вопреки точнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ спе-

ціальнымъ правиламъ о *поѣздахъ чрезвычайной важности*, потерпѣвшій крушеніе поѣздъ состоялъ вмѣсто одиннадцати изъ двадцати двухъ шестиколесныхъ вагоновъ и вѣсилъ поэтому вдвое больше,—имѣлъ неудовлетворительный и портившійся въ пути автоматическій тормозъ,—не имѣлъ никакихъ приспособленій для сигнализаціи,—даже простой веревки между локомотивомъ и вагонами,—двигался со скоростью шестидесяти пяти верстъ въ часъ вмѣсто установленныхъ тридцати семи и шелъ двойною тягой, т. е. съ двумя паровозами, тоже вопреки правиламъ разнаго типа (пассажирскимъ и товаропассажирскимъ).—Это, стоившее многихъ жертвъ, крушеніе произошло на уклонѣ въ 0,013, тогда какъ для Европейской Россіи maximum уклона составляетъ 0,008, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ гнилыя шпалы удерживали въ себѣ костыли отъ расшитыхъ поѣздомъ рельсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ четырнадцать разъ слабѣе нормальнаго.

Судебному слѣдователю Марки приходилось проявлять безпристрастіе истиннаго судебнаго дѣятеля и свою дѣловую выдержку среди разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ настроеній, вліяній, совѣтовъ, намековъ и инсинуацій. Но онъ шелъ своимъ путемъ и дѣлалъ свое дѣло. По внѣшнему виду этого скромнаго человѣка трудно было при первомъ знакомствѣ опредѣлить его внутреннее содержаніе. Наружность его была довольно своеобразна. На его длинное туловище съ короткими ногами природа посадила голову въ непослушныхъ вихрахъ надъ глазами, смотрѣвшими въ разныя стороны, и дала лицо добраго сатира съ длинной и рѣдкой бородкой, завершивъ свою работу тѣмъ, что выростила у запястья рукъ еще пару кистей съ полнымъ комплектомъ маленькихъ уродливыхъ пальцевъ. Эти „дополнительныя“ руки, какъ какая-то опухоль, возвышались подъ рукавами и при поспѣшныхъ и сильныхъ движеніяхъ выглядывали на свѣтъ Божій. Къ этому присоединялась особая изысканность манеръ, соотвѣтствовавшая его французской фамиліи, и глухой, замогильный голосъ. Но въ этихъ косыхъ глазахъ свѣтились живой умъ и тонкая воспріимчивость, во впалой груди билось благородное, исполненное чувства долга сердце, и ни одна изъ его четырехъ рукъ, конечно, не подписала никогда ничего, за что этотъ достойный глубокаго уваженія судебный дѣятель могъ бы покраснѣть. Величайшею мечтою этого труженика, задавленнаго постоянною громадною работою, было полученіе мѣста члена судебной палаты, но его постоянно обходили, оставляя изнывать чуткой душою и слабымъ тѣломъ за тяжелой работой. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1902 году въ Харьковѣ во время визита его въ семью, у которой я остановился. Онъ

постарѣлъ, сталъ еще менѣе красивъ, и вторая пара рукъ какъ-то еще больше торчала подъ рукавами его форменнаго сюртука. Отойдя со мною въ сторону отъ гостей, онъ разсказывалъ упавшимъ голосомъ, какъ тяжко ему производить—при наличности самыхъ безцеремонныхъ мѣстныхъ давленій—слѣдствіе надъ несчастными въ своей темнотѣ, легковѣрномъ невѣжествѣ и нравственной одичалости крестьянами Богодуховскаго и Валковскаго уѣздовъ, привлеченными за участіе въ безпорядкахъ и уже жестоко наказанными розгами подъ личнымъ руководствомъ губернатора князя Оболенскаго, вскорѣ завершившаго свою служебную карьеру генералъ-губернаторствомъ въ Финляндіи. Тяжелые вздохи прерывали рѣчь добраго и безпристрастнаго человѣка, и въ глазахъ его свѣтилась изстрадавшаяся душа, оставившая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ навсегда свой необычный земной футляръ.

Со слѣдователями петербургскаго окружного суда мнѣ пришлось находиться въ служебныхъ отношеніяхъ почти въ теченіе десяти лѣтъ въ качествѣ товарища прокурора и прокурора, а затѣмъ по званію предсѣдателя суда. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, другіе давно оставили свою должность—„иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...“—но теплое чувство уваженія къ огромному большинству этихъ почтенныхъ дѣятелей живетъ въ моей душѣ и возникаетъ съ особой силой каждый разъ, когда я вспоминаю годы нашего совмѣстнаго служенія правосудію. Слѣдователей въ Петербургѣ было много: въ одной столицѣ было въ мое время пятнадцать слѣдственныхъ участковъ, да въ уѣздахъ шестнадцать, при чемъ камеры столичныхъ слѣдователей, сосредоточенныя въ зданіи окружного суда, давали возможность постоянныхъ личныхъ съ ними сношеній и освобождали отъ излишней переписки.

Петербургскіе слѣдователи были людьми различнаго темперамента, способностей и опыта, накопляемаго долголѣтней практикой. Совершенно избѣжать нѣкоторыхъ треній между ними и лицами прокурорскаго надзора было конечно невозможно, но я тщательно устранялъ изъ возникавшихъ разногласій элементъ личной обидчивости и рѣзкаго проявленія своихъ правъ, въ забвеніи своихъ обязанностей по отношенію къ общему дѣлу. Я храню у себя письмо, присланное мнѣ при оставленіи мною должности прокурора судебнымъ слѣдователемъ К. И. Ламанскимъ, старѣйшимъ по годамъ службы и наиболѣе авторитетнымъ представителемъ слѣдователей, назначенныхъ при самомъ открытіи Петербургскаго суда (ихъ было семь: Ламанскій, Веберъ, Штанге, Витали, Запольскій, Доморацкій,

Литературный фонд Московской об. библиотеки

Федоровъ и Лелонгъ), — письмо, въ которомъ онъ благодаритъ меня за то, что за все время моего прокурорства (почти пять лѣтъ) я „поддерживалъ съ ними добрыя и откровенныя отношенія“, и затѣмъ говоритъ, что „если и возникали иногда маленькія недоразумѣнія, то за послѣдовавшимъ съ вашей стороны ихъ устраненіемъ и разъясненіемъ мы получали только большее расположеніе и довѣріе къ вамъ“.—Большинство изъ нихъ неохотно мѣняло свою живую дѣятельность на званіе члена суда или на должность товарища прокурора, сроднясь со своими участками и съ тѣсно сплоченнымъ товарищескимъ кругомъ. Нѣкоторыхъ изъ *утвержденныхъ* слѣдователей перваго года судебной реформы не могли соблазнить никакія назначенія, и, достойно неся и осуществляя свою судейскую независимость, они и умерли, занимая должность именно такого слѣдователя, какого себѣ представляли и начертали составители Судебныхъ Уставовъ.

Вскорѣ послѣ введенія судебной реформы явилась необходимость въ учрежденіи сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ должности *судебнаго слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ*. Эти слѣдователи имѣли право производить слѣдствія, по предложенію министра юстиціи, — какъ главы прокурорскаго надзора — на пространствѣ всей Россіи, не стѣсняясь раіонами окружныхъ судовъ, при которыхъ впослѣдствіи—уже много лѣтъ спустя — явились и судебные слѣдователи *по важнѣйшимъ дѣламъ*, но только подсуднымъ тѣмъ судамъ, въ округѣ которыхъ совершено такое „важнѣйшее“ преступное дѣяніе. Учрежденіе должности слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ надо признать весьма удачнымъ. Отсутствіе участка, обыкновенно обремененнаго дѣлами, пустыми по существу, но отнимающими иногда довольно много времени, каковы, напримѣръ, дѣла о кражѣ со взломомъ и о третьихъ кражахъ,—возможность всецѣло отдаваться изслѣдованію одного или двухъ дѣлъ и сопряженная съ этимъ относительная свобода въ распоряженіи своимъ временемъ—даютъ слѣдователю возможность производить дѣла съ особой полнотою, тщательностью и вдумчивостью, вести ихъ быстро и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ преступнымъ дѣяніемъ въ средѣ причастныхъ къ слѣдствію лицъ. Въ рукахъ такого слѣдователя съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ находиться дѣла, требующія значительной предварительной подготовки и серьезнаго изученія тѣхъ или другихъ явленій, условій или ненормальностей общественной жизни. Такія дѣла, тѣсно связанныя съ цѣлымъ строемъ вещей или сложившимися порядками, попавъ къ участковому слѣдователю, тормозили бы движеніе другихъ дѣлъ и велись бы сами безъ полнаго посвященія имъ его

силъ и времени, страдая поэтому трудно поправимою неполнотою и промахами, неизбѣжными при массѣ непрерывной и мелочной текущей дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ особо-важнымъ дѣламъ, помимо обширныхъ и сложныхъ дѣлъ, напримѣръ, о злоупотребленіяхъ въ акціонерныхъ обществахъ и о преступленіяхъ должности, относятся изслѣдованія выдающихся злодѣяній кроваваго или безчеловѣчнаго характера, которыя глубоко волнуютъ и смущаютъ общество. Быстрое и энергическое ихъ производство успокаиваетъ встревоженное общественное мнѣніе, а скорая передача ихъ въ судъ и публичное ихъ обсужденіе кладетъ предѣлы разнорѣчивымъ толкованіямъ, вреднымъ, по своему возможному вліянію на присяжныхъ, для постановки спокойнаго и безпристрастнаго рѣшенія.

Первымъ судебнымъ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ при петербургскомъ окружномъ судѣ былъ назначенъ П. К. Гераковъ, опытный юристъ, соединявшій большія правовыя свѣдѣнія со спокойной твердостью своихъ всегда глубоко обдуманныхъ и строго безпристрастныхъ дѣйствій. Почти одновременно съ моимъ переходомъ изъ Казани въ Петербургъ на должность прокурора онъ былъ назначенъ членомъ петербургской судебной палаты, и мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось на первыхъ порахъ познакомиться съ двумя слѣдователями по особо-важнымъ дѣламъ совсѣмъ другого типа.

Въ одинъ февральскій день 1872 года ко мнѣ въ окружный судъ пожаловалъ судебный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ московскаго окружного суда Реутскій, считавшійся большимъ спеціалистомъ по дѣламъ о сектантахъ и глубокимъ знатокомъ ученія, обрядовъ и своеобразной писанной литературы „особо вредныхъ“ сектъ, къ каковымъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, скопцы и хлысты съ ихъ различными развѣтвленіями. Его знанія по этой части были несомнѣнно велики по объему, но едва ли были глубоки, существуя въ сыромъ видѣ, безъ яснаго ихъ анализа и вдумчиваго синтеза. Они пріобрѣтались урывками, по случайнымъ поводамъ и не были приведены въ систему. Изданная имъ книга „Люди Божьи и скопцы“ лучше всего это доказываетъ, представляя оригинальное соединеніе историческихъ данныхъ, оффиціальныхъ свѣдѣній, матеріаловъ судебнаго производства и собственныхъ измышленій, изложенныхъ въ беллетристической формѣ, въ видѣ бытовыхъ сценъ, разсказовъ и подробныхъ бесѣдъ основателей и главарей сектъ между собою, слышать которыя авторъ въ дѣйствительности, по времени и мѣсту, не могъ. Все это изложено безъ всякой внутренней перспективы, съ изображеніемъ на первомъ планѣ и существеннаго, и мелочного, а потому не оставляетъ въ читателѣ никакого цѣлостнаго представленія. Маленькій и сухой,

съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и впалыми глазами, со складомъ рѣчи, въ которомъ слышалась большая нервность, вѣчно занятый своею спеціальностью и только о ней и говорящій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, для котораго изслѣдованіе дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ обратилось въ своего рода охоту за этими сектантами. Въ сущности въ немъ судебный слѣдователь переродился въ горячаго и односторонняго обвинителя, ревниво охранявшаго непогрѣшимость своихъ выводовъ и ихъ практическаго приложенія.

Имѣвъ не разъ случай усомниться въ соотвѣтствіи его дѣйствій и распоряженій съ требованіями истиннаго правосудія, я неоднократно убѣждался въ его чрезвычайной любви къ дѣлу въ смыслѣ работы, въ которой онъ былъ неустаненъ, отдавая ей все свое время и не преслѣдуя—насколько я его понималъ—никакихъ личныхъ цѣлей. При нашихъ разговорахъ о дѣлахъ его спеціальности онъ со страстной настойчивостью высказывалъ такіе взгляды, что, мнѣ думается—рѣшись я назвать его въ глаза фанатикомъ, онъ съ напускною скромностью сказалъ бы, подобно Тургеневскому Михалевичу въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“: „увы! я еще не заслужилъ такого высокаго наименованія“.—Онъ прибылъ въ Петербургъ потому, что содержавшійся въ московскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Холоповъ оговорилъ цѣлый рядъ лицъ въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ, а также въ Петербургѣ въ принадлежности къ скопческой ереси, разсказывая, что, завлеченный въ эту секту, онъ присутствовалъ при радѣніяхъ скопцовъ и даже при наложеніи „большой и малой печати“. Многое изъ этого, по словамъ Холопова, происходило и въ знаменитомъ въ первой половинѣ XIX вѣка скопческомъ „кораблѣ“, въ домѣ на углу Озерного переулка и Знаменской улицы въ Петербургѣ, гдѣ въ двадцатыхъ годахъ жилъ основатель секты „батюшка-искупитель“ Селивановъ, и гдѣ его посѣщали, подъ вліяніемъ увлеченія Александра I мистицизмомъ, самые высшіе петербургскіе сановники. Производя обширное слѣдствіе по заявленію Холопова и сосредоточивъ слѣдственныя дѣйствія въ Москвѣ, Реутскій находилъ необходимымъ лично произвести обыски въ Петербургѣ у цѣлаго ряда лицъ, содержавшихъ, главнымъ образомъ, мѣняльныя конторы. Эти обыски должны были подтвердить указаніе Холопова на то, что обыскиваемые не только оскоплены, но и горячо распространяютъ свои вредныя заблужденія, пріобрѣтая угрозами и лаской, деньгами и обѣщаніемъ выгодъ новыхъ адептовъ, надъ которыми совершаютъ свои изувѣрные обряды. Обыски эти представлялись дѣломъ сложнымъ, требовали содѣйствія полиціи и, по настойчивому желанію Реутскаго, присутствія лицъ мѣстнаго прокурорскаго надзора. Каждый разъ, когда онъ лично обращался

ко мнѣ о командированіи товарища прокурора, я спрашивалъ его о результатахъ произведеннаго обыкновенно наканунѣ обыска. „Самые блестящіе,—говорилъ онъ мнѣ съ особымъ удовольствіемъ—улики несомнѣнныя.—Что же найдено?—Да все, что нужно, всѣ доказательства принадлежности къ ереси: портреты Петра III, изображеніе Іоанна Крестителя съ агнцемъ, иконы съ „безбородыми“ угодниками, платочки съ крапинками, песокъ съ могилъ Селиванова и Шилова и т. п.—Ну, а что далъ вчерашній обыскъ? спросилъ я его однажды.—О! это несомнѣнный скопецъ,—уклончиво отвѣчалъ онъ—и изъ самыхъ вредныхъ.—Что же вы нашли у него?—Ничего не нашли.—Чѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ, изобличается, если у него ничего не найдено?—Если ничего не найдено,—наставительно сказалъ мнѣ Реутскій,—это еще не имѣетъ рѣшающаго значенія: это тольно значитъ, что онъ хорошо спряталъ то, что его изобличаетъ“... Мнѣ невольно вспомнился при этомъ выступъ на Базельскомъ мосту черезъ Рейнъ, съ котораго, по рецепту знаменитаго „Malleus maleficarum“, бросали въ воду, со связанными руками, женщинъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ Сатаною, при чемъ если таковыя выплывали, то это служило доказательствомъ ихъ связи съ дьяволомъ и влекло ихъ на костеръ, а если не выплывали, то... не выплывали.

За обысками послѣдовали привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ, очныя ставки съ привезеннымъ изъ Москвы Холоповымъ,—чахоточнымъ человѣкомъ, съ довольно подозрительною и чрезвычайно однообразной подробностью повторявшаго свои заявленія и никогда не смотрѣвшаго въ глаза,—и наконецъ, цѣлый рядъ освидѣтельствованій мужчинъ и женщинъ на предметъ опредѣленія, есть ли печать и какая—малая или большая. По поводу послѣднихъ дѣйствій я вынужденъ былъ причинить Реутскому большое огорченіе. Ободренный предполагаемой имъ *успѣшностью* обысковъ и исчернавъ въ этомъ отношеніи все, что можно, онъ со страстностью и, если можно такъ выразиться, дѣловою ненасытностью перешелъ къ освидѣтельствованіямъ. Въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой дать ему предложеніе о производствѣ освидѣтельствованія всѣхъ женщинъ, проживавшихъ въ большомъ трехъэтажномъ домѣ, на одномъ изъ угловъ тогдашней Ямской улицы около Лиговки, такъ какъ онъ подозрѣвалъ, по нѣкоторымъ намекамъ и неопредѣленнымъ воспоминаніямъ Холопова, что въ этомъ домѣ помѣщается тоже скопческій корабль или нѣчто въ родѣ скопческаго женскаго монастыря. Напомнивъ ему, что онъ совершаетъ отдѣльныя дѣйствія по слѣдствію, возникшему и производящемуся въ Москвѣ, куда и можетъ обращаться за прокурорскими

предложеніями, я отказалъ ему въ моемъ починѣ для осуществленія его чудовищнаго слѣдственнаго замысла по отношенію къ женщинамъ, ни именъ, ни званій, ни числа которыхъ онъ мнѣ даже привести не могъ. Но онъ усиленно настаивалъ на предложеніи, ссылаясь на то, что безъ него не рѣшается приступить, хотя и имѣетъ на то право, къ такому важному и несомнѣнно богатому успѣшными результатами дѣйствію. Мой повторный отказъ очень раздражилъ его, и онъ—привыкшій играть роль „излюбленнаго лица“ въ министерствѣ юстиціи—съ высокомѣрнымъ самообольщеніемъ сказалъ мнѣ, что вынужденъ будетъ доложить министру юстиціи о томъ, что онъ въ своей дѣятельности не встрѣчаетъ необходимаго сочувствія и поддержки со стороны петербургской прокуратуры. На это и мнѣ въ свою очередь пришлось ему указать, что и я не лишенъ возможности попросить министра освободить меня или отъ всякихъ бесѣдъ съ московскимъ слѣдователемъ по сектантскимъ дѣламъ или отъ должности прокурора петербургскаго окружного суда. На этомъ мы и разстались. Я не предполагалъ тогда, что черезъ двадцать лѣтъ мнѣ, въ качествѣ сенатора докладчика по аппелляціоннымъ дѣламъ, придется встрѣтиться съ осуществленіемъ слѣдственнаго пріема, задуманнаго Реутскимъ, но только въ другой мѣстности и обстановкѣ. Гакенрихтеръ Вейсенштейнскаго уѣзда баронъ Штакельбергъ, заподозрѣвъ въ убійствѣ новорожденнаго ребенка, найденнаго въ лѣсу, кого-либо изъ крестьянокъ деревни Рама и находя, что дѣвушки этой деревни „не отличаются нравственностью“, подвергнулъ ихъ, въ числѣ четырнадцати, освидѣтельствованію черезъ врача, при чемъ всѣ онѣ оказались ни разу не рожавшими, а три изъ нихъ совершенно дѣвственными.

По отъѣздѣ Реутскаго въ Москву продолженіе начатыхъ имъ слѣдственныхъ дѣйствій по Петербургу было возложено, по распоряженію министра юстиціи, на судебнаго слѣдователя по особоважнымъ дѣламъ при петербургскомъ окружномъ судѣ Жуковскаго. Этотъ слѣдователь представлялъ полную противоположность Реутскому. Послѣдній имѣлъ за собою довольно долгіе годы службы, массу труда, большую техническую опытность и всецѣло отдавался излюбленному, хотя и односторонне понимаемому дѣлу. Въ немъ не было ничего безстрастно-чиновничьяго и, наконецъ, онъ все-таки сдѣлалъ свой, хотя и далеко не совершенный, вкладъ въ нашу бѣдную въ то время литературу о сектантствѣ. Жуковскій — сынъ губернатора и затѣмъ сенатора — всплылъ на поверхность какъ-то совершенно неожиданно на мѣсто П. К. Гераскова. За нимъ не было ни опыта, ни упорнаго труда, ни горячаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Зная, что въ

судебномъ вѣдомствѣ во время пребыванія министромъ юстиціи графа Палена протекція была немыслима, я и до сихъ поръ, по прошествіи сорока лѣтъ, не могу себѣ объяснить назначеніе такого малосвѣдущаго человѣка на важную должность въ столицѣ, такъ высоко поднятую его достойнымъ предшественникомъ Гераковымъ. И по наружности и по манерамъ,—изящный, франтоватый, высокій и красивый Жуковскій былъ полной противоположностью Реутскаго. Первыя же слѣдственныя его дѣйствія по громкому и сложному дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Козловской дороги, къ которому, въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены акушеръ Колосовъ, библіотекарь медико-хирургической академіи докторъ Никитинъ и дворянинъ Ярошевичъ, при чемъ двое послѣднихъ обвинялись еще и въ приготовленіи къ отравленію своего сообщника по поддѣлкѣ Колосова [1]), обнаружили въ новомъ судебномъ слѣдователѣ по особо-важнымъ дѣламъ полное отсутствіе способности установлять точныя и опредѣленныя границы производимому слѣдствію съ яснымъ сознаніемъ его цѣлей и практическаго значенія каждаго изъ предпринимаемыхъ дѣйствій. Его никакъ нельзя было назвать хозяиномъ дѣла, обдумавшимъ свойство и житейскую обстановку изслѣдуемаго преступленія и безпристрастно, но полно и обстоятельно, разъясняющимъ какъ фактическую его сторону, такъ и нравственную его подкладку.

Дальнѣйшія произведенныя имъ слѣдствія лишь подтвердили первое впечатлѣніе, имъ произведенное. Полное отсутствіе общей мысли, связующей всѣ частности дѣла, и правильнаго, согласнаго съ закономъ, пониманія состава преступленія,—склонность къ механическому подбору фактовъ, благодаря чему слѣдствія расплывались до безграничности и длились многіе мѣсяцы,—длиннѣйшіе, чрезвычайно отяготительные для свидѣтелей, допросы о самыхъ мелочныхъ и неимѣющихъ значенія для дѣла обстоятельствахъ,—рѣзкое и надменное обращеніе съ вызываемыми къ слѣдствію, и наконецъ чрезвычайная и упорная щедрость на лишеніе заподозрѣнныхъ свободы безъ достаточныхъ основаній—таковы были характерныя черты этихъ слѣдствій и свойства этого слѣдователя. Съ особенною силою все это проявилось въ дѣлѣ о скопцахъ, начатомъ Реутскимъ. Весною 1872 года, вслѣдствіе сильнаго нездоровья, я долженъ былъ взять четырехмѣсячный отпускъ за границу. Вернувшись и покончивъ съ накопившимися неотложными вопросами и работами, я получилъ наконецъ, уже въ октябрѣ, возможность ознакомиться со слѣдствіемъ, производимымъ Жуковскимъ, и пришелъ въ большое смущеніе,

[1]) „Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони“ изд. 4-е. 1906 г.

чтобы не сказать болѣе. Оказалось, что, не озаботясь пріобрѣтеніемъ точныхъ и научно-провѣренныхъ свѣдѣній о существенныхъ признакахъ скопчества, онъ приступилъ къ широко раскинутой Реутскимъ уголовной паутинѣ, дѣйствуя ощупью, безъ всякаго плана, и сталъ плодить непроизводительную и безцѣльную переписку, содержа подъ стражею по году людей, о которыхъ потомъ судебной палатѣ пришлось прекращать слѣдствіе по *отсутствію признаковъ преступленія*. При этомъ онъ путался въ совершенно чуждыхъ ему судебно-медицинскихъ вопросахъ, предаваясь сомнѣніямъ въ случаяхъ, вполнѣ ясныхъ, и нагромождая, безъ системы и связи, протоколъ на протоколѣ, очевидно потерявшись въ массѣ сырого матеріала. Достаточно сказать, что изъ сорока привлеченныхъ къ слѣдствію человѣкъ только одного судебная палата признала возможнымъ предать суду, да и тотъ не былъ самъ скопцомъ. Изъ этихъ сорока человѣкъ часть, особенно престарѣлыхъ, оказалась освобожденною отъ суда по Высочайше утвержденному еще въ 1849 году положенію комитета министровъ, какъ оскопленные до 1816 года,—противъ двухъ (женщинъ) не обнаружено никакихъ уликъ,—а остальные еще въ 1854 году были оправданы рѣшеніемъ Сената какъ въ самооскопленіи или допущеніи оскопить себя во время совершеннолѣтія, такъ и въ распространеніи своей ереси „къ соблазну другихъ“.

Какихъ-либо признаковъ послѣдняго обвиненія не нашла и судебная палата, разсмотрѣвшая по подробному докладу П. К. Геракова все огромное производство Реутскаго и Жуковскаго и не нашедшая возможнымъ придать значеніе противорѣчивымъ и возбуждающимъ основательныя сомнѣнія доносамъ Холопова. Это производство, потребовавшее отъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ властей большой, по дознаніямъ и собиранію справокъ, подготовительной работы и сопряженное съ значительными денежными расходами для казны—оказалось совершеннымъ пустоцвѣтомъ, возбудивъ однако многія справедливыя жалобы и обнаруживъ полную несостоятельность Жуковскаго для производства „особо-важныхъ дѣлъ“. Для характеристики произвольности и шаткости его взлядовъ не могу не припомнить, что онъ постоянно и безъ всякаго основанія относился критически къ заключеніямъ врачей—Мержеевскаго и Баталина, работавшихъ подъ руководствомъ великаго знатока скопчества въ судебно-медицинскомъ отношеніи, автора цѣннаго и обширнаго по этому предмету сочиненія [1]), профессора и директора медицинскаго департамента Е. В. Пеликана, и подвергалъ поэтому привлечен-

[1]) Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества. Е. Пеликана. 1872 г.

ныхъ имъ къ слѣдствію, по большей части стариковъ и старухъ, повторнымъ, ненужнымъ и унизительнымъ освидѣтельствованіямъ. Въ то же время, на основаніи одного лишь полуграмотнаго свидѣтельства провинціальнаго уѣзднаго врача онъ содержалъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подъ стражей въ качествѣ скопца—цвѣтущаго здоровьемъ торговца изъ Орловской губерніи, который тщетно слезно ссылался на то, что онъ женатъ и имѣетъ ребенка. При освидѣтельствованіи его, по требованію прокурорскаго надзора, оказалось, что несчастный псевдо-скопецъ просто тестикондъ (по народному выраженію „Нутрецъ“) и что указанный врачъ или грубо ошибся или смастерилъ свое свидѣтельство, не ознакомившись вовсе съ физической природой этого человѣка.

Дѣло Григорія Горшкова, „духовнаго скопца“, несомнѣнно связаннаго многими узами съ „воинствующимъ“ скопчествомъ и обвиняемаго въ оскопленіи родного сына, неизвѣстно куда скрывшагося, слушалось въ іюлѣ 1873 года въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Обвиненіе, которое я энергически поддерживалъ, будучи глубоко убѣжденъ въ виновности подсудимаго, было, какъ оно и понятно, построено на совокупности косвенныхъ уликъ. Оно встрѣтило талантливое возраженіе со стороны защитника, князя Кейкуатова, который указалъ, между прочимъ, присяжнымъ засѣдателямъ на то, что дѣло Горшкова представляетъ лишь маленькій обломокъ отъ непрочнаго и развалившагося зданія, построеннаго руками двухъ слѣдователей „по особо-важнымъ дѣламъ“—одного слѣпо-усерднаго, а другого „невѣдавшаго, что творитъ“—и просилъ присоединить своего кліента къ остальнымъ тридцати девяти, привлеченнымъ неосновательно. Это не могло не повліять на присяжныхъ, и они оправдали Горшкова.

Въ 1874 году Жуковскаго замѣнилъ Иванъ Ѳедоровичъ Кнримъ, и я узналъ въ немъ „настоящаго человѣка на настоящемъ мѣстѣ“, какъ говорятъ англичане. Очень высокаго роста, съ ясными голубыми глазами на умномъ и спокойномъ лицѣ германскаго типа, онъ представлялъ собою соединеніе всѣхъ свойствъ и качествъ, необходимыхъ для слѣдственнаго судьи, въ рукахъ котораго такъ часто находятся свобода, честь и въ значительной степени матеріальное положеніе не только обвиняемаго, но иногда и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и отъ котораго, какъ отъ врача и священника, не могутъ быть скрыты подробности частной жизни, иногда въ самыхъ сокровенныхъ ихъ проявленіяхъ. Достаточно подумать, сколько зла, несчастія, позора и разоренія могутъ иногда причинить—легковѣрное и непровѣренное отношеніе къ разнымъ заявленіямъ и доносамъ,—поспѣшный и непродуманный приступъ къ слѣдствіямъ объ

учрежденіяхъ и лицахъ, въ дѣятельности которыхъ играетъ существенную роль торговый или общественный кредитъ,—недостаточно обоснованное привлеченіе въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ нравственности и противъ цѣломудрія женщинъ, въ которыхъ такъ часто пышно распускается ядовитый цвѣтокъ, называемый шантажемъ. Я уже говорилъ о Кнримѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о дѣлахъ игумена Митрофанія и о поджогѣ мельницы Овсянникова[1]). Здѣсь могу лишь добавить одинъ эпизодъ, когда я видѣлъ обычно очень сдержаннаго и хладнокровнаго Книрима въ состояніи крайняго возбужденія и негодованія. Въ ноябрѣ 1874 года онъ производилъ очень серьезное слѣдствіе по дѣлу о подлогѣ завѣщанія, совершенномъ нѣсколькими лицами, принадлежавшими къ такъ называемой интеллигенціи и постепенно исчерпывавшими всѣ доступныя имъ средства для отклоненія отъ себя тяжелаго обвиненія. Слѣдствіе уже приходило къ концу, и Книрим вызвалъ одного изъ главныхъ обвиняемыхъ для предъявленія ему слѣдственнаго производства и предложенія традиціоннаго вопроса—не желаетъ ли онъ чѣмъ-нибудь таковое дополнить въ свое оправданіе? Обвиняемый, уже имѣвшій въ рукахъ копіи со всего производства, не пожелалъ съ нимъ знакомиться, а на вопросъ Книрима указалъ, справясь въ принесенной имъ записочкѣ, на нѣсколькихъ свидѣтелей и нѣкоторые документы, а затѣмъ, оглянувшись по сторонамъ и видя, что письмоводитель и кандидаты на судебныя должности заняты своимъ дѣломъ въ обширной камерѣ слѣдователя, подалъ эту записочку Книриму и вмѣстѣ съ нею открытый пакетъ, прибавивъ вполголоса: „да вотъ еще и это“... „Der lange Friedrich“, какъ почему-то называли въ шутку Книрима сослуживцы, взявъ записку и пакетъ и увидѣвъ, что въ немъ лежатъ кредитные билеты, вскочилъ, какъ ужаленный и устремился черезъ длинные коридоръ и пріемныя слѣдователей и корридоръ товарищей прокурора ко мнѣ въ кабинетъ. „Этого такъ оставить нельзя,—говорилъ онъ, задыхаясь и совершенно „внѣ себя“, весь красный отъ волненія—„за что такое оскорбленіе! Я васъ прошу принять отъ меня объ этомъ оффиціальное заявленіе и нельзя ли возбудить преслѣдованіе противъ этого негодяя?“. Стараясь его успокоить, я обратилъ его вниманіе на трудность уголовнаго преслѣдованія лиходателей и на то, что всякое оглашеніе о предложенной и отвергнутой взяткѣ всегда вызываетъ въ обществѣ лукавое предположеніе, что отвергнувшій даръ желаетъ порисоваться своею неподкупностью. „Однако же нельзя такъ тяжко оскорблять безнаказанно,—волновался Кни-

[1]) „Русская Старина“ 1907—1908 г.

римъ—до сихъ поръ никто не выражалъ сомнѣнія въ моей честности, и *онъ*, человѣкъ образованный и самъ служившій, не могъ не видѣть, что я охотно предоставляю обвиняемымъ полную возможность приводить всевозможныя доказательства своей невиновности. Онъ не могъ не понимать, какой обидный смыслъ имѣетъ этотъ гнусный пакетъ! „Мы его за это и накажемъ безъ всякой огласки,—сказалъ я и приказалъ пригласить лиходателя изъ камеры слѣдователя въ мой кабинетъ и тутъ въ присутствіи разстроеннаго Книрима сказалъ ему: „Г. судебный слѣдователь сообщилъ мнѣ, что вы передали ему вотъ этотъ пакетъ съ деньгами. Не желая допускать мысли, что вы могли это сдѣлать съ безплодной цѣлью повліять на ходъ слѣдствія, я высказалъ ему мнѣніе, что вы, вѣроятно, желали воспользоваться случаемъ просить его передать ваше пожертвованіе въ недавно учрежденное общество попеченія объ арестантскихъ дѣтяхъ, объ открытіи для которыхъ пріюта вы, конечно, читали въ газетахъ. Не такъ ли?“—Д-д-д-а, пролепеталъ тотъ... „Позвольте васъ искренно поблагодарить за это доброе дѣло: пріютъ очень нуждается въ средствахъ.... Потрудитесь пересчитать деньги, и получить временную росписку“... Книримъ облегченно вздохнулъ, улыбнулся и, уходя, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а пріютъ арестантскихъ дѣтей неожиданно обогатился пятьюстами рублями.

Со времени оставленія мною совмѣстной службы со слѣдователями въ Петербургѣ прошло почти тридцать лѣтъ. Многое въ судебной практикѣ съ тѣхъ поръ измѣнилось и едва-ли къ лучшему. По дѣламъ, проходившимъ черезъ мои руки по должности оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, я видѣлъ, какъ постепенно и нерѣдко при явномъ вліяніи и внушеніи, идущемъ съ іерархическихъ высотъ, вторгалось въ слѣдственную практику одностороннее обвинительное творчество. Оно проявлялось въ расширеніи изслѣдованія далеко за предѣлы состава и свойства преступленія и движущихъ къ нему побужденій,—въ производствѣ ненужныхъ и напрасныхъ экспертизъ по вопросамъ, въ которыхъ фантазія играла гораздо большую роль, чѣмъ разумная потребность,—въ пріемахъ, облегчающихъ обвинителю на судѣ обходъ прямыхъ запрещеній закона и, наконецъ, въ привлеченіи къ слѣдствію *заподозрѣннаго* въ качествѣ *обвиняемаго* лишь въ самомъ концѣ всего иногда многотомнаго производства, почти наканунѣ его отсылки къ прокурору, когда на привлеченнаго сразу обрушивалась масса направленныхъ противъ него данныхъ, своевременно и лично защищаться противъ которыхъ и, быть можетъ, разрушить предубѣжденіе слѣдователя онъ былъ уже лишенъ возможности. Такъ, среди многихъ подобныхъ дѣлъ мнѣ вспоминается московское слѣдствіе о покушеніи на растлѣніе экзаль-

тированной молодой дѣвушки „красавцемъ-мужчиной“, во время ужина въ отдѣльномъ кабинетѣ, послѣ ея успѣшнаго дебюта въ клубномъ спектаклѣ,—по которому судебный слѣдователь,—человѣкъ въ высокой степени благородный, но увлекающійся,—озаглавилъ каждый томъ производства, какъ главы романа:—„событіе преступленія“, „личность потерпѣвшей“, „личность обвиняемаго“ и т. д.—при чемъ между прочимъ были произведены допросы разныхъ лицъ о поведеніи *отца* обвиняемаго и о томъ, велъ ли онъ нечистую картежную игру, и спрошены, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, три выдающихся артистки Императорскихъ театровъ о томъ, что онѣ чувствовали послѣ перваго дебюта, и были ли бы онѣ въ состояніи послѣ этого противостоять дерзкому и неожиданному нападенію на свое цѣломудріе.—Вспоминается также петербургское дѣло Ольги Палемъ, убившей студента Довнара, не желавшаго продолжать съ ней любовную связь, по которому, несмотря на признаніе обвиняемою своей виновности въ сознательномъ убійствѣ подъ вліяніемъ раздраженія, было произведено изслѣдованіе всѣхъ ея связей за десять лѣтъ до совершенія преступленія, при чемъ, въ явное нарушеніе торговой тайны, были разсмотрѣны и оглашены расходы на нее, записанные въ торговыхъ книгахъ ея „покровителя“ въ Одессѣ. — Наконецъ, я не могу забыть слѣдствіе о графинѣ Н..., обвинявшейся въ присвоеніи чужому ребенку титула, фамиліи и правъ состоянія своего мужа, жившаго и умершаго въ другомъ городѣ въ разслабленномъ физическомъ и душевномъ состояніи. На дѣло было обращено исключительное вниманіе, но несмотря на то, что виновность подсудимой во взводимомъ на нее преступленіи представлялась несомнѣнной, присяжные вынесли ей оправдательный приговоръ, причину чего главнымъ образомъ слѣдуетъ искать въ томъ особомъ пріемѣ для успѣха обвиненія, который былъ употребленъ при слѣдствіи. По закону прокуроръ не имѣетъ права ссылаться на судѣ на полицейскія дознанія, не имѣющія формы и силы слѣдственныхъ актовъ, но ему не можетъ быть отказано въ прочтеніи протоколовъ осмотровъ, произведенныхъ слѣдователемъ. Невзирая на совершенно ясный составъ преступленія графини Н. и на моральную ея цѣль—полученіе въ свое управленіе слѣдующаго малолѣтнему сыну маіората—и несмотря на ея письменное сознаніе въ этомъ, судебный слѣдователь, широко разработывая дознанія и свѣдѣнія сыскной и секретной полиціи о поведеніи обвиняемой съ 16-лѣтняго возраста, занялся изслѣдованіемъ ея нравственности за свыше чѣмъ двадцатилѣтній періодъ ея жизни. Поэтому для обвинителя явилась возможность вызвать на судъ семнадцать допрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей, подведенныхъ подъ двѣ рубрики: о *прошломъ подсу-*

дилой и о ея *характеристикѣ*, при чемъ предъ присяжными развертывалась картина ряда романическихъ приключеній и любовныхъ связей обвиняемой,—ея знакомства съ дамой, занимающейся „устройствомъ продажной любви“, — ея нездоровья, требовавшаго лѣченія ртутью, и ея покушеній на самоубійство... Предъ присяжными была женщина уже далеко не молодая (42 лѣтъ), и они присутствовали въ теченіе семи дней при публичномъ обливаніи ея грязью изъ ея прошлой, не безупречной жизни.—Они могли себѣ представить все, что она должна была при этомъ переживать... и пожалѣли ее...

А. Ѳ. Кони.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА VII [1]).

Изъ воспоминаній о В. К. Плеве. Первая моя встрѣча съ Плеве, въ дни молодости, въ поѣздѣ желѣзной дороги.—Дальнѣйшее знакомство въ Москвѣ и Петербургѣ. — В. К. Плеве, какъ Предсѣдатель Комиссіи по рабочему вопросу (Тов. Мин. В. Д.).—Встрѣча съ В. К. П., какъ Государственнымъ Секретаремъ.—Моя поѣздка въ Энчёпингъ въ Швеціи къ д-ру Вестерлунду.—Назначеніе В. К. П. Министромъ Внутр. Дѣлъ и мои размышленія на одрѣ болѣзни по этому поводу.—Возвращеніе въ Петербургъ и дѣловое свиданіе съ Плеве.—Бесѣда о нѣкоторыхъ тревожныхъ общественныхъ симптомахъ и ея ближайшіе результаты.—*Рабочій, университетскій* и *еврейскій вопросы* и предположенныя въ нихъ реформы.—Порученіе мнѣ—выработать планъ государственныхъ экзаменовъ для чиновъ Министерства В. Дѣлъ.—Проектъ широкой реформы организаціи рабочаго вопроса и рабочей статистики въ Россіи.—Печальный конецъ всѣхъ плановъ Плеве вмѣстѣ съ катастрофой, его постигшей.

Въ концѣ 70-хъ или началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка я возвращался съ женой въ Москву на поѣздѣ Московско-Брестской дороги изъ Англіи, куда ѣздилъ почти ежегодно работать въ библіотекѣ Британскаго Музея надъ своими книгами. Въ большомъ отдѣленіи второго класса, какъ помнится, оригинальнаго устройства (теперь такихъ вагоновъ не встрѣчается) мы сидѣли всю дорогу до Москвы лишь втроемъ, такъ какъ въ послѣднюю минуту отхода поѣзда изъ Варшавы вошелъ къ намъ въ купэ какой-то господинъ весьма моложавый на видъ, съ сакомъ въ рукахъ. Онъ усѣлся въ одномъ углу обширнаго купэ, и скоро между нами завязался оживленный разговоръ, къ видимому удовольствію обѣихъ сторонъ. Ока-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

залось, что нашъ спутникъ также русскій и даже, подобно мнѣ, бывшій питомецъ Московскаго университета—юристъ по образованію и въ то время служилъ въ Варшавѣ товарищемъ прокурора, кажется, судебной палаты. Когда, въ свою очередь, я назвалъ ему свой родъ занятій—профессорство въ Московскомъ университетѣ по финансовому праву, то онъ немедленно сообразилъ, кто я и даже назвалъ фамилію, которую встрѣчалъ въ газетахъ. Естественно, оставалось послѣ этого сдѣлать шагъ дальше—взаимно другъ другу представиться, что̀ мы и исполнили. Нашъ случайный спутникъ оказался моимъ товарищемъ по университету, старше выпускомъ на два года: это былъ Вячеславъ Константиновичъ Плеве.

Такъ началось наше оригинальное знакомство съ Плеве, продолжавшееся, хотя съ большими перерывами, около тридцати лѣтъ; въ бытность мою студентомъ я его не встрѣчалъ и не зналъ. В. К. Плеве оказался весьма образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, и наша длинная дорога отъ Варшавы до Москвы прошла большею частью въ оживленныхъ разговорахъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Онъ много читалъ, наблюдалъ и думалъ и къ моему большому удовольствію оказался очень начитаннымъ въ произведеніяхъ писателя, которому я тогда очень поклонялся—Салтыкова-Щедрина. Мы частенько обмѣнивались воспоминаніями о сарказмахъ и насмѣшкахъ нашего сатирика и припоминали его острыя „словечки“, никакъ, разумѣется, не предугадывая возможность, что одинъ изъ насъ сдѣлается въ будущемъ властителемъ судебъ той самой печати, объ одномъ изъ талантливыхъ представителей которой мы тогда вспоминали, прерывая разговоръ смѣхомъ...

Лишь изрѣдка Вячеславъ Константиновичъ какъ-то внезапно задумывался во время нашего разговора и даже на время переходилъ въ сосѣднее купэ. Какъ выяснилось для меня впослѣдствіи, тутъ были двѣ причины: во-первыхъ, мои скверныя грошевыя нѣмецкія сигары, дыма которыхъ онъ не терпѣлъ и изъ деликатности мнѣ ни слова о томъ не сообщилъ, а во-вторыхъ (и всего, конечно, важнѣе), забота и дума о больной женѣ, къ которой, какъ оказалось, онъ ѣхалъ во Владиміръ, гдѣ она гостила у своихъ родственниковъ и сильно заболѣла.

Къ концу нашего двухъ или трехдневнаго путешествія на очень скучномъ поѣздѣ, время на которомъ, впрочемъ, на этотъ разъ прошло незамѣтно, мы настолько подружились съ Плеве, что дали взаимное обѣщаніе отнюдь не прерывать начавшееся знакомство и при случаѣ навѣщать другъ друга. И дѣйствительно, спустя какую-нибудь недѣлю послѣ нашего пріѣзда въ Москву, онъ появился въ моей скромной квартирѣ на Малой Грузинской и извинялся, что не

могъ привезти съ собой къ намъ жену, которая еще не достаточно оправилась, сообщилъ намъ подробныя свѣдѣнія о ея болѣзни и просилъ не забывать о немъ, когда будемъ опять проѣзжать за границу черезъ Варшаву.

Вмѣсто Варшавы, однако, мнѣ пришлось, черезъ нѣсколько лѣтъ видѣть и навѣстить его уже въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ быстро сдѣлался прокуроромъ судебной палаты. Тамъ я имѣлъ честь познакомиться съ его супругой и разными сослуживцами на довольно большомъ обѣдѣ, который онъ давалъ по какому-то семейному поводу. Затѣмъ, временно, наше знакомство какъ-то пріостановилось, и нѣсколько лѣтъ я его не видалъ. Онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и сдѣлался Директоромъ Департамента Полиціи. Хотя я никогда и никакихъ политическихъ грѣховъ за собою не имѣлъ и былъ тѣмъ, что называется нынѣ строго-корректнымъ, но было какъ-то неловко въ то время, ради мнѣнія товарищей, продолжать съ нимъ частое общеніе, и я постепенно пересталъ заходить къ нему, посѣщая С.-Петербургъ. Обстоятельства скоро, однако, заставили явиться къ нему и при томъ полуоффиціальнымъ просителемъ: въ 1882 году, какъ я это сообщалъ въ другомъ мѣстѣ моихъ „Воспоминаній“, въ тогдашнее Министерство Финансовъ Бунге я получилъ приглашеніе занять вновь учрежденную должность фабричнаго инспектора. Одинаково какъ мнѣ, такъ и Министерству, послѣ предварительныхъ и удовлетворительныхъ обо мнѣ справокъ въ надлежащихъ вѣдомствахъ, было желательно возможно ускоренное утвержденіе меня въ должности, дабы я могъ начать немедля объѣздъ своего округа для изученія фабрикъ и участвовать въ разныхъ комиссіяхъ. На обѣдѣ у Н. Х. Бунге, который выражалъ мнѣ по этому поводу свои желанія, я мелькомъ обмолвился о своемъ старомъ знакомствѣ съ Плеве. Бунге немедленно сталъ настаивать, что въ такомъ случаѣ я долженъ навѣстить его и просить объ ускореніи, такъ какъ Департаментъ Полиціи—единственная инстанція, справки отъ которой обо мнѣ не достаетъ!

Разумѣется, я немедленно поспѣшилъ явиться къ Плеве, но два раза напрасно, не заставая его на квартирѣ и въ третій разъ отправился прямо въ Департаментъ,—къ Цѣпному мосту—гдѣ засталъ его, какъ сообщилъ мнѣ дежурный жандармъ, за дѣломъ. Я послалъ ему карточку и былъ принятъ весьма скоро, но видимо холодно и оффиціально, не такъ, какъ прежде, въ комнатѣ, гдѣ онъ производилъ, вѣроятно, какое-нибудь дознаніе или допросъ. На вопросительный его взглядъ я обстоятельно объяснилъ причину визита и даже сказалъ, что дѣлаю его по совѣту Бунге. „Я надѣюсь“, отвѣтилъ мнѣ Плеве, „что относительно Васъ никакихъ препятствій не встрѣ-

тится... Но скажите мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ Вы думаете совмѣстить Вашу новую должность съ профессурой и совмѣстимы ли онѣ?" Я ему горячо и довольно длинно объяснилъ желаніе мое принести Россіи посильную пользу правильной постановкой фабричнаго и рабочаго законодательства у насъ и доказывалъ, что сверхъ того эта новая обязанность должна доставить мнѣ много полезныхъ экономическихъ свѣдѣній, которыхъ даже, какъ профессоръ и ученый, я инымъ способомъ и получить не въ состояніи, особенно въ Россіи и о Россіи.

Плеве, повидимому, со мной согласился и сказалъ только: „Въ такомъ случаѣ желаю Вамъ успѣха и обѣщаю категорически завтра же послать въ Министерство Финансовъ о Васъ удовлетворительный отзывъ... Прощайте"!

Слѣдующее мое свиданіе съ Вячеславомъ Константиновичемъ произошло черезъ два года въ комиссіи по пересмотру нашихъ фабричныхъ законовъ и уже было описано въ одной изъ предшествующихъ главъ. В. К. Плеве уже занималъ постъ Товарища Министра при графѣ Толстомъ, и ему поручено было Министромъ предсѣдательство междувѣдомственной комиссіи, созданной по поводу частыхъ въ то время волненій между рабочими. Все теченіе занятій этой комиссіи и важные результаты ея работы, положившей начало у насъ законодательству по этому предмету, описаны мною на своемъ мѣстѣ достаточно подробно, а потому я повторять ихъ не буду. Я принималъ участіе въ этой комиссіи весьма дѣятельное и видался съ Плеве очень часто въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ С.-Петербургѣ. Относился онъ ко мнѣ сначала довольно холодно и сдержанно подъ вліяніемъ, очевидно, воспоминаній (какъ и сознался впослѣдствіи) о моемъ пренебреженіи его знакомствомъ въ бытность его въ Департаментѣ Полиціи. Позднѣе, однако, постепенно ледъ растаялъ: работая совмѣстно и видя во мнѣ, какъ онъ не разъ замѣчалъ, незамѣнимаго помощника въ выработкѣ правилъ новаго промышленнаго и рабочаго законодательства, онъ сдѣлался любезнѣе. Нѣсколько разъ Вячеславъ Константиновичъ являлся ко мнѣ для посѣщенія и бесѣды въ скромнѣйшую Марьинскую гостиницу въ Апраксиномъ дворѣ, въ которой я останавливался, подшучивая даже надъ моимъ домашнимъ костюмомъ (жакетка съ прорванными локтями) и простотой, съ которой я жилъ въ гостиницѣ, излюбленной лишь мелкими провинціальными купцами и торговцами!

Послѣ окончанія фабрично-заводской коммиссіи, и затѣмъ опубликованія ея результатовъ въ видѣ новыхъ законовъ 1885—86 годовъ я видѣлъ въ ближайшее къ тому время Плеве всего раза три и

изъ нихъ одинъ разъ по его личной иниціативѣ, а именно: онъ просилъ меня черезъ полгода сообщить ему письменно для будущихъ соображеній о разныхъ неудобствахъ и недосмотрахъ новыхъ фабричныхъ законовъ, обнаруженныхъ практикой, что я и сдѣлалъ въ особомъ довольно обширномъ докладѣ (напечатанномъ мною впослѣдствіи въ приложеніи къ моей книгѣ „Воспоминанія фабричнаго инспектора перваго призыва“). Затѣмъ, какъ сообщалось объ этомъ мною раньше, въ 1886 году, когда низменные представители печати вродѣ г. Шарапова и Гилярова-Платонова съ самими гг. фабрикантами начали противъ меня настойчивую травлю въ печати и засыпали доносами начальство, чтобы выкурить меня изъ фабричныхъ инспекторовъ, мнѣ пришлось вновь побезпокоить и обратиться къ Плеве съ просьбой о помощи и защитѣ противъ этихъ недостойныхъ преслѣдованій. Собственно одна ничтожная капля переполнила этотъ грязный бассейнъ доносовъ и сплетенъ. Въ расцѣнкахъ фабричныхъ лавокъ (спеціально Богородско-Глуховской фабрики Морозовыхъ) были вычеркнуты моимъ помощникомъ недозволенные къ продажѣ разные сорта дорогой рыбы: осетрины, семги и пр., отпускаемой въ лавкѣ въ кредитъ. Это сдѣлано было въ силу данныхъ намъ словесно инструкцій изъ Петербурга и вовсе не по моему личному желанію. Г. Шараповъ донесъ въ своей статьѣ, что эта мѣра инспекціи указываетъ на ея желаніе препятствовать и ограничивать рабочихъ-де *отъ соблюденія постовъ, предписанныхъ нашею церковью*... и вотъ, какъ выражается одинъ изъ героевъ Тургенева, „Бирюлевскимъ барышнямъ все сдѣлалось извѣстно!...“

Изъ вполнѣ вѣрнаго источника, который назвать не могу, я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что эта гнусная выходка г. литератора, своимъ участіемъ до сихъ поръ срамящаго нашу печать, была доложена и сообщена К. П. Побѣдоносцеву, и мнѣ посовѣтовали частнымъ образомъ объясниться и устранить дальнѣйшій ходъ этой безчестной выдумки. Я поѣхалъ въ Петербургъ просить участія и заступничества Плеве; онъ переговорилъ, какъ объяснилъ мнѣ, съ кѣмъ надлежитъ, т. е. съ К. П. Побѣдоносцевымъ, и устранилъ всякія возможныя отсюда осложненія, предупреждая, однако, чтобы впредь я былъ „осторожнѣе“... но такъ какъ въ дѣйствительности, по моему искреннему убѣжденію, я никакой неосторожности себѣ не позволилъ, а дѣйствовалъ лишь согласно духу и буквѣ закона, то мысленно тогда же рѣшилъ уйти изъ инспекторовъ, хотя свое намѣреніе никому пока не сообщалъ.

Позднѣе, послѣ своего выхода изъ состава фабричной инспекціи въ сентябрѣ 1887 года, я утратилъ поводъ и возможность видѣть В. К. Плеве. Если не ошибаюсь, первый разъ послѣ этого инцидента—борь-

бы съ доносами, я встрѣтился съ Плеве, гуляя на улицѣ осенью или зимою 1898—99 года, уже переселившись въ Петербургъ, въ качествѣ академика. Обратно съ послѣдующимъ временемъ въ обществѣ и печати о Плевѣ, какъ о женѣ Цезаря въ Римѣ, молчали или мало говорили: онъ былъ тогда Государственнымъ Секретаремъ; поэтому, естественно, разговоръ какъ-то сразу сосредоточился на мнѣ: онъ разспрашивалъ обо всемъ происходившемъ со мной за эти *одиннадцать лѣтъ*, которыя мы не видались, при чемъ къ моему пріятному удивленію обнаружилось, что онъ не только до извѣстной степени зналъ о разныхъ эпизодахъ моей жизни изъ газетъ и разсказовъ, но даже не прочь мнѣ былъ помочь, гдѣ дѣло соприкасалось съ его компетенціей. Такъ онъ зналъ и принималъ какое-то косвенное участіе, по своей должности, по поводу моей просьбы о сокращеніи срока моей профессорской пенсіи, ради скорѣйшаго переселенія въ Петербургъ. Я его проводилъ, при этой встрѣчѣ, помнится мнѣ, отъ Морской до его квартиры на Литейномъ. Въ заключеніе онъ любезно пригласилъ на минуту зайти къ нему отдохнуть, что̀ я и сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ отплатилъ визитъ, но не засталъ меня на квартирѣ. Я, въ свою очередь, конечно вновь сдѣлалъ ему посѣщеніе, но также неудачно: не засталъ дома. Наше возобновленное знакомство какъ-то не клеилось, и я больше его не встрѣчалъ и только мелькомъ видѣлъ потомъ одинъ разъ въ ресторанѣ Кюба, 12 января, въ Татьянинъ день—праздникъ бывшихъ питомцевъ Московскаго университета. Здѣсь же былъ тогда (если не ошибаюсь, въ 1899 г.) Н. П. Боголѣповъ, который отвлекъ меня отъ Вячеслава Константиновича начавшимся съ нимъ какимъ-то любопытнымъ разговоромъ.

Прошло опять нѣсколько лѣтъ, пока я увидалъ вновь Плеве и при томъ при совершенно особыхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Въ 1902 году мое здоровье опять пошатнулось настолько сильно, что пришлось подумать на этотъ разъ объ экстренномъ леченіи. Въ январѣ этого года, по совѣту нѣсколькихъ моихъ знакомыхъ и между прочимъ добраго Льва Львовича, графа Толстого, сына нашего писателя, я рѣшился обратиться за совѣтомъ къ знаменитому шведскому врачу, у насъ еще мало извѣстному доктору, Теодору Вестерлунду, проживающему зимой обычно въ маленькомъ городкѣ Энчёпингъ (Enköping) въ Швеціи, верстахъ въ шестидесяти отъ Стокгольма. Его паціентами являются преимущественно мѣстные жители, а также норвежцы, датчане, финляндцы и отчасти встрѣчаются и россіяне. Леченіе его отличается индивидуальнымъ характеромъ, смотря по болѣзни и личности больного, и не имѣетъ ничего шаблоннаго, какъ у многихъ другихъ знаменитыхъ врачей. Глав-

ная суть леченья заключается отнюдь не въ лекарствахъ и стряпнѣ аптекарской кухни (хотя онъ и ихъ не отвергаетъ, обратно съ извѣстнымъ, напримѣръ, нѣмцемъ Ламаномъ), но въ соотвѣтствующемъ режимѣ, занятіяхъ и питаніи больного. Съ особеннымъ успѣхомъ, какъ слышно, почтенный докторъ помогаетъ въ болѣзняхъ сердца и нервовъ. При этомъ онъ сразу завоевываетъ симпатію и полное довѣріе своихъ паціентовъ своимъ удивительнымъ безкорыстіемъ, о которомъ всѣ знаютъ. Боже сохрани, Вестерлундъ не запрашиваетъ и не требуетъ ничего напередъ уговорнаго отъ паціента, да еще по таксѣ, какъ это дѣлаютъ всѣ знаменитые врачи: онъ довольствуется тѣмъ, что дадутъ, а если паціентъ бѣденъ, то пользуетъ и совсѣмъ даромъ. Чтобы лечить по его системѣ, и чтобы надзоръ за больными былъ удовлетворителенъ, онъ организовалъ въ Энчёпингѣ нѣсколько пунктовъ для больныхъ—своего рода санаторіи—sjukhuset. Лица, принимающія въ городкѣ этомъ больныхъ на свое иждивеніе за уговорную плату—обычно дамы, поступаютъ добровольно подъ непосредственный надзоръ доктора Вестерлунда и точно слѣдуютъ всѣмъ его указаніямъ и только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ онъ разрѣшаетъ больнымъ жить въ данныхъ санаторіяхъ. Точно, по золотникамъ, взвѣшивается пища больного, которая ему отпускается, опредѣляется строго весь обиходъ дня, что больной долженъ дѣлать—лежать или ходить и сколько времени до минуты, въ случаѣ предписанія, работать, напримѣръ, на ручномъ ткацкомъ станкѣ. Періодически больные взвѣшиваются, а жидкія отдѣленія ежедневно измѣряются; и все это дѣлается за весьма скромную плату!.. Фёркенъ Гильемо, хозяйка такой санаторіи, у которой мнѣ пришлось жить, была истинной сестрой милосердія, которая вошла во всѣ интересы моего здоровья и благополучія и была строга лишь относительно размѣровъ пищи, мнѣ докторомъ предписанныхъ. Она даже для моего развлеченія добыла гдѣ-то кипу русскихъ книгъ, не говоря уже о газетахъ и журналахъ на шведскомъ языкѣ, которому я началъ усердно учиться.

Я пробылъ въ Энчёпингѣ паціентомъ доктора Вестерлунда всего три мѣсяца слишкомъ, изъ коихъ около двухъ мѣсяцевъ леченіе заключалось въ лежаніи день и ночь на строгой, крайне умѣренной діэтѣ (въ питьѣ ограниченія не было, обратно другимъ системамъ, но пить дозволялось единственно искусственное Виши). Къ этому присоединялся пріемъ каждый вечеръ различнаго слабительнаго лекарства. Тщательное выслушиваніе сердца и постукиванье происходило при каждомъ посѣщеніи доктора не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. „Вашему сердцу необходимо отдохнуть“, говорилъ этотъ проницательный и въ то же время благороднѣйшій врачъ и чело-

вѣкъ, и въ этомъ направленіи построена была вся его система. Ритмъ моего сердца значительно улучшился, его біеніе сдѣлалось правильнымъ и ровнымъ, хотя и было сначала очень слабымъ. Постепенно сердце отдыхало, но я въ то же время благодаря діэтѣ значительно похудѣлъ, потерялъ въ вѣсѣ что-то около пуда; и вотъ послѣ этого продолжительнаго лежанія, докторъ разрѣшилъ мнѣ, наконецъ, встать и попробовать свои силы—прогуляться съ помощью жены и опираясь сильно на палку около четверти часа; затѣмъ каждый день прогулка наша увеличивалась ровно на пять минутъ, пока не равнялась уже цѣлымъ двумъ часамъ. Тогда Вестерлундъ объявилъ мое леченіе оконченнымъ, разрѣшилъ вернуться домой, въ Россію, отдохнуть тамъ мѣсяцъ, другой и затѣмъ ѣхать въ какую-нибудь горную мѣстность Швейцаріи или Тироля съ цѣлью Terrain-kur и пользованія живительнымъ горнымъ воздухомъ.

Само собой разумѣется, что при продолжительномъ двухмѣсячномъ лежаньи, по предписанію доктора, безъ всякаго иного развлеченія кромѣ чтенія газетъ и старыхъ, мнѣ большею частью извѣстныхъ, произведеній, въ приложеніяхъ къ „Нивѣ“—Тургенева, Достоевскаго и Боборыкина—и несмотря даже на всѣ старанія добрѣйшей души моей хозяйки Гильемо занимать меня разговоромъ, не говоря о женѣ, которая, впрочемъ, сама сначала хворала, я не могъ, разумѣется, не скучать и искалъ утѣшенія прежде всего въ думахъ о родинѣ и ея политическихъ и экономическихъ затрудненіяхъ и задачахъ: вѣдь значительная часть моего тридцатилѣтняго курса чтенія въ университетѣ была имъ посвящена. Всѣмъ этимъ думамъ и мечтаньямъ скоро доставило хорошій и обильный матеріалъ и поводъ важное событіе для Россіи — назначеніе Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ широкими при томъ, какъ видно было, полномочіями и надеждами, столь хорошо и давно мнѣ знакомаго В. К. Плеве. Зная его лично за много лѣтъ и при томъ на дѣлѣ, при выработкѣ фабричнаго законодательства, за очень умнаго и способнаго человѣка и вовсе не такого прямолинейнаго консерватора, какимъ былъ мой почтенный товарищъ Н. П. Боголѣповъ, а способнаго на уступки, гдѣ это требовалось временемъ или вызывалось необходимостью, я надѣялся, что Плеве можетъ сдѣлать для Россіи много добра и пользы, если пойметъ свое положеніе и истинные пути, которые поведутъ Россію къ дальнѣйшему процвѣтанію, а не къ упадку, какъ видимо къ тому шли представители реакціоннаго элемента въ нашемъ обществѣ. Конечно, я отнюдь не тѣшилъ себя надеждой видѣть въ лицѣ новаго министра либеральнаго дѣятеля, но я ожидалъ, что Вячеславъ Константиновичъ съ его умомъ и способностями легко пойметъ, что нельзя идти старыми проторенными пу-

тями бюрократическихъ препонъ и препятствій, а надо попробовать новые способы достиженія благополучія Россіи. Я помнилъ хорошо, какъ внимательно выслушивалъ когда-то Плеве мои соображенія о разныхъ сторонахъ фабричнаго закона, извлеченныя изъ знакомства съ практикой жизни, и несогласныя съ его собственными взглядами, и въ концѣ концовъ охотно мѣнялъ иногда свое рѣшеніе и примыкалъ къ моему мнѣнію.

Въ своихъ долгихъ размышленіяхъ и мечтаніяхъ, прикованный къ одру болѣзни, я отнюдь, впрочемъ, не задавался какими-нибудь широкими планами переустройства всѣхъ сторонъ русской жизни на новыхъ конституціонныхъ устояхъ и началахъ. Вообще, я совсѣмъ не занимался политической стороной вопроса (былъ равнодушенъ къ ней) и исключительно имѣлъ въ виду лишь нѣкоторыя стороны государственной жизни, мнѣ ближе знакомыя, и на которыя, помоему, желательно было бы обратить вниманіе Плеве. Въ воздухѣ въ это время уже пахло революціей; чувствовалась близость большихъ смутъ, которыя вскорѣ и осуществились вслѣдъ за японской войной; правительство, думалось мнѣ, чтобы остановить и обезвредить эту грядущую бѣду, признаки которой были для всѣхъ ясны, должно было идти навстрѣчу народному недовольству, ослабить, устранить поводы къ смутѣ и тѣмъ предупредить ее.

Изъ очень многихъ причинъ, питавшихъ революціонное настроеніе и вкусы въ обществѣ, я остановилъ свое вниманіе прежде всего не на общихъ формахъ управленія, а на крайне несовершенной у насъ постановкѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ государственнаго быта. Такъ, работая когда-то вмѣстѣ съ Плеве надъ рабочимъ вопросомъ, я и остановилъ первое вниманіе на немъ. Цѣлыя недѣли невольнаго бездѣйствія моего въ Энчёпингѣ я посвятилъ прежде всего на размышленіе и взвѣшиваніе деталей, при разностороннемъ освѣщеніи, русскаго рабочаго вопроса. Для меня выкристаллизовалась вполнѣ ясно и опредѣленно необходимость поспѣшить съ возможно широкимъ развитіемъ правъ русскаго рабочаго и важность спѣшнаго созданія для него лучшихъ условій существованія: получивши незадолго передъ этимъ, въ началѣ моей инспекторской дѣятельности, права на голое существованіе, на свой заработокъ и время, рабочій естественно вошелъ во вкусъ новыхъ, лучшихъ условій; кстати этому были и другія сторонніе благопріятствующія причины. Необходимо было дать ему то, чѣмъ всегда владѣли фактически его хозяева — права на соглашеніе, союзъ и распоряженіе своею собственностью, у рабочаго же главная собственность — его руки и трудъ. Короче, думалъ я, чтобы вырвать одинъ изъ зубовъ будущей революціи, завладѣть симпатіей рабо-

чихъ и выдвинуть изъ нихъ болѣе тихіе, консервативные элементы, правительство обязано не останавливаться на распутьи, идти навстрѣчу ихъ законнымъ желаніямъ и, не дожидаясь ихъ просьбъ, наперекоръ всѣмъ вожделѣніямъ фабрикантовъ, дать рабочимъ право стачекъ и право союзовъ, съ необходимыми, конечно, ограниченіями на первыхъ шагахъ и высшимъ надзоромъ государства.

Второй важный предметъ моихъ размышленій въ Энчёпингѣ, имѣющій крупное государственное значеніе въ моихъ глазахъ, это университетскій вопросъ или вопросъ объ организаціи высшаго образованія въ Россіи. Если фабрично-рабочій вопросъ можно сравнить послѣднее время съ естественнымъ питомникомъ у насъ частой смуты и недовольства въ нашемъ некультурномъ отечествѣ, то и университеты въ значительной степени, къ сожалѣнію, играютъ ту же роль. Необходима совершенная перемѣна постановки у насъ всего образовательнаго дѣла, чтобы оно приносило только пользу. Тридцатилѣтнее профессорство даетъ мнѣ право считать себя достаточно компетентнымъ судить о крайней непригодности нашего высшаго образованія, служащаго часто не для истиннаго просвѣщенія народа, а лишь для созданія опаснаго горючаго матеріала для всякаго рода безпорядковъ, существенно вредныхъ для страны.

Третій важный государственный вопросъ, на который существенно надо было обратить вниманіе въ виду грядущихъ смутъ, по моему мнѣнію, былъ вопросъ еврейскій, или о ненормальномъ и несправедливомъ положеніи у насъ евреевъ, что̀ невольно создаетъ изъ этого способнаго народа готовый контингентъ для революціи, отвлекаетъ множество талантливыхъ людей изъ ихъ среды отъ службы общей родинѣ Россіи, которой они могли бы приносить несомнѣнную пользу во многихъ сферахъ народной дѣятельности, а не вредить только въ качествѣ, зачастую, недобросовѣстныхъ закладчиковъ, маклаковъ, коммиссіонеровъ, иниціаторовъ многихъ преступныхъ организацій, а послѣднее время и революціонныхъ смутъ. *Мы, русскіе, сами виноваты*, въ значительной степени, *во вредной роли, которую евреи играютъ въ нашей народной жизни.*

Вотъ, собственно, три пункта, или вопроса, которые меня занимали въ длинныя ночи и дни моего тягостнаго лежанія въ Энчёпингѣ. Шведскія газеты, которыя мы съ женой глотали въ огромномъ количествѣ, были весной того года (1902) переполнены статьями о Плеве и его возможной будущей политикѣ. Большой портретъ Плеве и обстоятельная статья о его прошломъ были помѣщены въ извѣстнѣйшей Aftonbladet съ самыми мрачными предсказаніями для будущаго Финляндіи—этого маленькаго, но злокачественнаго прироста къ обширному государственному тѣлу Россіи, которая яв-

ляется постояннымъ и злобнымъ источникомъ всякихъ клеветъ и вздорныхъ, часто незаслуженныхъ обвиненій противъ нашей несчастной родины [1]).

Перечисленныя размышленія о судьбахъ Россіи въ указанныхъ трехъ пунктахъ буквально мнѣ не давали спать и лишали покоя. Къ счастью леченье мое уже подходило къ концу, и я сталъ понемногу двигаться по пустыннымъ улицамъ шведскаго городишки, желая путемъ движенія пріобрѣсть недостающій сонъ. Впрочемъ мало-по-малу я успокоился на мысли, что *я нравственно обязанъ*, какъ лицо когда-то знакомое съ Плеве, сообщить ему свои соображенія. Сначала я собирался даже сдѣлать это письменно въ самомъ Энчёпингѣ, но потомъ раздумалъ, придя къ заключенію, что трудно все выразить и мотивировать основательно на бумагѣ, тѣмъ болѣе попадетъ ли мое письмо еще прямо въ руки Министра?! Потому я окончательно рѣшилъ ждать своего возвращенія домой и постараться видѣть Вячеслава Константиновича и изложить ему свои мысли лично при свиданіи, путемъ живой рѣчи.

Во второй половинѣ апрѣля, благословляя Вестерлунда за несомнѣнную помощь и пользу, которую онъ оказалъ моему здоровью, и распростившись нѣжно съ моей хозяйкой и благодѣтельницей госпожею Гильемо, я вернулся домой въ Петербургъ. Отдохнувши недѣли двѣ, я немедленно сталъ искать способа добиться аудіенціи у Плеве и при томъ заставить выслушать терпѣливо плоды всѣхъ моихъ Энчёпингскихъ размышленій. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я рѣшился обратиться за помощью къ моему товарищу по Московскому университету Н. А. Звѣреву, въ это время занимавшему должность, какъ извѣстно, Начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Я попросилъ его именно при одномъ изъ его докладовъ Министру, которые происходили по субботамъ, передать Вячеславу Константиновичу словесно мою просьбу дозволить мнѣ посѣтить его въ свободное для него время, примѣрно на полчаса, *для бесѣды по нѣкоторымъ государственнымъ вопросамъ*; я просилъ Н. А. Звѣрева въ разговорѣ съ Министромъ, какъ на нѣкоторое право съ моей

---

[1]) Удобнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ городокъ Энчёпингъ, въ бытность мою тамъ, пріѣзжалъ какой-то финляндецъ (имя его я забылъ) прочесть двѣ лекціи о Россіи и финляндскихъ дѣлахъ. Узнавши изъ бесѣдъ съ публикой, что на его первой лекціи была русская дама (моя жена), онъ спеціально обратился съ просьбой къ милѣйшей нашей хозяйкѣ Гильемо, чтобы *она уговорила русскую даму не приходить на его вторую лекцію*, ибо ея присутствіе его стѣсняетъ,—надо думать, хорошія и вѣрныя вещи онъ собирался сообщать о нашей родинѣ!?!

стороны, сослаться на наше долголѣтнее знакомство, но при этомъ непремѣнно добавить, что я въ данной бесѣдѣ съ Министромъ отнюдь не преслѣдую никакихъ личныхъ цѣлей и ни о чемъ для себя не прошу. Понравится или не понравится Вячеславу Константиновичу предметъ моего сообщенія, я убѣдительнѣйше прошу его, во имя нашей старой пріязни, оставить мысль о какомъ-либо личномъ для меня удовольствіи. *Мнѣ рѣшительно ничего отъ него не нужно*: я хочу съ нимъ поговорить *исключительно лишь въ общественныхъ интересахъ*, какъ я ихъ понимаю.

Н. А. Звѣревъ обѣщалъ буквально и точно, какъ я его о томъ просилъ, передать мою просьбу Плеве и въ субботу вечеромъ уже сообщилъ мнѣ, что Плеве принялъ мое предложеніе очень любезно, вспомнилъ съ похвалой мнѣ о томъ, какъ мы съ нимъ работали вмѣстѣ по фабричному законодательству, и обѣщалъ немедленно выбрать время для свиданія и сообщить мнѣ о немъ. Въ воскресенье я уже получилъ съ курьеромъ собственноручное любезное письмо отъ Министра, сообщавшее, что Вячеславъ Константиновичъ будетъ ждать меня для бесѣды на другой день въ понедѣльникъ, вечеромъ (это было въ началѣ мая 1902 года).

Въ назначенное время, ровно въ 9 часовъ вечера, я явился въ квартиру Министра, близъ Цѣпного моста, и немедленно былъ принятъ въ его кабинетъ. Прежде всего я счелъ нужнымъ извиниться за безпокойство, которое причиняю ему своимъ визитомъ, мною настойчиво истребованнымъ, и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ поводъ своего посѣщенія; разсказалъ о своей недавней болѣзни и пребываніи въ Швеціи во время его назначенія на высокій постъ Министра, и какъ я постепенно пришелъ къ убѣжденію, въ качествѣ стараго его знакомаго, что я долженъ непремѣнно подѣлиться съ нимъ моими мыслями въ интересахъ Россіи: никакихъ личныхъ цѣлей я не преслѣдую и ничего отъ него не желаю, но питаю лишь надежду, что, можетъ быть, съ нѣкоторыми изъ моихъ идей Министръ согласится, онѣ найдутъ у него откликъ, или послужатъ по крайней мѣрѣ матеріаломъ какъ независимый голосъ изъ общества, что̀ едва ли до него часто доходитъ...

Вячеславъ Константиновичъ на это вступленіе отвѣтилъ мнѣ, какъ мнѣ показалось сначала, довольно сухо и рѣзко, что онъ всегда готовъ выслушать мнѣніе каждаго лица по государственному вопросу и принять къ свѣдѣнію, если съ мыслью согласится, и что я, спеціально, имѣлъ возможность благодаря продолжительному моему съ нимъ знакомству сообщать и передавать ему откровенно всѣ свои мысли и желанія, тѣмъ болѣе не преслѣдующія личныхъ цѣлей, но что онъ хорошо помнитъ, что я по своему собственному желанію

замѣтно уклонялся и избѣгалъ прежняго знакомства и сближенія съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. „Вы представляли, мнѣ казалось, мнѣнія кружка „Русскихъ Вѣдомостей“, которыя съ моими иногда не укладывались, а потому, надо думать, и удалялись меня“.

Такъ какъ въ послѣднемъ упрекѣ Плеве было много справедливаго, то мнѣ было бы очень трудно его отпарировать, и я постарался уклониться отъ прямого отвѣта одной лишь ссылкой на желаніе мое побесѣдовать о нѣкоторыхъ государственныхъ вопросахъ, лишь теперь, когда онъ получилъ прямую власть и при томъ опять таки безъ всякаго отношенія къ моимъ личнымъ интересамъ и прежнему образу дѣйствія. Какъ человѣкъ независимый по общественному и экономическому положенію, я просто желаю побесѣдовать съ нимъ, какъ съ лицомъ власть имущимъ, по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, надѣясь, что авось онъ обратитъ на мои мысли вниманіе, и изъ нихъ получится нѣкоторая польза для общественнаго дѣла... Затѣмъ, я прямо приступилъ къ дѣлу и остановилъ его вниманіе исключительно (при этомъ оговорился на первый разъ)— на трехъ лишь пунктахъ, которые здѣсь съ точностью, но вкратцѣ и въ сжатомъ видѣ изложу. (Къ счастью, наканунѣ моего посѣщенія къ Министру, опасаясь, что во время бесѣды съ нимъ, если онъ меня будетъ прерывать какими-нибудь посторонними разспросами, то я пропущу что-нибудь важное, я набросалъ краткій конспектъ моего, такъ-сказать, будущаго словеснаго доклада Министру. Совершенно неожиданно, во время писанія настоящихъ воспоминаній, я нашелъ этотъ набросокъ въ грудѣ своихъ бумагъ, а потому могу возстановить содержаніе самаго разговора вполнѣ правильно и точно, хотя можетъ быть слишкомъ кратко). Вся бесѣда, вмѣсто просимаго мною у Министра „полчаса“ въ дѣйствительности продолжалась до $10^1/_2$ часовъ вечера, т. е. цѣлые полтора часа, въ теченіе коихъ я все говорилъ и говорилъ, Плеве же внимательно слушалъ и лишь изрѣдка вставлялъ немногія фразы, вопросительнаго характера или одобрительнаго содержанія. Вотъ сущность бесѣды:

Я указалъ прежде всего на развитіе въ Россіи революціоннаго духа и признаки приближенія революціи, что министръ едва ли отрицать будетъ. Я считаю всякую революцію или переворотъ, если онъ происходитъ насильственно, большимъ зломъ для страны, а потому опасаюсь катастрофы, гибели многихъ существенныхъ интересовъ и возможной передѣлки и переустройства всего государственнаго быта, вовсе не по указанію дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей страны и, при томъ слишкомъ поспѣшно и мало обдумано... Въ виду разнообразнаго и трудно поправимаго зла, которое

вообще революція можетъ принести Россіи, я считаю, какъ человѣкъ, любящій свою родину, необходимымъ всячески бороться и противодѣйствовать этому теченію, причинъ которому много и знать ихъ—равносильно имѣть и самую возможность бороться съ революціоннымъ духомъ.

Ограничиваясь указаніемъ лишь нѣкоторыхъ, ближе мнѣ знакомыхъ причинъ развитія грядущей революціи, я остановился сначала на первомъ планѣ на поводѣ, который предполагалъ обоимъ намъ съ Министромъ близкимъ къ сердцу—на неустройствѣ фабрично-рабочаго вопроса въ Россіи. Какъ авторъ закона 3 іюня 1886 года и другихъ позднѣйшихъ узаконеній, давшихъ рабочимъ нѣкоторыя человѣческія права, Министръ долженъ за этимъ вопросомъ необходимо признавать крупное значеніе (Плеве кивалъ мнѣ утвердительно головой). Какъ всякой живой организмъ, человѣкъ съ теченіемъ времени измѣняется, и нашъ рабочій классъ, что бы ни говорили о его связи съ землей и съ крестьянскимъ бытомъ, растетъ и развивается; если онъ полусознательно доволенъ закономъ 1886 года, обезпечившимъ ему право на личный заработокъ и первыя попытки регуляціи противъ злоупотребленій хозяевъ и пр., то въ настоящее время этого слишкомъ мало: русскій рабочій наслушался о классныхъ интересахъ и желаетъ попробовать собственныя силы въ защиту своихъ правъ противъ предпринимателей. Необходимы дальнѣйшіе шаги законодательства навстрѣчу этимъ потребностямъ и не дожидаясь ихъ бурнаго и насильственнаго проявленія.

Короче, надо идти дальше, завершить начатое дѣло переустройства всего фабрично-рабочаго быта. Несмотря на надѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ землей и пр., у насъ замѣтно создается и увеличивается свой собственный пролетаріатъ, такой же, какъ въ Западной Европѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ однѣ силы правительства недостаточны для установленія мирнаго сколько-либо сожитія для интересовъ двухъ классовъ—рабочихъ и капиталистовъ: необходимо допустить ихъ *самодѣятельность*, что отчасти, но очень односторонне и теперь проявляется, по крайней мѣрѣ для одной стороны—предпринимателей. Въ этихъ видахъ я считаю, не касаясь вопросовъ общаго государственнаго устройства, безусловно необходимымъ:

„1. Созданіе и веденіе рабочими ихъ союзовъ для защиты интересовъ и для улучшенія ихъ экономическихъ условій труда и вообще быта“.

„2. Вслѣдъ за созданіемъ права союзовъ—свободное разрѣшеніе рабочимъ стачекъ или забастовокъ кромѣ тѣхъ слу-

чаевъ, гдѣ этому противорѣчатъ иные болѣе важные государственные или экономическіе интересы".

„3. Завѣдываніе фабрично-рабочимъ вопросомъ Министерствомъ Финансовъ противорѣчитъ существу дѣла и равносильно сидѣнію между двумя стульями, такъ какъ Министръ Финансовъ долженъ заботиться о возможномъ удовлетвореніи интересовъ фабрично-промышленныхъ классовъ предпринимателей и въ то же время о наилучшемъ устройствѣ и удовлетвореніи интересовъ представителей труда, что къ сожалѣнію часто, хотя и не всегда, совершенно несовмѣстимо и противорѣчитъ одно другому. Единственнымъ выходомъ можетъ въ данномъ случаѣ служить раздѣленіе вѣдомствъ, и если Министръ Финансовъ заботится на-ряду съ фискальными интересами о наилучшемъ удовлетвореніи выгодъ торгово-промышленныхъ предпринимателей, то такая же забота о другой сторонѣ, гораздо болѣе многолюдной, о рабочихъ, должна быть перенесена и возложена на единственное вѣдомство, которому довѣрено созданіе и наблюденіе порядка и благополучіе цѣлаго народа—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" [1]).

Все это я говорилъ, иллюстрируя вводными примѣрами и разсужденіями, здѣсь не сохранившимися, и излагалъ съ большимъ жаромъ и убѣжденіемъ. Вячеславъ Константиновичъ во время всего изложенія моего доклада, если его такъ назвать, или молчалъ или сочувственно кивалъ головой; когда же я покончилъ вышеуказанный абзацъ, министръ привсталъ и заявилъ мнѣ: „*Съ существомъ всего, что Вы говорили, я вполнѣ согласенъ* и готовъ даже отчасти немедленно приступить къ работѣ въ томъ смыслѣ, какъ вы желаете и прошу Васъ только не отказаться мнѣ помочь, когда понадобится. Затѣмъ прошу продолжать Ваше интересное сообщеніе".

Иванъ Янжулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Считаю долгомъ напомнить читателямъ моихъ „Воспоминаній", что въ 1902 г., когда происходилъ мой разговоръ съ покойнымъ Плеве, Министерство Торговли и Промышленности, къ которому нынѣ отнесены и заботы о рабочемъ классѣ, еще не существовало, и оно учреждено позднѣе, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ тѣхъ идей или возраженій, которыя мною выше указаны. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, созданіе этого новаго министерства не уничтожаетъ силы моего соображенія.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года[1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Пассекъ получилъ приказаніе сначала обойти Мичикальское ущелье, затѣмъ захватить непріятельскія орудія и, наконецъ, занять такую позицію, съ которой онъ прикрывалъ бы движеніе главныхъ силъ отряда вплоть до того пункта, гдѣ уже могло бы состояться соединеніе его съ главными силами. Занятіемъ Анчимеера Мичикальская позиція была обойдена, что и заставило непріятеля немедленно же ее покинуть, что же касается до орудій, то не таковы были мѣстныя условія Кавказа, чтобы отыскивать ихъ на удачу, для успѣха — ихъ нужно видѣть во-очію, да и этого еще недостаточно.

Что касается до выбора мѣста для расположенія нашего отряда въ цѣляхъ обезпеченія слѣдованія главныхъ силъ, то это было исполнено Пассекомъ со свойственнымъ ему глазомѣромъ и съ тѣмъ знаніемъ и пониманіемъ условій дѣйствій въ горахъ, которыми Пассекъ владѣлъ въ совершенствѣ и въ чемъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго среди кавказскихъ офицеровъ.

Я нарочно опираюсь на всѣ цѣли, поставленныя Пассеку, и на средства и способы Пассека для ихъ достиженія, такъ какъ вызванныя ими дальнѣйшія операціи нашего отряда (которыя я постараюсь доложить съ возможной точностью) были подвергнуты въ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

свое время строгой критикѣ и составили одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ обвиненія, предъявленнаго памяти этого генерала [1]).

Я говорю лишь во имя справедливости, потому что таково мое убѣжденіе, что онъ исполнилъ лишь то, что ему слѣдовало [2]); я свидѣтельствую въ память покойника, который не разъ полагался на мою защиту передъ великими міра сего въ минуты, когда онъ и не предполагалъ, что ему еще раньше придется предстать для отвѣта предъ лицомъ Господа Бога.

Я также осуждаю это продолжительное наше пребываніе на „холодной горѣ“, такъ прозванной солдатами за вынесенныя ими тамъ бѣдствія отъ холода, но мое осужденіе исходитъ изъ другихъ соображеній, чѣмъ общепринятыя тогда осужденія Пассека [3]), и я осуждаю единственно лишь изъ того обстоятельства, что у подошвы этой „холодной горы“ было другое мѣсто, гдѣ бы мы бѣдствовали значительно менѣе, и откуда мы одинаково хорошо обезпечивали бы слѣдованіе главныхъ силъ отряда къ Мичикалу.

---

[1]) Обвиненіе Пассека въ дальнѣйшемъ, по занятіи Анчимеера, движеніи исходило изъ правильнаго соображенія, что, занявъ позицію у Анчимеера, мы брали во флангъ и въ тылъ Мичикальскую позицію, которую наши противники немедленно и бросили, слѣдовательно, Пассеку нечего было идти по хребту далѣе на Зунумееръ (холодную гору), оторвавшись отъ главныхъ силъ и подвергнувъ себя бѣдствіямъ, и это дальнѣйшее движеніе оцѣнивалось въ отрядѣ „необузданной отвагой честолюбиваго Пассека“. Конечно, вина ложится и на Пассека, но виноватъ и Воронцовъ, *оправданія котораго,* что „успѣхъ занятія Анчимеера былъ такъ быстръ, что Воронцовъ не успѣлъ дать Пассеку дальнѣйшихъ указаній“ — *недѣйствительны,* онъ былъ обязанъ оріентировать Пассека, дать точное наставленіе и уже во всякомъ случаѣ обезпечить его обозомъ и тѣмъ или другимъ способомъ облегчить отряду Пассека его лишенія и бѣдствія.

Б. К.

[2]) Благородный Бенкендорфъ оправдываетъ Пассека, доказывая, что ему слѣдовало преслѣдовать, что и вызвало дальнѣйшее движеніе впередъ, но кто можетъ теперь доказать, слѣдовало или не слѣдовало преслѣдовать по горамъ?!. Но къ заявленію Бенкендорфа, какъ человѣку правдивому и участнику, слѣдуетъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ, и мы въ значительной степени склоняемся къ убѣжденію, что графъ Воронцовъ виноватъ значительно болѣе Пассека, но Пассекъ былъ скоро убитъ, а Воронцовъ остался живъ и въ силѣ, и въ могуществѣ, и кто могъ впослѣдствіи оправдать Пассека!

Б. К.

[3]) Упомянутыя нами и заключавшіяся въ „необузданной отвагѣ честолюбиваго Пассека“.

Б. К.

Но зналъ ли тогда кто-нибудь о существованіи этого мѣста? [1])

Мы были затеряны въ облакахъ, затеряны въ странѣ, гдѣ еще не ступала нога русскаго, и тѣмъ не менѣе Пассекъ сумѣлъ дѣйствовать и опредѣлить стратегическій пунктъ, занятіе котораго обезпечило успѣхъ экспедиціи. Пассекъ, въ эту эпоху, имѣлъ много недруговъ и особенно завистниковъ среди лицъ главной квартиры; на молодого сравнительно офицера, едва только начавшаго подвизаться на Кавказѣ, имѣли зубъ и полковники, которыхъ онъ обогналъ на службѣ, и двадцатилѣтніе генералы, съ которыми онъ было сравнялся.

Правды ради, слѣдуетъ признать, что Пассекъ всѣхъ ихъ оскорблялъ своимъ высокомѣріемъ и тщеславіемъ, которыми онъ былъ всецѣло проникнутъ.

Я въ жизни не встрѣчалъ большаго спорщика и, когда онъ сознавалъ, что неправъ, и доводы его уже не были дѣйствительны, то онъ переходилъ къ рѣшительнымъ пріемамъ, подобно атакѣ непріятельской позиціи и, что называется, бралъ штыковымъ ударомъ. Такъ, однажды, когда среди его оспаривавшихъ и уже утомившихся съ нимъ въ спорѣ лицъ, одинъ изъ его товарищей, долѣе другихъ его оспаривавшій, замѣтилъ ему, что для продолженія съ нимъ спора у него не хватаетъ не доводовъ, а силы легкихъ, то Пассекъ, все еще метавшій громы, отвѣтилъ ему: „Ну, не спорьте тогда, когда грудь слаба“. Какъ конечно не было естественно, что Пассекъ имѣлъ враговъ, но въ данномъ случаѣ были неправы обвинители Пассека. Какъ ни трудно мнѣ разъяснить это обстоятельство, не имѣя карты, но я все же попытаюсь.

Перейти отъ Киркинскаго перевала къ верховью долины *Мичи-Кале* (важному пункту, который слѣдовало занять для прегражденія здѣсь доступа противнику), возможно было по двумъ направленіямъ: первое (горами), принятое Пассекомъ, въ 8 верстъ протяженія, второе, пролегавшее тропинкой вдоль двухъ долинъ—Коцу и Мичикале, пересѣкавшихся почти прямымъ угломъ, въ 20 верстъ протяженія.

Слѣдовательно, для достиженія позиціи, занятой нами въ качествѣ авангарда, было два направленія, одно — прямолинейное, другое — кружное. Утверждать, что главнымъ силамъ слѣдовало слѣпо идти въ хвостѣ за нами, было бы конечно абсурдомъ (по тысячѣ причинъ, объяснять которыя заняло бы много времени и

---

[1]) Вотъ почему Воронцову и не слѣдовало торопиться, а развѣдать, что лежало уже не на Пассекѣ, а на штабѣ Воронцова, хотя конечно и Пассекъ могъ этимъ озаботиться.

Б. К.

было бы безполезно), и главныя силы конечно не могли рисковать подобнымъ движеніемъ, но было ошибочнымъ не развѣдать другой дороги, на которую *Пассекъ указывалъ совершенно опредѣленно* [1]).

Главнымъ силамъ оставалось только слѣдовать этой дорогой, во-первыхъ, дабы возможно было насъ розыскать, а во-вторыхъ для возможности снабженія насъ, не давъ намъ умирать съ холоду и съ голоду. Вмѣсто того, чтобы принять это простое и естественное рѣшеніе, продолжали (очевидно, Бенкендорфъ говоритъ о главной квартирѣ, свитѣ и вообще о лицахъ, составлявшихъ верхи отряда) теряться въ догадкахъ и соображеніяхъ о нашемъ смѣломъ движеніи и критиковать Пассека, который яко бы одинъ хотѣлъ все кончить, ничего не оставляя другимъ и предоставляя насъ такимъ образомъ всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, черезъ которыя намъ пришлось проходить [2]).

Чудесное утро 6-го іюня застало насъ на вершинѣ Анчимеера. Воздухъ на большихъ высотахъ отличается необычайной прозрачностью, съ глазъ какъ бы спадаетъ какая-то завѣса, и поле зрѣнія увеличивается почти вдвое.

---

[1]) Въ чемъ же тогда заключалась рекогносцировка графа Воронцова съ его многочисленной свитой и штабомъ? Это показаніе Бенкендорфа во всякомъ случаѣ очень важно и, конечно, останься въ живыхъ Пассекъ, онъ бы вѣроятно оправдался, но онъ былъ вскорѣ убитъ, а графъ Воронцовъ ни слова не сказалъ въ его оправданіе.

Б. К.

[2]) Высота Анчимееръ была взята Пассекомъ 5-го іюня, при чемъ отрядъ его былъ безъ обоза и вообще налегкѣ и такъ и заночевалъ на 6-ое іюня. Воронцовъ же хотѣлъ Дагестанскій отрядъ двинуть въ оставленное противникомъ ущелье Мичикале, а остальныя силы двинуть къ подошвѣ Анчимеера, къ бывшему укрѣпл. „Удачному“, притянувъ сюда и всѣ свои обозы, и слѣдовать потомъ на Мичикале. 6-го іюня Пассекъ, увлекшись преслѣдованіемъ, прошелъ хребтомъ Ичкень еще 15 верстъ и расположился на *Зунумееръ*,—„холодной“ горѣ и тогда же Дагестанскій отрядъ перешелъ въ Мичикале; очевидно, что пора было спустить внизъ отрядъ Пассека. Между тѣмъ графъ Воронцовъ съ остальными силами только 7-го перешелъ къ подошвѣ Анчимеера и ничѣмъ не поддержалъ и не снабдилъ Пассека, бывшаго въ 15-ти верстахъ впереди. Первая поддержка, хотя и недостаточная, оказана Пассеку послѣ полудня 9-го, и онъ оставленъ на „холодной“ горѣ еще на двое сутокъ, когда нужды въ этомъ не было никакой, и только 11-го спущенъ въ долину. Вина въ бѣдствіяхъ отряда падаетъ на старшее начальство, на графа Воронцова, и незнаніе имъ условій дѣйствій въ горахъ не оправданіе: было у кого ознакомиться съ этими условіями, знатоковъ при отрядѣ было много.

Съ полнымъ удобствомъ мы какъ бы парили надъ этимъ нагроможденіемъ скалъ, надъ этими чудовищными трещинами и пропастями, которыя сходятся, сплетаются, но нигдѣ не прерываются, составляя въ общемъ страну горъ, именуемую Дагестаномъ. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ничего подобнаго строенію извѣстныхъ намъ горныхъ странъ, гдѣ соединеніе горныхъ цѣпей, возвышеніе и опусканіе хребтовъ слѣдуетъ извѣстной системѣ. Здѣсь — цѣлый міръ обломковъ и развалинъ: все здѣсь перемѣшано, все разбито, все въ безпорядкѣ; точно чудовищныя волны океана какъ бы внезапно застыли и окаменѣли въ бурю; это полное изображеніе первобытнаго хаоса.

Восхищаешься потрясающей красотой величественнаго и внушительнаго зрѣлища, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытываешь чувство ужаса, какъ бы очутившись передъ вратами ада.

Отсюда понятно отвращеніе, внушаемое нашимъ бѣднымъ солдатамъ грозной природой Дагестана, и та захватывающая тоска по родинѣ, отъ которой они гибнутъ, вспоминая широкое раздолье этой родины, ея зеленыя, слегка волнистыя равнины, богатыя и цвѣтущія, веселыя субботнія хоровыя пѣсни и хороводы и церковныя воскресныя службы.

Сколько разъ замѣчалъ я, какъ наши солдаты вздыхали о прелестяхъ Чечни, между тѣмъ какъ тамъ ихъ отовсюду подстрѣливаютъ, и каждый переходъ по лѣсу стоитъ чьей-нибудь жизни. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, есть трава, есть лѣсъ, которые все-таки напоминаютъ родину, а въ Дагестанѣ однѣ скалы да камни, камни да скалы.

„Когда бы только избавиться отъ этихъ проклятыхъ горъ“.

Нельзя не повторить съ Ермоловымъ его энергичнаго чисторусскаго выраженія, вырвавшагося у него, когда онъ, съ вершины Караная, какъ и мы теперь, въ первый разъ увидалъ у своихъ ногъ этотъ огромный лабиринтъ пропастей, громадныхъ горъ, расколотыхъ и перевернутыхъ, образующихъ это море камней и скалъ Дагестана.

Багровое солнце подымалось изъ-за Койсубулинскихъ горъ.

Русскій человѣкъ легко поддается чужеземному вліянію, и наши войска быстро перенимаютъ нравы и обычаи сосѣднихъ народовъ. Видя, изо дня въ день, какъ муллы, простирая руки къ востоку, съ высоты минаретовъ призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, мы, христіане, тоже обращаемся лицомъ къ востоку, вознося къ Богу и наши молитвы.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величественнѣе и красивѣе восхода солнца въ горахъ Кавказа. Въ походѣ особенно набожно склоняешь голову передъ золотымъ свѣтиломъ, только что озарившимъ своимъ свѣтомъ поле новаго боя. „Зайдетъ ли оно до, или послѣ моей смерти за этими другими горами, по направленію которыхъ оно движется и отъ которыхъ находится всего въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія?“ Таковъ сокровенный передъ вѣчностью вопросъ у каждаго, заставляющій скрестить руки на молитву о Божьей помощи.

Барабаны ударили подъемъ, и мы выступили [1]). Мы пріостановились у подножія горы, чтобы утолить жажду, такъ какъ на вершинѣ Анчимеера не было воды. По пути намъ пришлось еще взбираться на горы. Весь остатокъ этого дня мы не сходили съ вершинъ, и это былъ лучшій способъ обозрѣнія мѣстности и быть настороже всякихъ неожиданныхъ нападеній, такъ какъ мы надъ всѣмъ господствовали.

Направо шли все горы и горы, за которыми раскрывалось Мичикальское ущелье, налѣво, примѣрно верстахъ въ десяти, находилась воронка или трещина (затрудняюсь дать точное названіе), промытая водами р. Андійскаго Койсу, которая и представляетъ естественную преграду между двойнымъ кряжемъ горъ, образующихъ Гумбетъ, и высокимъ центральнымъ плато голыхъ скалъ, образующимъ Аварію. Позади этихъ скалъ на фонѣ голубого неба вырисовываются ледники Дидо и горы Лезгинской кордонной линіи.

Я былъ въ арріергардѣ. Пассекъ перестрѣливался съ небольшими партіями горцевъ. Въ концѣ дня я получилъ приказаніе занять вновь высоту, уже нами пройденную и оставленную позади, и на ней основаться. Эта была „холодная“ гора, или, по мѣстному — *Зунумееръ*. Вершина горы была покрыта остроконечными скалами съ небольшими углубленіями и пещеркой на подобіе собачьей будки, очевидно посѣщаемой мѣстными пастухами, судя по остаткамъ въ ней соломы. Я въ ней расположился; двѣ мои роты стали фронтомъ по гребню горы, которая сообщалась съ другими

---

[1]) Это и было то выступленіе съ Анчимеера ген. Пассека и слѣдованіе его хребтомъ Ичкенъ по направленію къ Мичикале, которое такъ осуждалось въ отрядѣ и признавалось безцѣльнымъ, ибо, занимая Анчимееръ, Пассекъ достаточно обезпечивалъ занятіе нами Мичикале. Чѣмъ было вызвано это движеніе, которымъ Пассекъ отрывался отъ главныхъ силъ и лишалъ себя всѣхъ средствъ довольствія, остается неизвѣстнымъ. Бенкендорфъ оправдываетъ это движеніе, указывая, со словъ Пассека, на данныя ему Воронцовымъ задачи.

Б. Колюбакинъ.

горами; карабинеры 1-ой роты стали въ резервѣ, а громовой голосъ Колюбакина (командира 3-ей роты) раздавался на самой вершинѣ, повисшей надъ бездной и имѣвшей своими защитниками 3-ю Егерскую роту. Я приказалъ немедленно соорудить изъ дерна небольшой парапетъ, который снаружи обложить широкими каменными плитами. Мы приняли эту мѣру не въ цѣляхъ усиленія обороны нашего расположенія (до сихъ поръ на Кавказѣ не было случая атаки горцами нашего расположенія), но лишь съ цѣлью предохраненія людей отъ пораженія ихъ ружейными пулями, посылаемыми намъ ночью. На огонь непріятеля мы не отвѣчали, дабы не давать огоньками нашихъ выстрѣловъ точекъ прицѣливанія для винтовокъ горцевъ, стрѣлявшихъ обыкновенно на удачу; во всякомъ случаѣ надо быть настороже и укрытымъ.

Тѣмъ не менѣе, горцы всю эту ночь поддерживали противъ насъ значительный и весьма оживленный огонь, и мы имѣли 12 человѣкъ раненыхъ.

Къ счастью, у меня въ баталіонѣ не было потерь. Мои незначительныя укрѣпленія были окончены, и люди, лежа за ними съ винтовками въ рукахъ, были достаточно прикрыты.

Въ этотъ день, какъ и въ предыдущій, сухари были нашей единственной пищей, и такъ какъ они были въ размѣрѣ всего суточной дачи [1]), то я указывалъ людямъ экономизировать сухари, хотя наши вьюки и довольствіе и ожидались на слѣдующій день. Но на слѣдующій день опять таки ничто не прибыло, и прибыли только собственные вьюки Пассека, денщикъ котораго, опасаясь Пассека болѣе чѣмъ непріятеля, превозмогъ всѣ затрудненія и присоединился. Кромѣ того мы получили приказъ по войскамъ, отданный графомъ Воронцовымъ по случаю дѣла 5-го іюня, продиктованный имъ сейчасъ же послѣ дѣла, лично, и тутъ же на мѣстѣ, одному изъ стоявшихъ при немъ чиновниковъ, писавшему его на барабанѣ [2]).

Графъ Воронцовъ былъ большой мастеръ вести дѣла въ военномъ духѣ; приказъ былъ изъ самыхъ лестныхъ, его прочли во всѣхъ ротахъ, и онъ былъ принятъ восторженно. Въ этомъ же приказѣ намъ было предписано представить всѣхъ отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Составленіе наградныхъ листовъ—дѣло нелегкое, и оно отняло

---

[1]) Какъ могъ допустить Воронцовъ потерю всякой связи съ своимъ авангардомъ и необезпеченіе его предметами первой необходимости на столь продолжительное время? *Б. К.*

[2]) Вѣроятно, баронъ Николай Павловичъ Николаи или Щербининъ. *Б. К.*

у меня все утро и заставило меня забыть, что мы вновь провели его безъ пищи.

Видя ту озабоченность, серьезность и таинственность, съ которыми наши походныя канцеляріи приступаютъ къ составленію наградныхъ списковъ, можно думать, что въ этомъ-то и заключается весь смыслъ войны, самое важное на Кавказѣ дѣло. „Представленія“ (къ наградамъ) служатъ какъ бы пробнымъ камнемъ характера личности; личности обнажаются тогда отъ всѣхъ прикрасъ, и на сцену выступаютъ пересуды и интриги, зачастую при этомъ выступаютъ на сцену лица, неизвѣстныя доселѣ въ отрядахъ и которыя въ эту минуту умѣютъ извлечь для себя выгоду изъ пролитой другими крови; подчасъ встрѣчаешь между ними и почтенныхъ усатыхъ ветерановъ, которые во исполненіе долга остаются непоколебимыми передъ любыми завалами, а тутъ—пасуютъ и поддаются тлетворному вліянію этого очага сплетенъ и интригъ.

Этому „наградному дѣлу“ придаютъ столь большое значеніе, что оно въ самомъ дѣлѣ пріобрѣло особый характеръ оригинальности.

Какъ каждый вѣкъ имѣетъ (вырабатываетъ) своего человѣка, такъ на Кавказѣ каждое ремесло имѣетъ тоже своего человѣка.

Наградныя дѣла породили на Кавказѣ тотъ особый сортъ людей, которыхъ честные люди окрестили прозвищемъ „штабныхъ крысъ“ и которые имѣютъ вполнѣ опредѣленный и рѣзко очерченный обликъ, вполнѣ обособленный типъ, не говорящій ни уму, ни сердцу. Отъ чиновниковъ они заимствовали подобострастіе, отъ писарей и переводчиковъ—нахальство, ничего не взявъ отъ боевого офицера. Къ нашей чести слѣдуетъ замѣтить, что чисто русскіе люди и нѣмцы не принадлежатъ къ этой категоріи, и въ большинствѣ случаевъ ее заполняютъ хохлы, или армяне, или поляки. Эти послѣдніе особо внѣдрились на Кавказѣ и пустили здѣсь глубокіе корни во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, покрывъ всю военную администрацію невидимой сѣтью, окутавъ всѣ ея части и отрасли, начиная съ ротнаго писаря и кончая начальникомъ канцеляріи нашихъ генераловъ-администраторовъ.

Конечно эта паутина не имѣетъ никакого политическаго значенія и на Кавказѣ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но она создала цѣлую систему взаимнаго покровительства, распространяющагося на всѣхъ ея членовъ, и вліяніе этой системы на жизнь и характеръ людей несомнѣнно.

Боже меня упаси быть пристрастнымъ. Я очень далекъ отъ этого, чтобы приписывать людямъ этихъ трехъ національностей недостойную роль и умалять ихъ заслуги на службѣ правительству.

Малороссъ (хохолъ) съ его полукочевыми привычками былъ од-

нимъ изъ первыхъ русскихъ піонеровъ въ нашихъ колоніяхъ и завоеваніяхъ на югѣ и былъ болѣе способенъ приспособиться ко всевозможнымъ условіямъ, сохраняя одновременно свою самобытность.

Армянинъ въ Закавказьѣ—вся надежда нашего будущаго, въ немъ соединяется интеллигенція и богатство края. Полякъ, въ свою очередь, даетъ превосходныхъ офицеровъ и солдатъ, достойныхъ сподвижниковъ русскихъ.

Хохлы, армяне и поляки обладаютъ качествами, которыя у насъ (русскихъ и нѣмцевъ) имѣются въ меньшей степени, въ общежитіи они пріятны, подчасъ даже гибки, а между тѣмъ эти качества всегда цѣнились людьми при выборѣ окружающихъ и сослуживцевъ.

Кромѣ наградъ солдатамъ, по моему личному усмотрѣнію, главнокомандующій въ своемъ приказѣ пожаловалъ на каждую роту по пяти серебряныхъ георгіевскихъ крестовъ, и роты сами должны были выбрать достойныхъ.

Этотъ старый обычай вознагражденій въ нашей арміи, предоставляющій солдатамъ право указать путемъ общаго избранія на наиболѣе отличавшихся, обычай прекрасный, но, какъ и многія другія теоріи о свободѣ, непримѣнимъ на практикѣ. Избраніе существуетъ по требованію обычая, но оно всегда подчиняется косвенному вліянію ротныхъ и баталіонныхъ командировъ.

Если бы солдатамъ предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу, то мы бы увидѣли, что выборъ ихъ останавливался бы не столько на вполнѣ достойныхъ и храбрыхъ, сколько на крикунахъ, состоящихъ въ оппозиціи фельдфебелю; лѣвый элементъ быстро одержалъ бы верхъ, такъ какъ режимъ воинской дисциплины не вырабатываетъ консерватизма и было бы совершенно невозможно справиться съ такимъ лѣвымъ элементомъ, который обладалъ бы всѣми привилегіями, сопряженными съ георгіевскимъ крестомъ.

Вѣрный кавказскимъ обычаямъ, я прежде всего пришелъ на помощь „несчастнымъ“. Съ особымъ удовольствіемъ я сыгралъ въ пользу одного стараго поляка, котораго я зналъ многіе годы и которому никто никогда не приходилъ на помощь. Онъ представлялъ изъ себя одну изъ безвѣстныхъ жертвъ польскаго безумія (1830—31 г.), которое разбило столько жизней, навлекло столько несчастій на многихъ несчастныхъ бѣдняковъ, явившихся козлищами отпущенія настоящихъ виновниковъ.

Погода мѣнялась. Густой туманъ, сырой и холодный, разстилался по вершинамъ занимаемой нами горы, окружая насъ со всѣхъ сторонъ. На слѣдующій день къ нему присоединился дождь и снѣгъ.

Въ походѣ, когда приходится постоянно быть на свѣжемъ воздухѣ, хорошая погода сущая благодать; усталость и тяжелыя лишенія переносишь безъ особаго ропота; не бѣда, если бушуетъ гроза, если холодъ леденитъ члены и, какая бы ни была непогода, она не подкоситъ бодрости, но вотъ, когда исчезнутъ небо и солнце, эти надежда и маякъ солдата, когда лишаешься его свѣта, тогда чувствуешь себя какъ бы заброшеннымъ, представляешь себя всѣми забытымъ, кажется, что и Господь Богъ отъ тебя отвернулся.

Мы во всемъ нуждались; на солдатахъ были только мундиры и полотняныя шаровары и шинели, не было ни палатокъ, ни другихъ какихъ-либо укрытій отъ холода, вѣчной сырости, снѣга, дождя, вѣтра и бури, которая бушевала на этихъ высотахъ, почти лишенныхъ растительности; не было и дровъ, чтобы развести огонь, а мы были на высотѣ 7000 ф. надъ уровнемъ Каспійскаго моря.

Сухари были уже съѣдены еще 5-го числа, и единственной пищей намъ служили крошки сухарей, смѣшанныя съ травой и мохомъ; питьемъ служилъ снѣгъ и вода, просачивающаяся между скалъ, которую солдаты собирали ложками. Продолжительность дурной погоды угрожала прервать всѣ способы сообщенія, лазутчики не могли до насъ добраться и, казалось, еще день и мы уже не были бы въ состояніи ни спуститься съ горы, ни получить никакой помощи, кромѣ того, горцы, хотя и на почтительномъ разстояніи, но не переставали насъ безпокоить. Правда, пули ихъ не приносили намъ вреда, но заставляли насъ держаться постоянно настороже.

Такимъ образомъ прошли дни 7-го и 8-го и часть 9-го. Холодъ увеличивался, снѣгъ покрылъ все кругомъ и, дабы окончательно не замерзнуть, солдаты рыли ямы, въ которыхъ тѣснились по 3 человѣка: одна шинель служила матрацомъ, двѣ другія—одѣяломъ.

Не было слышно ни пѣсенъ, ни криковъ, ни разговоровъ и надъ нами повисло мертвое молчаніе. Молчаніе—самое сильное выраженіе страданія. Человѣкъ, полный достоинства, мужества и рѣшительности, выражаетъ молчаніемъ самое глубокое свое страданіе.

Молчаніе—языкъ существа слабаго и нѣжнаго, разбитаго несчастіемъ, видѣвшаго опущеніе въ могилу его счастья и сохранившаго надежду только на Бога. Могучая натура нашего чуднаго солдата также молчаніемъ отвѣчала на ужасныя, выпавшія ей страданія, выпадавшія ему въ теченіе его продолжительной и трудной боевой и походной службы.

Господь, который видитъ его страданія, навѣрное къ нему будетъ милостивъ въ тотъ день, когда послѣдній разъ на вечерней перекличкѣ онъ отвѣтитъ—„есть“,—въ тотъ день, когда противъ

его имени въ ротномъ спискѣ будетъ отмѣчено — „убитъ или умеръ“.

При описаніи всѣхъ нашихъ бѣдствій мнѣ стыдно говорить о себѣ, но я не могу этого избѣжать, такъ какъ судьба офицера неизбѣжно есть часть общей картины походной службы. Мой другъ баронъ Шеппингъ снабдилъ моего казака кое-какой провизіею: чаемъ, сахаромъ и копченымъ языкомъ, и мы этимъ питались. Чтобы развести огонь, пришлось пустить въ дѣло древко ротнаго значка и перекладины ротныхъ носилокъ.

Помнится мнѣ, какъ офицеры моего баталіона угостили меня нѣсколькими ложками овсяной похлебки, и какъ князь Казбекъ далъ мнѣ бутылку кахетинскаго, которая конечно была роспита въ общей компаніи.

Также припоминаю, что во весь день 8-го я выпилъ только одинъ стаканъ чая безъ сахара. Укрывался я только буркой и припоминаю, какъ, при наступленіи ночи, мой вѣрный казакъ Игумновъ ложился на нѣсколько часовъ на мое мѣсто, чтобы хотя немного его обсушить и обогрѣть, послѣ чего я кое-какъ укладывался, и какъ другой молодчина солдатъ моего баталіона съ той же цѣлью ложился на мои ноги. Однако всѣ эти мѣры приносили мнѣ мало пользы, такъ такъ при каждомъ выстрѣлѣ, а они раздавались очень часто, мнѣ приходилось вставать, чтобы встряхнуть людей и вывести ихъ изъ спячки; по возвращеніи мое укромное и столь уютное логовище уже превращалось въ ложе грязи и снѣга.

Наконецъ, послѣ полудня 9-го появилась для нашего снабженія значительная колонна генералъ-лейтенанта князя Бебутова. Велико же было наше счастье!

Колонна прибыла со стороны Мичикале (гдѣ уже были главныя силы), сдѣлавъ большой обходъ.

Благодаря какой-то путаницѣ, въ которой мнѣ такъ и не удалось разобраться, колонна эта, вмѣсто того, чтобы доставить намъ весь нашъ обозъ, доставила намъ обозъ только для трехъ баталіоновъ нашего отряда, принадлежавшихъ къ общей колоннѣ князя Бебутова, а остальные три баталіона (въ томъ числѣ и Куринскій), принадлежавшіе къ общей колоннѣ генерала Лидерса [1]), были такимъ образомъ совершенно забыты.

---

[1]) Произошло это вслѣдствіе того, что въ Мичикале еще 6-го двинутъ былъ, какъ бы въ первомъ эшелонѣ, Дагестанскій отрядъ князя Бебутова, и что только изъ Мичикале возможно было войти въ связь съ Пассекомъ,

Я поднялъ такой шумъ, что мнѣ удалось получить для моихъ людей двухдневную дачу сухарей, полпорціи спирта, по палаткѣ на роту и кромѣ того еще нѣсколько палатокъ для офицеровъ и раненыхъ.

Солдаты умудрились помѣщаться въ одной палаткѣ по сорока человѣкъ.

При подобныхъ условіяхъ снабженія мы провели на „холодной горѣ“ еще двѣ ночи съ 9-ое на 11-ое, и эти ночи были ужаснѣйшими изъ всѣхъ!! Всякое страданіе имѣетъ свой предѣлъ, но мы его перешли. Холодъ все увеличивался; *послѣднюю ночь у насъ замерзло два человѣка*, число больныхъ все возрастало, и въ моемъ баталіонѣ, пострадавшемъ менѣе другихъ, я въ концѣ концовъ имѣлъ *90 человѣкъ больныхъ*, а между тѣмъ извѣстно, что хорошему солдату у насъ совѣстно и стыдно признаться въ своихъ страданіяхъ. На всѣ вопросы они обыкновенно отвѣчали: „ничего, крѣпимся“.

Частенько вспоминаю ихъ, когда приходится крѣпиться.

Ужасный запахъ разложенія нашихъ лошадей, почти всѣхъ павшихъ отъ голода, переполнилъ мѣру нашихъ бѣдствій.

Моя красивая сѣрая кобыла „Жидовка“—самая красивая лошадь во всемъ отрядѣ — погибла для меня: послѣ своего пребыванія на „холодной“ горѣ она уже никогда не могла поправиться.

Наконецъ пробилъ часъ избавленія. Это было 11-го послѣ полудня, въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ, но чудесныхъ въ горахъ дней, какой только я помнилъ; туманъ исчезъ и послѣ шести дней, проведенныхъ во мракѣ ада, мы увидѣли надъ собой голубой сводъ неба, а подъ нами широкую долину, въ глубинѣ которой, словно муравьиныя гнѣзда, ютилось 5 или 6 селеній, о близости которыхъ мы и не подозрѣвали, но мы наблюдали ихъ съ такой высоты, что разглядѣть жителей было невозможно.

Въ командованіи нашимъ отрядомъ генералъ Пассекъ былъ

перешедшимъ 6-го же къ Зунумееру, а потому Бебутовъ 9-го и выслалъ обозы баталіоновъ, бывшихъ въ составѣ его отряда, а другіе баталіоны Пассека, входившіе въ составъ Чеченскаго отряда (какъ и баталіонъ Бенкендорфа) имѣли свои обозы на Киркинскомъ перевалѣ, вблизи Анчимеера, откуда, по мѣстнымъ условіямъ (не говоря уже о снѣгѣ и туманѣ), нельзя было выслать обозъ на Зунумееръ. Конечно, и эти обстоятельства не оправданіе штабу отряда, да и самому графу Воронцову.

Б. К.

замѣненъ генераломъ Лабынцевымъ, получившимъ приказаніе очистить „холодную гору“ и двинуться впередъ, чтобы снова составить авангардъ главныхъ силъ отряда, присоединившагося къ намъ въ полномъ составѣ и бывшаго на пути къ Андійскимъ воротамъ.

Я принялъ командованіе арріергардомъ, въ составѣ 2-хъ баталіоновъ, почему и оставилъ эту проклятую гору послѣднимъ. Немедленно же послѣ насъ ее занялъ непріятель и провожалъ насъ огнемъ, пока мы не спустились въ глубокое дефиле, которое насъ отъ него и закрыло.

Было 9 часовъ вечера, и наступилъ полный мракъ, когда я достигъ съ своимъ арріергардомъ ночлега. Здѣсь, наконецъ, мы нашли весь нашъ обозъ и наши палатки, о которыхъ напрасно вздыхали мы восемь дней. Я немедленно пошелъ къ палаткѣ генерала Лабынцева, котораго я зналъ уже съ давнихъ поръ.

Лабынцевъ имѣлъ на Кавказѣ одну изъ самыхъ громкихъ боевыхъ репутацій. Это былъ типичный старый пѣхотный офицеръ и столь же типичный россійскій ворчунъ. Въ немъ чувствовался человѣкъ, немало сгибавшійся подъ тяжестью ранца. Вѣчно не въ духѣ, вѣчно занятый критикой, фрондеръ, какіе водятся только у насъ, съ готовымъ всегда на устахъ ругательствомъ, Лабынцевъ являлся блистательнымъ офицеромъ въ день боя, особенно командуя арріергардомъ; это былъ по истинѣ Ней Кавказской арміи. Съ своими преданными кабардинцами, которыми онъ когда-то долго командовалъ, Лабынцевъ пройдетъ всюду и всегда, прорветъ и опрокинетъ всякое сопротивленіе, хотя бы для того, какъ это было съ нимъ въ 1840-мъ году, и пришлось ему, несмотря на свое генеральское званіе, лично стать во главѣ предпринимаемаго имъ удара въ штыки [1]).

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, солдатъ съ раннихъ годовъ своей жизни и все время на службѣ на Кавказѣ, Лабынцевъ, безъ малѣйшей протекціи, всѣ свои чины и награды добылъ себѣ исключительно только своими личными заслугами и подвигами храбрости.

---

[1]) Какъ разсказчикъ правдивый и честный, Бенкендорфъ не могъ не отдать должнаго славному *Лабынцеву*, личности очень скромной, но столь же замѣчательной по пониманію дѣла войны и искусному управленію войсками во всѣхъ видахъ боя. Не удивительно, что въ этомъ походѣ онъ критиковалъ и ругался, такъ какъ этотъ первый опытъ графа Воронцова на Кавказѣ, что называется, вышелъ комомъ, и опытные кавказцы естественно негодовали; особенно вызывала критику торопливость и неосмотрительность дѣйствій графа, совершенно чуждаго условіямъ веденія войны и боя на Кавказѣ. *Б. К.*

Будучи еще неизвѣстнымъ подпоручикомъ и командуя слабаго состава ротой 39-го егерскаго полка, Лабынцевъ при штурмѣ Карса въ 1828-мъ году добылъ себѣ офицерскаго Георгія 4-го класса, когда атаковалъ по приказанію своего непосредственнаго начальства, если не сказать—противно приказанію Паскевича [1]).

Въ Россіи нѣтъ никого, кто могъ бы сравниться по отвагѣ съ армейскимъ подпоручикомъ, сознающимъ, что за нимъ только и есть, что его мундиръ, и воображающимъ, что весь міръ готовъ ему подчиниться; беззаботно и весело ставитъ онъ на одну и ту же карту и свое настоящее и будущее.

Россіи вообще свойственъ духъ завоеванія, и въ нашей арміи любятъ приключенія и смѣлыя предпріятія, такъ какъ держатся того мнѣнія, что для успѣха и для удовлетворенія самаго требовательнаго честолюбія достаточно только одной энергической воли, и мы никогда не будемъ имѣть недостатка въ людяхъ дѣла и вообще въ людяхъ рѣшительныхъ [2]).

Лабынцевъ въ этотъ день былъ не въ духѣ болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ „нечѣмъ было закусить“, и я возможно быстро окончилъ свой докладъ.

Я поторопился обойти мои передовые посты, гдѣ все время шла непрерывная пальба. Окончивъ свою провѣрку, я испыталъ чувство, которое можно сравнить развѣ только съ чувствомъ вступленія на берегъ послѣ жестокой бури. Наши палатки были разбиты. Весело сверкали большіе бивачные огни. Котлы дымились, и нашимъ бѣднягамъ-солдатамъ, впервые въ теченіе цѣлыхъ восьми сутокъ, наконецъ, было предоставлено хотя немного отвѣдать горячей пищи.

Прежде всего, по французской пословицѣ — „charité bien ordonné commence par soi même“ [3]), я разскажу о самомъ себѣ. Я неспособенъ припомнить, каковы были тогда, въ этотъ первый день мои ощущенія. Для моего собственнаго удовлетворенія я все же склоненъ думать, что эти первыя ощущенія не были эгоистичны. Такъ или иначе, но и моя палатка была разбита, и я нашелъ въ ней даже то, что съ нѣкоторымъ хвастовствомъ можно было бы назвать постелью, и я могъ наконецъ перемѣнить бѣлье, съ большими усиліями снявъ съ моихъ ногъ совершенно прилипшіе къ нимъ сапоги. Наконецъ, я увидѣлъ на столѣ давно невиданную

---

[1]) Какъ извѣстно, штурмъ этотъ состоялся противно волѣ Паскевича, грозившаго наказаніемъ, въ случаѣ неудачи, всѣмъ ослушникамъ. *Б. К.*

[2]) Глубоко-вѣрное наблюденіе Бенкендорфа, жившаго впечатлѣніями сороковыхъ годовъ на Кавказѣ. *Б. К.*

[3]) „Хорошо исполненное милосердіе начинается съ самого себя“. *Б. К.*

мною роскошь—нѣкое подобіе ужина и вкусилъ нѣсколько часовъ настоящаго отдыха.

Въ походѣ бываютъ минуты драгоцѣнныхъ физическихъ ощущеній.

На войнѣ солдатъ обыкновенно становится матеріалистомъ и, если онъ только не занятъ своимъ самымъ страшнымъ обязательствомъ и дѣломъ, то всѣ его заботы сосредоточиваются или на надеждѣ отдыха, такъ какъ онъ находится постоянно въ состояніи усталости, или же на ѣдѣ, такъ какъ онъ постоянно голоденъ.

Главный отрядъ, съ которымъ мы теперь соединились, прошелъ также немалыя трудности и лишенія. Распустившіяся отъ дождя и снѣга горныя тропы представили для движенія препятствія, одолѣть которыя было по плечу развѣ только кавказскому солдату. Около дюжины плохо обутыхъ и плохо одѣтыхъ черводаровъ [1]) умерли отъ холода.

Сотни павшихъ лошадей усѣяли весь путь слѣдованія отряда.

Снабженіе отряда было совершенно разстроено быстротой марша и продолжительнымъ ненастьемъ, не оставлявшимъ насъ теперь уже до самаго конца кампаніи.

12-го іюня утромъ снова наступили дожди и туманы. Съ разсвѣтомъ назначено выступленіе. Въ распредѣленіи войскъ послѣдовали новыя распоряженія, и мой баталіонъ изъ авангарда переведенъ въ составъ главныхъ силъ съ назначеніемъ, впредь до особаго приказанія, прикрывать артиллерійскій паркъ.

Къ назначенному времени палатки сняты, лошади навьючены имуществомъ и больными, и баталіонъ сталъ „въ ружье“.

Никогда не забыть мнѣ этого дня, глубоко мнѣ памятнаго среди всѣхъ дорогихъ воспоминаній этого похода и памятнаго не по чувству личнаго удовлетворенія, но по чувству почитанія, уваженія и признательности по отношенію человѣка, которому я былъ преданъ во всей той мѣрѣ, на которую я только былъ способенъ.

Мы не видѣли графа Воронцова съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ направилъ насъ на штурмъ горы Анчимееръ.

Сегодня сквозь туманную мглу мы увидѣли группу всадниковъ въ буркахъ и въ башлыкахъ въ предшествіи значка въ сочетаніи бѣлаго съ краснымъ; то былъ самъ главнокомандующій со свитой,

---

[1]) Нанятый для экспедиціи вожатый, съ лошадью и вьюкомъ; обыкновенно этимъ цѣлямъ служили туземцы, нанимаемые съ мѣсячной платой, при чемъ эти черводары уже сами должны заботиться своимъ продовольствіемъ и своей лошади. Въ этомъ бѣдственномъ походѣ черводары очутились въ очень трудномъ положеніи и гибли сотнями. *Б. К.*

направлявшійся къ намъ. Скомандовавъ людямъ „на плечо“, самъ я, въ грязи по щиколку, съ папахой въ одной рукѣ и съ большой палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ въ другой, пошелъ навстрѣчу графу Воронцову.

„Боже мой, въ какомъ видѣ!“ обратился графъ ко мнѣ и бросился мнѣ на шею. Дѣйствительно, мы походили на трупы: блѣдные, истощенные, небритые, въ одеждѣ, утратившей какой-либо цвѣтъ, мы произвели бы оригинальное впечатлѣніе на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ!

Графъ Воронцовъ продвинулъ свою лошадь вплотную къ первой шеренгѣ и обратился къ людямъ со словами благодарности; восторженное, могучее „ура!“ Куринцевъ заглушило голосъ графа. Онъ хотѣлъ продолжать, но слезы его прервали, и онъ только пожималъ мнѣ руки, которыя все это время онъ не выпускалъ изъ своихъ.

Не успѣхъ блестящаго штурма Анчимеера глубоко тронулъ въ эту минуту графа Воронцова, но тронуло его то, что въ эту кампанію мы первые живо напомнили ему его молодость и длинную серію эпизодовъ его боевой службы; мы напомнили ему его бои подъ начальствомъ *князя Циціанова*, *Гулякова*, дѣла подъ *Ганжей* и *Эриванью*, у *Джарскихъ* лезгинъ и въ *Осетіи*, его четыре кампаніи на Дунаѣ и на Балканахъ и эпизоды войнъ 1812, 1813-го и 1814-го годовъ; въ его памяти внезапно воскресъ цѣлый рядъ славныхъ подвиговъ.

Впервые, послѣ длиннаго ряда годовъ отдыха, когда бои служили ему лишь темой для сдержанныхъ и скромныхъ разсказовъ въ его прелестномъ замкѣ въ Алупкѣ, разсказовъ, въ которыхъ онъ скрывалъ свои собственныя заслуги,—война вновь представилась ему въ своихъ потрясающихъ результатахъ и послѣдствіяхъ. Это было пробужденіе его молодости, осенняя пѣснь его жизни солдата.

Всѣмъ намъ сообщилось возбужденіе главнокомандующаго; онъ осыпалъ лестнымъ вниманіемъ и офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и я ему представилъ наиболѣе отличившихся; для каждаго изъ нихъ у него нашлось и доброе слово и похвала.

Эссенъ, котораго я представилъ въ числѣ отличившихся, замѣтилъ мнѣ позднѣе: „спасибо, Ваше Сіятельство, за новаго кунака, онъ мнѣ пригодится“.

Несмотря на дождь и туманъ, люди весело затянули: „Мы дѣти Сѣвера великаго, мы дѣти бѣлаго Царя“.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VIII [1]).

Торговые люди и покупатели.

Бурная торговая жизнь Китая-города была полна разнообразныхъ казусовъ уголовнаго и гражданскаго характера, разрѣшавшихся на съѣзжемъ дворѣ передъ судейскимъ столомъ объѣзжаго головы. Между многочисленными торговыми людьми царили постоянныя междоусобія: то и дѣло они другъ-друга „били, увѣчили и безчестили, драли за бороды"; одинъ приходилъ жаловаться, что на немъ „кафтанъ сѣрый армячный новый, лѣвый клинъ выдрали", другой заявлялъ, что на немъ „рубаху пестрядинную красной пестряди изодрали, цѣна той рубахѣ 20 алтынъ"; одного безчестили самой грубой „матерной" бранью, другого обозвали „псомъ", про третьяго злобное рядское остроуміе измыслило, что у него „въ брюхѣ семеро щепятъ". Столкновенія часто возникали на почвѣ конкурренціи. Случалось, что одинъ торговецъ „сбивалъ другого съ мѣста и насильствомъ на его мѣстѣ торговалъ". Иногда же споры изъ-за торговыхъ мѣстъ сопровождались порчей товара или дракой между торговыми людьми. Стрѣлецъ Аѳанасій Семеновъ, торговавшій на Красной Площади яблочнымъ квасомъ, по возвращеніи со службы, на которой онъ пробылъ два года, „сталъ садиться" на свое прежнее мѣсто, но „невѣдомо какого чину человѣкъ", оказавшійся квасникомъ, Тимоѳеемъ Степано-

[1]) См. „Русская Старина" октябрь 1910 г.

вымъ, его „на то мѣсто не щупалъ и бранилъ его и посуду у него перебилъ“. Въ другой разъ поссорились два торговца солониной, при чемъ одинъ „отодвинулъ“ кадь сосѣда отъ своего лотка, но такъ, что кадь покатилась подъ гору и долгое время валялась „порожняя“ на площади, другой же, „поваля на землю“, конкуррента „убилъ и, бивъ на землѣ, бранилъ всякою бранью“. Конкурренція выражалась и въ томъ, что одинъ торговецъ хулилъ передъ покупателемъ товаръ другого, изъ чего опять-таки возникало судное дѣло. 20 сентября 1687 года въ Калачномъ ряду „невѣдомо какого чину человѣкъ“ сторговалъ у торговца Ив. Карпова двуденежныхъ калачей на 10 алтынъ и „тѣ калачи велѣлъ ему для себя положить въ веко“; потомъ покупатель купилъ еще на 3 алтына 2 деньги калачей у торговца Семена Трофимова; этотъ послѣдній калачи Карпова охаялъ, „тому человѣку брать не велѣлъ, а вмѣсто тѣхъ калачей взять у калачника Григорія Никитина“; Карповъ жаловался, что Трофимовъ „его, Ивашкины, калачи засушилъ и отъ продажи его отбилъ“; Трофимовъ ссылался на принадлежащую всякому покупателю свободу выбора и утверждалъ, что „тотъ человѣкъ смотрѣлъ калачи у многихъ калачниковъ, и тѣ Ивашкины калачи тому человѣку не полюбились“. Конкурренція часто выражалась въ порчѣ товара конкуррента: то одинъ мясникъ у другого на площади „вареное мясо и продажныя деньги“ сбрасывалъ съ лотка на землю, то у сидѣвшаго съ восковыми свѣчами патріаршаго „отсталого“ конюха служка Донского монастыря „обсыпалъ пескомъ свѣчи“, то на Спасскомъ мосту щепетильникъ у гребенщика „бросалъ ящикъ на землю и товаръ весь переламывалъ“, а къ сидѣвшему на Жемчужномъ перекресткѣ за щепетильнымъ товаромъ торговцу Дм. Иванову 27 мая 1687 года привязался того же ряда торговецъ Полуехтъ Яковлевъ и „учалъ его бранить и безчестилъ всякою неподобною скаредною бранью, невѣдомо за что, и товаръ весь засыпалъ сѣномъ, а какъ то сѣно стали съ того товару снимать, и въ ту пору у него товару пропало многое число“, такъ какъ товаръ былъ мелкій и разсыпчатый. Иногда торговцы обвиняли другъ друга въ кражѣ товара. Въ іюлѣ 1687 г. Аптекарскаго приказа ученикъ Степанъ Дмитріевъ, торговавшій въ Зелейномъ ряду, заявилъ, что у него „украли изъ лавки бентюхъ съ снастьми, да съ нимъ же пропала снасть же лѣкарская съ бентюхомъ съ мазми и съ пластырьми, да 10 рублевъ денегъ“. Узнавъ, что „тотъ бентюхъ объявился“ въ томъ же ряду въ лавкѣ Тимоѳея Вавилова, Дмитріевъ взялъ „того жъ ряду лучшихъ людей“ и „вынялъ то поличное при тѣхъ третьихъ“. На съѣзжемъ дворѣ, куда былъ принесенъ „бентюхъ“, по осмотру „тотъ бентюхъ оказался мѣдный ветхій, паянъ серебромъ“.

Вавиловъ утверждалъ, что Дмитріевъ „за тотъ бентюхъ вклепался, что тотъ бентюхъ его“ [1]).

Торговые счеты также подавали поводъ къ ссорамъ и дракамъ. 7 августа 1693 года Свѣчного ряда торговый человѣкъ Аврамъ Ивановъ билъ челомъ на торговаго человѣка того же ряда Григорія Григорьева въ томъ, что Григорьевъ съ племянникомъ „учали его бить и увѣчить невѣдомо за что дубиною“. По показаніямъ свидѣтелей, дѣло обстояло нѣсколько иначе.

„Сидѣлъ онъ, Аврамка, показывали торговые люди, съ нимъ, Григорьемъ, на прилавкѣ, и учинился у нихъ счетъ о торговомъ дѣлѣ... и онъ, Аврамка, учалъ его, Григорья, бранить всякими неподобными словами, и онъ, Григорій, за ту брань, взявъ батогъ (осталось невыясненнымъ, батогъ или прутъ) и ударилъ его Аврамку по спинѣ, и онъ, Аврамка, противъ тѣхъ побой ухватилъ доску и погнался за нимъ, Григорьемъ, въ ряду, и племянникъ его Игнашка ухватилъ Аврамку съ доскою и повалилъ на землю и доску у него отнялъ“.

Два торговца Сырейнаго ряда крѣпко побранились изъ-за того, что при покупкѣ мертвой коровы одинъ изъ нихъ „вязку не вязалъ“, т. е. отказался участвовать въ стачкѣ (вязкѣ) съ цѣлью сбивать цѣну. Торговцы часто ссорились изъ-за всякихъ пустяковъ, просто потому, что имъ было тѣсно въ рядахъ, а подчасъ и скучно, когда случалось сидѣть безъ почина за неимѣніемъ покупателей. Пришелъ, напримѣръ, торговый человѣкъ Жемчужнаго перекрестка Яковъ Михайловъ къ погребщикамъ, и, только успѣлъ сказать „прежъ сего на этомъ мѣстѣ была дорога, а нынѣ вы сундуки заставили“, какъ погребщики „почали его бранить и бить и увѣчить“. Или, напримѣръ, торговый человѣкъ Серебрянаго ряда Дм. Климовъ „легъ на своемъ прилавкѣ спать, а ногами легъ къ лавкѣ“ торговаго человѣка Мих. Карпова; Карповъ „завернулъ его, Митькины, ноги въ его, Митькину, лавку и молвилъ ему, что де, Митька спишь, надѣяся де ты на бабушкины деньги“; тотчасъ началась драка; „Митька его, Мишку, за тѣ слова пхнулъ ногою, и Мишка за то его, Митьку, зашибъ молоткомъ, пробилъ въ дву мѣстѣхъ до крови голову“.

Отъ бездѣлья торговые люди играли и шутили другъ съ другомъ; эти игры также не всегда кончались добромъ. 25 августа 1691 года у Свѣчного Воскового ряда подрался уксусникъ Тимоѳей Леонтьевъ съ торговымъ человѣкомъ Иваномъ Кирилловымъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сначала они „за любовь боролись, и въ игрѣ Тимошка бросилъ въ Ивашку орѣхомъ, и Ивашка про-

[1]) Пр. 1061, 53, 81, 124, 184, 205; Пр. 1512, 103, 200.

тивъ того въ Тимошку бросилъ орѣхомъ же, и Тимошка, на то осердясь, ударилъ Ивашку кулакомъ по глазу и глазъ вышибъ; и Ивашка напротивъ того бою билъ, и въ томъ бою Тимошка Ивашку ихнулъ къ себѣ въ погребъ, и Ивашка въ тотъ погребъ не упалъ, и передъ тѣмъ погребомъ Тимошка учалъ Ивашку бить кулаками и подъ животъ и въ рожу, и Ивашка, лежа, ударилъ Тимошку изъ-подъ себя кирпичемъ". Результатъ игры оказался тотъ, что у одного шутника „на головѣ, на лѣвой сторонѣ было въ дву мѣстѣхъ зашибено до крови, и рука зашибена, и вспухло", у другого „лѣвый глазъ подшибенъ и вспухъ". Дикими шутками занимались и женщины: шапочница, напримѣръ, Прасковья Яковлева, подойдя незамѣтно къ шапочнику Науму Иванову „съ большимъ гвоздемъ, перерѣзала у него сзади межъ плечъ шубу".

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ замѣтна значительная доля ябеды: торговецъ, обидѣвшій другого, старался забѣжать впередъ со своимъ челобитьемъ, выставить потерпѣвшаго обидчикомъ; на съѣзжемъ дворѣ и истецъ и отвѣтчикъ безъ стыда запирались и отчаянно врали. Рѣдко встрѣчались отвѣтчики въ родѣ упомянутаго выше Жемчужнаго перекрестка торговаго человѣка Полуехта Яковлева, который съ грубою откровенностью заявилъ на съѣзжемъ дворѣ, что онъ „къ Мишкиной скамьѣ Иванова приходилъ, и бранилъ, и безчестилъ и ножемъ его похвалялся изрѣзать и товаръ его, Мишкинъ, сѣномъ засыпалъ, а, что того товару у него, Мишки, процало, и за тотъ товаръ онъ плательщикъ будетъ". Въ послѣднихъ словахъ виденъ прямой прародитель позднѣйшихъ Титовъ Титычей, державшихся правила „за безобразіе заплатимъ".

Дикіе нравы Китая-города грозили всевозможными непріятностями людямъ, посѣщавшимъ всемосковское торжище. Никто, идя въ „городъ", не могъ поручиться, что его тамъ не изругаютъ, а то и не изобьютъ и ограбятъ. 30 мая 1693 года пѣвчій дьякъ Григорій Карсаковъ встрѣтился въ Скорняжномъ ряду со знакомыми и остановился поговорить съ ними; это не понравилось торговому человѣку Григорію Ѳедорову, который рѣшилъ разогнать дружескую компанію и „учалъ ихъ бранить и безчестить и сталъ мѣхами тресть и пылью ихъ всѣхъ запылилъ".

Одного покупателя, купившаго золота и серебра и отправившагося въ Кумащетый рядъ „прикупить кружева кумащетаго", неизвѣстный ему сидѣлецъ „невѣдомо съ какого чину людьми" не только „бранилъ и безчестилъ", но и „золото и серебро, вытресши, отнялъ"; другого покупателя въ Крашенинномъ ряду торговый человѣкъ Ив. Герасимовъ не только избранилъ, но и „учалъ аршиномъ желѣзнымъ бить", а служкѣ Вознесенскаго монастыря Игнату Иванову въ

Книжномъ Овощномъ ряду торговые люди насыпали перца въ носъ и глаза [1]).

При постоянныхъ дракахъ между торговцами легко можно было попасть въ такую драку и получить въ чужомъ пиру похмелье. Такъ, 4 сентября 1687 года братья—стрѣльцы Василій и Никита Терентьевы съ женами по семейному возвращались по Варваркѣ изъ гостей отъ брата своего и у церкви Варвары Христовой Мученицы наткнулись на „невѣдомо какого чину людей", дравшихся между собою; внезапно ярость дравшихся обратилась на Терентьевыхъ, и „изъ тѣхъ людей выбѣжалъ одинъ человѣкъ—квасникъ съ работникомъ своимъ и учалъ Васильеву жену бить, невѣдомо за что, и кисею изодралъ, и Василія и брата его Никиту и жену братню били жъ и бранили всякою бранью и шапку съ Василія сбили и кафтаны на нихъ изодрали". Для прохожихъ были опасны не только ссоры торговцевъ между собою, но и ихъ взаимныя любезности. Солдатъ Иванъ Шапочниковъ 27 сентября 1693 года проходилъ по Старому Гостиному Двору; увидавъ, что торговый человѣкъ Ѳедоръ Ѳедоровъ „замахнулся прутомъ жимолостнымъ на товарища своего", Шапочниковъ основательно замѣтилъ: „не выколи мнѣ глаза"; это раздражило разыгравшихся торговыхъ людей, и они „учали" Шапочникова „бранить и безчестить и называли его мошенникомъ и просили другъ у друга шелепа и хотѣли его бить шелепомъ". Особенно было опасно для покупателя или прохожаго чѣмъ-нибудь затронуть интересы торговца. Воронцовской слободы тяглецъ Вавила Григорьевъ однажды шелъ съ товарищемъ по Никольской и внезапно былъ испуганъ тѣмъ, что какой-то яичникъ „схватилъ съ него шапку суконную, дикой цвѣтъ, цѣна той шапкѣ 4 деньги" вмѣстѣ съ бывшими въ шапкѣ 13 алтынами 2 деньгами; оказалось, что Григорьевъ, самъ того не замѣтивъ, „у яичника на деньгу яицъ разбилъ". Не всегда кончались добромъ и пріятельскія отношенія къ инымъ торговымъ человѣкамъ. 21 іюля 1687 года по Овощному ряду шелъ Огородной слободы тяглецъ Иванъ Григорьевъ съ товарищемъ своимъ Авдѣемъ Ивановымъ; торговый человѣкъ Кондратій Степановъ, настолько мало знакомый имъ, что они не знали, „чей онъ сынъ и какой слободы", „призвалъ ихъ къ своей лавкѣ играть въ шахматы за любовь и послѣ игры учалъ ихъ бить и бранить и съ Ивашки сбилъ шапку, а изъ той шапки пропалъ платъ, а въ томъ плату завязаны были запаны золотыя съ алмазы";

---

[1]) Б. 1360, 190, 361—366; Пр. 1061, 7, 81, 161; Пр. 1250, 83—86; Пр. 1512, 125, 155—159, 261.

Степановъ, правда, первый билъ челомъ на Григорьева и Иванова въ томъ, что они „учали его бить и безчестить, у товарыща его у Анкиндинки Алфимова ставъ масла деревяннаго пролили“, но предпочелъ помириться съ побитыми имъ шахматными партнерами, можетъ быть, даже, по обычаю Титовъ Титычей, „заплативъ побитымъ за изъянъ“. Не былъ гарантированъ отъ скандала и такой человѣкъ, какъ подьячій приказа Большого Дворца Мартынъ Хлѣбниковъ, пріѣхавшій 2 августа 1687 года въ Москву „изъ походу“ царя Петра изъ села Преображенскаго по казенной надобности „на Государевой лошади“; онъ поставилъ лошадь „по знакомству“ у погребщика кадашевца Родіона Савельева, а самъ пошелъ за живой рыбой къ Москворѣцкому мосту; на возвратномъ пути на Ильинкѣ онъ встрѣтилъ Савельева, который на „той Государевой лошади хотѣлъ ѣхать, невѣдомо куды“; Хлѣбниковъ съ помощью торговыхъ людей отнялъ у Савельева „Государеву лошадь“, но погребщикъ „учалъ его и жену его и дѣтей бранить всякою бранью скаредною и учалъ его съ лошади за кафтанъ тащить и кафтанъ на немъ изодралъ и учалъ въ него кирпичемъ бросать“.

Забывая, что „не товаромъ Богъ кормитъ, а купцомъ“, т. е. покупателемъ, торговые люди Китая-города не всегда баловали ласковымъ обращеніемъ своихъ покупателей. Торговецъ иногда оскорблялъ покупателя за то, что покупаетъ не у него, а у сосѣда. Стрѣлецъ Семенъ Захаровъ, запасаясь къ зимѣ теплой одеждой, 20 сентября 1693 года пришелъ съ женой на Ильинку къ пушникамъ, торговавшимъ „бобровыми пухами“, и сталъ торговать пухъ у вдовы Ѳедоры Филатьевой; этимъ осталась недовольна другая пушница Авдотья Иванова и „учала его и жену его безчестить неподобною бранью“; на допросѣ, правда, оказалось, что Иванова Захаровыхъ „не бранивала, а бранила пушницу Ѳедору Филатьеву“, и брань попала въ покупателей мимо цѣли. Но иногда покупатель выслушивалъ брань не отъ какой-нибудь бабы—пушницы, а отъ солиднаго первостатейнаго купца: 24 іюня 1693 года человѣкъ стольника В. Г. Нарышкина покупалъ бѣлорыбицу въ Рыбномъ ряду, и „въ томъ ряду въ другой лавкѣ“ гостиной сотни торговый человѣкъ Борисъ Полосинъ „бранилъ его и безчестилъ и билъ и увѣчилъ и кричалъ товарыщемъ своимъ и сидѣльцомъ, чтобы его бить“. Старая пословица утверждала, что „купилъ, не купилъ, а поторговать можно“, но торговцы Китая-города не любили, когда у нихъ только прицѣнялись къ товару, а не покупали. 3 октября 1693 года человѣкъ думнаго дьяка Гаврилы Деревнина П. Загребинъ съ женою торговалъ въ Крашенинномъ ряду крашенину у торговца Романа Игнатьева и, „поторговавъ, прочь пошелъ“; за это Игнатьевъ „учалъ его бра-

нить и безчестить и называлъ его воромъ и мошенникомъ". Въ то же почти самое время Преображенскаго полка потѣшный Игнатій Косточкинъ на Красной Площади у торговца Ал. Ларіонова „торговалъ солоницу и чесночникъ и подсвѣчникъ и, не сторговавъ, пошелъ прочь"; Ларіоновъ, разсердившись, „учалъ потѣшнаго бранить и безчестить и называлъ его боярскимъ холопомъ и оленьимъ ухомъ". Недоразумѣнія возникали и изъ-за цѣны. 11 мая 1687 года тяглецъ Большихъ Лужниковъ Алферъ Осиповъ на Красной Площади торговалъ мясо у мясника Конст. Игнатьева; мясникъ просилъ за мясо 2 алтына 4 деньги, а Осиповъ давалъ только 4 деньги, т. е. совсѣмъ ни съ чѣмъ не сообразную цѣну съ точки зрѣнія мясника; Игнатьевъ, разсердившись на несговорчиваго покупателя, „учалъ его бранить всякою неподобною бранью за то, для чего де ты за то мясо даешь мало денегъ, и, взявъ часть мяса, ударилъ Осипова въ лицо и подшибъ глазъ". Если торговецъ запрашивалъ лишнее, не безопасно было упрекать его за это. 16 мая 1687 года человѣкъ кн. Гр. Ѳ. Долгорукова Аѳанасій Красовскій захотѣлъ выпить яблочнаго кваса и пошелъ въ Коробейный рядъ, какъ еще на нашей памяти ходили съ этою цѣлью въ Сундучный рядъ; квасникъ Яковъ Борисовъ, получивъ съ него 6 денегъ, потребовалъ еще „лишку дву денегъ"; Красовскій заплатилъ и эти двѣ деньги, но неосторожно замѣтилъ: „для чего ты лишекъ берешь, отъ Бога тебѣ лишній грѣхъ будетъ"; этотъ деликатный упрекъ взорвалъ погребщика и онъ съ товарищемъ своимъ „учалъ Красовскаго бить смертнымъ боемъ"; на съѣзжемъ дворѣ Борисовъ утверждалъ, что Красовскій не платилъ денегъ, но, несмотря на это, онъ его не „бивалъ"; если первое и было вѣрно, то послѣднее оказалось неправдою, такъ какъ по осмотру у Красовскаго была „спина бита, сине и забагровѣло, и носъ разбитъ до крови, и губы перебиты". Иногда торговцы вопреки условію не брали назадъ недоброкачественнаго товара, иногда, взявъ деньги, не отдавали товара. 18 іюня 1687 года человѣкъ стольника Григорія Лукьяновича Голосова Тарасъ Васильевъ купилъ въ Покромномъ ряду у кадашевца Ив. Васильева покроми красной на 2 алтына 2 деньги „на уговоръ, будетъ де полюбится боярынѣ его, и она де возьметъ, а, будетъ, не полюбится, и тотъ торговый человѣкъ велѣлъ ему тое покромь принести назадъ"; покромь „не полюбилась" Голосовой, но кадашевецъ, взявъ забракованную покромь, не возвратилъ денегъ, уплаченныхъ за нее. Въ томъ же году крестьянинъ Сибирскаго царевича Василія Алексѣевича Иванъ Яковлевъ купилъ въ Ножевомъ ряду ножъ и купилъ не у какого-нибудь „походячаго"

торгаша, а у торговаго человѣка гостиной сотни Луки Иванова; но купецъ, по показанію Яковлева, получивъ деньги, „ножа не далъ и учалъ его бранить и безчестить всякою неподобною и скаредною бранью, невѣдомо за что, и бить изъ лавки совался“; Яковлевъ говорилъ расходившемуся купчинѣ: „за что ты меня бранишь и хочешь бить, али на тебя нѣтъ управы, поди, не грозися, не боюсь“; управу Яковлевъ искалъ, конечно, на съѣзжемъ дворѣ, гдѣ Ивановъ утверждалъ, что ссора вышла изъ-за того лишь, что они не сошлись въ цѣнѣ.

При такихъ повадкахъ торговыхъ людей едва-ли можно удивляться, что нѣкоторые покупатели говорили про ряды: „нельзя нашей братьѣ отъ воровъ прійти для покупки“.

Впрочемъ, иногда сами покупатели не были вовсе невинными агнцами и не уступали торговцамъ въ самодурствѣ и мошенничествѣ. 28 сентября 1687 года человѣкъ думнаго дьяка Василія Григорьевича Семенова Андрей Савельевъ на съѣзжемъ дворѣ билъ челомъ на двухъ торговыхъ людей Оконичнаго ряда въ томъ, что они „бранили его скаредною бранью и хотѣли бить“. На съѣзжемъ дворѣ встревожились этимъ челобитьемъ, такъ какъ думный дьякъ Семеновъ былъ начальникомъ Разряда и, слѣдовательно, высшимъ начальствомъ для самого объѣзжаго головы, и тотчасъ послали стрѣльцовъ въ Оконичный рядъ за торговцами. На допросѣ выяснилось, что Савельевъ, бывшій въ ряду „по приказу своего государя“, велъ себя, какъ было въ пору самому думному дьяку Семенову: пробуя окончины, онъ изо всѣхъ силъ „билъ въ нихъ рукою“, не понравившіяся ему окончины „бросалъ на прилавокъ, говоря, худы де, ты денегъ не возьмешь за тѣ окончины“; хозяева этого хрупкаго товара были недовольны поступками Савельева, одинъ изъ нихъ сказалъ ему: „для чего де ты больно бьешь въ окончины, авось проломишь“, а другой прибавилъ: „пыталъ бы де ты постукать въ хозяинову голову, чья окончина, и голова бы де у него заболѣла“; отъ этихъ замѣчаній Савельевъ совсѣмъ вышелъ изъ себя, „избранилъ матерны“ торговца „для того, что то слово невѣжливо молвилъ и пошелъ изъ ряду вонъ“. Иные покупатели били торговцевъ и портили у нихъ товаръ. 16 сентября 1687 года къ сидѣльцу Ѳедору Васильеву въ лавку пришелъ Новомѣщанской слободы тяглецъ Иванъ Романовъ и „сталъ его бранить и безчестить и говорить, у тебя де ухо отсѣчено и ты за то ухо взялъ пять рублевъ, и повалилъ у него скамью съ товаромъ съ яблоки на землю и тамъ товаръ перебилъ и перемаралъ и ногами перетопталъ, цѣна на 6 рублевъ съ полтиною“. 24 іюля 1693 года въ рыбный шалашъ къ торговцу Никитѣ

Кононову пришла компанія учениковъ „школы Святѣйшаго Патріарха“ „семги ѣсть“; одинъ изъ учениковъ оказался такимъ любителемъ семги, что изъ шалаша ушелъ босикомъ, оставивъ у рыбника „за поѣду“ свои „сапоги козловскіе черные“; 4 августа юный гастрономъ снова явился къ рыбнику и „просилъ ѣсть“, но Кононовъ „ѣсть ему не далъ“; въ отместку ученикъ пошелъ на съѣзжій дворъ и заявилъ, что онъ „положилъ по знакомству“ къ Кононову сапоги, и теперь Кононовъ „тѣхъ сапоговъ ему, Оскѣ, не отдаетъ и бранитъ и безчеститъ всякою неподобною бранью“; желая получше нагрѣть несговорчиваго рыбника „студентъ“ придумалъ сказать, что сапоги были не простые, черные, а „сафьяные алые“ [1]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Пр. 1061, 10, 22, 46, 113, 152, 163, 188, 203, 221; Пр. 1081, 214—221; Пр. 1512, 48, 86, 144, 157, 238, 244, 257, 286.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I [1].

(Великій князь Николай Михаиловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

(Окончаніе).

Несмотря на то, что силы Императрицы слабѣли съ каждымъ днемъ, въ ея душѣ, въ моментъ отъѣзда изъ Таганрога, еще теплился лучъ надежды; но этой надеждѣ не суждено было осуществиться.

Сопутствуемая небольшой свитой и врачами, Императрица покинула Таганрогъ 22 апрѣля. „Были приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобы облегчить для больной долгое и утомительное путешествіе. Въ письмѣ къ матери изъ Харькова отъ 26 числа, она даже не жаловалась особенно на усталость и обѣщала написать еще изъ Калуги, гдѣ должна была произойти ея встрѣча съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной; но письмо изъ Харькова было послѣднее. По пріѣздѣ въ Бѣлевъ силы окончательно оставили Государыню".

Все, что происходило по пути во время поѣздки изъ Таганрога до Бѣлева, подробно записано секретаремъ Елисаветы Алексѣевны Н. М. Лонгиновымъ въ его дневникѣ, нѣкоторыя дополнительныя подробности находимъ въ его письмѣ къ брату, писанномъ ровно мѣсяцъ спустя послѣ кончины Императрицы.

Пользуясь тѣмъ и другимъ источникомъ, мы можемъ воспроизвести довольно подробно послѣднія минуты жизни Императрицы.

„Въ четвергъ, 22 апрѣля, мы собрались, передъ отъѣздомъ въ

[1]) См. „Русская Старина", май 1910 года.

дворецъ Ея Величества, записалъ Лонгиновъ. Мнѣ сказали, что по утру Государыня много плакала; ея глаза были опухши отъ слезъ, когда она появилась въ залѣ, гдѣ собрались три депутаціи: отъ дворянства города Таганрога, отъ русскихъ обывателей и отъ грековъ,—каждая съ хлѣбомъ-солью. Она сказала каждой изъ нихъ нѣсколько прочувствованныхъ и доброжелательныхъ словъ, затѣмъ прошла въ церковь, чтобы отслушать, по обыкновенію, молебенъ. Слезы текли ручьемъ изъ ея глазъ, мы всѣ также плакали, сознавая, что Ея Величество должна была чувствовать въ столь тягостную для нея минуту. Стоффрегенъ, стоявшій у окна, предвидя, что это будетъ ея послѣднимъ путешествіемъ, горько плакалъ. Вернувшись въ свои покои, Ея Величество осталась съ четверть часа одна, чтобы поплакать на свободѣ; затѣмъ она сѣла въ карету, чтобы ѣхать.

Намъ было приказано не сопровождать ее въ греческій монастырь, куда, согласно ея желанію, долженъ былъ ѣхать съ нею только одинъ князь Волконскій. Погода была великолѣпная, все зеленѣло, цвѣли тюльпаны и нарцисы, весенній воздухъ былъ упоителенъ. Отъѣзжая двѣ станціи отъ Таганрога, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ. Мы были удивлены, когда за обѣдомъ появилась Ея Величество. Она почти ничего не кушала, но хотѣла быть со всѣми. Пообѣдавъ, мы тотчасъ поѣхали дальше въ Исаевку, гдѣ Ея Величество ночевала въ домѣ помѣщика, полковника Исаева.

Она худо провела ночь и по утру видимо была слабѣе. Мы поѣхали далѣе въ имѣніе полковника Стерича, гдѣ былъ приготовленъ для насъ обѣдъ; къ столу были приглашены хозяинъ дома и его зять, генералъ Пушкинъ. Въ этотъ день переѣздъ былъ утомительный; мы прибыли въ Бахмутъ только къ 9 часамъ вечера. Ночь Ея Величество провела хуже предъидущей; и на слѣдующій день мы были встревожены ея слабостью. Когда карета Ея Величества, отъѣхавъ съ версту отъ первой станціи, остановилась, мы подумали, что она кончается; но оказалось, что ей нужно было принять капли, и она не пожелала этого сдѣлать на станціи.

Несмотря на крайній упадокъ силъ, Ея Величество выѣхала изъ Бояна далѣе въ Курскъ; погода была сырая и дождливая, дорога испортилась. Пріѣхавъ въ Курскъ, Ея Величество пожелала отдохнуть и обѣдала одна. Вечеромъ, чувствуя необходимость въ отдыхѣ, она рѣшила провести слѣдующій день въ Курскѣ и приняла княгиню Барятинскую и г-жу Кожухову, супругу губернатора. Погода стала лучше, и Ея Величество два раза выходила на балконъ, чтобы удовлетворить желаніе многочисленной толпы, заполнившей улицу передъ ея домомъ.

„Боже мой“, сказала она, „можетъ ли такое жалкое существо, какъ я, интересовать этихъ добрыхъ людей?“

1 мая мы выѣхали изъ Курска. Ея Величество, повидимому, нѣсколько окрѣпла. Дорога стала лучше, погода была превосходная. Мы обѣдали на почтовой станціи. Послѣ обѣда Ея Величество удалилась, чтобы отдохнуть. Такъ какъ на станціи Орки она ничего не кушала, то она потребовала кофе. Узнавъ отъ бывшаго тутъ графа Чернышева, что его супруга желала видѣть Стофрегена, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, Государыня предложила ему самому отправиться съ графомъ и нагнать насъ въ имѣніи князя Кочубея, гдѣ Ея Величество должна была ночевать. Это было въ субботу, на слѣдующій день Императрица хотѣла отслушать обѣдню. Ночью погода испортилась, и это повліяло вѣроятно на здоровье Ея Величества. Она провела ночь очень плохо, была по утру чрезвычайно слаба и послала насъ къ обѣднѣ, а сама не могла присутствовать на ней. Тотчасъ послѣ обѣда мы поѣхали далѣе. На одной изъ станцій былъ сервированъ обѣдъ; до Орла оставалась только одна станція, и мы прибыли въ Орелъ довольно рано. Когда Ея Величеству предложили провести тутъ цѣлый день, какъ въ Курскѣ, то она сказала, что слѣдуетъ спѣшить въ Калугу, такъ какъ получено извѣстіе, что вдовствующая Императрица уже тамъ и ожидаетъ ее.

Такъ какъ это былъ послѣдній день жизни Императрицы, то ради лицъ, преданныхъ покойному Императору, для которыхъ предназначается все, мною здѣсь записанное, я обязанъ изложить всѣ обстоятельства этого дня возможно подробнѣе.

3-го мая почта была получена рано утромъ. Я самъ понесъ письма Ея Величеству. На мой вопросъ, какъ здоровье Государыни, ея горничныя, заливаясь слезами, сказали мнѣ, что она провела ночь очень худо, ни минуты не спала, задыхалась и была чрезвычайно слаба. Она говорила имъ со слезами:

„Господь ниспослалъ мнѣ эти страданія, и я должна переносить ихъ, но за что же вы, — васъ при мнѣ только двое, — должны мучиться, ухаживая за мною безо всякой пользы? Ради чего должны страдать изъ-за меня окружающіе и раздѣлять мои страданія“?

Я отдалъ горничнымъ письма для передачи Ея Величеству и просилъ сказать ей, что если ей нужно будетъ видѣть меня, то я зайду за полчаса до отъѣзда. Я пошелъ къ себѣ, чтобы приготовить къ отправкѣ кое-какія бумаги. Вернувшись во дворецъ, я узналъ, что Ея Величество принимала орловскаго епископа. Въ виду чрезвычайной слабости Ея Величества, мы были недовольны тѣмъ, что эта аудіенція продолжалась около получаса. Вслѣдъ за нимъ къ Ея Величеству былъ допущенъ не надолго командующій

войсками генералъ Загряжскій. Затѣмъ она приняла губернатора Солнцева и его супругу, въ чьемъ домѣ она остановилась, потомъ княгиню Волконскую и меня одновременно; княгиня должна была ѣхать въ каретѣ вмѣстѣ съ Ея Величествомъ. Государыня спросила меня, получилъ ли я что-нибудь съ почты. И когда я отвѣтилъ, что мною получено нѣсколько бумагъ съ короной, которыя я уже приготовилъ для отсылки въ Бѣлевъ, она сказала: „Сдѣлайте это, какъ обыкновенно, отъ моего имени".

Затѣмъ, она освѣдомилась съ участіемъ о моемъ здоровьи, о томъ, имѣлъ ли я извѣстія отъ мой семьи, и передала мнѣ для Стофрегена письмо отъ своей августѣйшей матери, сказавъ:

„Я просила васъ зайти еще разъ, чтобы не заставлять этого бѣднаго подагрика подниматься лишній разъ по лѣстницѣ за письмомъ, которое было вложено въ переданномъ мнѣ вами пакетѣ. Такъ какъ онъ ѣдетъ въ вашей колескѣ, то я прошу васъ отдать ему это письмо; оно отъ моей матери".

Ея Величество, на мой взглядъ, выглядѣла очень плохо; на ней была шляпа съ большими полями, и она старалась скрыть подъ ними свое лицо. Хотя въ комнатѣ былъ полумракъ, но я все-таки замѣтилъ, что ея лицо горѣло, глаза ввалились и были тусклы; голосъ ея прерывался и былъ беззвученъ, словно она охрипла. Вскорѣ послѣ того, какъ я ушелъ, она собралась ѣхать. Баронесса Розенъ получила позволеніе стать въ залѣ на ея проходѣ и стояла подлѣ Валуевой. Государыня подошла къ ней и, когда баронесса нагнулась, чтобы взять руку Ея Величества и поцѣловать ее, Императрица отняла руку и нагнулась, чтобы поцѣловать ее. Это движеніе вѣроятно очень утомило Государыню, которая наклоняясь чувствовала всегда сильную боль въ желудкѣ. Къ тому же Императрица не любила, чтобы ей цѣловали руку даже тогда, когда она была здорова. Государыня была такъ слаба, что, отходя отъ баронессы, она шаталась. Я стоялъ у окна и не спускалъ съ нея глазъ, чтобы поддержать ее, въ случаѣ, если бы она упала.

Дойдя до половины зала, Ея Величество попросила подать ей мантилью. Лакей набросилъ ее на плечи Государыни такъ ловко, что поправлять ее не было надобности, но Государыня не двигалась съ мѣста, дѣлая видъ, что она оправляетъ вуаль и мантилью то съ одной, то съ другой стороны. Я прекрасно видѣлъ, что она дѣлала это только для того чтобы отдышаться. Сдѣлавъ три-четыре шага и не будучи въ состояніи идти дальше, она сѣла въ кресло, неподалеко отъ дверей и, просидѣвъ минуты двѣ, встала и пошла. Пройдя переднюю, она попросила князя Волконскаго дать ей руку, чтобы сойти съ лѣстницы. Это было необычайно, такъ какъ Ея

Величество спускалась всегда одна. На лѣстницѣ она снова была вынуждена остановиться, чтобы отдышаться, но не пожелала сѣсть въ предложенное ей кресло. Отдохнувъ съ минуту, она сошла съ лѣстницы и сѣла въ карету".

„Изъ Орла въ Бѣлевъ поѣздка была не по ея силамъ дальняя и трудная, тѣмъ болѣе, что дорога была испорчена дождями; поэтому мы пріѣхали въ Болховъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, только къ тремъ часамъ.

Домъ, приготовленный для Императрицы, былъ чистый и довольно удобный; князь Волконскій предложилъ Ея Величеству переночевать тутъ, но она отказалась, заявивъ, что если бы она была въ состояніи ѣхать дальше, то она предпочла бы остановится въ Бѣлевѣ, такъ какъ до Бѣлева вдовствующей Императрицѣ пришлось бы проѣхать не болѣе ста верстъ. Князь предложилъ Ея Величеству обѣдать въ ея комнатѣ, но она и отъ этого отказалась, сказавъ, что она не любитъ нарушать разъ заведеннаго порядка, что надо пожалѣть людей и не заставлять ихъ ходить изъ комнаты въ комнату, такъ какъ прислугъ немного, они утомлены дорогой, и имъ приходится безъ того прислуживать въ трехъ—четырехъ комнатахъ.

„Я буду обѣдать съ вами", сказала она.

Отдохнувъ съ полчаса, Ея Величество велѣла позвать насъ. Она сидѣла въ столовой, въ креслѣ:

„На этотъ разъ, сказала она, пользуясь правомъ и привилегіей старой, больной женщины, я попросила поставить мнѣ это кресло".

Надобно замѣтить, что Ея Величество не допускала, чтобы за столомъ ей дѣлалось какое-либо отличіе, и если оказывался какой-нибудь особенный стулъ или приборъ, то она приказывала обыкновенно убрать то и другое или предоставить ихъ другимъ. Я сидѣлъ за столомъ напротивъ Ея Величества и былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи, боясь взглянуть на нее, ибо это заставляло ее говорить, а говорить ей уже было очень трудно: она насилу дышала".

Ея лицо до того измѣнилось, что нельзя было безъ сожалѣнія и грусти смотрѣть на нее; „глаза ввалились и были мутные, подъ глазами двѣ жилы надулись толщиной въ палецъ и были синія; оттого носъ казался такъ широкъ, какъ-будто не принадлежалъ къ ея физіономіи; подбородокъ отвисъ и ротъ былъ раскрытъ". Ея Величество чувствовала это, но „ей не хотѣлось рукой поднять подбородокъ, а потому она старалась плечомъ сіе сдѣлать" и долго дѣлала усиліе, чтобы повернуть голову и правое плечо такъ, чтобы они соприкоснулись и подбородокъ такимъ образомъ приподнялся". „Чтобы не

огорчить Государыни и не показать вида, что я это замѣчаю, я завелъ рѣчь съ моей сосѣдкой, княгиней Волконской, о красивомъ мѣстоположеніи города Болхова, съ его четырьмя церквами и монастыремъ, которые мы видѣли, подъѣзжая къ городу. Ея Величество приняла участіе въ разговорѣ: мы съ жалостью замѣтили, что слухъ ея ослабѣлъ, и если я говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, къ коему она привыкла въ теченіе пятнадцати лѣтъ, то она меня не слышала и переспрашивала два и три раза объ одномъ и томъ же". „Языкъ ея также не былъ свободенъ, она произносила слова не совсѣмъ ясно, такъ что мы отвѣчали ей нерѣдко наугадъ. За обѣдомъ она спросила меня, не знаю ли я, какая это княгиня Долгорукая была въ Орлѣ и желала видѣть ее.

„Хозяинъ дома, гдѣ я остановился, докторъ, случайно упомянулъ о княгинѣ Долгорукой, матери или теткѣ покойнаго генералъ-адъютанта князя Петра Долгорукова, которая пріѣхала въ Орелъ изъ своего имѣнія, единственно для того, чтобы видѣть Ваше Величество", отвѣчалъ я.

— Почему же вы мнѣ не сказали этого? возразила Государыня, мнѣ было бы пріятно видѣть эту даму [1]).

Я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не было извѣстно ни о ея желаніи представиться Ея Величеству, ни о томъ, что она объ этомъ ходатайствовала.

— Право, мнѣ это очень досадно, продолжала Императрица, я очень уважала ея сыновей [2]), которые въ настоящее время уже всѣ трое скончались.

За обѣдомъ Ея Величество кушала только супъ, но всякая ложка супа производила жесточайшій кашель, и это такъ утомляло ее, что отъ этого одного у нея могъ пропасть аппетитъ. Когда подали мясо со шпинатомъ, Ея Величество взяла полную ложку шпината и, пытаясь захватить его на кончикъ вилки, поднесла ко рту. Подали вареную рыбу. Ея Величество долго ловила ее вилкой, пока ей удалось захватить и положить въ ротъ кусочекъ, величиною съ горошинку. Она пила воду съ виномъ; я замѣтилъ при этомъ, что она меньше кашляла отъ холоднаго питья, нежели отъ горячаго. Затѣмъ Государыня встала, сказавъ: „Пришлите мнѣ желе, если есть". Желе было почти единственное кушанье, которое она могла ѣсть послѣднее время. Ея Величеству послали желе и поданныя къ столу свѣжія вишни. Она скушала желе и три вишни. Затѣмъ она съ полчаса отдыхала.

---

[1]) Княгиня Анастасія Симоновна Долгорукая, рожд. Лаптева († 1827 г.).

[2]) Князья Владиміръ, Петръ и Михаилъ Петровичи Долгорукіе.

Вставъ изъ за-стола, мы сообщили Стофрегену сдѣланныя нами тревожныя замѣчанія.

Онъ сказалъ, что не смѣетъ пойти къ Ея Величеству, такъ какъ она привыкла видѣть его только утромъ и вечеромъ; когда онъ является днемъ, это стѣсняетъ и тревожитъ ее; онъ рѣшился однако остаться въ залѣ, чтобы видѣть Государыню, когда она пройдетъ, и наблюдать за ней.

Войдя въ зало, чтобы ѣхать далѣе, Ея Величество, видимо, была удивлена, замѣтивъ Стофрегена, который, страдая подагрой, садился обыкновенно въ коляску прежде всѣхъ, чтобы избѣжать толкотни и не быть ушибленнымъ.

Быть можетъ она боялась, что онъ посовѣтуетъ ей ночевать въ Болховѣ, или не хотѣла, чтобы онъ наблюдалъ за ней; поэтому она тотчасъ отвернулась влѣво, потребовала свою накидку и прошла, не останавливаясь, къ каретѣ.

По выѣздѣ изъ города насъ настигла сильная гроза и дождь. Дорога идетъ тутъ низиной, и хотя она была исправлена, но дожди снова попортили ее. Мы прибыли въ Бѣлевъ около девяти часовъ вечера; этотъ переѣздъ, при слабости Ея Величества, долженъ былъ сильно утомить ее. Она изнемогала отъ усталости, была вся въ поту, насилу взошла по лѣстницѣ, съ помощью князя Волконскаго, и на ней два раза отдыхала въ креслѣ. „Поднявшись, сказала горничнымъ, что она не понимаетъ, какъ такое изсохшее тѣло, какъ ея, можетъ такъ сильно потѣть.

„Ah! je suis morte de fatigue!“ сказала она Стофрегену, когда онъ вышелъ къ ней. Князя Волконскаго просила написать Ея Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ въ Калугу, что далѣе не въ состояніи ѣхать и должна прожить въ Бѣлевѣ нѣсколько дней и проситъ ее пріѣхать въ Бѣлевъ. Въ 10 часовъ послали курьера. „Мы дѣлились своими опасеніями на счетъ того, какъ пройдетъ ночь и свиданіе съ Ея Величествомъ на слѣдующій день“.

„Стофрегенъ, между тѣмъ, сказалъ намъ, что послѣ чаю и отдохновенія пульсъ у Государыни сталъ крѣпче и правильнѣе. Потомъ онъ посовѣтывалъ ей поѣсть немного саго, такъ какъ пустота желудка усугубляла ея слабость. Послѣ такого ужина казалось, что ей было лучше и спокойнѣе“.

„Ея Величество легла спать. Стофрегенъ велѣлъ послать за нимъ, въ случаѣ какой-либо перемѣны къ худшему. Такъ какъ мы помѣщались въ одномъ домѣ, то я приказалъ лакею разбудить меня, если за нимъ пришлютъ. Въ половинѣ шестого я уже проснулся и поспѣшно одѣлся. Когда я пріѣхалъ въ шесть часовъ во дворецъ, мнѣ сказали, что Ея Величество скончалась.

Лица, окружавшія Императрицу, такъ описали князю Волконскому послѣднія минуты ея жизни:

„Лежа въ постели, Ея Величество не спала, а находилась какъ бы въ забытьѣ. Вскорѣ она почувствовала какое-то безпокойство, стала задыхаться и ослабѣла еще болѣе. Камеръ-юнгферы просили Государыню позволить хотя одной изъ нихъ находиться въ ея спальнѣ неотлучно. Она не позволила этого, сказавъ, что она и безъ того утомлена, что ей самой хочется покоя, а на ихъ настойчивыя просьбы отвѣчала, что у нея хватитъ силъ позвонить, если понадобится; что она не привыкла, чтобы кто-нибудь былъ въ спальнѣ, и что хотя бы ей хотѣлось спать, она не уснетъ отъ одной мысли, что тутъ будетъ кто-либо изъ нихъ. На подобный аргументъ возразить было нечего. Ночью Ея Величество нѣсколько разъ звонила, то просила ей дать лѣкарство, то поправить подушку, такъ какъ она могла лежать только въ полусидячемъ положеніи. Послѣдній разъ она позвонила ровно въ четыре часа и, принявъ лѣкарство, спросила, нѣтъ ли по близости кого-либо изъ врачей. Камеръ-юнгфера отвѣчала, что всѣ по близости, стоитъ только позвать, и они придутъ.

„Не нужно, сказала Государыня и отпустила камеръ-юнгферу, которая поспѣшила послать за Рейнгольдомъ, такъ какъ Стофрегенъ съ своей подагрой не могъ придти такъ скоро.

Рейнгольдъ явился черезъ четверть часа.

Въ спальнѣ было тихо; камеръ-юнгфера заглянула—Государыня, казалось, уснула. Вошла вторично. Ея Величество спала необычайно тихо, что изумило ее и доктора. Наконецъ, вошла въ третій разъ; за ней Рейнгольдъ на цыпочкахъ. Комната была слабо освѣщена. Подойдя ближе камеръ-юнгфера увидѣла, что лицо Государыни было мертвенно-блѣдно, а ротъ раскрытъ. Когда она сказала это доктору, онъ велѣлъ ей дотронуться до тѣла, чтобы узнать, тепло оно или холодно. Оно было холодно, какъ ледъ. Тогда дали знать Стофрегену, и насъ всѣхъ извѣстили о томъ, что наша несчастная Императрица скончалась. Слѣдовательно, она скончалась, или лучше сказать уснула вѣчнымъ сномъ, между четырьмя часами и тремя четвертями пятаго. Можно думать даже, что она скончалась тотчасъ послѣ того какъ г-жа Тиссонъ дала ей послѣдній разъ лѣкарства, въ четыре часа...

„Послали вторичнаго курьера навстрѣчу Ея Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ, которая уже съ утра была на пути въ Бѣлевъ. За три станціи получила она сію роковую вѣсть, плакала много, а часъ спустя продолжала путь и прибыла въ Бѣлевъ въ 8 часовъ вечера.

„Ея Величество Марія Ѳеодоровна пробыла въ Бѣлевѣ весь слѣдующій день и часть утра 6-го числа. Со мной была милостива, потребовала, чтобы я присутствовалъ при вскрытіи тѣла, и сказала, чтобы я, если получится приказаніе отъ Государя доставить ей бумаги покойной, привезъ оныя самъ.

„15 мая въ тотъ день, когда тѣло Ея Величества было перенесено въ церковь, я уѣхалъ изъ Бѣлева, получивъ изъ Петербурга повелѣніе доставить Ея Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ, въ Москву, всѣ бумаги покойной Императрицы. Ихъ было немного". Три дня я работалъ со вдовствующею Императрицей, разбирая бумаги, кои всѣ были уложены, запечатаны и мнѣ возвращены. Чего искали—завѣщанія,—не нашли.

Тихо и одиноко отошла Императрица Елисавета въ вѣчность, такъ же одиноко и малозамѣтно, какъ она проводила свой жизненный путь; между тѣмъ у нея были всѣ данныя къ тому, чтобы играть видную роль и взять отъ жизни свою долю счастья.

По свидѣтельству всѣхъ лично знавшихъ Императрицу, она была очень хороша собою, стройна, граціозна, до конца жизни сохранила величественную осанку и мелодичный голосъ, была любезна, умна, способна чувствовать нѣжно и глубоко.

Прекрасно образованная, она знала въ совершенствѣ французскій языкъ, на которомъ обыкновенно писала, знала основательно исторію, географію, нѣмецкую и всеобщую литературу, изучала даже немного философію, была начитана, постоянно слѣдила за всѣми появлявшимися произведеніямя литературы и относилась къ прочитанному серьезно и критически.

Строгая къ себѣ и снисходительная къ другимъ, она умѣла удивительно владѣть собою, была чужда гордости и тщеславія и несмотря на всѣ эти выдающіяся физическія, умственныя и душевныя качества, она не была счастлива, не играла никакой роли, не имѣла вліянія на своего царственнаго супруга, не пріобрѣла его любви, не сошлась съ его родными, была нравственно совершенно одинока и, какъ это видно изъ ея отровенныхъ признаній матери, никогда не была счастлива. Было время, когда она чувствовала себя даже очень несчастной, униженной. Въ тѣ горькія минуты, какъ мы уже знаемъ, въ ея душѣ созрѣлъ даже планъ отказаться отъ всего и искать покоя и забвенія въ уединеніи.

Чѣмъ же можно объяснить то, что жизнь Елисаветы Алексѣевны, которой такъ много было дано природою и судьбою, сложилась такъ грустно и безотрадно и что, имѣя такъ много данныхъ, чтобы проявить свою личность, она прошла жизнь незамѣтно.

„Ее мало знали и при жизни ея. Какъ современная молва, такъ

и преданія о ней равно молчаливы,"—говоритъ князь П. А. Вяземскій.

Причины этого явленія, конечно, весьма сложны; ихъ нужно искать главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ характера Елизаветы Алексѣевны и въ значительной степени въ той обстановкѣ, среди которой очутилась четырнадцатилѣтняя баденская принцесса при дворѣ Екатерины II. Оторванная отъ семьи, въ столь раннемъ возрастѣ, когда ея характеръ еще не вполнѣ сложился, она не съумѣла овладѣть сердцемъ своего столь же юнаго супруга и чувствовала себя въ Петербургѣ одиноко. Екатерина II отнеслась къ супругѣ своего любимаго внука привѣтливо и ласково, но она была слишкомъ стара и поглощена своими личными и государственными дѣлами, чтобы удѣлять ей много времени, снискать ея довѣріе и откровенность и вліять на ея дальнѣйшее развитіе; къ тому же, два года спустя послѣ пріѣзда Елисаветы Алексѣевны въ Россію ея не стало. Родители Александра I жили въ Гатчинѣ и кромѣ чисто-оффиціальныхъ, требуемыхъ этикетомъ, свиданій, между ними и супругою ихъ сына не установилось никакихъ отношеній. Жизнь при пышномъ дворѣ Екатерины, необходимость присутствовать на всѣхъ церемоніяхъ, пріемахъ, торжествахъ, была утомительна для Елисаветы, привыкшей къ скромности и простотѣ жизни при Баденскомъ дворѣ; она утомляла ее въ первые годы не только физически, но и душевно: наплывъ новыхъ впечатлѣній, необходимость разобраться въ нихъ и намѣтить себѣ извѣстную линію поведенія, поставить себя въ средѣ ей еще чуждой, и гдѣ ей приходилось играть видную роль, гдѣ многіе заискивали конечно ея благосклонности, и гдѣ она неизбѣжно была окружена интригами, все это было особенно трудно—въ виду ея крайней молодости и заставляло ее быть сдержанной, обдумывать каждый свой шагъ и дѣлиться своими впечатлѣніями только съ матерью, женщиной весьма умной, оставшейся на долго въ глазахъ Елисаветы Алексѣевны авторитетомъ. Съ ней она дѣлилась своими впечатлѣніями, въ перепискѣ съ нею находила отраду и изливала душу, въ ней находила откликъ своей душѣ, съ ней одною была откровенна: закончить день письмомъ къ матери стало для нее потребностью, и она, мало по малу, совершенно замкнулась отъ окружающихъ до того, что казалась ко всему безучастной и холодной.

„Сначала,—говоритъ графъ А. Х. Бенкендорфъ,—она играла роль женщины покинутой, ревностной патріотки, но ея холодность и совершенное отдаленіе отъ общества внушили всей почти націи полное къ ней равнодушіе".

Съ годами это отчужденіе, эта холодность усугубились.

„Къ отцу своего супруга Елисавета Алексѣевна никогда не питала симпатіи, но его поведеніе въ дни восшествія на престолъ окончательно подорвало чувство расположенія къ нему".

Въ кратковременное царствованіе Павла Елисавета Алексѣевна, также какъ и ея супругъ, подвергалась всевозможнымъ стѣсненіямъ, и это время оставило на ней глубокій слѣдъ; она еще болѣе замкнулась въ самой себѣ. Изъ этого состоянія, ставшаго какъ бы системою, не вывело Елисавету Алексѣевну даже потрясающее событіе 11 марта 1801 года.

„Въ первыя минуты послѣ катастрофы, Государыня, отличавшаяся всегда большимъ самообладаніемъ, не потеряла присутствія духа и оказала Александру нравственную поддержку, въ которой онъ такъ нуждался.

„Этотъ моментъ былъ самый подходящій для того, чтобы проявить въ чемъ-либо свое вліяніе, тѣмъ болѣе, что Императрица Марія Ѳеодоровна, предавшись горю, временно удалилась въ Павловскъ, но Елисавета Алексѣевна не захотѣла или не съумѣла воспользоваться обстоятельствами.

Можно думать, что и въ этомъ случаѣ ей помѣшала занять подобавшее ей по праву мѣсто, подлѣ своего супруга, все та же присущая ей черта характера: желаніе быть какъ можно менѣе замѣтной. На это ей не разъ указывала мать, совѣтуя быть рѣшительнѣе и энергичнѣе. Скромность Императрицы и желаніе быть какъ можно менѣе на виду доходили до того, что, какъ она сказала однажды Карамзину, пользовавшемуся ея особымъ довѣріемъ, „нерѣдко стоя передъ зеркаломъ для убранства, когда она готовилась на царскій выходъ или на балъ, она сѣтовала и почти досадовала на дары природы, которые должны были обратить на нее общее вниманіе".

Какъ только улеглось первое впечатлѣніе отъ событія 11 марта, сблизившаго молодыхъ супруговъ, Елисавета Алексѣевна снова ушла въ себя; „ей казалось, что не слѣдуетъ стѣснять ни дѣйствій, ни побужденій Александра, а предоставить ему полную свободу. Она хорошо изучила характеръ Маріи Ѳеодоровны и знала, что ея удаленіе будетъ недолговременно, что она не преминетъ вмѣшиваться въ дѣла и постарается вліять на сына. Чувствуя это, Елисавета не хотѣла ставить мужа въ неловкое положеніе, между двумя различными теченіями, и рѣшила остаться совсѣмъ въ сторонѣ.

„Это рѣшеніе было ея непоправимой ошибкой, которую сознавала ея мать, маркграфиня Баденская, неоднократно указывавшая ей на это во время своего пребыванія въ Петербургѣ лѣтомъ 1801 г.

„Отстраненіе Елисаветы Алексѣевны было истолковано холодностью и безучастіемъ ко всему тому, гдѣ она могла и должна была возвысить свой голосъ".

Это было ея слабостью, ея виною передъ супругомъ; устранившись отъ всякой борьбы, молодая Императрица проводила время въ кругу немногихъ лицъ, которымъ она вполнѣ довѣряла. „Первое мѣсто между ними занимала ея фрейлина княжна Шаховская, впослѣдствіи княгиня Голицына. Она всецѣло завладѣла расположеніемъ Императрицы, и имя „Principessa" то и дѣло встрѣчается въ ея письмахъ, до кончины княгини, послѣдовавшей въ 1807 г.".

„Александръ Павловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, началъ увлекаться красавицей-полькой М. А. Нарышкиной. Елисавета Алексѣевна и тутъ осталась пассивной и ничего не сдѣлала, чтобы удержать расположеніе супруга; она молча смотрѣла на его сближеніе съ Маріей Антоновной, которая держала себя по отношенію къ ней иногда вызывающе.

Хотя Императрица и жаловалась матери на невѣрность супруга, но когда маркграфиня совѣтовала энергично протестовать, Елисавета продолжала безмолвствовать.

Когда она потеряла двухъ обожаемыхъ малютокъ, на которыхъ были сосредоточены всѣ ея заботы, и лишилась своего друга, княгини Голицыной, ею овладѣло отчаяніе, разочарованіе и желаніе предать себя полнѣйшему забвенію. Современники единодушно жалѣли безутѣшную мать—и только. Затѣмъ о ней всѣ какъ бы забыли".

Дѣлала ли Императрица въ эти годы что-нибудь, чтобы отвлечь Александра отъ чаръ Маріи Антоновны?

„Едва ли,—говоритъ ея августѣйшій біографъ.—Она какъ будто съ удовольствіемъ играла роль, всегда возбуждающую участіе, женщины покинутой, жертвы судьбы. Ее влекло къ мужу, но она не умѣла даже выразить ему наглядно своего влеченія. Въ это время она сблизилась съ графиней Софьей Владиміровной Строгановой и увлекалась чтеніемъ.

„Графиня—женщина самыхъ возвышенныхъ и честныхъ правилъ, была очень образована, начитана и набожна, въ духѣ православной вѣры. Она, безспорно, имѣла на Государыню наилучшее вліяніе, но вліяніе это было одностороннее и направлялось, почти исключительно, въ религіозную сторону. Софья Владиміровна хотѣла, чтобы Елисавета сдѣлалась убѣжденной православной и укрѣпила бы въ себѣ чувство незыблемой вѣры. И она достигла цѣли. Императрица сдѣлалась глубоко вѣрующей, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Со временемъ, она совершенно свыклась съ русскими

обычаями и полюбила Россію, которая стала для нея, не на словахъ, а на дѣлѣ, второй родиной".

Это видно изъ писемъ Императрицы къ матери во время Отечественной войны, когда, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, Елисавета Алексѣевна не столько увлекалась подъемомъ германскихъ національныхъ чувствъ, сколько ставила на первый планъ величіе и интересы Россіи, и при посѣщеніи Бадена въ 1814 и 1818 годахъ, несмотря на радость свиданія съ родными, тяготилась пребываніемъ на чужбинѣ и всѣми помыслами стремилась въ Россію. Отечественная война заставила и ее встрепенуться и раздѣлить чувства, волновавшія все русское общество, и она захотѣла чѣмъ-нибудь отозваться на нихъ и проявить свою иниціативу въ общественномъ дѣлѣ и приняла непосредственное участіе въ судьбѣ раненыхъ и разоренныхъ войною. Такъ возникло, какъ мы уже знаемъ, подъ ея покровительствомъ общество патріотическихъ дамъ и домовъ трудолюбія.

Ея письма, относящіяся къ 1812—1815 гг., дышатъ неподдѣльной любовью къ Россіи и ненавистью къ Наполеону, причинившему ей столько бѣдъ.

„Съ этого времени Государыня стала стремиться къ сближенію съ супругомъ, чтобы облегчить ему нелегкую задачу защиты интересовъ Россіи, и старалась всячески дѣлать ему пріятное. Достигнуть этой цѣли было нелегко. Начиная съ 1818 года, Александръ Павловичъ находился въ постоянныхъ разъѣздахъ: то на конгрессахъ за границей, то на инспекціяхъ внутри Россіи. Приходилось ловить минуты, когда Государь находился въ столицѣ или ея окрестностяхъ, чтобы имѣть возможность быть съ нимъ наединѣ. Въ этомъ случаѣ никакое утомленіе не останавливало Государыню; несмотря на физическую трудность передвиженія изъ Царскаго Села въ Петергофъ или съ Каменнаго острова въ Павловскъ, она съ упорствомъ и мужествомъ превозмогала немощи и старалась не покидать Государя, даже во время безконечныхъ церемоній и парадовъ, которые она ненавидѣла. Такое отношеніе Государыни не могло не быть замѣченнымъ Александромъ; эти чувства глубоко трогали его, и онъ, со своей стороны, началъ выказывать Елисаветѣ Алексѣевнѣ особое вниманіе, которое съ годами все росло и проявлялось все чаще и чаще. Въ 1822—23 гг. ихъ взаимныя отношенія настолько окрѣпли, что Государь самъ старался удѣлять ей больше времени и, когда это удавалось, супруги были счастливы, переживая какъ бы вторично вмѣстѣ медовые мѣсяцы. Привязанность Елисаветы Алексѣевны къ своему супругу росла; какъ видно изъ ея писемъ, всѣ ея мысли были, въ это время,

устремлены къ любимому мужу, и все, что его касалось, составляло теперь первѣйшую заботу Государыни. Но злой рокъ преслѣдовалъ ее; когда отношенія супруговъ стали дружественныя, и счастье улыбнулось ей—начались болѣзни.

„Нѣсколько недѣль счастья въ Таганрогѣ, въ желанной уединенной обстановкѣ, были лебединой пѣснью ея супружескаго счастья. Александръ скончался, и жизнь утратила для Елисаветы Алексѣевны всякій смыслъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ страданій, и она отошла въ вѣчность.

„Возможно, что причина ея неудавшейся жизни заключалась въ ней самой, въ ея характерѣ, въ излишней разсудочности, преобладавшей надъ чувствомъ. Ей недоставало равновѣсія ума и сердца; часто разсудокъ затемнялъ первые сердечные порывы,—это сказывалось всю жизнь. Когда она желала исправить ошибки разума, то запаздывала исполненіемъ намѣченнаго и впадала въ еще бо́льшее уныніе и разочарованіе, и пребываніе на землѣ было для нея безконечнымъ испытаніемъ, „ниспосланнымъ, какъ она говорила, свыше“.

В. Тимощукъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXXVII [1]).

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня „Coquette“ снялась съ якоря и покинула воды Хіоса. Она вполнѣ оправдала свое прозвище: пококетничала съ турками, консулами и улетѣла по новому назначенію въ веселую Смирну. Тамъ, на мѣстѣ командиръ авизо представилъ, кому слѣдовало, рапортъ приблизительно въ такой версіи: на базарѣ поссорились два пьяныхъ болвана, изъ которыхъ одинъ ранилъ другого. Въ общемъ все обстоитъ благополучно и не предвидится даже и тѣни какихъ-либо осложненій — инцидентъ раздутъ русскимъ вице-консуломъ.

Какъ во времена Абдулъ-Азиса, такъ и въ послѣдующіе годы царствованія Абдулъ-Гамида, пресса, руководимая европейцами, пользовалась, въ сущности, только фиктивной свободой, ограниченной строгой цензурой.

Въ большой газетѣ „Imparcial“, издаваемой въ Смирнѣ на французскомъ языкѣ, появилась краткая замѣтка въ игривомъ тонѣ о происшествіи въ Хіосѣ и нѣсколько язвительныхъ инсинуацій по нашему адресу на счетъ способности русскихъ агентовъ дѣлать изъ мухи слона.

Въ Константинополѣ перепечатали сообщеніе „Imparcial“, а изъ нашего посольства не замедлили прислать моему дядѣ внушитель-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

ный выговоръ за излишнее усердіе и совѣтъ на будущее не безпокоить военныя суда въ тѣхъ случаяхъ, когда обывателямъ придетъ фантазія подраться между собой, такъ какъ сказанныя дѣйствія оффиціальнаго лица могли бы поставить нашу дипломатію въ смѣшное положеніе.

Ничего не оставалось послѣ того, какъ проглотить пилюлю и замолчать.

Въ сказанную эпоху Англія вела удивительно двуличную политику на берегахъ Босфора.

Обыкновенному смертному, не посвященному въ тончайшіе изгибы этой мудреной науки, называемой обыкновенно „дипломатіей", невозможно было что-либо понять изъ того хода событій, которыя выступали тогда на міровую арену.

Ну, какъ объяснить, напримѣръ, загадочныя отношенія Британской державы къ Абдулъ-Азису? Онъ былъ прямо ненавистенъ ей, иначе она не отправила бы его въ рай Магомета, когда злополучному султану и на землѣ жилось весьма недурно.

А между тѣмъ при жизни его Англія изо всѣхъ силъ старалась доказать всему свѣту, что подъ скипетромъ этого монарха христіанскіе народы чувствовали себя какъ нельзя лучше.

Ни для кого не было секретомъ, что вся пресса Оттоманской Имперіи находилась подъ непосредственнымъ давленіемъ Великобританскаго кабинета и освѣщала событія согласно указаніямъ изъ Лондона.

Если, положимъ, начиналась гдѣ-нибудь рѣзня, вызванная, какъ и всегда, религіозными недоразумѣніями, то вся печать или упорно замалчивала о происшествіяхъ, или же высмѣивала ихъ, сваливая все на интриги генерала Игнатьева. Всѣ эти выходки считались тогда въ порядкѣ вещей, такъ какъ наша вѣчная соперница—Англія ничѣмъ не брезгала, чтобы только поссорить Россію съ Турціей.

Согласно нашей логикѣ, слѣдовало бы поступать какъ разъ наоборотъ, т. е., предрѣшивъ сверженіе съ трона неудобнаго правителя государства, одновременно подчеркнуть и фактъ избіенія христіанъ попустительствомъ намѣченной жертвы, а не скрывать умышленно всего этого отъ суда общественнаго мнѣнія... Впрочемъ, о чемъ я толкую? Мнѣ ли рѣшать загадки коварнаго Альбіона?

Итакъ, ушла „Кокетка", покинувъ насъ на произволъ судьбы и случая. Волненіе, видимо, улеглось, и мусульмане ровно ничѣмъ не обнаруживали своихъ враждебныхъ чувствъ. Но Христофоръ Сарико, организаторъ самообороны, утверждалъ, что то было лишь обманчивое успокоеніе, и что мы находились въ полосѣ передъ наступле-

ніемъ шквала, который, по его мнѣнію, не заставитъ ожидать себя слишкомъ долго.

Въ силу таковыхъ соображеній, онъ не разоружался, какъ настаивалъ на томъ Кіамиль-паша. Ночью, небольшіе отряды молодежи по его распоряженіямъ выходили секретно къ берегу, прятались за скалами и наблюдали до разсвѣта.

Однажды Али таинственными знаками вызвалъ меня въ коридоръ и грустно сказалъ:

— Маленькая кокона, если какъ-нибудь ночью ты услышишь шумъ, то не пугайся и не выходи изъ комнаты, пока я не приду къ тебѣ—смотри же, не забудь: Али знаетъ, что надо дѣлать,—и, не объяснивъ ничего, онъ повернулся и вышелъ.

— Что такое? что еще ожидаетъ насъ?—спрашивала я, разсказывая Магіе о странной выходкѣ каваса.

Та встревожилась, но, послѣ нагоняя отъ генерала Игнатьева, не рѣшилась безпокоить мужа догадками и промолчала.

Промелькнула еще недѣля — о зейбекахъ всѣмъ надоѣло говорить, и жизнь на островѣ вошла въ обычную колею.

Но поведеніе Али возбуждало къ себѣ вниманіе: онъ часто отлучался куда-то, а дома все твердилъ о прелестяхъ Смирны и никакъ не могъ понять, почему мы туда не ѣдемъ?

На югѣ закаты чрезвычайно быстры: едва только дискъ солнца успѣетъ спрятаться за черту горизонта, какъ уже небо шлетъ на землю глубокую тьму, не давая возможности уловить момента перехода отъ свѣта къ полному мраку.

Луна шла на ущербъ и всходила очень поздно.

То, что я сейчасъ разскажу, случилось именно въ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Я рано ушла къ себѣ въ комнату, потушила лампу, распахнула жалюзи и остановилась у окна.

Чудная, необыкновенная картина развернулась передо мной въ эту темную, таинственную ночь. Море фосфорилось, перекатывая мелкую зыбь, навѣянную легкимъ вѣтеркомъ, и тихо пѣло гимнъ звѣздному міру, отраженному въ его бездонныхъ глубинахъ. А тамъ, въ недосягаемыхъ высотахъ, казалось, наступилъ праздникъ.

Подобно солнцу, горѣла великолѣпная Вега; сверкалъ брилліантами рой Плеады; Кастеръ и Поллуксъ, нѣжные друзья, задумчиво смотрѣли на уснувшую землю. Млечный путь, точно живой, дышалъ и трепеталъ; Альдебаранъ, любимецъ мореплавателя, заботливо мигалъ запоздавшему кораблю; прелестная Венера, звѣзда любви, играя и шевеля лучами, не сводила глазъ съ краснаго Марса, сіяя передъ нимъ вѣчной красотой. И думалось, что боги Олимпа, покинувъ золотые чертоги, сошли погулять на синемъ

просторѣ небесъ; но, увидѣвъ пещеру, которая одиноко чернѣла у подножія горы, задержались надъ родиной того, кто воспѣлъ ихъ въ безсмертной Иліадѣ, и я, незамѣтно, погрузилась совсѣмъ въ міръ волшебныхъ видѣній и классическихъ образовъ.

Какъ вдругъ осторожный шорохъ подъ окномъ вернулъ меня съ вершины Олимпа въ мою комнату: только что я хотѣла перегнуться черезъ подоконникъ и посмотрѣть внизъ, какъ раздался страшный трескъ и что-то прошипѣло надъ головой. Безсознательно, ничего не понимая и не отдавая себѣ отчета въ томъ, что произошло, я отбросилась въ сторону и прижалась спиной къ стѣнѣ. Въ слѣдующую минуту повторилось еще нѣсколько выстрѣловъ, и пули съ жужжаніемъ летѣли мимо, не задѣвая меня.

Вѣроятно слабый свѣтъ лампадки выдалъ мою тѣнь на фонѣ жалюзи и, такимъ образомъ, это послужило кому-то мишенью.

Очнувшись отъ столбняка, я бросилась къ двери; но она оказалась, запертой изъ корридора, и на мой стукъ никто не отозвался. А между тѣмъ, въ домѣ уже поднялась невыразимая суматоха: бѣготня, крикъ, шумъ, громкіе разговоры на греческомъ языкѣ, бряцаніе оружія и повелительный голосъ дяди: „сюда! скорѣй, скорѣй къ балкону“!

Тогда раздались яростные вопли нападавшихъ, и загремѣли ружейные выстрѣлы съ южнаго фасада дома.

Судя по звукамъ, изъ комнатъ имъ отвѣтили тѣмъ же, а затѣмъ что-то съ ужасающимъ грохотомъ рухнуло на мостовую. На одинъ мигъ воцарилась зловѣщая тишина. Я сообразила, что разбойники пытались взять приступомъ балконъ, а на нихъ опрокинули стоящую тамъ громадныхъ размѣровъ каменную этрусскую вазу.

Наконецъ, дверь съ шумомъ распахнулась, и ко мнѣ влетѣлъ, какъ бомба, кавасъ Али. Не говоря ни слова, онъ схватилъ меня въ охапку, взвалилъ на свои могучія плечи и потащилъ куда-то.

Я стала отчаянно вырываться отъ него и громко звать Магіе, но онъ сердито прикрикнулъ на меня: „Молчи, зейбекъ пришелъ, молчи!“—и съ этими словами быстро взбѣжалъ со мной по лѣсенкѣ на плоскую крышу дома.

Здѣсь онъ немедленно принялся сооружать изъ всякаго ненужнаго хлама, валявшагося по угламъ террасы, нѣчто похожее на траншею, замаскировавъ ее пустыми бочками, ящиками, набросалъ сверху старыхъ рогожъ, затѣмъ посадилъ меня туда и, строго приказавъ не шевелиться, а терпѣливо ждать его возвращенія, торопливыми шагами направился къ выходу и скрылся.

Усталая, разбитая, я тотчасъ же прилегла на кучу какого-то

тряпья, чувствуя только потребность въ физическомъ отдыхѣ. Сонливая апатія сковала мой организмъ: страхъ, сознаніе дѣйствительности исчезли, и я безучастно слушала плескъ волнъ, лѣниво перебирая въ умѣ обрывки мыслей и воспоминаній, ничего общаго не имѣвшихъ съ данной обстановкой.

Сколько протекло времени съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Али—трудно было опредѣлить, такъ какъ минуты казались часами, но мнѣ, наконецъ, стало невыносимо душно и крайне неудобно подъ грязными брезентами и рогожами.

Я превозмогла себя, вышла изъ убѣжища, такъ заботливо устроеннаго для меня, и посмотрѣла внизъ черезъ рѣшетку, окружавшую крышу; но ничего подозрительнаго не оказалось на томъ мѣстѣ, откуда раздались первые выстрѣлы въ мое окно, а южная часть нашего жилища отдѣлялась отъ сѣверной, гдѣ находилась я въ сказанный моментъ, высокимъ, покатымъ чердакомъ, такъ что все происходившее на той сторонѣ не могло быть доступно моему наблюденію.

Тѣмъ временемъ изъ-за волнъ выплывалъ красный шаръ мѣсяца и становилось свѣтлѣе. Блестящая Венера склонялась все ниже и убѣгала за горизонтъ.

Въ воздухѣ стояла та трагическая тишина, которая всегда предшествуетъ бурѣ; но, тѣмъ не менѣе, ничто не указывало на близкое присутствіе башибузуковъ, какъ я ни осматривалась кругомъ, и думалось невольно, что они просто оставили насъ въ покоѣ и разбѣжались.

Луна поднялась еще выше, и вотъ она, какъ подвѣшенная къ своду лампада, озарила міръ и разсѣяла угрюмый мракъ ночи.

На площадкѣ крыши у карниза чердака была укрѣплена на подставкахъ большая, подзорная труба для наблюденій за горизонтомъ во время приходовъ и отходовъ русскихъ грузовыхъ пароходовъ. Это навело меня на мысль воспользоваться ею для большей увѣренности въ отсутствіи разбойниковъ по сосѣдству съ нами.

Въ прозрачномъ воздухѣ, какъ извѣстно, предметы кажутся ближе и опредѣленнѣй. Передвигая трубку по разнымъ направленіемъ, я ровно ничего, внушающаго опасеніе, не замѣтила; но вдругъ въ объективъ попало что-то совсѣмъ другое: у выхода въ открытое море, на юго-восточной сторонѣ острова, по всему берегу пустынной и отдаленной отъ рейда бухточки ясно и отчетливо вырисовывались въ лунномъ освѣщеніи цѣлые ряды множества черныхъ, неподвижныхъ пятенъ. Продолжая всматриваться, мнѣ очень скоро пришлось убѣдиться, что то были не что иное, какъ вытащенные изъ воды на прибрежный песокъ малоазіатскіе каики,

хорошо знакомые всѣмъ намъ по своей оригинальной конструкціи. Но куда же дѣлись гребцы этой быстрокрылой флотиліи? Отвѣтъ не заставилъ долго ожидать себя.

— Алла! Алла!—донеслось протяжное эхо изъ темныхъ улицъ города и ружейный огонь загремѣлъ оттуда—видимо, населеніе Хіоса, повѣривъ обманчивому успокоенію послѣднихъ дней, не приняло надлежащихъ мѣръ предосторожности, а теперь, застигнутое врасплохъ, отчаянно защищалось.

Али не возвращался, какъ обѣщалъ. Невыразимая тоска одиночества запала въ душу, и я рѣшилась сойти внизъ къ живымъ людямъ.

— Алла! Алла!—раздалось совсѣмъ близко, какъ будто нападавшіе уже были на крышѣ.

Гонимая инстинктомъ, а не сознательной волей, я кинулась къ водосточной трубѣ, обхватила ее руками и приготовилась скользнуть по ней прямо въ море, рискуя при этомъ разбиться вдребезги о выступы стѣнъ; но въ тотъ же моментъ распахнулось слуховое окно изъ чердака и кто-то стремительно прыгнулъ на террасу. Тогда энергія жизни покинула меня: я упала лицомъ внизъ на каменный полъ и съ тупымъ равнодушіемъ отдалась судьбѣ, не ожидая отъ нея ничего, кромѣ ножа башибузука...

— Ради Бога, успокойтесь—это я!—послышался, какъ сквозь сонъ, знакомый голосъ, а затѣмъ говорившій приподнялъ меня и поставилъ на ноги. То оказался грекъ Андріа Мавро-Беязи, одинъ изъ храбрѣйшихъ молодцовъ паликаріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мой неизмѣнный, горячій поклонникъ, котораго я тщательно до сихъ поръ избѣгала въ угоду ревнивому Тафти-бею.

Задыхаясь, Мавро-Беязи торопливо объяснилъ мнѣ, какъ все случилось. По его словамъ, онъ съ товарищами находился въ засадѣ недалеко отъ насъ. Замѣтивъ издали приближеніе банды, вся его дружина немедленно бросилась на помощь, и, прежде чѣмъ подошли разбойники, они уже были наверху, въ нашей квартирѣ. Когда ему съ товарищами удалось опрокинуть вазу, надѣлавшую не мало переполоху въ рядахъ осаждавшихъ, разбойники стали отступать и разбѣгаться; но не прошло и часу, какъ они вернулись снова и возобновили атаку по южному фасаду.

Считая дальнѣйшее мое пребываніе на террасѣ не безопаснымъ въ виду могущей возникнуть со стороны моря перестрѣлки, дядя распорядился послать за мной, а выходъ на крышу забаррикадировать.

Передавъ вышесказанное, Мавро-Беязи помогъ мнѣ сойти внизъ, и мы поспѣшили присоединиться къ обороняющимся.

Глава XXXVIII.

Въ комнатѣ, куда меня впустили, было еще темно; но въ синеватомъ отблескѣ предразсвѣтныхъ сумерокъ, проникавшихъ сквозь щели опущенныхъ жалюзи, становилось возможнымъ различать силуэты людей.

Шумъ открываемой двери привлекъ вниманіе присутствовавшихъ—насъ окликнули, и чей-то голосъ сказалъ: „не стойте тамъ, отойдите, а то попадете подъ выстрѣлы". Магіе тотчасъ же приблизилась и увела меня къ одному изъ простѣнковъ между окнами. Рядомъ со мной помѣстился Андріа и сталъ поспѣшно заряжать револьверъ. Изъ отрывочныхъ словъ, раздававшихся въ темнотѣ, я узнала, что еслибъ не подоспѣвшіе во-время паликары, то о самооборонѣ нечего было бы и думать—такъ внезапно и неожиданно все случилось.

Послѣ только что перенесеннаго мною душевнаго потрясенія ничто уже не казалось мнѣ страшнымъ, и я также прониклась бодрымъ настроеніемъ окружавшихъ меня.

По обѣимъ сторонамъ выходной двери на балконъ, у притолокъ стояли наши защитники съ дядей во главѣ. Они внимательно слѣдили за эволюціями башибузуковъ и сквозь раздвижныя планки ставень наводили дула револьверовъ по видимой цѣли, сами же оставаясь внѣ прицѣла.

Внизу глухо шумѣла толпа, звякало оружіе и что-то тяжелое ударялось о стѣны.

— Смотрите! смотрите!—нарушая общее безмолвіе, весело проговорилъ Мавро-Беязи и такимъ тономъ, какъ будто сообщалъ чрезвычайно пріятную новость: — притащили лѣстницы! ну, и мошенники же—вѣрно украли гдѣ-нибудь!—расхохотался онъ совсѣмъ не кстати.

Вдругъ раздался пронзительный свистъ, и на звукъ этотъ отозвались сотни озлобленныхъ голосовъ—домъ задрожалъ подъ натискомъ многочисленныхъ бандъ.

Курки щелкнули и наполнили комнату оглушительнымъ трескомъ.

Намъ отвѣтили немедленно ружейнымъ залпомъ и криками ярости. Пули пролетали мимо, ударяясь о стѣны и мебель.

Отстрѣливаясь безъ устали, пылкая молодежь стала проявлять въ то же время опасный азартъ: послышались негодующіе возгласы, что молъ борьба изъ-за прикрытія роняетъ достоинство мужчины и предлагались совѣты увести женщинъ на чердакъ, а самимъ выйти на поединокъ и начать дѣло въ рукопашную.

Только авторитетъ дяди и сильные доводы благоразумія съ

указаніемъ на неравенство силъ, да убѣдительныя просьбы Магіе не оставлять насъ на волю случая, кое-какъ угомонили воинственный пылъ горячаго темперамента эллиновъ, и они остались на своихъ мѣстахъ.

Становилось достаточно видно; но зейбеки не уходили и упорно добивались взять приступомъ балконъ, чтобы ворваться въ верхній этажъ, гдѣ мерещилась имъ богатая добыча у московъ—консула. Только этимъ путемъ они могли бы проникнуть въ комнаты, такъ какъ всѣ окна и двери внизу были защищены очень прочными, желѣзными ставнями, о динамитѣ же въ тѣ времена башибузуки не имѣли понятія.

Не извѣстно, по какимъ причинамъ, но въ рядахъ нападавшихъ наступило затишье: выстрѣлы перестали гремѣть, и все смолкло. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Андріа напряженно слѣдилъ за движеніями бандитовъ и тяжело дышалъ: оказалось, что шальная пуля оцарапала ему шею, и это раздражало его.

Я должна сказать о немъ нѣсколько словъ, такъ какъ онъ сыгралъ нѣкоторую роль въ моей богатой приключеніями жизни на Востокѣ.

Андріа Мавро-Беязи былъ эллиномъ только по матери и по воспитанію. Отецъ его, испанскій эмигрантъ, имѣлъ обширныя плантаціи въ Хіосѣ и на сосѣднихъ островахъ.

Онъ велъ свое происхожденіе отъ мавровъ, завоевателей Испаніи—отсюда данное ему греками и турками прозвище [1]), сохранившееся за нимъ вмѣсто прежней фамиліи Мароччини [2]).

Въ сынѣ его, Андріа, отразились всѣ характерныя черты номада Аравійской пустыни. Это былъ ловкій, гибкій, какъ барсъ, юноша съ огненными глазами газели, но слишкомъ смуглый цвѣтъ лица и толстыя, чувственныя губы ясно говорили о его африканской крови.

По темпераменту, безумной отвагѣ и страсти къ рискованнымъ приключеніямъ онъ представлялъ собою яркій типъ кочевника-бедуина. По его же собственному признанію, ему было душно и тѣсно въ предѣлахъ ограниченной территоріи острова, и если бъ не крѣпкая родительская узда, то онъ носился бы всю жизнь на скакунахъ Неджда [3]) по необъятнымъ степямъ Счастливой Аравіи.

Какъ въ любви, такъ и въ ненависти для него не существовало границъ. Мнѣ онъ не нравился, и это было ему извѣстно; но не

---

[1]) „Мавро“ по-гречески „черный“, а „беязъ“ по-турецки „бѣлый“.

[2]) Вѣроятнѣе всего предки Мавро-Беязи были изъ Марокко.

[3]) Часть южнаго плоскогорья Аравійскаго полуострова; славится великолѣпной породой лошадей.

взирая ни на что онъ съ удивительнымъ упорствомъ добивался моего расположенія и, бывало, при упоминаніи только имени Селима Тафти его душила неукротимая злоба. Впрочемъ, одинъ другого стоилъ: дамы гаремовъ, всегда хорошо освѣдомленныя въ подобныхъ дѣлахъ, передавали мнѣ многое изъ того, что онѣ знали о взаимныхъ чувствахъ и отношеніяхъ обоихъ соперниковъ.

Таковъ обликъ этого полуевропейца, полуафриканца; но вернемся къ прерванному разсказу.

— Гдѣ же „рыцарь полумѣсяца?“—долетѣлъ до моего слуха ядовитый шепотъ:—спитъ? а другой охраняй его прелестную гурію...

Вдругъ онъ вздрогнулъ и насторожился, какъ боевой конь по звуку сигнальной трубы:

— Господа! умоляю васъ,—раздался его взволнованный голосъ:—не стрѣляйте вотъ въ тотъ прекрасный экземпляръ человѣческой породы—подарите его мнѣ...

— Хорошо!—отвѣтили ему, но курки тѣмъ не менѣе взвели.

Я взглянула на него сбоку и содрогнулась: мое воображеніе тотчасъ же нарисовало картину, изображавшую тигра, застывшаго въ роковомъ прыжкѣ, и тутъ же пронеслась мысль, которая при иной обстановкѣ насмѣшила бы меня, а въ тѣ минуты больно отозвалась въ сердцѣ:—ну, и везетъ же мнѣ на такихъ... и отчего это такъ? не достаетъ еще башибузука для пополненія коллекціи—видно, таковъ мой „кезметъ“, какъ говорятъ турки,—вздохнула я горестно, и мнѣ стало очень жаль себя.

— Вотъ кто получитъ отъ меня конфетку на закуску,—говорилъ въ то же время Мавро-Беязи съ выраженіемъ свирѣпой радости, какъ будто всадить пулю въ живого человѣка доставляло ему величайшее наслажденіе.

Я не смогла преодолѣть любопытства и приникла лицомъ къ жалюзи: дѣйствительно, громадный атлетъ въ живописныхъ лохмотьяхъ малоазіатскаго одѣянія, въ бѣломъ тюрбанѣ, торопливо приладивъ лѣстницу къ тому окну, у котораго мы стояли, какъ кошка взлѣзалъ кверху—еще немного, и голова въ чалмѣ была уже на уровнѣ подоконника, да такъ близко, что стоило только разбойнику толкнуть ставень, и рука его свободно могла бы схватить меня за плечо.

Но Андріа, какъ обѣщалъ, пустилъ ему прямо въ лобъ свою „конфетку“ и... не забыть мнѣ никогда того ужаснаго момента: великолѣпный анатоліецъ, красавецъ-богатырь безпомощно какъ-то вскинулъ руками и полетѣлъ навзничь. Ударившись о мостовую, тѣло его издало странный, тупой трескъ, и стало ясно, что упалъ уже трупъ...

Съ улицы отвѣтили бѣшенымъ ревомъ, и отъ напора толпы стѣны дрогнули на своихъ основаніяхъ. Но мнѣ было не до того: рыдая отъ невыносимой жалости, я бросилась на оттоманку, судорожно пряча голову въ подушки дивана и воображая, что глухой стукъ тѣла все еще слышенъ.

— Что за сердца здѣсь на Востокѣ! изъ какого камня всѣ вы созданы?—кричала я въ припадкѣ истерики, отталкивая влюбленнаго африканца, старавшагося меня успокоить. Но въ самую скверную минуту, когда напряженіе бандъ достигло наивысшаго предѣла ярости вслѣдствіе гибели ихъ предводителя, совершенно неожиданно съ моря рявкнулъ чрезвычайно громкій по силѣ звука пушечный выстрѣлъ и грознымъ эхомъ раскатился надъ окрестностью: что такое? что еще?—крикнули всѣ одновременно и, забывъ о штурмующихъ, кинулись на сѣверную половину дома. Когда же распахнулись ставни, то намъ предстало зрѣлище, наполнившее наши сердца великою радостью: на рейдъ плавно, точно лебедь, входилъ большой фрегатъ подъ итальянскимъ флагомъ.

Толпы народа бѣжали со всѣхъ сторонъ къ набережной, привѣтствуя дорогого гостя. Крики „vivat“ и греческое „zito“ сливались съ орудійными салютами, которыми обмѣнивались между собой по правиламъ международнаго этикета прибывшее военное судно съ турецкой эскадрой.

Очнулась внезапно и цитадель, объятая непробуднымъ сномъ все время, пока въ европейскихъ кварталахъ хозяйничали безчисленныя шайки разбойниковъ: изъ крѣпостныхъ воротъ съ примкнутыми штыками выбѣжали солдаты и понеслись по улицамъ города, но было уже поздно—отъ башибузовъ и слѣдъ простылъ. А когда черезъ часъ послѣ вышеописаннаго мы направили подзорную трубу на юго-восточный берегъ, то на его отмеляхъ не видно было и признаковъ ночныхъ визитеровъ.

Назовите это внезапное появленіе корабля въ самый критическій моментъ событія чудомъ или стеченіемъ обстоятельствъ, все равно—фактъ остается фактомъ; но случилось именно то, чего никакъ не ожидали хитроумные шейхи и улемы.

Изъ Александріи шелъ въ Смирну мимо Хіоса и въ близкомъ разстояніи фрегатъ „Vittore Emanuello“. Опытные моряки тотчасъ же замѣтили необычайное скопленіе малоазіатскихъ каиковъ и фелугъ въ одномъ изъ заливчиковъ, вдающихся въ островъ. Тогда они пожелали заглянуть въ главную бухту и узнать въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что у нихъ тамъ была своя большая колонія, хотя и уроженцевъ мусульманскаго Востока, но подданныхъ итальянской короны, свой консулъ, епископъ и миссія съ монастырями.

При входѣ на рейдъ, до нихъ ясно стали доноситься звуки выстрѣловъ—это и заставило ихъ дать сигналъ о своемъ прибытіи.

Надо было видѣть, что произошло затѣмъ! Башибузуки, побросавъ лѣстницы, веревки, топоры и прочія осадныя принадлежности, пустились бѣжать вразсыпную и безслѣдно исчезли куда-то.

Флагманъ „Vittore Emanuello“ сошелъ на берегъ и немедленно снесся по кабелю съ кѣмъ слѣдовало, увѣдомивъ о неблагополучіи на островѣ.

На другой же день пришелъ по распоряженію изъ Константинополя панцырный фрегатъ австрійскаго флота „Radetzky“, а не далѣе, какъ часъ спустя, слѣдуя по его стопамъ, въ хіосскія воды влетѣла на всѣхъ парахъ и наша старая знакомая „Coquette“, такъ какъ по символу Британскаго Кабинета ничто не могло имѣть рѣшающаго значенія безъ санкціи англійской дипломатіи.

Всѣ три командира прибывшихъ судовъ отправились съ визитомъ къ Кіамиль-пашѣ. Послѣдній, какъ и прежде, безпомощно разводилъ руками, называя башибузуковъ негодяями, горько жаловался на нихъ и со слезами умолялъ почтенныхъ моряковъ обуздать своевольныхъ малоазіатцевъ.

Столь наивная просьба только удивила его собесѣдниковъ, такъ какъ наши безпокойные сосѣди уже были тогда недосягаемы для всѣхъ эскадръ міра за неприступными высотами Тавра.

Въ тотъ же день обнаружилось и еще одно странное обстоятельство. Съ горъ пришли два миссіонерскихъ послушника и заявили итальянскому консулу, синьору Паскуа, что монастырскіе пастухи случайно открыли въ одной изъ глубокихъ пещеръ южнаго ущелья большой складъ воинскихъ припасовъ. По ихъ указанію отправили туда на розыски отрядъ матросовъ подъ командой старшихъ офицеровъ. И дѣйствительно, въ сказанномъ мѣстѣ оказался весьма внушительный запасъ оружія и пороха. Кто устроилъ тотъ арсеналъ, для какой цѣли и когда—вопросъ такъ и остался открытымъ.

Полетѣли шифрованныя депеши, заскрипѣли перья въ канцеляріяхъ и... кончилось все мыльнымъ пузыремъ.

Зато, пока тянулась эта процедура, я успѣла совсѣмъ оправиться отъ пережитыхъ ужасовъ и очень весело проводила время въ обществѣ моряковъ, къ отчаянію моихъ экзотическихъ поклонниковъ и къ величайшему удовольствію гаремныхъ дамъ, собравшихъ, такимъ образомъ, благодаря мнѣ, весьма цѣнный матеріалъ для назидательныхъ бесѣдъ въ предбанникахъ, куда его и не замедлили направить для окончательной литературной шлифовки.

Наконецъ, всѣ консулы Хіоса получили отъ пословъ такого содер-

жанія инструкцію: инцидентъ игнорировать и отнести его къ области фантазіи легко воспламеняющихся головъ и сердецъ сыновъ Эллады.

Такъ на томъ и рѣшили: найденныя улики сдали подъ росписку губернатору, интернаціональные корабли были отозваны, и все пошло по-старому.

Прежде всѣхъ упорхнула коварная „Кокетка“, и результатомъ ея ревизіи было то, что моему ни въ чемъ неповинному дядюшкѣ прислали за усердіе второй по счету выговоръ и довольно таки глупый запросъ: „почему,—писали премудрые наши чиновники съ береговъ Босфора,—дѣятельность разбойничьихъ бандъ проявилась только по отношенію къ греческимъ кварталамъ и къ вашему дому, тогда какъ другіе агенты державъ остались въ сторонѣ“?...

Глава XXXIX.

Интересно пожить въ Турціи во время праздниковъ двухъ Байрамовъ: Большого или Курбанъ-Байрама и Малаго, которому предшествуетъ 30-дневный постъ Рамазанъ. Такимъ именемъ собственно называется 9-й мѣсяцъ луннаго мусульманскаго года и проводится правовѣрными въ строжайшемъ воздержаніи отъ восхода до заката солнца.

Начало магометанскаго года весьма подвижно и мѣняется смотря по фазамъ луны, а потому не имѣетъ точно опредѣленнаго времени, какъ у насъ. Въ зависимости отъ этого и Рамазанъ точно также перемѣщается и бываетъ то весной, то лѣтомъ и даже зимой. Вотъ почему мусульманское лѣтосчисленіе, какъ въ историческихъ источникахъ, такъ и въ примѣненіяхъ къ повседневной жизни, запутано и не легко поддается нашему уразумѣнію.

Тотъ Рамазанъ, о которомъ сейчасъ будетъ разсказано, соотвѣтствовалъ по нашему концу февраля и тянулся почти весь мартъ.

Это—самый прелестный сезонъ въ Хіосѣ: въ сказанное время цвѣтутъ апельсины, лимоны, мандарины и другія плодовыя деревья; долины покрываются коврами розъ, и весь островъ превращается въ благоухающій букетъ. Вѣтеръ разноситъ ароматъ далеко за предѣлы береговъ, такъ что проходящія суда за нѣсколько миль вдыхаютъ душистыя волны воздуха.

Неуроженцами края тяжело переносится эта столь сильно насыщенная испареніями цвѣтовъ атмосфера, въ особенности ночью; и я, на-

примѣръ, не взирая на духоту, закрывала съ вечера окна въ спальнѣ, чтобы не проснуться утромъ съ головной болью.

Мусульманскій постъ представляетъ собою чрезвычайно трудный подвигъ для всякаго человѣка, и, вѣроятно, наши строгіе постники, до монаховъ включительно, не выдержали бы всей тяжести испытанія, налагаемаго Исламомъ на своихъ послѣдователей.

Судите сами: нашъ подвигъ воздержанія только и состоитъ въ томъ, что мы замѣняемъ мясные и молочные продукты не менѣе вкусными приготовленіями изъ рыбы, овощей, солеными закусками, пирогами, виномъ и другими прекрасными вещами. Мнѣ кажется, что при сказанныхъ условіяхъ не такъ уже трудно повоздержаться на время отъ скоромнаго; но самое главное удобство христіанскихъ постовъ, это—полная свобода принимать пищу въ какіе угодно часы дня и ночи. Не такъ обстоитъ дѣло у мусульманъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ начинается рамазанная церемонія.

Наблюдающій за горизонтомъ съ вышки минарета муэдзинъ кладетъ передъ собой черную и бѣлую нитку и когда становится возможнымъ различать ихъ по цвѣту другъ отъ друга, онъ немедленно возглашаетъ о томъ къ общему свѣдѣнію. Тогда раздается сигнальный ударъ пушки, и уже начиная съ этого момента и до заката солнца воспрещается: ѣсть, пить, курить и многое другое, о чемъ неудобно и говорить, а верхъ невозможнаго—глотать слюну, какъ бы она ни допекала правовѣрнаго.

Если случится, что роковой выстрѣлъ захватитъ пирующаго съ набитымъ ртомъ, то таковой обязанъ выплюнуть все на полъ и не проглотить даже слюны.

Надо полагать, что запрещеніе ѣсть легче всего переносится мусульманами, такъ какъ они за ночь съ превеликимъ усердіемъ наполняютъ себѣ желудки; но, съ другой стороны, это еще болѣе увеличиваетъ ихъ мученія вслѣдствіе того, что обильно принятая пища развиваетъ сильную жажду, а по закону нельзя выпить даже глотка воды до вечерней пушки.

Можете себѣ представить теперь, какимъ терпѣніемъ надо обладать, чтобы не нарушить слишкомъ ужъ суроваго постановленія Корана, да еще при наличіи жгучаго климата и самыхъ жаркихъ часовъ дня! Но вѣрный исламитъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ не исполнить хотя бы одного изъ многочисленныхъ обрядовъ и правилъ своей религіи.

„Турки—народъ молитвы,—говоритъ о нихъ какой-то бытописатель,—имя Аллаха у нихъ всегда на устахъ“.

И дѣйствительно, какъ въ домашнемъ обиходѣ, такъ и во всѣхъ житейскихъ сношеніяхъ магометанинъ шагу не ступитъ, чтобы не упо-

мянуть Машалла[1]), Иншалла[2]) и другихъ воззваній къ Божьему Имени. Даже въ мелочахъ повседневной жизни, напримѣръ: окажетъ ли онъ вамъ какую-либо услугу или же самъ приметъ ее отъ васъ, каждый мусульманинъ—будь-то арабъ, черкесъ, персъ—все равно—непремѣнно скажетъ „Бисмиллилахъ“[3]). Такъ учитъ ихъ Магометъ, и они свято охраняютъ его завѣты.

Но самымъ тяжелымъ лишеніемъ для послѣдователей пророка является запрещеніе курить до заката солнца.

Не задолго до наступленія блаженной минуты, возвѣщаемой муэдзиномъ, можно наблюдать въ кофейняхъ и лавочкахъ базара такую забавную сценку: постящіеся держатъ въ одной рукѣ трубку, а въ другой спички или горячій уголекъ и напряженно ожидаютъ сигнала. Еще не умолкнетъ эхо выстрѣла, какъ уже курильщики затянулись съ наслажденіемъ табачнымъ дымомъ. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и ѣдятъ съ жадностью. Мужчины по преимуществу разговляются внѣ дома, а женщины остаются у себя въ гаремахъ и пируютъ съ гостями.

Состоятельные люди раздаютъ бѣднымъ подарки, устраиваютъ развлеченія, приглашаютъ музыку, разсказчиковъ; мечети иллюминуются до самого восхода солнца; пускаютъ ракеты, бросаютъ вверхъ римскія свѣчи, и въ черныя ночи Рамазана, который непремѣнно долженъ совпадать съ новолуніемъ, весь эффектъ разноцвѣтныхъ огней кажется еще великолѣпнѣе. Но особенно чарующее впечатлѣніе производятъ яркія точки плошекъ, свѣтящимися кольцами охватывающія балкончики минаретовъ, и такъ какъ во мракѣ не видны абрисы зданій, то получается удивительная иллюзія: какъ будто въ воздухѣ висятъ зажженныя люстры, спущенныя съ темнаго купола небесъ—все прелестное зрѣлище это напоминаетъ феерію, взятую со сцены театра.

Такъ проводятся 30 ночей мусульманскаго поста—всѣ радуются и веселятся до самозабвенія. Но едва только пронесется досадная вѣсть, что муэдзину удалось отличить черную нитку отъ бѣлой, какъ мгновенно блестящая картина праздника исчезаетъ, шумъ пировъ и движеніе на улицахъ затихаютъ и тѣ, кто не обязанъ бодрствовать, спѣшатъ въ объятія Морфея, чтобы не чувствовать съ наступленіемъ жары всѣхъ неудобствъ Рамазана. Женщинамъ еще труднѣе дается подвигъ воздержанія: онѣ обязаны въ теченіе дня готовить ужинъ,

---

[1]) Да будетъ благословенно Имя Бога.
[2]) Богъ подастъ или поможетъ.
[3]) Во Имя Творца Всеблагого.

а видъ съѣстного и въ особенности питья причиняетъ имъ немало страданій.

Глава XL.

Въ ночь передъ наступленіемъ Рамазана мнѣ пришлось быть въ гаремѣ Нурри-бея, коменданта хіосской крѣпости, гдѣ я и ознакомилась съ церемоніаломъ турецкаго пира.

Магіе уклонилась по какимъ-то причинамъ отъ приглашенія, и я отправилась туда съ женой французскаго вице-консула госпожей Спадаро, мѣстной уроженкой, прекрасно владѣвшей турецкимъ языкомъ.

У входа на лѣстницу стояли два евнуха-нубійца.

Одинъ изъ нихъ хлопнулъ въ ладоши, что̀ служило, вѣроятно, сигналомъ для верхнихъ обитателей, такъ какъ двери немедленно распахнулись, и навстрѣчу намъ выбѣжали всѣ невольницы гарема, взвизгивая отъ восторга и цѣлуя на ходу края нашей одежды. Сопровождаемыя шумомъ и гамомъ расшалившихся дѣвицъ, мы вошли въ пріемную. Тамъ ожидала гостей сама хозяйка дома, разряженная по-праздничному въ шелковое платье европейскаго покроя, которое, тѣмъ не менѣе, сидѣло на ней мѣшкомъ, такъ какъ турчанки корсетовъ не признаютъ, а на головѣ красовался атласный тепеликъ, т. е. уборъ въ родѣ шапочки, убранный жемчугомъ и бирюзой. На щекахъ красавицы пышно цвѣли розы и піоны изъ запасовъ г. Маркополи, излюбленнаго поставщика косметикъ хіосскихъ франтихъ. Она приняла насъ чрезвычайно радушно по всѣмъ правиламъ турецкой вѣжливости и усадила на низкій диванъ безъ ножекъ, тянувшійся вокругъ всей комнаты.

Зера ханумъ, какъ уже сказано раньше, принесла своему мужу въ приданое почетное мѣсто и хорошія деньги.

Для наблюдателя нравовъ и обычаевъ жилище Нурри-бея представляло бы несравненно болѣе интереса, чѣмъ дворцы сановниковъ Константинопольской бюрократіи, гдѣ онъ не увидѣлъ бы того, что такъ плѣняетъ наше воображеніе, а именно: изящной роскоши и прелести восточнаго стиля—все это давно замѣнено надоѣвшими намъ до оскомины лубочными издѣліями Запада.

Здѣсь же, наоборотъ, вся обстановка повседневной жизни была согласована съ традиціями Ислама и даже въ убранствѣ дома сказывалось былое великолѣпіе минувшаго. Оригинальной красоты и художественнаго вкуса пестрыя арабески украшали своды потолка, откуда спускались на шелковыхъ шнурахъ разноцвѣтныя лампочки

и хрустальные шары; дорогія персидскія шали драпировали окна и двери живописными складками; по мягкому, пушистому ковру, знаменитаго производства Смирны, были разбросаны во множествѣ шелковыя подушки, вышитыя причудливыми узорами; старинная посуда, украшенная драгоцѣнными камнями, наполняла шкафы изъ розоваго дерева, выложеннаго тонкой инкрустаціей и, наконецъ, цѣнное оружіе съ насѣчками изъ золота и серебра, а также настоящіе дамасскіе клинки, развѣшанные по стѣнамъ—все это могло привести знатока и любителя въ полное восхищеніе.

Когда закончился между нами обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій, Зера-ханумъ предложила намъ покурить изъ нарлиге. Я отказалась по причинѣ его ужасной крѣпости. Тогда по знаку хозяйки рабыни принесли на граненой тарелкѣ цѣлую груду преоригинальныхъ папиросъ, свернутыхъ изъ розовыхъ бумажекъ и обвитыхъ полосками золоченой фольги.

Такъ какъ въ турецкихъ домахъ не принято, вообще, уклоняться отъ всякаго предложеннаго угощенія, то пришлось поневолѣ взять пахитоску и закурить.

Не сообразивъ, я затянулась дымомъ разъ, другой и вдругъ почувствовала приступы сильнѣйшей дурноты: все пошло ходуномъ вокругъ, и сознаніе оставило меня.

И, Боже мой! надо было видѣть, что произошло затѣмъ!

Турчанки, надо думать, вспомнили о моемъ недавнемъ обморокѣ въ банѣ и видя меня опять въ такомъ же состояніи, безапелляціонно рѣшили, что я была подвержена припадкамъ падучей болѣзни, которая, по ихъ мнѣнію, очень заразительна. Не помня себя отъ испуга, съ громкими воплями бросились онѣ въ другія комнаты, оставивъ меня одну съ г-жей Спадаро; къ счастію моему въ тотъ же моментъ показался въ дверяхъ пріемной самъ Нурри-бей. Узнавъ о причинѣ переполоха, онъ грозно прикрикнулъ на своихъ женщинъ и немедленно потребовалъ холодной воды.

Когда я оправилась, то прежде всего постаралась успокоить взволнованную ханумъ и ея дѣвицъ, объяснивъ имъ, что у меня просто закружилась голова отъ непривычки къ куренію.

Турчанки выслушали меня съ любезной улыбкой и даже сдѣлали видъ, что вѣрятъ мнѣ, но мои слова, это было видно, казались имъ малоубѣдительными.

Тогда комендантъ, желая вывести меня изъ неловкаго положенія, взялся за дѣло по-своему и устроилъ довольно таки забавную сценку: онъ выстроилъ въ шеренгу передо мной весь женскій персоналъ гарема съ женою во главѣ и, строго взглянувъ на нихъ,

проговорилъ: „наша гостья совершенно здорова — я приказываю вамъ повѣрить ей, какъ бы мнѣ самому".

И такова сила авторитета главы мусульманской семьи: тотчасъ же всѣ женщины кинулись ко мнѣ съ нѣжными ласками, умоляя не сердиться на нихъ и забыть навсегда о прискорбномъ недоразумѣніи.

Вскорѣ послѣ того явились и другія приглашенныя дамы изъ христіанскихъ кварталовъ. Турчанокъ ожидали позже, такъ какъ у каждой изъ нихъ были свои домашнія заботы по случаю наступленія Рамазана.

По особенностямъ гаремнаго быта самъ хозяинъ не могъ принять участія въ нашемъ пированіи, а потому, пожелавъ намъ пріятнаго аппетита, онъ ушелъ въ кофейню.

Пришли также и музыканты-египтяне со своими бубнами, флейтами и цимбалами. Ихъ помѣстили въ сосѣдней комнатѣ и огородились отъ нихъ ковровыми занавѣсками, чтобы они не могли видѣть мусульманокъ съ открытыми лицами.

Наступалъ знаменательный часъ: въ домѣ шла неизбѣжная суматоха по части приготовленій къ торжеству. Всѣхъ насъ пригласили въ уборную для совершенія обряда мытья рукъ, лица и полосканія рта, безъ чего не полагается дотрогиваться до пищи. Вслѣдъ затѣмъ внесли широкую, толстую доску, положили ее прямо на коверъ и накрыли сверху бѣлой, шелковой матеріей съ золотой бахрамой по краямъ и богато расшитой стихами изъ Корана зелеными бусами. Этимъ и закончилась такъ называемая по-нашему „сервировка стола".

По знаку хозяйки мы усѣлись вокругъ пустой скатерти, поджавъ подъ себя ноги и молча нѣкоторое время созерцали узоры священныхъ изреченій, такъ какъ, по заведенному этикету, разговаривать громко за столомъ до возгласа муэдзина съ минарета не принято. Турчанки нервничали, перебѣгая отъ окна къ окну и тревожно къ чему-то прислушивались.

— О, Господи, какъ ѣсть хочется! Чего же мы ждемъ?—проворчала жена австрійскаго драгомана, г-жа Штейнъ, недавно прибывшая въ Хіосъ и еще не бывавшая въ гаремахъ.

— Выстрѣла,—отвѣтила я,—послѣ котораго будемъ ѣсть до восхода солнца.

— Обратите вниманіе,—заволновалась австріячка,—даже хлѣба не видно. Неужели такъ-таки и придется намъ глотать барановъ безъ него? Сожалѣю, что не догадалась захватить съ собой хотя бы нѣсколько галетъ и чего-нибудь перекусить.

— Да успокойтесь вы,—шепнула я,—и хлѣба дадутъ, и не только

голодной останетесь, но еще заболѣете отъ слишкомъ обильнаго угощенія.

Но вотъ, наконецъ, грянула пушка, а съ балконовъ мечетей запѣли: „Ля Ильля иль Алла, вэ Мохаметъ рессулъ Аллахъ!“—и эти унылые, протяжные звуки наполняли сердца правовѣрныхъ великою радостью и возвѣщали имъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ есть пророкъ Его“—оконченъ тяжкій подвигъ, можно и разговѣться.

Распахнулись двери, и два евнуха втащили огромное блюдо, отъ котораго шелъ аппетитный запахъ жаренаго.

— Ну, такъ и есть, безъ хлѣба!—вспыхнула моя сосѣдка; но, взглянувъ на кушанье, сконфузилась: намъ предложили тушеныхъ въ маслѣ куръ, разрѣзанныхъ на мелкія части и обложенныхъ маисовыми лепешками.

— Почему намъ не даютъ вилокъ и ножей?—не унималась австрійская дама.—Я не стану пачкаться!

— И голодайте на здоровье,—раздражаясь, отвѣтила я:—не полагается въ турецкомъ обиходѣ—вотъ и все.

По примѣру ханумъ и невольницъ, усѣвшихся вмѣстѣ съ нами за столъ, мы также стали брать съ подноса прямо руками жирные куски и отправлять ихъ въ ротъ; но, отъ непривычки къ столь упрощенному способу ѣды, тотчасъ же вымазались и оказались въ плачевномъ состояніи; досаднѣе всего было отсутствіе салфетокъ, за неимѣніемъ которыхъ приходилось пользоваться собственными носовыми платками.

Турчанки, наоборотъ, удивляли насъ ловкостью и умѣньемъ такъ обращаться съ жирнымъ, что пальцы ихъ при этомъ оставались совершенно чистыми, а кости и объѣдки онѣ бросали обратно въ блюдо; въ силу необходимости и мы дѣлали то же самое, стараясь по возможности не обнаруживать чувства брезгливости, чтобы не нанести, съ мусульманской точки зрѣнія, величайшаго оскорбленія дому.

Когда унесли остатки кушанья, двѣ прислужницы обошли насъ съ чашками мыльной воды, проворно обмыли наши грязныя руки и вытерли ихъ насухо роскошно вышитыми полотенцами.

Затѣмъ стали угощать медовой халвой, нарѣзанной квадратиками по числу гостей.

Моя безпокойная сосѣдка такъ и ахнула:

— Какъ, уже и дессертъ?! Нечего сказать, „обильное угощеніе“, какъ вы обѣщали! Напрасно, напрасно не принесла я въ карманѣ чего-нибудь съѣстного, такъ какъ, судя по вашимъ словамъ, придется сидѣть здѣсь до утра.

Я съ умысломъ промолчала и отвернулась, сдерживая смѣхъ.

Въ то же время поставили на столъ большой подносъ, на которомъ возвышалась пирамида воловьяго мяса съ различными приправами и осыпанная краснымъ перцемъ. Только что убрали жаркое, принесли пирожное съ орѣхами; не успѣли еще проглотить его, уже подали какой-то мудреный кёбабъ [1]) съ толченымъ сарацинскимъ пшеномъ, а затѣмъ варенье изъ померанцевыхъ цвѣтовъ, за которымъ слѣдовали бараньи бризоли [2]) съ изюмомъ и т. д., такъ что смѣнѣ блюдъ мясныхъ и сладкихъ не предвидѣлось конца.

Все это мы ѣли, запивая душистыми шербетами и заливая наши свѣтлые, нарядные туалеты разнообразными соусами, а невольницы, съ лукавой усмѣшкой и переговариваясь между собой по-арабски, мыли намъ руки.

Отъ такого безобразнаго угощенія многія изъ насъ стали чувствовать приступы морской болѣзни; но надо было крѣпиться и маскировать недомоганіе, чтобы не обидѣть слишкомъ ужъ радушную хозяйку.

Когда же мы окончательно выбились изъ силъ отъ безконечнаго жеванія, неожиданно къ нашему благополучію явились близкія пріятельницы Зеры-ханумъ и тѣмъ отвлекли на время ее исключительное вниманіе къ себѣ, что дало намъ возможность немного передохнуть.

Пришедшія были загримированы такъ, какъ будто имъ предстояло выступить на подмосткахъ балагана, и думалось невольно, глядя на нихъ: недурной оборотъ сдѣланъ лавочкой г. Маркополи по случаю наступленія магометанскаго поста.

Послѣ интимной бесѣды съ подругой, турчанки размѣстились недалеко отъ меня, и разговоръ сосредоточился всецѣло около моей особы, а главнымъ образомъ около моего пенснэ, которое всегда и неизмѣнно служило предметомъ ихъ любопытства. Обсудивъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы перешли на другія темы, и такъ какъ мои собесѣдницы довольно плохо объяснялись на французскомъ языкѣ, то недостатокъ краснорѣчія съ успѣхомъ пополнялся выразительной мимикой и пантомимами. Благодаря затворницамъ гаремовъ я узнала много такого, чему насъ совсѣмъ не учили въ институтѣ. Оказалось, прежде всего, что міръ сотворенъ спеціально для магометанъ, и что Адамъ и Ева были ревностными мусульманами. Такъ продолжалось до Авраама, но по интригамъ его старшаго сына Исаака, тайно принявшаго христіанскую вѣру, Измаилъ, сторонникъ Ислама, былъ отправленъ въ ссылку — отъ

---

[1]) По-турецки вообще жареное мясо.

[2]) Котлеты.

него-то собственно и пошли настоящіе турки, а потомки безсовѣстнаго Исаака, который только и умѣлъ, что обманывать всѣхъ, исказили смыслъ истинной религіи и подмѣнили святой коранъ другими книгами. Тогда разгнѣванный Аллахъ приказалъ архангелу Гавріилу принести Магомета къ Нему на седьмое небо. Тамъ Онъ переговорилъ съ нимъ обо всемъ и вручилъ ему ключи отъ всѣхъ сокровищъ земли.

Но пророкъ, судя по разсказамъ его же поклонницъ, оказался не совсѣмъ исправнымъ министромъ финансовъ: озабоченный приготовленіями къ своему вознесенію, онъ по разсѣянности выронилъ ключи изъ кармана, чѣмъ и воспользовались гяуры и, такимъ образомъ, завладѣли деньгами всего міра.

Когда же Магометъ поднялся на небо и возсѣлъ на рога полумѣсяца, то хотя и спохватился, да было уже поздно и непріятно возвращаться обратно. Но Аллахъ успокоилъ его и сказалъ, что это ничего, такъ какъ скоро будетъ страшный судъ надъ невѣрными, а мусульмане получатъ тогда всѣ царства вселенной.

Зера-ханумъ, желая, вѣроятно, обрадовать насъ, сказала, глотая слюнки, что она намѣрена предложить намъ любимое кушанье его величества Падишаха, пилавъ изъ молодого козленка съ черносливомъ.

Объявивъ гостямъ столь пріятную новость, она встала и вышла.

Раздались дикіе звуки египетскаго оркестра съ невозможными для нашего уха переходами; но турчанки не знали, какъ выразить свое восхищеніе: онѣ вертѣлись по комнатѣ, хлопали въ ладоши и, наконецъ, такъ разошлись, что принялись выдѣлывать какое-то мудреное па, неизвѣстное нашимъ балеринамъ и сопровождаемое весьма нескромными тѣлодвиженіями. Этотъ танецъ, говорили онѣ, очень нравится мужьямъ и не мало способствуетъ къ укрѣпленію супружеской привязанности... Вообще, въ ту памятную для меня рамазанную ночь я пріобрѣла довольно порядочный запасъ разнообразныхъ познаній, какъ изъ области исторіи Ислама, такъ и по части нѣкоторыхъ сторонъ гаремнаго обихода...

Въ заключеніе на столѣ появилась дымящаяся гора рису, и турецкія дамы съ жадностью накинулись на него, какъ будто передъ тѣмъ, бѣдняжки, совсѣмъ изголодались, а мы, чувствуя себя больными отъ переполненія желудковъ, безпомощно созерцали передъ собой священное блюдо Абдулъ-Азиса.

Таковое обстоятельство никакъ не могло ускользнуть отъ вниманія гостепріимной хозяйки, и она заволновалась. Но послѣ неотразимо убѣдительныхъ доводовъ съ нашей стороны было единогласно рѣшено освободить насъ отъ непосильнаго испытанія.

Только младшія наложницы Нурри-бея не смогли сдержать себя въ границахъ благопристойности турецкаго этикета и залились смѣхомъ: какъ! отказаться отъ любимаго кушанья султана? фактъ прямо невѣроятный! и до чего глупы всѣ эти франки!..

Наступалъ часъ разсвѣта, а слѣдовательно и начала Рамазана: Евнухи, невольницы, да и сама ханумъ, не переставая жевать и запихивать въ ротъ куски баранины и сластей, чтобы хорошенько насытиться до слѣдующей ночи, торопливо прибирали комнату въ ожиданіи сигнала пушки. Церемоніалъ прощанія занялъ много времени и показался намъ крайне утомительнымъ, такъ какъ мы еле стояли на ногахъ: съ каждой въ отдѣльности изъ присутствующихъ надо было обмѣняться селямомъ, безконечными пожеланіями съ призываніемъ имени Аллаха и множествомъ высокопарныхъ комплиментовъ въ мусульманскомъ стилѣ, безъ чего не полагается уходить изъ жилища правовѣрнаго.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэнбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ.

Къ середины истекшаго 1909 года явилась возможность всякому, интересующемуся личностью императрицы Екатерины II, познакомиться съ ея дѣятельностью въ бытность великой княгиней, благодаря выходу въ свѣтъ ея переписки съ англійскимъ посломъ Уилльямсомъ.

Переписка эта, изданная Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, обнимаетъ почти цѣлый годъ, съ 31-го іюля 1756 г. по 2-е іюля 1757 г. включительно. Велась она на французскомъ языкѣ. Всѣхъ писемъ сохранилось 157, изъ которыхъ 70 принадлежатъ Екатеринѣ, а остальныя—Уилльямсу. По словамъ Горяинова, автора предисловія къ этому изданію, изъ писемъ великой княгини только три написаны ея рукой; остальныя же дошли до насъ въ копіи [1]). Всѣ же письма Уилльямса сохранились въ оригиналѣ, хотя часть изъ нихъ писана подъ диктовку.

Названная переписка только 10 мая 1864 г. была передана въ Государственный Архивъ въ видѣ двухъ переплетенныхъ тетрадей. Письма Екатерины и отвѣты Уилльямса расположены въ этихъ тетрадяхъ безъ соблюденія хронологическаго порядка и даже безъ строгаго разграниченія писемъ отъ отвѣтовъ. Это приводитъ насъ къ мысли, что вся переписка до поступленія ея въ Государственный Архивъ находилась въ однѣхъ рукахъ. Возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ это случилось?

[1]) С. Н. Горяиновъ на основаніи этой же переписки составилъ статью „На пути къ трону“, которую напечаталъ въ „Русской Мысли“ 1909 г. №№ 2 и 3. *Ред.*

Горянновъ предполагаетъ, что письма Уилльямса были возвращены великой княгиней ихъ автору при его отъѣздѣ изъ С.-Петербурга въ 1757 г. [1]). Но это предположеніе едва-ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности и едва-ли умѣстно, такъ какъ въ самой перепискѣ мы находимъ далеко не сбивчивое разъясненіе этого вопроса. Такъ, письмо отъ 8 августа 1756 г. Екатерина заканчиваетъ словами: „Я съ большимъ сожалѣніемъ возвращаю вамъ ваше письмо“ [2]). Въ запискѣ же отъ 28 сентября она говоритъ: „Вотъ ваши письма, кромѣ большой депеши, которую я хочу еще перечитать“ [3]). Эти двѣ фразы ясно указываютъ на то, что отвѣты Уилльямса не залеживались у великой княгини, а возвращались ему при новыхъ ея письмахъ. Въ свою очередь и англійскій посолъ, что видно изъ переписки, за малыми исключеніями, возвращалъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ ея записки съ тѣмъ же посланнымъ, который приносилъ его отвѣты. Такъ, письмо отъ 13 августа онъ начинаетъ словами: „Я возвращаю, милостивый государь, два изъ вашихъ писемъ“ [4]). Записка его отъ 21 сентября оканчивается словами: „Я отвѣчу на ваше (письмо) завтра и возвращу вамъ его тогда же“ [5]). Другая варіація въ запискѣ отъ 25 сентября: „Я сохраню еще одно изъ вашихъ (писемъ), на которое надѣюсь скоро отвѣтить“ [6]). То же мы читаемъ въ запискѣ отъ 5 ноября.

Возвращая великой княгинѣ ея письма, Уилльямсъ предварительно снималъ съ нихъ копіи. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что на оборотѣ листа, содержащаго копію записки Екатерины Алексѣевны отъ 31 декабря, написаны по-англійски рукою Уилльямса—какъ указано въ изданной перепискѣ—слѣдующія слова: „Милый другъ и родственникъ, предъявитель сего М...“ [7]). На это указываетъ также и то, что въ хранящейся въ Государственномъ Архивѣ тетради, какъ сообщается въ изданной перепискѣ, послѣ записки Екатерины отъ 23 сентября слѣдуетъ листъ съ двумя-тремя начальными строками этой записки; при чемъ строки эти перечеркнуты карандашемъ, а внизу листа написано по-англійски: „Это вторая начатая копія“ [8]).

---

[1]) Предисловіе къ изданію, стр. V.

[2]) Переписка, стр. 23.

[3]) Тамъ же, стр. 184.

[4]) Тамъ же, стр. 41. Надо замѣтить, что всѣ письма Екатерины, за исключеніемъ одного, безъ подписи и написаны какъ бы отъ мужчины. Уилльямсъ въ свою очередь адресуется къ ней, какъ къ знатному господину.

[5]) Тамъ же, стр. 165.

[6]) Тамъ же, стр. 173.

[7]) Тамъ же, стр. 313.

[8]) Тамъ же, стр. 170.

Такимъ образомъ, сохраненіемъ переписки въ такомъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, мы обязаны самому Уилльямсу, который увезъ ее въ 1757 г. въ Англію. Послѣ же его смерти она, вѣроятно, хранилась у кого-либо изъ довѣренныхъ ему лицъ, почему до шестидесятыхъ годовъ 19-го столѣтія и оставалась совершенно неизвѣстной въ Россіи.

Изъ историковъ до настоящаго времени съ этой перепиской имѣлъ дѣло только Соловьевъ, который привелъ даже нѣсколько выдержекъ изъ нея въ своей „Исторіи Россіи“ (24-й томъ, стр. 934—936). Брикнеръ же хотя и упоминаетъ въ своей „Иллюстрированной исторіи Екатерины II“ объ этой перепискѣ, но онъ зналъ о ней только по „Исторіи Россіи“ Соловьева. Это явствуетъ изъ первой ссылки на страницѣ 81-й его труда. Сличеніе же 79—81 страницъ его исторіи съ указаннымъ раньше мѣстомъ исторіи Соловьева обнаруживаетъ, что Брикнеръ помѣстилъ въ своемъ трудѣ всѣ безъ исключенія выдержки Соловьева изъ разсматриваемой нами переписки.

Имѣя въ виду по возможности освѣтить тотъ незначительный періодъ жизни Екатерины II въ бытность ея великой княгиней, который обхватываетъ ея переписка съ Уилльямсомъ, мы попытаемся сначала изложить вкратцѣ ея біографію до середины 1756 г., а также дадимъ краткія свѣдѣнія о сэрѣ Уилльямсѣ.

Екатерина II родилась 21-го апрѣля 1729 года въ Штетинѣ, гдѣ въ то время стоялъ прусскій пѣхотный № 8 полкъ, командиромъ котораго былъ ея отецъ, генералъ-маіоръ прусской арміи, ангальтъ-цербстскій князь Христіанъ-Августъ. При крещеніи принцесса была наречена Софіей-Августой-Фредерикой. Она „росла и воспитывалась подъ наблюденіемъ своей матери—умной, энергической, веселой и, какъ всѣ умные люди, честолюбивой княгини Іоганны-Елисаветы. Мать держала её очень просто: дѣвочка играла съ дѣтьми горожанъ; ее никто не называлъ принцессой, ни даже Софіей, а уменьшительнымъ Фике; на гуляньяхъ въ городскомъ саду она терялась въ толпѣ дѣтей, рѣзвилась, бѣгала со сверстниками“ [1]). Во время этихъ игръ она, какъ припоминали позже, всегда брала на себя роль руководительницы. Съ годами мать все меньше и меньше стала заниматься ею, чѣмъ и объясняется то, что дочь осталась чужда зависти, страсти къ интригамъ, любви къ сплетнѣ и злословію, непривлекательнымъ качествамъ своей матери. Воспитатели и учителя ея въ большинствѣ были французы. Изъ нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ Екатерина вспоминала гувер-

[1]) Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 6.

пантку, француженку Кардель, которая старалась пріохотить принцессу къ чтенію. Довольно важнымъ воспитательнымъ средствомъ являлись поѣздки съ родителями въ Цербстъ, Гамбургъ, Брауншвейгъ, Берлинъ и Эйтинъ. Въ январѣ же 1744 г. принцессѣ Софіи пришлось предпринять со своею матерью болѣе далекое путешествіе.

Императрица Елисавета Петровна выбрала ангальтъ-цербстскую принцессу въ жены своему племяннику, наслѣднику престола Петру. И княжна Іоганна-Елисавета, по приглашенію императрицы, поѣхала съ дочерью въ Россію.

Еще дома, конечно, принцесса Софія слышала о богатствѣ и пышности русскаго двора; но картины, которыя она рисовала въ своемъ воображеніи, и которыя не могли совсѣмъ отдѣлиться отъ привычной ей съ дѣтства обстановки, не походили на то, что ей пришлось увидѣть. Крайнія неудобства переѣзда отъ Берлина до русской границы на почтовыхъ и обывательскихъ лошадяхъ смѣнились для принцессы и ея матери, со въѣзда въ Ригу, неизвѣданными ими до той поры почестями, пышностью и комфортомъ. Небольшая остановка въ Петербургѣ и переѣздъ со всѣми удобствами до Москвы, гдѣ въ то время находился дворъ, очаровали 14-лѣтнюю Фике. Уже знавшая, конечно, о лестномъ для нея выборѣ русской императрицы, она все болѣе и болѣе проникалась рѣшимостью преодолѣть тѣ еще неизвѣстныя ей препятствія къ ея браку съ великимъ княземъ, на которыя намекалось въ письмахъ изъ Россіи и Берлина къ княгинѣ Іоаннѣ-Елисаветѣ.

Благодаря привлекательной наружности, принцесса Софія сразу произвела выгодное впечатлѣніе на императрицу и великаго князя. Недюжинный же умъ, на которой еще раньше указывалъ ея матери графъ Гюлленборгъ, и привычка къ самостоятельности, проявлявшаяся еще на родинѣ, помогли ей привлечь къ себѣ симпатіи окружающихъ. Понявъ, что ей прежде всего нужно стать православной и усвоить русскій языкъ, она съ такимъ увлеченіемъ начала изучать православный Законъ Божій и русскую грамоту, что даже по ночамъ вставала для этого. Во время болѣзни, перенесенной вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, принцесса еще болѣе привязала къ себѣ окружающихъ. Этому способствовало какъ то, что причиной болѣзни было усиленное изученіе русскаго языка—она простудилась при ночныхъ занятіяхъ полуодѣтой,—такъ и то, что во время кризиса болѣзни, она отклонила предложеніе—пригласить къ ней лютеранскаго пастора и пожелала видѣть своего новаго законоучителя, о. Симона Тодорскаго.

29 іюня 1744 г., на другой день послѣ принятія православнаго

исповѣданія, принцесса Софія, получившая при этомъ наименованіе Екатерины Алексѣевны, была обручена съ великимъ княземъ.

Съ этого времени ея положеніе, несмотря на недовольство при дворѣ ея матерью, все болѣе и болѣе упрочивается. Елисавета Петровна, хотя временами и бывала недовольна великой княжной за ея расточительность, вообще относилась къ ней очень внимательно, нерѣдко осыпала ее любезностями, восхваляла ея русское произношеніе, восторгалась ея красотой.

21 августа 1745 г. состоялось бракосочетаніе ангальтъ-цербстской принцессы съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, несмотря на то, что послѣдній нѣсколько разъ предъ тѣмъ серьезно болѣлъ, и придворные врачи совѣтовали повременить съ бракомъ. Елисавета Петровна спѣшила обезпеченіемъ престолонаслѣдія укрѣпить за собою императорскую корону.

Петръ Ѳедоровичъ былъ значительно слабѣе великой княгини не только физически, но и умственно, хотя и былъ на годъ старше ея. Уже будучи женатымъ, онъ часто проводилъ время за игрой въ деревянные солдатики, наряжалъ лакеевъ въ военные мундиры, раздавалъ имъ ружья, училъ ихъ маршировкѣ, обращая такимъ образомъ свою часть дворца чуть ли не въ казармы. Кромѣ того, въ его поступкахъ нерѣдко проявлялась необузданная грубость, безсердечное самодурство. За столомъ, напр., онъ издѣвался надъ служителями, обливалъ ихъ виномъ и позволялъ себѣ другія непристойныя шутки.

Послѣ одной изъ ребяческихъ продѣлокъ великаго князя, затронувшей личность самой императрицы, были приняты мѣры къ его обузданію. Съ этой цѣлью была дана особая инструкція приставленному къ нему лицу. Заодно и къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ была назначена „знатная дама“, получившая также инструкцію, одинъ изъ пунктовъ которой требовалъ отъ великой княгини воздержанія отъ вмѣшательства какъ „въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла“, такъ и „отъ излишней и тайной переписки“, такъ какъ великая княгиня „всегда свои потребныя письма въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ[1])“. Составитель инструкціи, гр. Бестужевъ-Рюминъ, боясь, чтобы Екатерина Алексѣевна не была вовлечена своею матерью въ политическую интригу, постарался этимъ затруднить ея сношенія съ княгиней Іоганной-Елисаветой, которую ему удалось выжить изъ Россіи. Основнымъ же пунктомъ инструкціи, касающейся великой княгини, было предпи-

[1]) Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 203.

саніе „брачную повѣренность между обоими императорскими высочествами возможнѣйше и неотмѣнно соблюдать“, который былъ продиктованъ нетерпѣніемъ императрицы имѣть наслѣдника у наслѣдника престола, чтобы тѣмъ ослабить тайныхъ сторонниковъ Ивана Антоновича.

Съ этого времени началась частая смѣна лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету; въ большинствѣ удаляли людей, пользовавшихся довѣріемъ князя и княгини. Это обстоятельство отучило Екатерину Алексѣевну отъ привязанности къ кому-либо и заставило ее быть осторожной относительно каждаго новаго лица. Благодаря этому, говоритъ Бильбасовъ, „Екатерина все болѣе и болѣе знакомилась съ новыми лицами, съ разнообразными характерами; она пріучилась ладить съ одними, противодѣйствовать другимъ, уживаться со всѣми. Въ результатѣ получилась та гибкость въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми, то умѣніе пользоваться силами другихъ, та способность эксплоатировать, не оскорбляя, которая позже заставляла многихъ удивляться [1])“.

„Екатерину видѣли во всѣхъ придворныхъ спектакляхъ и маскарадахъ, на всѣхъ дворцовыхъ балахъ и выходахъ, всегда привѣтливою, веселою“, но въ своихъ покояхъ она первое время очень скучала, такъ какъ великій князь больше удѣлялъ времени собакамъ, чѣмъ ей. Только въ лѣтнее время она развлекалась охотой въ окрестностяхъ Ораніенбаума и верховой ѣздой.

Въ этотъ періодъ своей жизни великая княгиня пристрастилась къ чтенію, которымъ разгоняла скуку. Начавши съ французскихъ романовъ, она перешла къ Lettres de M-me Sevigné, затѣмъ къ Вольтеру, „Исторіи Генриха Великаго“ Перефикса, „Исторіи Германіи“ Барра, къ „Dictionaire historique et critique“ Беля.

Въ тѣ времена придворные нравы не отличались большой строгостью, и преступныя связи были въ порядкѣ вещей. Великій князь напр. волочился поочередно почти за всѣми придворными дамами. Къ періоду переписки онъ не измѣнился въ этомъ отношеніи, что видно изъ первыхъ строкъ письма великой княгини отъ 31 августа: „Новая страсть великаго князя къ гречанкѣ, которая при мнѣ, дѣлаетъ то, что его частое присутствіе въ моихъ комнатахъ мѣшаетъ мнѣ быть столь свободнымъ, какъ обыкновенно [2])“.

Были тайные обожатели и у Екатерины Алексѣевны. Бильбасовъ какъ на таковыхъ указываетъ на малороссійскаго гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго, камеръ-юнкера гр. Захара Григорьевича

---

[1]) Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 223.

[2]) Переписка, стр. 110.

Чернышева и др. Но только камергеръ великокняжескаго двора, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ былъ удостоенъ благосклонности княгини. Онъ былъ довольно уменъ, обладалъ красивой наружностью, мягкими манерами, изысканностью въ обращеніи и, кромѣ того, умѣлъ скрывать свои недостатки.

Къ этому же времени, а именно, къ 1753 году, относится и сближеніе великой княгини съ канцлеромъ Бестужевымъ. Окруженная людьми, мало внушающими довѣрія, Екатерина Алексѣевна естественно обратила вниманіе на энергичнаго, пользовавшагося большимъ авторитетомъ при дворѣ, канцлера. Послѣдній же, окруженный врагами, нуждался въ поддержкѣ великой княгини. И они подали другъ другу руки.

Благодаря выполненію Екатериной главнѣйшаго пункта касающейся ея инструкціи, цѣль, преслѣдуемая этой инструкціей, была достигнута. 20 сентября 1754 г. она родила сына Павла. Елисавета Петровна восторженно привѣтствовала это событіе; она могла теперь спокойнѣе спать: образъ дитяти-императора, Ивана VI, заслонялся колыбелью новорожденнаго великаго князя. Екатерина Алексѣевна отошла теперь на задній планъ; все вниманіе, всѣ взоры сосредоточились на колыбели малютки, котораго унесли отъ матери, какъ только спеленали. Екатерину же оставили безъ всякой помощи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на родильной постели. „Всѣ обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Павла Петровича, говоритъ Бильбасовъ, произвели глубокое впечатлѣніе на великую княгиню. Ея самолюбіе подверглось за это время самымъ тяжкимъ испытаніямъ. Рожденіе перваго ребенка — важный переломъ въ жизни женщины; лично же для Екатерины, этотъ чисто физіологическій процессъ усложнился такими психологическими особенностями, что произвелъ цѣлый переворотъ въ ея развитіи, придавъ совершенно иное направленіе не только ея чувствованіямъ, но и мыслямъ“. Она стала серьезнѣе смотрѣть на жизнь, начала критически относиться къ явленіямъ, мнѣніямъ и людямъ. Только теперь, по рожденіи сына, встрѣчается въ „Запискахъ“ Екатерины слѣдующее характерное признаніе: „Я начала видѣть вещи въ черномъ свѣтѣ и отыскивать въ предметахъ, представляющихся моему взору, причины болѣе глубокія и болѣе сложныя“ [1]). У великой княгини отняли ребенка, и она, не находя исхода въ семейныхъ заботахъ, искала иного примѣненія своихъ силъ, тѣмъ болѣе, что теперь ей была предоставлена большая свобода. Такъ, къ концу 1754 г. она начала руководить управленіемъ Голштиніи, герцогомъ которой былъ

[1]) Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“ т. I, стр. 276—277.

великій князь. Тяготясь какимъ бы то ни было серьезнымъ занятіемъ, онъ поручилъ веденіе голштинскихъ дѣлъ великой княгинѣ. „Это была хорошая школа для Екатерины“, заявляетъ Бильбасовъ. „Вопросы религіи, права, образованія и экономіи, дѣла финансовыя, торговыя и промышленныя, весь сложный механизмъ управленія страною, со всею борьбою честолюбія, корысти, интриги—все проходило черезъ ея руки, со всемъ она знакомилась по масштабу довольно малому, но весьма полному. Ея политическіе взгляды формировались на докладахъ о голштинскихъ дѣлахъ, которыя предоставляли ей возможность практически знакомиться съ политико-государственными вопросами“ [1]).

Свободное же время Екатерина по прежнему посвящала чтенію. Тацитъ, Монтескье, Вольтеръ имѣли глубокое вліяніе на ея взгляды, сужденія и на самый образъ мыслей.

Въ серединѣ 1755 г. прибылъ въ Петербургъ англійскій посолъ Чарльзъ Гэнбюри Уилльямсъ. Живой, остроумный, изящный въ манерахъ, онъ произвелъ на Екатерину благопріятное впечатлѣніе во время перваго же своего появленія при великокняжескомъ дворѣ. Къ этому времени ему было свыше 45 лѣтъ. Онъ происходилъ, какъ мы видимъ изъ предисловія къ перепискѣ, изъ древней и зажиточной семьи и принадлежалъ къ партіи виговъ. Свое дипломатическое поприще онъ началъ съ Дрездена, куда былъ назначенъ посланникомъ, и скоро проявилъ свое умѣнье сближаться съ людьми, разгадывать самые различные характеры и пользоваться при переговорахъ слабыми сторонами противниковъ. Въ 1750 г. онъ былъ переведенъ отъ саксонскаго двора въ Берлинъ, но не понравился Фридриху II, и вскорѣ, по требованію прусскаго министерства, былъ отозванъ и назначенъ опять въ Дрезденъ. Находясь при дворѣ саксонскаго курфюрста Августа III, который одновременно былъ и польскимъ королемъ, Уилльямсъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ сблизился съ князьями Чарторыйскими и графами Понятовскими. Уѣзжая въ Россію, онъ предложилъ молодому графу Станиславу-Августу Понятовскому поѣхать въ Петербургъ въ качествѣ секретаря великобританскаго посольства, и тотъ явился въ русскую столицу вскорѣ по пріѣздѣ туда Уилльямса. Графъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостью, своимъ игривымъ остроумiемъ, красотою, умомъ и ловкостью. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Екатерина, по условіямъ придворной жизни того времени, была лишена всякой живой дѣятельности. Слушаніе докладовъ по дѣламъ Голштиніи не удовлетворяло ее. Уже восьмой мѣ-

[1]) Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 289.

сяцъ она была матерью перваго ребенка, но малютку удалили отъ ея заботъ, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видѣла его; въ отцѣ же ребенка она къ тому времени успѣла разочароваться, признавъ его недостойнымъ той любви, которою онъ пользовался. Понятовскій очень скоро добился благосклонности великой княгини, и даже ея злая болонка ласкалась къ нему. Но не долго прожилъ Понятовскій въ этотъ разъ въ Петербургѣ. Спустя годъ, къ серединѣ 1757 г., онъ долженъ былъ, по требованію польско-литовскаго правительства, покинуть Россію.

Съ этого момента и начинается разсматриваемая нами переписка. Большая часть ея относится ко времени отсутствія Понятовскаго, такъ какъ съ его вторичнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, во второй половинѣ декабря 1756 г., обмѣнъ письмами, бывшій раньше почти непрерывнымъ, сталъ болѣе рѣдкимъ, а съ 20-хъ чиселъ января до отъѣзда Уилльямса едва поддерживался.

Задавшись цѣлью, какъ было уже раньше указано, при помощи данной переписки освѣтить обнимаемый ею періодъ изъ жизни Екатерины II, мы предварительно остановимся на факторахъ, обусловливающихъ самый характеръ ея дѣятельности, падающей на названный періодъ.

Уже въ первомъ письмѣ великой княгини мы находимъ мимолетное замѣчаніе: „Чье-то здоровье никогда не было столь расшатаннымъ“, и далѣе: „Достовѣрно то, что вода поднялась въ нижнюю часть живота“ [1]). На это Уилльямсъ отвѣчаетъ: „У кого вода поднялась въ нижнюю часть живота, тотъ уже обреченный человѣкъ“ [2]). Эти замѣчанія какъ бы вскользь были сдѣланы въ началѣ августа. Записку же отъ 30 августа великая княгиня заканчиваетъ словами: „Чье-то здоровье все хромаетъ“ [3]). Имя больного, повидимому, не указывалось изъ тѣхъ же соображеній, по которымъ великая княгиня не подписывалась подъ своими записками. Это, вѣроятно, дѣлалось на случай, если какое-либо изъ писемъ попадетъ въ постороннія руки. Поэтому же и упоминаемыя въ перепискѣ лица назывались какими-либо условными именами. Впрочемъ, относительно именъ осторожность соблюдалась только въ началѣ переписки. Поэтому, изъ письма Екатерины Алексѣевны отъ 4 октября мы видимъ, о какомъ больномъ рѣчь шла раньше. „Такъ какъ вы хотите новостей, пишетъ она Уилльямсу, (то) знайте, что комета была видна третьяго дня и вчера среди бѣлаго дня, что внезапная смерть барона

[1]) Переписка, стр. 7.
[2]) Тамъ же, стр. 13.
[3]) Тамъ же, стр. 109.

Строганова.... и эта комета наводятъ такой страхъ на императрицу, что усилилось задыханіе, что боли въ нижней части тѣла въ связи съ постоянными недомоганіями, которыя вы знаете, даютъ поводъ опасаться рака, что ноги, тѣмъ не менѣе, опухли, и водянка несомнѣнна“ [1]). Такъ какъ и въ указанныхъ раньше письмахъ говорилось о больномъ водянкой, то ясно, что и тогда рѣчь шла объ императрицѣ, тѣмъ болѣе, что, нѣсколько дней спустя, великая княгиня, говоря о больномъ, опять не упоминаетъ его имени. „Вчера, среди дня“, сообщаетъ она англійскому послу: „случились три головокруженія или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачетъ, огорчается и, когда спрашиваютъ у нея, отчего, она отвѣчаетъ, что боится потерять зрѣніе. Бываютъ моменты, когда она забывается и не узнаетъ тѣхъ, которые окружаютъ ее. Говорятъ однако, что она хорошо провела ночь, и что сегодня она перейдетъ въ Зимній дворецъ“ [2]). Здѣсь уже вполнѣ ясно, что рѣчь идетъ объ императрицѣ, хотя ея имя и опущено, тѣмъ болѣе, что Уилльямсъ на это сообщеніе отвѣтилъ: „Я смотрю на болѣзнь императрицы, какъ на роковую“ [3]).

Мы видимъ, что къ началу переписки Елисавета Петровна была уже больна. Оправилась же она къ серединѣ декабря, что видно изъ слѣдующаго: къ запискѣ отъ 10 декабря великая княгиня прибавляетъ: „Императрица все въ томъ же состояніи: вся вздутая, кашляющая и безъ дыханія, съ болями въ нижней части тѣла“ [4]). Въ письмѣ же отъ 13 декабря она заявляетъ: „Императрица ѣдетъ въ деревню“, а немного ниже: Кондоиди (лейбъ-медикъ императрицы) настоятельно проситъ, чтобы она снова продолжала (принимать) лекарства, которыя ей такъ помогли въ эту осень, такъ какъ, сказалъ онъ, весна можетъ быть пагубной“ [5]). Кромѣ того съ этого числа въ перепискѣ уже не упоминается о болѣзни императрицы. Такимъ образомъ самая оживленная переписка между Екатериной Алексѣевной и Уилльямсомъ падаетъ на самый тяжелый періодъ болѣзни Елисаветы Петровны.

Что императрица была опасно больна, видно изъ приведенныхъ нами выдержекъ. Поэтому всѣ, знавшіе о ходѣ ея болѣзни, предусматривали скорую перемѣну на престолѣ. Хотя императрица еще съ 1743 г. объявила наслѣдникомъ престола Петра Ѳеодоровича, но

---

[1]) Переписка, стр. 194.
[2]) Тамъ же, стр. 211.
[3]) Тамъ же, стр. 212.
[4]) Тамъ же, стр. 298.
[5]) Тамъ же, стр. 300.

условія могли сложиться такъ, что онъ окажется обойденнымъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что сама императрица не любила своего племянника, не питала очень нѣжныхъ, родственныхъ чувствъ и къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и оба они не имѣли постояннаго доступа къ ней. Даже во время ея болѣзни великой княгинѣ не удавалось бывать у нея, что̀ косвенно можно заключить изъ цитированнаго уже письма Екатерины отъ 17 октября, гдѣ, послѣ сообщенія о припадкахъ, она заявляетъ, что ея хирургъ предсказываетъ скорый конецъ императрицы, и затѣмъ добавляетъ: „У меня имѣются три лица, которыя не выходятъ изъ ея комнаты и которыя не знаютъ, каждое въ отдѣльности, что они меня предупреждаютъ и не преминутъ въ рѣшительный моментъ сдѣлать это“ [1]). Дѣйствительно, если бы Екатерина Алексѣевна сама имѣла доступъ къ императрицѣ, то не было бы для нея необходимости имѣть при больной людей, какъ бы стерегущихъ ея смерть. Впрочемъ, въ перепискѣ мы имѣемъ и прямое указаніе на то, что великой княгинѣ далеко не часто приходилось бесѣдовать съ Елисаветой Петровной. Въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ письмѣ къ Уилльямсу она писала: „Господа Шуваловы боятся меня у императрицы, и, взвѣсивъ все, я не знаю, если бы нечаянное счастье дозволяло мнѣ имѣть болѣе частый доступъ къ ней, и она стала привыкать ко мнѣ, не пріобрѣлъ бы я, дѣйствительно, большее вліяніе на ея умъ“ [2])?

Кромѣ того, Петра Ѳедоровича могли обойти, потому что императрицу окружали люди, враждебные великокняжескому двору. Зная его, какъ человѣка неспособнаго къ управленію, они могли убѣдить императрицу устранить его, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и великую княгиню, а престолъ передать ихъ сыну, Павлу Петровичу. Они могли также, составивъ заговоръ, возвести на престолъ и сверженнаго императора, Ивана Антоновича.

Что подобныя опасенія роились и въ головѣ великой княгини, видно изъ ея письма къ Уилльямсу отъ 8 августа, въ которомъ, знакомя послѣдняго со своимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ Шуваловымъ, она добавила: „Я поступлю такъ въ настоящую минуту только въ виду возможности наступленія предсмертнаго часа; я имѣю цѣлью, въ этомъ случаѣ, оттянуть, въ ожиданіи улучшенія, осуществленіе замысловъ, которые Шуваловы изъ отчаянія привели бы, можетъ быть, скорѣе въ исполненіе“ [3]). На это же указываетъ и планъ, который она проектировала на случай смерти им-

---

[1]) Переписка, стр. 211.
[2]) Тамъ же, стр. 342.
[3]) Тамъ же, 22 стр.

ператрицы: „Когда я получу, пишетъ она 18 августа, предупрежденіе настолько вѣрное, что нельзя будетъ допустить ошибки, о началѣ предсмертныхъ припадковъ, я прямо пойду въ комнату моего сына. Если я встрѣчу или смогу очень скоро призвать оберъ-егермейстера [1]), я оставлю его при сынѣ съ людьми, находящимися подъ его начальствомъ. Если нѣтъ,—я возьму его къ себѣ въ комнату. Равнымъ образомъ пошлю человѣка предупредить пять гвардейскихъ офицеровъ, на которыхъ я могу положиться; каждый изъ нихъ приведетъ мнѣ пятьдесятъ солдатъ.... которыхъ, можетъ быть, я пущу въ дѣло, но которые будутъ сопровождать меня въ видѣ запаса, во избѣжаніе всякихъ помѣхъ. Замѣтьте, что они получатъ приказаніе только отъ великаго князя и отъ меня. Я пошлю предупредить канцлера, Апраксина, Ливена [2]), чтобы они пришли ко мнѣ, а въ ожиданіи ихъ, я войду въ покои умирающей, куда я велю позвать капитана, командующаго карауломъ, и я лично приму его присягу и удержу его при себѣ. Мнѣ кажется, что будетъ лучше и безопаснѣе оставить обоихъ великихъ князей вмѣстѣ, чѣмъ если бы одинъ изъ нихъ меня сопровождалъ; равнымъ образомъ я думаю, что мѣстомъ сбора моихъ людей будетъ моя передняя. При какомъ-либо движеніи и даже самомъ малѣйшемъ, которое я бы замѣтила, я велю какъ своимъ людямъ, такъ и солдатамъ караула взять подъ стражу Шуваловыхъ и дежурнаго генералъ-адъютанта. Прибавьте къ этому, что младшіе офицеры лейбъ-компанцы—люди надежные, и хотя я не имѣю сообщеній со всѣми, но я могу въ достаточной мѣрѣ разсчитывать на двухъ или трехъ изъ нихъ и настолько пользуюсь уваженіемъ, что заставлю повиноваться мнѣ всякаго, кто не подкупленъ“ [3]). Но немного позже, въ письмѣ отъ 27 августа, она высказываетъ чуть-ли не фатальное убѣжденіе въ успѣхѣ своего дѣла: „Невидимая рука, которая меня вела тринадцать лѣтъ по очень кочковатому пути, не допуститъ, чтобы я погибла, въ этомъ я очень сильно и, можетъ быть, очень глупо убѣждена“ [4]). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы такое убѣжденіе сложилось въ ней безъ предварительнаго взвѣшиванія всего причастнаго къ этому дѣлу. На это углубленіе въ обстоятельства указываетъ ея письмо отъ 9 августа, гдѣ она говоритъ: „Предположимъ... самые дурные замыслы противъ меня. Въ какое время, по-вашему, они осуществятся? Случится ли это при жизни императрицы? Вы знаете невозмож-

---

[1]) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

[2]) Подполковникъ конной гвардіи.

[3]) Переписка, стр. 47—48.

[4]) Тамъ же, стр. 91.

ность дѣйствительныхъ рѣшеній, всеобщее неудовольствіе, въ особенности между военными, къ тому же—страхъ передъ тремя или четырьмя живыми претендентами (а эта статья производитъ на нее очень сильное впечатлѣніе), которымъ она предпочитаетъ своихъ близкихъ. Наконецъ, вслѣдствіе своего робкаго характера, она, какъ я надѣюсь, при своей жизни остановится предъ препятствіями, которыя могутъ возникнуть, если бы она основала всѣ свои надежды на судьбѣ двухлѣтняго ребенка. Затѣмъ, всякій насильственный переворотъ долженъ совершиться въ два или три часа времени; къ тому же, захотятъ ли они насъ устранить или намъ связать руки, они не могутъ это произвести одни. Нѣтъ вовсе офицеровъ, которые не были бы освѣдомлены, и лишь бы съ моей стороны были приняты предосторожности, чтобъ быть оповѣщеннымъ во-время, и кто-либо изъ восьмерыхъ меня предупредилъ, вина будетъ на моей сторонѣ, если возьмутъ верхъ надъ нами. Но будьте увѣрены, что я не сыграю спокойной и слабой роли шведскаго короля, и что я буду царствовать или погибну. Я поэтому не отношусь съ презрѣніемъ къ пріѣзду французскаго посла. Я смотрю на него, какъ на врага, вооруженнаго съ ногъ до головы, особенно при участіи Австріи, которая мнѣ кажется еще опаснѣе вслѣдствіе довѣрія, которое къ ней питаютъ, и поддержка которой производитъ впечатлѣніе на императрицу“ [1]). Опасенія относительно престолонаслѣдія побуждали великую княгиню выяснить себѣ, какую роль будутъ играть при этомъ представители иностранныхъ державъ. И, какъ мы могли вывесть изъ послѣдней выдержки, въ лицѣ еще не пріѣхавшаго французскаго посла она видѣла своего врага. Не особенно доброжелательно она отзывается и объ Австріи.

Такому отношенію великой княгини къ указаннымъ державамъ не мало способствовалъ Уилльямсъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, ему пришлось прежде всего позаботиться о томъ, чтобы возобновить съ Россіей субсидійный договоръ, заключенный въ 1742 г. Онъ быстро успѣлъ освоиться съ придворной жизнью въ Петербургѣ, и уже въ сентябрѣ 1755 г. былъ подписанъ договоръ, по которому Россія обязалась держать подъ ружьемъ для защиты интересовъ Англіи 55.000 человѣкъ за ежегодную плату въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ. Но съ обмѣномъ ратификацій по этому договору медлили, такъ какъ при русскомъ дворѣ требовали болѣе точнаго указанія въ договорѣ—противъ кого могутъ быть направлены эти 55 тысячъ человѣкъ, боясь, что, въ противномъ случаѣ, Англія потребуетъ, чтобы эти

[1]) Переписка, стр. 26—27.

силы были отряжены на защиту Ганновера, владѣтелемъ котораго былъ англійскій король, отъ нападеній со стороны Франціи. Когда же въ Петербургѣ получили извѣстіе о вестминстерскомъ договорѣ, заключенномъ въ январѣ 1756 г. между Англіей и Прусіей, то Елисавета Петровна категорически заявила въ „секретнѣйшей декларації", что субсидійный договоръ, ратификація котораго была произведена за нѣсколько дней передъ тѣмъ, заключенъ ею именно противъ Пруссіи. Послѣ этого англійское министерство хотѣло отозвать Уилльямса, противъ чего возсталъ Фридрихъ II. И Уилльямсу, которому было поручено, при назначеніи въ Петербургъ, возбудить Россію противъ Пруссіи, предписывалось теперь ратовать при русскомъ дворѣ уже въ пользу прусскаго короля, какъ союзника Англіи. Въ его-то лицѣ Фридрихъ II и нашелъ горячаго сторонника.

Не пользуясь, съ перемѣной своей политики, серьезной поддержкой кого-либо изъ имѣвшихъ въ то время значеніе при дворѣ, Уилльямсъ рѣшилъ обезпечить себѣ успѣхъ, на случай перемѣны на русскомъ тронѣ. А такая перемѣна, казалось, могла случиться въ недалекомъ будущемъ, въ виду серьезнаго недомоганія императрицы. Наслѣдника же престола онъ, какъ и другіе, считалъ ничтожествомъ, и потому его взоры направились на великую княгиню. Это случилось, быть можетъ, еще по тому, что, вѣроятно, изъ того факта, что Петръ Ѳедоровичъ передалъ веденіе голштинскихъ дѣлъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, англійскій посолъ заключилъ, что такимъ же образомъ великій князь будетъ добровольно отстраняться отъ дѣлъ въ пользу своей жены и тогда, когда станетъ императоромъ. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія, можно сослаться на то, что когда великая княгиня въ апрѣлѣ 1757 г. просила Уилльямса похвалить „ея высочество великую княгиню его высочеству великому князю, совѣтуя ему, какъ истинный и вѣрный другъ, слушаться полезныхъ совѣтовъ этой умной головы" [1]), англійскій посолъ отвѣтилъ: „Я воспою похвалы извѣстной особѣ, какъ генералъ дѣлаетъ относительно офицера, котораго онъ хочетъ сразу провести черезъ головы пятидесяти другихъ" и затѣмъ, что для насъ и важно, добавилъ: „И ко всему тому, что вы говорите, я прибавлю, если вамъ угодно, что военнаго департамента будетъ совершенно достаточно ему, безъ того, чтобъ онъ вмѣшивался во внутреннія дѣла и въ политику" [2]).

Какъ видно изъ самаго факта переписки, стараніе Уилльямса

---

[1]) Переписка, стр. 336.

[2]) Тамъ же, стр. 337.

привлечь симпатіи великой княгини увѣнчались успѣхомъ. Уже въ первомъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ нему великая княгиня говоритъ: „Дружба, которую вы мнѣ оказали, заставляетъ меня не сомнѣваться въ томъ, что вы продолжите ваши совѣты, кои были до сей поры мнѣ столь полезны“ [1]). Она часто просила у англійскаго посла совѣта по тому или другому вопросу. Такъ, въ письмѣ отъ 8 сентября великая княгиня говоритъ: „Ради Бога, дайте мнѣ ваши совѣты... помогите мнѣ извлечь пользу изъ этого человѣка“ [2]) (рѣчь идетъ о великомъ канцлерѣ Бестужевѣ). Далѣе, когда на предложеніе Апраксина привлечь Измаилова въ посредники между нею и Петромъ Шуваловымъ, она отвѣтила, что подумаетъ, то такъ поступила, какъ затѣмъ признавалась, „только для того, чтобы узнать... мнѣніе [3]) по этому дѣлу англійскаго посла“. Не разъ посылала она къ Уилльямсу и наброски предполагаемыхъ къ кому-либо писемъ. На это намъ указываетъ приложеніе къ ея письму отъ 15 ноября, начинающееся словами [4]): „Вотъ какъ я думаю написать Ивану Ивановичу“. Далѣе въ письмѣ отъ 8 января 1757 г. она пишетъ: „А вотъ отвѣтъ (канцлеру на письмо Бернсторфа [5]), который я думаю сдѣлать [6])“, и прилагаетъ проектъ отвѣта.

Но этимъ не могло удовлетвориться честолюбивое сердце англійскаго посла. Ему было заманчиво былое положеніе при русскомъ дворѣ Шетарди и Лестока, и онъ старается при помощи переписки пріобрѣсть никѣмъ нераздѣлимое вліяніе на Екатерину, чтобы затѣмъ руководить русской политикой согласно съ интересами Англіи и прусскаго короля. Поэтому, онъ прежде всего старается втянуть великую княгиню въ политику и привить ей желательныя для него политическія симпатіи, завѣряя почти въ каждомъ своемъ письмѣ въ „вѣчной и ненарушимой привязанности“. Уже въ первомъ изъ сохранившихся до насъ писемъ, гдѣ Уилльямсъ сообщаетъ великой княгинѣ о томъ, что ему поручено прусскимъ королемъ заявить предъ русскимъ дворомъ, „что вооруженія, которыя онъ производилъ въ своихъ владѣніяхъ, не имѣли иной цѣли, кромѣ его собственной защиты и защиты его владѣній“ [7]) и что онъ не думаетъ предпринять наступательнаго движенія противъ Россіи, онъ до-

---

[1]) Переписка, стр. 4—5.
[2]) Тамъ же, стр. 133.
[3]) Тамъ же, стр. 164.
[4]) Тамъ же, стр. 269.
[5]) Датскій первый министръ.
[6]) Переписка, стр. 318—320.
[7]) Тамъ же, стр. 1—2.

бавляетъ: „одно изъ средствъ, которымъ наши враги пользуются для того, чтобы поддержать холодныя отношенія между королемъ, моимъ государемъ, и ея величествомъ императрицей, заключается въ ежедневной передачѣ императрицѣ всякой лжи на счетъ... короля прусскаго".

Подъ своими и великой княгини „врагами" Уилльямсъ разумѣлъ Шуваловыхъ и другихъ сторонниковъ союза съ Франціей.

Д. Архангельскій.

Отжившіе бюрократическіе порядки.

(Къ вопросу о реформѣ Правительствующаго Сената).

Отецъ мой, Николай Гавриловичъ Покровскій, былъ младшимъ сыномъ тайнаго совѣтника Гавріила Семеновича Покровскаго [1]); въ ихъ семействѣ только старшій сынъ Иванъ Гавриловичъ и мой отецъ прошли курсъ воспитанія и отличались способностями; Иванъ Гавриловичъ даже занимался литературой, переводилъ стихами изъ Шиллера и др. нѣмецкихъ авторовъ; по слабости характера онъ скоро оставилъ занятія, вышелъ въ отставку. Прочіе три брата моего отца умерли молодыми людьми, а одинъ изъ нихъ даже въ больницѣ душевнобольныхъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ братьевъ одинъ мой отецъ былъ во всю свою жизнь полезнымъ членомъ общества.

Воспитывался онъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ отлично учился, получалъ награды и былъ выпущенъ на службу въ артиллерію, куда выпускали способнѣйшихъ учениковъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Во время польскаго мятежа 1831 года Николаю Гавриловичу пришлось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ и быть при штурмѣ Варшавы 26 августа 1831 г.

Когда войска вернулись въ свои квартиры, мой отецъ былъ уже женатъ; не имѣя особеннаго влеченія къ военной службѣ и для обезпеченія своей семейной жизни, онъ перешелъ въ гражданскую службу по Государственному контролю, гдѣ занялъ отвѣтственную должность правителя канцеляріи. Уже изъ такого назначенія отстав-

[1]) Словарь русскаго историческаго общества, литера П.

ного поручика на серьезную должность по новой сферѣ труда видно, что Николай Гавриловичъ и въ гражданской службѣ оказался такимъ же способнымъ, какимъ былъ въ корпусѣ и въ артиллеріи. Сверхъ способностей онъ отличался необыкновенной добросовѣстностью, а въ этомъ понятіи на первомъ планѣ стоитъ честность. Генералъ-контролеръ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ такъ цѣнилъ своего правителя канцеляріи, что просилъ его надзирать за дѣлами по управленію своими имѣніями, поручалъ ему не одну свою петербургскую контору, но ѣздилъ съ нимъ обозрѣвать имѣнія и т. д. Когда Нарышкинъ умеръ, Николай Гавриловичъ, перешелъ на службу въ департаментъ Горныхъ и соляныхъ дѣлъ (нынѣ Горный департаментъ) начальникомъ счетнаго отдѣленія. Должность правителя канцеляріи въ контролѣ была чисто административная, а въ Горномъ департаментѣ Николаю Гавриловичу пришлось взяться за совсѣмъ новое и весьма сложное дѣло, потому что кромѣ денежной отчетности, горная часть имѣетъ обширную матеріальную отчетность.

Въ Горномъ департаментѣ Николай Гавриловичъ былъ любимъ своими подчиненными и товарищами и цѣнимъ начальствомъ. Изъ директоровъ департамента больше всѣхъ нуждался въ немъ горный инженеръ генералъ-маіоръ В. К. Рашетъ, тѣмъ болѣе, что время его директорства совпало съ преобразованіемъ системы государственнаго контроля и введеніемъ единства кассы. Въ комиссію по контрольной реформѣ подъ предсѣдательствомъ статъ-секретаря В. А. Татаринова, Н. Г. Покровскій былъ назначенъ членомъ отъ горнаго вѣдомства, а послѣ составленія новаго порядка отчетности, на него легъ и весь трудъ по введенію реформы на горныхъ заводахъ. В. К. Рашетъ не только не могъ заниматься этимъ дѣломъ по его спеціальному характеру, но былъ поглощенъ разными дѣлами по преобразованію казенныхъ горныхъ заводовъ, введенію на югѣ Россіи выплавки чугуна на каменномъ углѣ, введеніемъ доменныхъ печей его системы въ Россіи и за границей, проектомъ Уральской желѣзной дороги и т. д. По счетной части В. К. Рашетъ вполнѣ довѣрялъ Н. Г. Покровскому. Объѣзжая горные заводы, В. К. Рашетъ бралъ его съ собою. В. К. Рашетъ дѣлалъ на заводахъ совѣщанія съ инженерами по техническимъ вопросамъ, а Н. Г. Покровскій собиралъ особо совѣщанія изъ старшихъ горныхъ чиновъ по дѣлу объ отчетности, поучая ихъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать по новымъ правиламъ. Въ 1865 году здоровье Николая Гавриловича сильно разстроилось, но тѣмъ не менѣе въ 1866 г., совершенно больной, онъ поѣхалъ, вслѣдъ за В. К. Рашетомъ на Уралъ и вернулся въ началѣ августа того же года, едва живымъ. Контрольное

дѣло было окончено на заводахъ, а 28 августа 1866 г. Н. Г. Покровскій скончался на 58-мъ году жизни. Итакъ, выйдя живымъ въ 1831 г. изъ подъ Варшавы, онъ сложилъ голову на работѣ по счетоводству; поле чести можетъ быть вездѣ, если человѣкъ всего себя отдаетъ дѣлу. В. К. Рашетъ вернулся съ заводовъ позже; тогда моя мать обратилась къ нему съ просьбою о назначеніи ей усиленной пенсіи за службу мужа вообще и за особыя его заслуги. В. К. Рашетъ отнесся къ ея просьбѣ съ большимъ вниманіемъ, и 4 ноября 1866 г. по особому Высочайшему повелѣнію Императора Александра II, мать моя получила пенсію по 600 р. въ годъ, нераздѣльно съ своею дочерью Ольгою, который тогда было уже 26 лѣтъ. В. К. Рашетъ и начальникъ инспекторскаго отдѣленія Горнаго департамента В. С. Татариновъ сказали моей матери, что они старались, чтобъ за заслуги Николая Гавриловича была дана его вдовѣ болѣе возвышенная пенсія; но, не успѣвъ въ возвышеніи суммы, достигли того, что пенсія назначена ей нераздѣльно съ дочерью, такъ что, говорилъ Рашетъ,—ваша дочь, послѣ смерти вашей, будетъ получать ту же самую пенсію въ 600 р. [1]).

Прошло нѣсколько лѣтъ. Отъ времени до времени доходили до меня слухи, что моя сестра не будетъ получать того, что получаетъ мать. На эти слухи я не обратилъ вниманія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, моя мать получала пенсію по особому Высочайшему повелѣнію нераздѣльно съ дочерью, во-вторыхъ, эти слухи могли бы тревожить мою мать и въ третьихъ,—дочь могла умереть раньше матери.

Осенью 1890 г. моя мать внезапно заболѣла воспаленіемъ легкихъ и скончалась 27 октября, проболѣвъ всего пять дней, на 78 году жизни. Пришлось встрѣтиться съ вопросомъ о пенсіи ея дочери, и тутъ въ Главномъ казначействѣ мы въ первый разъ узнали, что по позднѣйшимъ правиламъ 27 декабря 1874 г. моя сестра можетъ получить въ пенсію только 100 р. въ годъ, т. е. $^1/_6$ часть нераздѣльной пенсіи матери. Въ департаментѣ Государственнаго казначейства сдѣлано было такое же распоряженіе объ уменьшеніи пен-

---

[1]) Отецъ мой говорилъ передъ смертью женѣ: будь спокойна, тебѣ дадутъ хорошую пенсію. Надо полагать, что по времени его службы и заслугамъ, онъ надѣялся, что вдовѣ его дадутъ усиленную пенсію, что-нибудь близкое къ 1.000 р. Однако моя мать была рада и 600 р., потому что и эта пенсія была выше, чѣмъ бы слѣдовало дать по пенсіонному уставу, и слѣд. заслуги ея мужа были цѣнимы начальствомъ его, а это весьма утѣшительно знать для близкихъ.

сіи моей сестрѣ до 100 р. въ годъ. На это распоряженіе сестра подала жалобу министру финансовъ И. А. Вышнеградскому.

Съ своей стороны, для разъясненія дѣла я отправился къ товарищу министра финансовъ Т., котораго лично зналъ по моей службѣ съ 1878 по 1887 гг. въ Варшавской пробирной палаткѣ; пробирная часть была тогда подчинена департаменту Государственнаго казначейства, а Т. былъ его директоромъ. Я былъ увѣренъ, что онъ взглянетъ на дѣло моей сестры вполнѣ раціональнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что правила 27 декабря 1874 г. не только не были изданы при немъ, но въ ту минуту, какъ товарищъ министра финансовъ, онъ долженъ былъ блюсти за законнымъ направленіемъ дѣлъ.

Я пришелъ въ пріемную въ домѣ Главнаго штаба, на р. Мойкѣ; было много просителей, ожидавшихъ выхода г. Т.; мы выстроились въ общій рядъ. Я думалъ, что г. Т., увидя меня, припомнитъ, что я служилъ подъ его начальствомъ, и разспроситъ меня о причинѣ моего появленія въ пріемной; но, дойдя до меня, г. Т. не далъ себѣ труда даже задержаться около меня хоть на минуту, а направился къ слѣдующему просителю. Мнѣ же, сквозь зубы, сказалъ: „это нельзя, это незаконно“. Я понялъ, что онъ зналъ о моемъ дѣлѣ изъ доклада дежурнаго чиновника, и что у товарища министра нѣтъ иного взгляда на дѣло, какъ и у чиновъ департамента Государственнаго казначейства; очевидно было, что г. Т. не вникаетъ въ значеніе правилъ 27 декабря 1874 г.

По приказанію министра финансовъ, департаментъ Государственнаго казначейства отъ 20 февраля 1891 г. за № 2992 объявилъ моей сестрѣ: 1) что пенсія вдовѣ статскаго совѣтника Покровской хотя и назначена нераздѣльно съ дочерью въ 1866 г., но при жизни ея она производилась вполнѣ лично одной Покровской, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о пожалованіи оной; право же ея дочери на полученіе пенсіи открылось лишь со времени смерти матери, послѣдовавшей въ 1890 г., т. е. уже при дѣйствіи новыхъ правилъ 1874 года о порядкѣ производства нераздѣльныхъ пенсій, и 2) сіи правила, какъ видно изъ Высочайше утвержденнаго 27 декабря 1874 г. Положенія комитета министровъ, изданы взамѣнъ прежнихъ, именно вслѣдствіе признанной невозможности примѣненія послѣднихъ на практикѣ, и потому, не составляя какого-либо новаго закона и имѣя всѣ признаки разъясненія прежнихъ правилъ, правила 27 декабря 1874 г. преподаны въ руководство на будущее время и съ тѣхъ поръ примѣняются на практикѣ во всѣхъ случаяхъ, при производствѣ нераздѣльныхъ пенсій дѣтямъ по смерти матерей, хотя бы самыя пенсіи были назначены ранѣе изданія этихъ правилъ. Не распространяются оныя лишь на тѣ

пенсіи, которыя уже производились дѣтямъ по смерти матерей по прежнему порядку, до изданія новыхъ правилъ. Въ заключеніе министръ финансовъ объявлялъ, что Ольга Покровская имѣетъ право на полученіе только 1/6 части пенсіи ея матери, т. е. 100 р. въ годъ.

Объявленіе это могло бы имѣть значеніе только тогда, если бы въ Положеніи комитета министровъ было оговорено, что дѣйствіе его распространяется на пенсіи, пожалованныя ранѣе его утвержденія Высочайшей властью, По справкѣ въ полномъ собраніи законовъ (за 1874 г. № 54.217) ничего подобнаго въ этомъ положеніи не оказалось, а, напротивъ, въ немъ сказано, что новыя правила устанавливаются „на будущее время". Министерство финансовъ ссылается еще на свой циркуляръ отъ 21 января 1875 г. за № 9, изданный въ разъясненіе, какъ слѣдуетъ примѣнять правила 1874 г. („Вѣстникъ финансовъ" 1875 № 5), въ которомъ находится примѣчаніе о томъ, что новыя правила не примѣняются только въ томъ случаѣ, если дѣти, до изданія циркуляра, уже получаютъ нераздѣльныя пенсіи въ полной суммѣ. Циркуляръ этотъ былъ впослѣдствіи включенъ въ 31 ст. приложенія II къ Инструкціи казеннымъ палатамъ и казначействамъ, при чемъ осталось и примѣчаніе; Инструкція утверждена властью министра финансовъ по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ; поэтому, какъ циркуляръ, такъ и Инструкція обязательны для частныхъ лицъ только въ тѣхъ частяхъ, которыя согласны съ закономъ, а примѣчаніе къ циркуляру противорѣчило тексту закона 27 декабря 1874 г., изданнаго „на будущее время".

Всѣ наши родные и знакомые скорбѣли о судьбѣ моей сестры, и всѣ были того мнѣнія, что тутъ невозможно ничего сдѣлать. Даже юристы и тѣ не обѣщали успѣха въ жалобѣ Сенату на распоряженіе министерства финансовъ; указывали также на дѣлопроизводство въ Сенатѣ, которое будетъ тянуться долго, и все же въ концѣ концовъ мы получимъ отказъ. Какъ бы мы правы ни были и хотя выиграли бы дѣло въ Сенатѣ, но министръ юстиціи перенесетъ дѣло въ Государственный Совѣтъ и тамъ непремѣнно дастъ мнѣніе въ пользу министерства финансовъ.

Въ департаментѣ Государственнаго казначейства предлагали мнѣ такую программу: просить министерство Государственныхъ имуществъ, въ которое тогда перешелъ Горный департаментъ, о назначеніи моей сестрѣ новой усиленной пенсіи за службу ея отца и во вниманіе къ ея разстроенному здоровью; по бывшимъ примѣрамъ дѣлъ этого рода ей могла быть назначена половина прежней пенсіи, т. е. она могла бы получать 300 р. въ годъ; впослѣдствіи въ департаментѣ Государственнаго казначейства обна-

деживали даже, что можно было бы ожидать назначенія 450 р. въ годъ. Обстоятельства какъ-бы благопріятствовали всему этому; директоромъ Горнаго департамента былъ К. А. Скальковскій, лично знавшій моего отца, хотя и не служившій съ нимъ, а министромъ Государственныхъ имуществъ былъ статсъ-секретарь М. Н. Островскій, который вмѣстѣ съ моимъ отцомъ былъ членомъ комиссіи В. А. Татаринова о контрольной реформѣ. Однако, эта новая переоцѣнка въ родѣ переторжки службы моего отца людьми, мало его знавшими, и только въ угоду косности департамента Государственнаго казначейства, мѣшала мнѣ идти по предложенному пути, и я совѣтовалъ сестрѣ жаловаться Сенату; она меня послушала несмотря на возраженія родныхъ и знакомыхъ. Намъ возражали люди, опытные въ дѣлахъ. Такъ, напр., двоюродный братъ нашъ, бывшій товарищъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената, въ то время по болѣзни въ отставкѣ, И. К. Грумъ-Гржимайло, не совѣтовалъ жаловаться Сенату, сомнѣваясь, чтобы послѣ 1-го департамента Сената, гдѣ дѣло еще могло быть выиграно, оно не провалилось бы въ общемъ собраніи Сената; тамъ, по его мнѣнію, представители министерства финансовъ и государственнаго контроля непремѣнно будутъ противъ насъ и затормозятъ дѣло.

Мой знакомый, нынѣ покойный, д. с. с. Н. М. Деппишъ, служившій прежде въ министерствѣ финансовъ начальникомъ отдѣленія въ Особенной канцеляріи по кредитной части, былъ лично знакомъ съ директоромъ департамента Государственнаго казначейства К. Ѳ. Галиндо; я просилъ Н. М. Деппиша побывать у Галиндо и постараться убѣдить его въ правотѣ нашего дѣла; онъ согласился на это, но съ своей стороны находилъ дѣйствія министерства финансовъ совершенно правильными.

— Нельзя такъ обирать казну, говорилъ мнѣ г. Деппишъ: помилуйте, вдова получала 600 р., а тутъ еще и дочь хочетъ получать 600 р.!

— Мы не думаемъ обирать казну, отвѣчалъ я, но таково Высочайшее повелѣніе; очевидно, это не есть обираніе казны, если установленныя власти назначили нераздѣльную пенсію вдовѣ съ дочерью; отнимать эту пенсію нельзя, потому что это значитъ нарушать Высочайшую волю.

— Да развѣ тутъ есть Высочайшая воля? говоритъ Деппишъ. Государь и не зналъ, кто такая вдова Покровская, и какая у ней дочь? Министерство финансовъ должно ограждать интересы казны, если дана возвышенная пенсія.

— Такъ, по вашему мнѣнію, директоръ В. К. Рашетъ и ми-

нистръ финансовъ М. Х. Рейтернъ обманули императора Александра II, испрашивая моей матери съ дочерью за службу ихъ мужа и отца 600 р. въ годъ, спросилъ я?

— Нѣтъ, я этого не говорю, отвѣчалъ г. Деппишъ, они дѣйствовали правильно, но послѣ нихъ министерство финансовъ обязано беречь казенныя деньги при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Я не вижу здѣсь никакого удобнаго случая, возразилъ я; во всякомъ случаѣ, Высочайшее повелѣніе, это—законъ.

— Нѣтъ, не законъ, настаивалъ Деппишъ; если бы это былъ законъ, онъ былъ бы въ Сводѣ законовъ, а извините, хотя я и очень уважалъ вашу матушку и очень уважаю вашу сестрицу, но о нихъ не будутъ говорить въ Сводѣ законовъ.

Само собою разумѣется, что визитъ г. Деппишъ къ г. Галиндо не принесъ намъ ничего утѣшительнаго.

Знакомые мнѣ присяжные повѣренные Г. Г. Принтцъ и Е. К. Фоссъ, люди очень опытные въ юридическихъ вопросахъ и въ дѣлахъ, оба выражали сомнѣніе, чтобы такое дѣло могло быть выиграно противъ министерства финансовъ.

Какъ все это ни было вѣроятно, но я имѣлъ убѣжденіе, что часто дѣла бываютъ сходны, но въ каждомъ дѣлѣ есть свои особенности, которыя даютъ право надѣяться на лучшій исходъ. Въ дѣлѣ моей сестры вся документальная часть была въ ея пользу; даже самый поводъ, по которому состоялось Положеніе комитета министровъ 27 декабря 1874 г., вопросъ, поднятый военнымъ министромъ, не имѣлъ никакого прямого отношенія къ нераздѣльнымъ пенсіямъ, дарованнымъ ранѣе этого Положенія.

Въ дѣлѣ моей сестры все было ясно какъ день въ ея пользу, мнѣ казалось невозможнымъ пропустить такой случай; до насъ подобныя дѣла не доходили до Сената; всѣ шли на компромисъ, обращались къ испрашиванію новыхъ Высочайшихъ повелѣній, уступая часть того, что слѣдовало получить. Главнымъ стимуломъ, почему департаментъ Государственнаго казначейства настаивалъ на своей практикѣ въ примѣненіи правилъ 27 декабря 1874 г., было опасеніе, что всѣ тѣ, кому было отказано, могли бы требовать возврата недоданныхъ имъ суммъ. Одно это опасеніе, высказывавшееся дѣлопроизводителями департамента, показываетъ уже, что обратное дѣйствіе правилъ 1874 г. незаконно.

Несмотря на мои доводы, что до взысканій бояться нечего, потому что не только тѣ, кто обратился къ новой Монаршей милости, не имѣютъ права отъ нея отказываться, но за 27 лѣтъ, протекшихъ съ 1874 г., масса пансіонеровъ конечно умерла, начальники отдѣленій департамента Государственнаго казначейства г.г. Страховъ и

Поль и столоначальникъ Мурашко не убѣждались моими доводами.

Въ маѣ 1891 г. сестра моя подала жалобу на министерство финансовъ въ Правительствующій Сенатъ. Сверхъ всего, что уже объяснено выше, моя сестра указывала въ жалобѣ, что при назначеніи пенсіи нераздѣльно съ матерью, она была совершеннолѣтнею; такимъ образомъ нераздѣльная пенсія не есть для нея наслѣдство, открывшееся послѣ смерти матери, а самостоятельное право, дарованное какъ матери, такъ и дочери, упомянутой въ Высочайшемъ повелѣніи 4 ноября 1866 г. Сверхъ того въ жалобѣ было объяснено, что если начальство дѣлаетъ представленіе тому Государю, которому чиновникъ служилъ, оцѣнивая его заслуги, и Государь жалуетъ награду за заслуги въ видѣ пенсіи сверхъ правилъ вдовѣ и дочери, въ опредѣленномъ размѣрѣ и порядкѣ производства этой пенсіи, то можно ли допустить переоцѣнку заслугъ и измѣненіе Царской милости?

На жалобу моей сестры министерство финансовъ, поддерживая свою ссылку на правила 1874 г., доносило Сенату, что до сихъ поръ не происходило никакихъ недоразумѣній въ примѣненіи этихъ правилъ; въ 1886—1887 годахъ восходили на Высочайшее разсмотрѣніе ходатайства дочерей сенатора князя Оболенскаго и д. с. с. Юханцева, при чемъ было признано, что имъ слѣдуетъ только 1/6 часть пенсій, но по особой Монаршей милости имъ пожаловано было княжнѣ Оболенской половина пенсіи, а г-жѣ Юханцевой—полная пенсія. Министерство финасовъ указывало еще на то, что когда Комитетъ Министровъ разсматривалъ дѣло о нераздѣльныхъ пенсіяхъ, то имѣлъ въ виду заключеніе министерства финансовъ о томъ, что новыя правила не должны распространяться только на тѣ пенсіи, которыя уже производятся дѣтямъ послѣ смерти матерей.

Противъ этого я, по довѣренности сестры, подалъ въ Сенатъ дополнительное прошеніе, въ которомъ относительно примѣровъ по дѣламъ Оболенской и Юханцевой, просилъ Сенатъ вытребовать эти дѣла въ подлинникѣ, чтобы судить, вполнѣ ли они однородны съ дѣломъ моей сестры. Независимо отъ сего, если министерство финансовъ уважило ходатайство этихъ лицъ, Оболенской—въ половинѣ, Юханцевой—вполнѣ, значитъ, оно видѣло незаконность своихъ дѣйствій и покрывало ее фирмою новаго Высочайшаго повелѣнія.

Когда дѣло наше поступило въ Сенатъ, оберъ-прокуроромъ 1 департамента его былъ тайный совѣтникъ Петръ Михайловичъ Бутовскій. Въ Сенатѣ я зналъ хорошо, еще съ дѣтства, сенатора, оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента тайнаго совѣтника

А. Ѳ. К., нынѣ члена Государственнаго Совѣта; я просилъ его переговорить съ оберъ-прокуроромъ 1 департамента. А. Ѳ. К. сообщилъ мнѣ не особенно утѣшительныя извѣстія. Оберъ-прокуроръ сказалъ ему, что сестра моя лучше бы сдѣлала, если бъ обратилась къ ходатайству о новой пенсіи. Изъ этого я, въ простотѣ своей, подумалъ, что оберъ-прокуроръ намѣренъ дать заключеніе въ пользу министерства финансовъ, и уже считалъ дѣло проиграннымъ.

О дѣлѣ нашемъ обѣщалъ переговорить съ сенаторомъ В. А. Арцимовичемъ, извѣстнымъ знатокомъ административныхъ дѣлъ, пріятель нашего двоюроднаго брата В. И. Лихачевъ, тогда бывшій въ Петербургѣ городскимъ головой.

Въ ноябрѣ 1891 г., 1-й департаментъ Сената слушалъ дѣло моей сестры; всѣ сенаторы высказались за выдачу ей пенсіи въ полной суммѣ; впослѣдствіи я узналъ, что и оберъ-прокуроръ 1-го департамента далъ заключеніе противъ доводовъ министерства финансовъ. Тутъ я понялъ, что его слова, сказанныя А. Ѳ. К., относились не къ существу дѣла, а къ общему положенію нашей русской жизни. И дѣйствительно, хотя 1 департаментъ высказался за Высочайшее повелѣніе 4 ноября 1866 г., даровавшее пенсію, но дѣло еще далеко не было обезпечено въ правильности своего хода.

Послѣ перваго слушанья дѣла въ Сенатѣ, рѣшеніе его посылается, подъ именемъ проекта опредѣленія, къ министру, на котораго подана жалоба, для подписанія. Я не могъ узнать въ министерствѣ финансовъ, кто изъ товарищей министра будетъ разсматривать наше дѣло, и никого тамъ не могъ убѣдить согласиться съ Сенатомъ. Проектъ сенатскаго опредѣленія вернулся въ Сенатъ не подписаннымъ министромъ финансовъ, при рапортѣ отъ 13 мая 1892 г., за № 2003, съ возраженіями министерства финансовъ, которое прибавляло къ прежнимъ соображеніямъ своимъ еще такое, что ни прежнія, ни новыя правила выдачи нераздѣльныхъ пенсій не составляютъ закона, а имѣютъ значеніе инструкцій; поэтому къ нимъ, по мнѣнію министерства, нельзя примѣнять основного закона, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія.

При новомъ разсмотрѣніи дѣла въ Сенатѣ, въ связи съ протестомъ министра финансовъ, почти всѣ сенаторы 1 департамента—П. В. Оржевскій, И. Н. Орловъ, Е. А. Кудрявцевъ и В. А. Арцимовичъ остались при прежнемъ мнѣніи; къ мнѣнію министра присоединился сенаторъ Д. Б. Беръ; онъ прежде служилъ въ министерствѣ финансовъ, былъ директоромъ департамента торговли и мануфактуръ. Отъ министерства финансовъ присутствовалъ товарищъ министра А. С. Ермоловъ.

Послѣ этого моя сестра видѣлась съ В. И. Лихачевымъ, который сообщилъ ей, что во время разбора дѣла въ Сенатѣ В. А. Арцимовичъ горячо оспаривалъ доводы министра финансовъ и сказалъ, что министерству финансовъ совершенно неприлично привязываться къ случаю изданія новыхъ правилъ о пенсіяхъ и обирать сиротъ, которыя должны получать пенсіи за заслуги отцовъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ, изданнымъ ранѣе.

Это было 22 ноября 1892 г.; дѣло потомъ перешло въ первое общее собраніе Сената и слушалось въ немъ 19 марта 1893 г. Въ этотъ промежутокъ времени скончался сенаторъ В. А. Арцимовичъ: къ счастью голосъ умершаго сенатора остается въ своей силѣ [1]). Я вѣрилъ, что голосъ и духъ В. А. Арцимовича будетъ присутствовать въ общемъ собраніи Сената. Я пошелъ на выносъ тѣла В. А. Арцимовича и благоговѣйно снялъ шляпу, когда показался его гробъ, и затѣмъ долго провожалъ печальную колесницу.

Передъ слушаніемъ дѣла въ общемъ собраніи я составилъ докладную записку о дѣлѣ моей сестры, при содѣйствіи ученаго и опытнаго въ дѣлахъ, бывшаго члена Варшавской судебной палаты В. М. Бѣлозерскаго; ранѣе онъ былъ членомъ учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, профессоромъ Кіевскаго университета и редакторомъ журнала „Основа“; онъ считалъ мою сестру безусловно въ своемъ правѣ. Эту докладную записку я послалъ сенаторамъ общаго собранія и товарищу министра финансовъ А. С. Ермолову. Въ этой запискѣ была, между прочимъ, выражена слѣдующая мысль: Ольга Покровская въ 1866 г., уже во время своего совершеннолѣтія, исключительно и помимо другихъ дѣтей Покровскаго, получила за заслуги отца Высочайшую милость въ назначеніи ей нераздѣльно съ матерью пенсіи и съ минуты этого назначенія, а не со дня смерти матери, Высочайше одарена неотъемлемымъ правомъ на полную пенсію послѣ матери, въ 600 р.; эту пенсію, какъ нераздѣльную, нѣтъ никакого основанія ни дѣлить, ни уменьшать.

Въ первомъ общемъ собраніи огромное большинство сенаторовъ, 19 особъ, подали голоса въ пользу моей сестры, а 7—противъ; съ голосами отсутствующихъ сенаторовъ П. В. Оржевскаго и В. А. Арцимовича, число голосовъ за право моей сестры было 21, т. е. ровно три четверти общаго собранія. Имена этихъ сенаторовъ из-

---

[1]) Прекрасное правило, такого нѣтъ ни въ одномъ учрежденіи; можетъ быть потому Сенатъ нашъ такъ высоко держитъ знамя справедливости, что сенаторы дорожатъ мнѣніемъ и потомства?

вѣстны, какъ имена опытныхъ и заслуженныхъ людей, а именно: В. А. Арцимовичъ, А. Ѳ. Гротъ, В. А. Цеэ, Я. Г. Есиповичъ, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, Е. А. Кудрявцевъ, И. Н. Орловъ, Л. А. Харитоновъ, А. Д. Шумахеръ, бар. И. О. Веліо, Н. П. Семеновъ, П. А. Шульцъ, К. О. Малковскій, Н. С. Горковенко, Н. П. Смирновъ, И. С. Алопеусъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, А. А. Мельниковъ, П. В. Оржевскій и Д. Б. Беръ, перешедшій въ этомъ составѣ на сторону закона, противъ министерства финансовъ. Сенаторы, противники большинства общаго собранія были: А. С. Ермоловъ, товарищъ государственнаго контролера В. П. Череванскій, бывшій губернаторъ В. Ф. Лиліенфельдъ-Тоаль, Е. Е. Рейтернъ, бар. М. Н. Медемъ изъ нихъ только одинъ В. Г. Коробьинъ могъ считаться опытнымъ юристомъ. Эти семь лицъ подписали особое мнѣніе, въ которомъ приведены взляды министерства финансовъ и прибавлено еще такое соображеніе: нельзя давать дѣтямъ то, что получала вдова съ дѣтьми. Это можетъ быть очень остроумно, но несправедливо и юридически неправильно. Время измѣняетъ обстоятельства, жизнь дорожаетъ, и пенсія, бывшая сначала достаточною вдовѣ съ дѣтьми, можетъ впослѣдствіи быть скудною и для однихъ дѣтей.

Когда приближалось время слушанья дѣла моей сестры въ общемъ собраніи Сената, носились слухи, что товарищъ министра финансовъ А. С. Ермоловъ назначается министромъ государственныхъ имуществъ; къ 19 марта слухи эти оправдались, такъ что въ этотъ день онъ уже былъ министромъ по другой части, еще не вступившимъ въ новую должность. Если бъ онъ вникалъ въ дѣло, онъ могъ бы размыслить, что не могутъ же 21 заслуженныхъ лицъ, большею частью опытныхъ въ законахъ людей, не понимать того, что они дѣлаютъ! Положеніе его позволяло ему быть независимымъ отъ министра финансовъ. А. С. Ермоловъ и обнаружилъ независимость; онъ по многимъ дѣламъ въ этотъ день согласился съ Сенатомъ, но когда дошла очередь до дѣла моей сестры, онъ, какъ мнѣ передавали, сказалъ: но ужъ по этому дѣлу я не могу согласиться съ Сенатомъ. Какъ же несправедливо спорило министерство финансовъ по прочимъ дѣламъ, если А. С. Ермоловъ пошелъ по нимъ противъ него! Въ нашемъ дѣлѣ только еще не давали намъ должнаго, въ тѣхъ дѣлахъ вѣроятно отнимали у людей то, чѣмъ они законно владѣли и безъ чего обойтись не могли.

Вообще, товарищи министра ходятъ въ Сенатъ не для того, чтобы разсматривать дѣла совокупно съ Сенатомъ и посильно трудиться о приближеніи къ правдѣ, а только для того, чтобы не соглашаться съ Сенатомъ и тормозить дѣло. Счастливы тѣ, кто

встрѣчаетъ въ Сенатѣ товарища министра не формалиста; такимъ былъ товарищъ министра государственныхъ имуществъ В. И. Вешняковъ [1]). Въ нашемъ дѣлѣ А. С. Ермоловъ обратилъ вниманіе только на то, что министерство финансовъ хочетъ заработать 500 р. въ годъ, по случаю смерти нашей матери; но онъ не хотѣлъ понять, что тутъ департаментъ Государственнаго казначейства попираетъ законы, игнорируетъ Царскую волю и топчетъ все, что дѣлалъ Горный департаментъ, оцѣнивая труды своего чиновника! И что дороже для народа въ государствѣ, эти 500 р. или незыблемость всего порядка управленія въ дѣлопроизводствѣ и значеніе Царской власти?

Дѣло наше однако и послѣ рѣшенія общаго собранія Сената еще не достигло успѣха. Законъ хотя и поставилъ Сенатъ регуляторомъ административнаго произвола, но въ сущности далъ ему только одно право—разсуждать.

Новое движеніе дѣлъ по жалобамъ въ Сенатъ происходитъ въ министерствѣ юстиціи и тамъ дѣло опять обставлено разными гарантіями въ пользу администраціи.

Если въ пользу жалобы высказалось въ 1 департаментѣ Сената менѣе одной трети голосовъ, дѣло считается рѣшеннымъ въ пользу министерства, вполнѣ оконченнымъ; оно не переходитъ въ общее собраніе Сената и жалобщикъ не имѣетъ права апелляціи. Для частнаго лица иной порядокъ. Когда въ пользу жалобы соберется двѣ трети и болѣе голосовъ сенаторовъ, тогда дѣло идетъ въ общее собраніе Сената. Если въ этомъ собраніи состоится тоже большинство двухъ третей или болѣе голосовъ, то дѣло передается въ министерство юстиціи, „на пропускъ“ его министромъ. Пропускъ этотъ состоитъ въ томъ, что если министръ юстиціи согласенъ съ общимъ собраніемъ Сената, то онъ пишетъ на опредѣленіи общаго собранія: читалъ и дѣло этимъ кончается. Но если министръ не соглашается съ общимъ собраніемъ Сената, то можетъ внести дѣло въ консультацію или въ совѣтъ министра юстиціи, гдѣ оно вновь разсматривается. При всякомъ рѣшеніи консультаціи, министръ юстиціи можетъ по своему усмотрѣнію передать дѣло опять въ общее собраніе Сената, съ согласительнымъ предложеніемъ. Если общее собраніе не приметъ согласительнаго предложенія, тогда министръ юстиціи можетъ внести дѣло еще въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно окончательно рѣшается, а рѣшеніе подносится на Высочайшее утвержденіе.

---

[1]) Который, на строго-юридическихъ соображеніяхъ Сената, отдыхалъ отъ административно-бюрократическихъ изворотовъ дѣла.

Изъ изложеннаго видно, что передача дѣла „на пропускъ“ министра юстиціи представляетъ изъ себя процедуру, которою вся судьба дѣла, до перехода его въ Государственный Совѣтъ, отдается въ руки министра юстиціи. Порядокъ этотъ заимствованъ изъ Положенія о Сенатѣ Петра Великаго, который хотѣлъ, чтобы въ Сенатѣ было око царево, въ лицѣ генералъ-прокурора Сената. Генералъ-прокуроръ долженъ былъ наблюдать, чтобы сенаторы, какъ-нибудь, не нарушили законъ; генералъ-прокуроръ присутствовалъ въ средѣ Сената, разъяснялъ сенаторамъ законы. Если сенаторы съ нимъ не были согласны, генералъ-прокуроръ могъ представить дѣло на усмотрѣніе Государя.

Теперь этотъ порядокъ замѣненъ передачей дѣла „на пропускъ“ министра юстиціи, очевидно съ тою цѣлью, чтобы министръ юстиціи могъ, сколь возможно, охранить интересы администраціи. Для этого и введено разсмотрѣніе дѣла въ консультаціи и новое разсмотрѣніе его въ общемъ собраніи Сената по согласительному предложенію министра юстиціи. Министръ юстиціи хотя и носитъ званіе генералъ-прокурора, но значеніе его теперь совсѣмъ иное; генералъ-прокуроръ при Петрѣ Великомъ былъ дѣйствительно окомъ царевымъ въ Сенатѣ, а нынѣшняя передача дѣлъ „на пропускъ“ подвергаетъ дѣло оку министра, если ему удастся склонить Сенатъ на свою сторону.

Пока наше дѣло съ марта 1893 г. приготовлялось къ переходу въ министерство юстиціи для пропуска, тамъ произошли важныя перемѣны. Министръ Н. А. Манасеинъ оставилъ министерство, на его мѣсто вступилъ Н. В. Муравьевъ; перемѣнился и товарищъ министра юстиціи; новымъ товарищемъ было то самое лицо, которое при нашемъ дѣлѣ занимало постъ оберъ-прокурора 1 департамента; ему снова пришлось разсматривать дѣло моей сестры въ консультаціи, потому что предсѣдателемъ ея состоитъ товарищъ министра юстиціи. Вышло такъ, что одно и то же лицо было въ Сенатѣ представителемъ суда, а въ консультаціи явилось представителемъ администраціи; судьба послала его, чтобы мечомъ суда разрубить гордіевъ узелъ, завязанный департаментомъ Государственнаго казначейства въ нашемъ дѣлѣ. Это совпаденіе въ одномъ лицѣ двухъ властей не указываетъ ли, что самъ Богъ беретъ участіе за правое дѣло и послалъ въ министерство юстиціи своего вѣстника высшей правды. Не было никакого сомнѣнія, что наше дѣло и въ новой обстановкѣ удержитъ свою правоту; въ консультаціи въ февралѣ 1894 года всѣ члены единогласно присоединились къ мнѣнію Сената.

Но предстояло пройти еще самого министра, а онъ, какъ на-

рочно, при вступленіи своемъ въ должность, произнесъ рѣчь, которая на первомъ планѣ ставила необходимость поддержки суда для администраціи. Конечно, это сказано было въ томъ смыслѣ, если дѣйствія администраціи не противорѣчатъ закону, но изъ нашего дѣла уже рельефно видно, какъ безцеремонно можно толковать законы и какъ мало можно обратить вниманіе даже на прямыя Высочайшія повелѣнія! Хотя и въ юстиціи, но министръ—все же администраторъ и можетъ тяготѣть къ административному толкованію закона.

Я ждалъ, что дѣло поступитъ въ Государственный Совѣтъ, но послѣ консультаціи оно не двигалось. Одинъ изъ видныхъ чиновъ министерства юстиціи мнѣ сказалъ, что лучше всего было бы, если бы я склонилъ министерство финансовъ дать моей сестрѣ всю пенсію по Высочайшему повелѣнію 4 ноября 1866 года.

— Теперь, послѣ рѣшенія Сената, они можетъ быть это и сдѣлаютъ, прибавилъ онъ; вы скажите имъ прямо, что въ министерствѣ юстиціи это дѣло не можетъ перерѣшиться; отъ насъ уже ѣздилъ къ нимъ чиновникъ съ сообщеніемъ въ этомъ смыслѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что теперь вы встрѣтите въ департаментѣ Государственнаго казначейства сочувствіе.

Я понялъ, что весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы не вмѣшивать въ это дѣло министерство юстиціи и понудить министерство финансовъ уважать законы.

Въ департаментѣ Государственнаго казначейства я опять говорилъ съ начальникомъ отдѣленія г. Страховымъ, убѣждалъ его стать на сторону моей сестры, въ виду громаднаго большинства голосовъ сенаторовъ и единогласія въ консультаціи. Г. Страховъ сомнѣвался, чтобы это удалось, однако и самъ уже не имѣлъ прежняго образа чиновника, гордаго своимъ кривотолкомъ, а похожъ былъ на человѣка скопфуженнаго; онъ обѣщалъ мнѣ доложить мое ходатайство директору своего департамента. Директоръ г. Галиндо принялъ мое прошеніе, но тоже выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ. Послѣ я узналъ, что министръ финансовъ С. Ю. Витте не согласился удовлетворить мою просьбу. Пусть дѣло идетъ въ Государственный Совѣтъ, сказалъ онъ, и я буду радъ, чѣмъ бы его тамъ ни рѣшили. Меня поразило это безпристрастіе къ закону С. Ю. Витте; ему слѣдовало защищать законъ, а онъ щеголялъ безпристрастьемъ. Впослѣдствіи я узналъ, что къ г. Галиндо изъ министерства юстиціи ѣздили и разъясняли дѣло; на сей разъ ѣздилъ директоръ департамента министерства юстиціи г. Шмеманъ.

Съ этого момента дѣло наше пошло быстро къ развязкѣ. Дѣло передоложили С. Ю. Витте, онъ подчинился министерству юстиціи;

министерство финансовъ отъ себя, безъ сношенія съ министерствомъ Государственныхъ имуществъ, сдѣлало представленіе въ комитетъ министровъ и въ декабрѣ 1894 г. императоръ Николай II пожаловалъ моей сестрѣ то, что уже было ей пожаловано его дѣдомъ, императоромъ Александромъ II. Моя сестра конечно подала въ Сенатъ прошеніе о прекращеніи тамъ выиграннаго ею дѣла. Внося дѣло въ комитетъ министровъ, министерство финансовъ ни однимъ словомъ не упомянуло, что моя сестра жаловалась Сенату.

По принятымъ издавна въ министерствѣ юстиціи порядкамъ, дѣла, поступающія изъ общаго собранія Сената, вѣдаются, за министра, товарищемъ министра; интересно, почему товарищъ министра не воспользовался тутъ своимъ положеніемъ и самъ не написалъ на резолюціи Сената — читалъ; тогда дѣло было бы сразу кончено, и министерство финансовъ не могло бы протестовать?

Тутъ могли быть двѣ серьезныя причины. Первая, что установившіеся порядки „по пропуску“ сенатскихъ опредѣленій могли быть измѣнены новымъ министромъ юстиціи, и вторая, что, по духу судебныхъ уставовъ, судья, принимавшій участіе въ рѣшеніи дѣла, обязанъ себя отвести при новомъ разсмотрѣніи того же дѣла. Въ то время въ министерствѣ юстиціи былъ одинъ товарищъ министра.

Несмотря на то, что Сенатъ очень стѣсненъ процедурою разбора жалобъ на министерства, тѣмъ не менѣе въ народѣ сложилось убѣжденіе, что только черезъ Сенатъ можно добиться своихъ правъ [1]). Интеллигенція не имѣетъ этой вѣры, что доказывается хотя бы тѣмъ, что новое дѣло, по жалобѣ на невыдачу пенсіи, было единственнымъ за время дѣйствія правилъ 1874 г. о нераздѣльныхъ пенсіяхъ.

Въ книгѣ г. Семенова: „Самодержавіе, какъ государственный строй“ (Спб. 1905 г., 99 стр. на правахъ рукописи) изложено, какимъ образомъ Сенатъ, задуманный Петромъ Великимъ, какъ учрежденіе, которому слѣдуетъ быть ближайшею помощью Верховной власти въ управленіи государствомъ, обратился въ нынѣшнее, почти безвластное учрежденіе? Даже послѣ Петра, при учрежденіи министерствъ, Сенату принадлежало право ревизовать отчеты министровъ и требовать у нихъ личныхъ объясненій, а въ важныхъ случаяхъ докладывать Государю; Сенатъ имѣлъ и законодательныя функціи, могъ возбуждать новые законы. Министры постепенно отвоевали у Сената свою независимость и достигли того, что свои отчеты пред-

---

[1]) Вѣра народа въ Сенатъ сложилась не сегодня: указаніе на нее находимъ у С. Аксакова въ его „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“ (Изданіе Москва. 1909 г., стр. 437).

ставляютъ прямо Государю, имѣютъ у Государя единоличные доклады!

И теперь, при Государственной Думѣ и при новомъ Государственномъ Совѣтѣ, мы видимъ, что настоящій надзоръ за администраціей можетъ быть осуществленъ только черезъ Сенатъ. Сколько горячихъ запросовъ предъявлено было къ министрамъ всѣми тремя Думами и они не принесли той пользы, какую даютъ спокойныя сенаторскія ревизіи? Депутаты Государственной Думы слишкомъ горячо и партійно относятся къ надзору за администраціей, и горячность эта портитъ все дѣло. Искусный дѣлецъ никогда не испугается горячихъ и потому большею частью ошибочныхъ нападокъ, всегда отъ нихъ отвернется, но спокойная и опытная ревизія Сената не позволитъ администраціи укрываться. Теперь заговорили о реформѣ Сената; она нужна, чтобы дать Сенату больше власти. Слѣдовало бы и право запроса передать изъ Государственной Думы Сенату, освободить Думу отъ этой обременительной и непосильной для нея работы. Тогда и Дума выиграетъ, занявшись всецѣло законодательствомъ.

Н. Покровскій.

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера [1].

Въ неопредѣленномъ положеніи дѣло оставалось слишкомъ мѣсяцъ, когда, неожиданно почти для всѣхъ, появился манифестъ, излагавшій, что Государь намѣревается царствовать по завѣтамъ предковъ, манифестъ, инспирированный и кажется редактированный К. П. Побѣдоносцевымъ.

Появленіе манифеста имѣло двойное значеніе. Во-первыхъ, онъ долженъ былъ положить конецъ всякимъ мечтаніямъ о введеніи у насъ представительнаго образа правленія [2].

Другое важное значеніе этого манифеста заключалось въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ былъ изданъ. Онъ явился совершеннымъ сюрпризомъ для гр. Лорисъ-Меликова, А. А. Абазы и гр. Милютина, которымъ онъ даже не былъ сообщенъ предварительно. Можно предполагать, что объ немъ имѣли понятіе, кромѣ Побѣдоносцева, только гр. Н. П. Игнатьевъ и М. И. Островскій, образовавшіе какъ бы враждебный тріумвиратъ противъ тріумви-

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

[2]) Это впрочемъ не воспрепятствовало графу Н. П. Игнатьеву по назначеніи его м-ромъ вн. дѣлъ вновь возбудить вопросъ о Земскомъ Соборѣ,— каковой могъ считаться не противнымъ завѣтамъ предковъ, такъ какъ и при прежнихъ царяхъ собирались Земскіе Соборы. Графомъ Игнатьевымъ даже былъ составленъ проектъ созванія подобнаго Собора, но проектъ столь непрактическій, что, при его разсмотрѣніи, оказалось положительно невозможнымъ его осуществить на практикѣ. Только послѣ этого всякія дальнѣйшія попытки на учрежденіе подобнаго совѣщательнаго собранія были покинуты на долгое время.

рата Л.-Меликова, Абазы и Милютина, которые до сихъ поръ были наиболѣе вліятельными министрами въ совѣтѣ министровъ. Этимъ нарушался принципъ объединенія главнаго управленія, который преобладалъ въ эпоху реформъ и получилъ выраженіе въ учрежденіи совѣта министровъ (который затѣмъ во все царствованіе Александра III уже ни разу не собирался)—но кромѣ того, несообщеніе проекта предполагавшагося манифеста означеннымъ тремъ министрамъ, очевидно, получало характеръ, какъ бы нѣкотораго къ нимъ недовѣрія. Послѣ этого и гр. Лорисъ-Меликову и А. А. Абазѣ оставалось только подать въ отставку, что они и сдѣлали. Что же касается Д. А. Милютина, то хотя это дѣло его касалось менѣе близко, какъ военнаго министра, но онъ давно уже тяготился своимъ положеніемъ и уже при покойномъ Государѣ желалъ уйти на покой, и только близкія отношенія его къ покойному не позволяли ему это сдѣлать. Теперь же, когда высказывалась даже мысль о преобразованіи введенной имъ въ войска окружной системы, онъ, очевидно, при новомъ составѣ министерства, уже не могъ желать сохраненія своего положенія, и потому, хотя и не одновременно съ гр. Лорисъ-Меликовымъ и А. А. Абазой, но нѣсколько времени спустя, оставилъ свой постъ военнаго министра, и былъ замѣненъ П. С. Ванновскимъ. Несмотря на всю скромность проекта гр. Л.-Меликова, нельзя не остановиться на соображеніи, что рядъ преступныхъ дѣйствій анархистовъ послужилъ преградой дальнѣйшему развитію реформъ, которыми такъ отрадно началось царствованіе Императора Александра II-го и которыя неустанно продолжались въ теченіе перваго періода этого царствованія, вплоть до выстрѣла Каракозова. За тѣмъ послѣдовало изданіе положенія усиленной охраны, административныя высылки, только подливавшія масло въ огонь и, наконецъ, послѣ преступленія 1-го марта, совершенная остановка дальнѣйшаго развитія реформеннаго движенія и даже въ нѣкоторой степени обращеніе въ сторону реакціи. Анархисты утверждаютъ, что только терроромъ можно довести правительство до концессіи, а между тѣмъ вся наша исторія послѣдняго времени служитъ неопровержимымъ доказательствомъ тому, что политическія страсти, дѣйствуя подъ импульсомъ крайняго возбужденія, совершенно теряютъ подъ собою логическую почву; что анархизмъ, насильственно заявляя крайнія требованія, только останавливаетъ и нарушаетъ спокойный и нормальный ходъ дѣла реформы.

Въ началѣ апрѣля я получилъ командировку въ Парижъ на собраніе монетной конференціи, которая должна была завершить дѣло, начатое три года тому назадъ.

По возвращеніи въ Петербургъ я немедленно сдѣлалъ визитъ А. А. Абазѣ, по случаю выхода его изъ министерства. Наша встрѣча была очень сердечна; онъ мнѣ сказалъ на прощанье, что онъ надѣется, что я лично, кромѣ пріятнаго, не сохраняю никакихъ другихъ впечатлѣній отъ нашихъ взаимныхъ отношеній за послѣднее время, и что я сохраняю о немъ добрую память—что я чистосердечно подтвердилъ.

Какъ и послѣ возвращенія изъ первой монетной конференціи, меня и теперь стали спрашивать—назначаюсь ли я товарищемъ министра, до того это всѣмъ казалось вѣроятнымъ. Я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Н. Х. Бунге и кромѣ того, какъ старшій директоръ департамента, я уже неоднократно временно исправлялъ эту должность. Но и на этотъ разъ слухи о моемъ назначеніи оказались преждевременными. Выборъ Николая Христіановича остановился на Павлѣ Никитичѣ Николаевѣ. Какъ до меня доходило, Бунге, при крайне развитомъ тогда руссофильскомъ настроеніи, не считалъ возможнымъ взять себѣ въ товарищи лицо съ нерусскою фамиліею, потому что тогда во главѣ министерства были бы обѣ личности—Бунге и Тернеръ съ нѣмецкими фамиліями. Выборъ его впрочемъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ. Павелъ Никитичъ, какъ человѣкъ очень умный и вполнѣ порядочный—былъ несомнѣнно ему хорошимъ товарищемъ. Нѣкоторое время спустя Е. И. Ламанскій по несогласію съ Бунге оставилъ Государственный банкъ. Казалось, что Ламанскій былъ обиженъ тѣмъ, что его товарищъ былъ назначенъ товарищемъ министра и такимъ образомъ сталъ какъ бы его начальникомъ. Прежде Ламанскій былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Христіановичемъ, и онъ даже назначилъ его управляющимъ конторой Государственнаго Банка въ Кіевѣ, такъ что теперь Ламанскій оказывался въ подчиненіи у двухъ лицъ, которыя прежде были его же подчиненными. Хотя такимъ образомъ между Ламанскимъ и Бунге установились натянутыя отношенія, но катастрофа произошла на почвѣ дѣла о займѣ и по иниціативѣ не Бунге, а графа Игнатьева, который, въ качествѣ министра вн. дѣлъ, игралъ тогда въ нѣкоторомъ родѣ роль перваго министра.

Въ Государственномъ банкѣ была назначена подписка на заемъ, которая пошла очень туго. Ламанскій въ этотъ день пріѣхалъ въ банкъ довольно поздно, и его стали упрекать въ томъ, что его запозданіе воспрепятствовало отчасти успѣху займа. Не знаю, на сколько все это было справедливо, но это обстоятельство послужило поводомъ съ его увольненію. Говорили, будто бы графъ Игнатьевъ, по поводу этого слуха, доложилъ Государю, что Ламанскій на-

мѣренно противодѣйствуетъ Бунге, и Государь приказалъ его причислить къ министерству. Ламанскій вслѣдъ за тѣмъ подалъ просьбу о полной отставкѣ отъ службы, отказавшись даже отъ полученія причитавшейся ему пенсіи. Онъ былъ очень возмущенъ тѣмъ, что съ нимъ такъ поступили, и между прочимъ жаловался на Игнатьева, который въ прежнее время, когда Ламанскій занималъ вліятельное положеніе при Рейтернѣ, искалъ съ нимъ сближенія и посѣщалъ его вечера, а теперь вызвалъ его паденіе.

На мѣсто Ламанскаго былъ назначенъ директоръ кредитной канцеляріи А. В. Цимсенъ, а его мѣсто Бунге предложилъ мнѣ, но я отъ этого отказался. Бывъ кандидатомъ на постъ товарища министра, меня не интересовало переходить изъ одного департамента въ другой, а между тѣмъ на мѣстѣ директора деп. госуд. казначейства я пользовался большой свободой, могъ брать лѣтомъ отпуска и проводить время съ семействомъ, что, при преклонныхъ лѣтахъ моей покойной матушки, имѣло для меня большую цѣну, между тѣмъ какъ въ кредитной канцеляріи я былъ бы очень связанъ службой. По этому поводу мы дружественно объяснились съ Николаемъ Христіановичемъ, онъ понялъ мои причины отказа, не настаивалъ на своемъ предложеніи, и это не помѣшало нашимъ хорошимъ отношеніямъ, которыя сохранились до конца его жизни.

Лѣто 1881 г. мы провели опять въ Ревелѣ, куда я ѣздилъ еженедѣльно изъ Петербурга дня на три, посвящая начало недѣли департаментскимъ занятіямъ.

Осенью, послѣ одного доклада, Н. Х. Бунге сообщилъ мнѣ, совершенно неожиданно для меня, что мнѣ предстоитъ командировка въ Константинополь.

По С.-Стефанскому договору, Порта приняла на себя обязательство уплатить намъ 800 милліоновъ франковъ въ качествѣ военнаго вознагражденія, indemnité de guere. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, и ни одного франка не было уплачено.

Въ то время Порта уже должала по своимъ займамъ значительныя суммы европейскимъ капиталистамъ. Такъ какъ платежи процентовъ по этимъ займамъ совершались очень неаккуратно, то владѣльцы турецкихъ облигацій въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи, такъ называемые бондгольдеры (bondholders), образовали синдикатъ и прислали своихъ уполномоченныхъ[1]) въ Константинополь для переговоровъ о регулированіи долговыхъ обязательствъ Порты, при чемъ предполагалась унификація всѣхъ государствен-

[1]) Представителемъ Германіи былъ Гешеръ, Франціи—Ланфрей, Австріи—Майеръ и Англіи—Броксъ.

ныхъ долговъ Турціи, при нѣкоторомъ пониженіи размѣра процентовъ по нимъ, взамѣнъ предоставленія владѣльцамъ облигацій положительныхъ гарантій, въ формѣ обезпеченія исправности платежей таможенными доходами и поступленіемъ нѣкоторыхъ другихъ налоговъ.

Такъ какъ при этомъ наши права могли бы быть приведены фактически къ нулю, то нашъ посолъ въ Константинополѣ, Е. П. Новиковъ, сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ о необходимости возбудить въ Константинополѣ, одновременно съ негоціаціей делегатовъ бондгольдеровъ,—вопросъ объ исполненіи платежныхъ обязательствъ Порты по отношенію къ Россіи и просилъ прислать для содѣйствія ему делегата отъ министерства финансовъ. Предложеніе Новикова было одобрено Государемъ, и выборъ быть представителемъ министерства финансовъ палъ на меня.

Сообщеніе Николая Христіановича меня крайне смутило. Я только что отказался отъ директорства кредитной канцеляріи, чтобы сохранить нѣкоторое свободное время, а теперь предстоялъ отъѣздъ на неопредѣленный срокъ, что не могло не безпокоить меня, такъ какъ моей матушкѣ было тогда уже за 80 лѣтъ, и при такомъ преклонномъ ея возрастѣ мнѣ, разумѣется, очень не хотѣлось разставаться съ нею на продолжительное время. На сдѣланныя мною возраженія, Николай Христіановичъ сказалъ мнѣ, что объ этомъ уже доложено Государю, и Государь изъявилъ согласіе на мою командировку. До сихъ поръ и Рейтернъ и Грейгъ, давая мнѣ особенныя порученія, меня о томъ предупреждали и обыкновенно даже спрашивали моего согласія на принятіе предполагавшагося порученія, но Бунге поступилъ въ этомъ случаѣ не такъ деликатно. Правда, что въ то время трудно было выбрать изъ состава министерства финансовъ для этой цѣли другое лицо; я считался какъ бы дипломатомъ министерства, такъ какъ велъ уже переговоры о торговой конвенціи съ Австріей и Пруссіей, какъ выше указано, и о разсчетахъ по желѣзнымъ дорогамъ съ Румыніей.

Мнѣ казалось, что въ сущности едва-ли стоитъ командировать кого-либо въ Константинополь, потому что едва-ли можно было надѣяться получить что-либо отъ Порты. Послѣ войны, финансы Турціи были въ самомъ печальномъ положеніи, главные источники ея доходовъ были уже обѣщаны бондгольдерамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, при окончательномъ пересмотрѣ С.-Стефанскаго договора въ Берлинѣ, мы приняли на себя обязательство респектировать права европейскихъ кредиторовъ Порты—при такихъ условіяхъ, очевидно, весьма мало оставалось надежды выговорить у Турціи какіе-либо дѣйствительные платежи въ нашу пользу. Указывая на эти сомнѣнія Ни-

колаю Христіановичу, я замѣтилъ ему, что моя командировка все же будетъ стоить денегъ, а въ замѣнъ ничего не получится, а по этому было бы практичнѣе не производить совершенно лишняго расхода на мое отправленіе въ Константинополь. Разумѣется, все ограничилось однимъ разговоромъ, ибо разъ моя командировка уже рѣшена была Государемъ, мои возраженія не могли поколебать совершившагося факта, пришлось готовиться къ отъѣзду.

Я льстилъ себя надеждой, что все кончится мѣсяца черезъ два, а между тѣмъ пришлось пробыть въ Константинополѣ девять мѣсяцевъ; я возвратился только въ маѣ 1882 года и былъ радъ, что засталъ еще матушку въ живыхъ. Мои предположенія о безцѣльности командировки также не оправдались. Благодаря искусному образу дѣйствія Новикова, который велъ все дѣло, удалось заключить съ Портой конвенцію, по которой она обязывалась уплачивать Россіи, въ счетъ контрибуціи, около трехъ милліоновъ руб. въ годъ, и эта плата, дѣйствительно, поступала, хотя и болѣе или менѣе исправно, такъ какъ до сихъ поръ мы получили отъ Турціи около 60 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ моя командировка обошлась всего приблизительно въ шесть тысячъ рублей.

Матушка и сестры находились еще въ Ревелѣ, я немедленно сообщилъ имъ о предстоящей мнѣ командировкѣ, и онѣ вслѣдъ за полученіемъ моего письма вернулись въ Петербургъ. Хотя разлука со мною и казалась имъ тяжелою, но все же онѣ были довольны тѣмъ, что мнѣ предстояло столь интересное порученіе.

Нѣсколько дней были проведены въ приготовленіяхъ къ предстоящей задачѣ, пришлось проштудировать дипломатическую переписку по этому предмету, дѣлать изъ нея выписки и т. д.

Передъ отъѣздомъ я представился Государю и за тѣмъ 20 сентября отправился въ путь на Одессу.

Я прямо проѣхалъ до Кіева, гдѣ, по росписанію, приходилось остановиться до вечера, чтобы пересѣсть на другой поѣздъ. Подъѣзжая къ Кіеву, поѣздъ огибаетъ весь городъ, объѣзжая всѣ монастыри, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ приходится наслаждаться чудной панорамой: гористая и отчасти холмистая мѣстность, богато окаймленная растительностью, возвышающіеся изъ-за деревъ куполы монастырей и другія монастырскія постройки—представляютъ самую живописную картину. Остановкой въ Кіевѣ я воспользовался для осмотра города, прошелся по Крещатику, съ оконечности котораго чудный видъ на рѣку и вдаль на степь. На другой день я прибылъ въ Одессу, гдѣ опять пришлось остановиться на сутки, потому что пароходъ отправлялся на слѣдующее утро.

Одесса чрезвычайно красивый городъ, съ вполнѣ южнымъ типомъ: изящныя строенія, сады, великолѣпный портъ, изъ котораго виднѣлись мачты безчисленныхъ судовъ и трубъ пароходовъ, все это представляло интересную картину, согрѣваемую южнымъ солнцемъ. Я гулялъ по городу, осматривалъ портъ и бульвары, и сдѣлалъ визитъ князю Дондукову-Корсакову, который былъ тогда градоначальникомъ въ Одессѣ.

На слѣдующій день въ субботу, 26-го сентября, я сѣлъ на пароходъ „Чихачовъ", который долженъ былъ везти меня въ Константинополь. Пароходъ уже отчалилъ, когда мнѣ подвезли съ берега на лодкѣ телеграмму отъ матушки, извѣщавшую меня, что всѣ здоровы; полученіе этой телеграммы въ самый моментъ отъѣзда доставило мнѣ большое удовольствіе—представляя какъ бы хорошее предзнаменованіе для предстоящей поѣздки. Пассажировъ на пароходѣ на этотъ разъ было не много, капитанъ очень любезный господинъ, море довольно спокойно, такъ что переѣздъ черезъ Черное море я совершилъ при очень благопріятныхъ условіяхъ.

Въ понедѣльникъ утромъ или въ сущности уже въ воскресенье вечеромъ нашъ пароходъ пришелъ къ Босфору; при входѣ въ Босфоръ пришлось бросить якорь, потому что входъ въ проливъ разрѣшался только послѣ извѣстнаго часа утра, когда подается къ тому сигналъ выстрѣломъ изъ пушки съ берега. Мы простояли такимъ образомъ почти цѣлую ночь на якорѣ, при чемъ насъ порядочно качало. Я всталъ очень рано утромъ, чтобы не лишиться впечатлѣнія входа въ этотъ волшебный край.

Наконецъ, сигналъ былъ данъ, и мы вошли въ Босфоръ. Босфоръ это широкій проливъ, какъ гигантская рѣка, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ. Описать чудныя картины, представляющіяся вдоль всего Босфора глазамъ зрителя, довольно трудно, до того онѣ красивы, разнообразны и оригинальны. Но и первое впечатлѣніе при самомъ входѣ въ Босфоръ очаровательно. Берегъ, окаймленный невысокими горами, покрытыми мѣстами богатою растительностію; при самомъ началѣ Босфора на азіатской сторонѣ крѣпость Кавакъ и живописныя развалины Генуэзскаго форта, а на европейскомъ берегу роскошные парки Буюкдере, Терапіи—съ красивыми постройками. У самаго входа въ Босфоръ находится лѣтняя резиденція русскаго посольства Буюкдере. Такъ какъ посольство наше въ это время жило еще въ Буюкдере, то капитанъ парохода, съ которымъ я говорилъ о цѣли моей командировки, посовѣтовалъ мнѣ не продолжать поѣздки до Константинополя, откуда мнѣ пришлось бы потомъ ѣхать опять обратно, а

выйти на берегъ въ Буюкдере. Я послѣдовалъ его совѣту, пароходъ остановился, и я съѣхалъ на берегъ.

Оказавшись въ совершенно неизвѣстномъ мнѣ краѣ, я отправился прежде всего отыскивать гостиницу. Мнѣ рекомендовали Hôtel de l'Union, лежащую вблизи, почти на самомъ берегу Босфора. Я нашелъ тамъ большую, свѣтлую, очень хорошую комнату, убранную по-восточному, съ циновками на полахъ, съ красивымъ видомъ на Босфоръ и помѣстился въ ней.

Оправившись отъ дороги и переодѣвшись, я отправился въ посольство, чтобы представиться послу. Е. П. Новиковъ принялъ меня очень любезно, мы съ нимъ тутъ же переговорили о дѣлахъ, затѣмъ онъ пригласилъ меня къ обѣду въ семь часовъ.

Я воспользовался свободнымъ временемъ до обѣда, чтобы погулять въ окрестностяхъ Буюкдере, напоминавшихъ мнѣ по типу нѣсколько Montreux на берегу Женевскаго озера.

Въ семь часовъ я отправился въ посольство. Евгеній Петровичъ представилъ меня женѣ и дочери, кромѣ того я встрѣтилъ тамъ А. И. Кирѣеву, родственницу Новикова, которая временно жила у нихъ въ семействѣ. Анна Ивановна, вдова Н. А. Кирѣева, геройски павшаго на полѣ битвы въ рядахъ сербскихъ добровольцевъ въ началѣ Турецкой войны. Братъ Евгенія Петровича былъ женатъ на сестрѣ покойнаго мужа Анны Ивановны, О. А. Кирѣевой, почти постоянно проживавшей въ Лондонѣ, гдѣ ея салонъ былъ временно центромъ политическихъ людей и въ которомъ постоянными посѣтителями были и Глэдстонъ, съ которымъ Ольга А. была въ хорошихъ отношеніяхъ. О. А. пріобрѣла широкую извѣстность своими политическими статьями въ англійскихъ журналахъ, въ которыхъ она постоянно отстаивала интересы Россіи. Такъ какъ она подписывала свои статьи буквами О. К.—то ее въ Петербургскихъ кругахъ обыкновенно такъ и называли О. К.

Съ А. И. Кирѣевой я уже познакомился въ Египтѣ во время моей поѣздки на открытіе Суэзскаго канала, и мы потому встрѣтились съ нею, какъ старые знакомые. Встрѣча въ новой средѣ, съ знакомою личностію значительно облегчила сближеніе съ прочими членами семейства Новикова, съ которыми я почти немедленно сталъ въ пріятельскія отношенія, такъ какъ всѣ отнеслись ко мнѣ очень любезно. Кромѣ того у посла обѣдали еще нѣкоторые члены посольства, между прочимъ секретари Карцовъ и Комаровъ.

Разговоръ во время обѣда былъ очень оживленный. Евгеній Петровичъ былъ большимъ любителемъ игры въ шахматы; узнавъ, что и я играю въ шахматы, онъ послѣ обѣда устроилъ партію à quatre: онъ, Карцовъ, Комаровъ и я. Такимъ образомъ у насъ съ

самаго начала установились очень хорошія и непринужденныя отношенія. Впослѣдствіи, когда въ Константинополѣ я, по приглашенію Новикова, совершенно переѣхалъ къ нимъ жить въ посольство, я сдѣлался какъ бы членомъ семейства, обѣдалъ у нихъ ежедневно, вмѣстѣ съ ними выѣзжалъ въ общество, на вечера и дѣлилъ всѣ ихъ интересы.

Съ Евгеніемъ Петровичемъ я уже былъ знакомъ со времени моихъ переговоровъ въ Вѣнѣ, но тамъ наши отношенія оставались самыми поверхностными; я съ нимъ видѣлся нѣсколько разъ, иногда обѣдалъ въ его семействѣ, но никакого сближенія между нами не произошло: онъ не особенно интересовался порученными мнѣ переговорами, желая повидимому остаться въ сторонѣ отъ этого дѣла, считая его вѣроятно чисто спеціальнымъ и техническимъ вопросомъ, мало касающимся его дипломатической дѣятельности.

Здѣсь же въ Константинополѣ по общему дѣлу, его близко интересующему и въ сущности вызванному имъ самимъ, между нами установились съ самаго начала совершенно другія отношенія, которыя постепенно дѣлались даже дружески-интимными.

Евгеній Петровичъ принадлежалъ къ выдающимся личностямъ нашего дипломатическаго корпуса. Узнавъ его близко, во время продолжительной совмѣстной дѣятельности, я не могъ не считать его самымъ умнымъ и основательнымъ изъ всѣхъ нашихъ дипломатическихъ свѣтилъ того времени.

Одаренный очень тонкимъ умомъ и основательно образованный, Евгеній Петровичъ, можно сказать, соединялъ въ себѣ всѣ лучшія качества и свойства русскаго человѣка съ достоинствами глубокаго европейскаго образованія.

Воспитанникъ Московскаго университета, онъ уже на выпускномъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе своей диссертаціей „о Лютерѣ“,—съ которой я впослѣдствіи познакомился. Это была не брошюра, какъ всѣ диссертаціи, а обстоятельное историческое сочиненіе, богатое содержаніемъ, основанное на изслѣдованіи подлинныхъ актовъ, частью уже опубликованныхъ, частью еще сокрытыхъ въ архивахъ, гдѣ ему приходилось ихъ разыскивать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкою философіей.—Помню, что, разъ какъ-то бесѣдуя со мною о религіозныхъ вопросахъ, онъ упомянулъ о философіи Шеллинга и затѣмъ пошелъ въ свою библіотеку; досталъ оттуда книгу Шеллинга и показалъ мнѣ въ ней мѣсто, относившееся къ нашему разговору, которое посовѣтовалъ мнѣ прочесть. Обладая превосходною памятью, онъ иногда цитировалъ въ разговорѣ цѣлые стихи Шиллера, котораго онъ, кажется, особенно любилъ.

Его необыкновенныя способности скоро его выдвинули впередъ, онъ сдѣлалъ блестящую карьеру—во время восточной войны онъ былъ уже нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, гдѣ его особенно цѣнилъ Императоръ Францъ-Іосифъ, а послѣ заключенія мира былъ назначенъ посломъ въ Константинополь; затѣмъ однако враждебная ему руссофильская партія въ Петербургѣ достигла того, что дальнѣйшей его дипломатической дѣятельности положенъ былъ предѣлъ.

Истинно русскій по убѣжденію и по чувству, до глубины сердца, Евгеній Петровичъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникъ господствовавшаго тогда въ Петербургѣ крайняго руссофильскаго настроенія. Какъ и большинство нашихъ дипломатовъ, онъ смотрѣлъ на это направленіе какъ на вредное для интересовъ Россіи, и считалъ, что истинный патріотизмъ заключается въ соблюденіи русскихъ интересовъ, а не въ погонѣ за популярностью въ извѣстной господствовавшей тогда средѣ. Крайне нервный и въ мелочахъ, вслѣдствіе своей нервности, осторожный до щепетильности, какъ скоро дѣло касалось важнаго вопроса или его убѣжденія, онъ ничѣмъ не стѣснялся, выказывая рѣдкую самостоятельность и рѣшительность. Такъ и по поводу господствовавшаго тогда крайняго псевдопатріотическаго настроенія онъ высказывалъ всегда, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями и съ горячностью, свое несочувствіе этому настроенію. Его образъ мыслей потому не могъ не быть извѣстнымъ въ Петербургѣ и создавалъ ему въ средѣ крайней русской партіи немало ожесточенныхъ враговъ; — правительство упрекали въ томъ, что на востокѣ, гдѣ у насъ столько интересовъ, оно держитъ представителя съ такимъ вреднымъ направленіемъ. Между тѣмъ рѣдкій дипломатъ достигалъ гдѣ-либо такихъ постоянныхъ успѣховъ, какъ Новиковъ, успѣховъ, служившихъ лучшимъ доказательствомъ того, на сколько онъ умѣлъ отстаивать истинно русскіе интересы.

Въ Вѣнѣ его упрекали, что онъ находится подъ вліяніемъ Андраши, а между тѣмъ, только благодаря его близкимъ отношеніямъ къ графу Андраши, который, оцѣнивъ его тактъ и правдивость, питалъ къ нему полнѣйшее довѣріе—ему удалось удержать Австрію въ относительно хорошихъ отношеніяхъ съ нами на все время Восточной войны. Затѣмъ въ Константинополѣ, во время пребыванія его тамъ посломъ, возникалъ рядъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые всѣ ему удалось разрѣшить благопріятно, потому что онъ не ставилъ ихъ ребромъ, какъ желали у насъ представители мнѣнія „шапками закидаемъ“, а благодаря своему дипломатическому такту и умѣнію, доводилъ до удовлетворительнаго конца. Такъ, между прочимъ, въ началѣ его пребыванія

въ Константинополѣ, Грецiя легкомысленно начала войну съ Турцiей, подъ давленiемъ общественнаго у нея мнѣнiя, греческiя войска были разбиты и отчасти уничтожены, и Грецiя оказалась совершенно à la mercі Турцiи. Благодаря ловкому и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне энергическому вмѣшательству Новикова, Портѣ не удалось использовать до конца своей побѣды и не удалось унизить Грецiю, которая отдѣлалась довольно легкими пожертвованiями при заключенiи мира. Затѣмъ при немъ сталъ перiодически возникать вопросъ о проходѣ нашихъ черноморскихъ судовъ Россiйскаго Общества, съ новобранцами, хотя и не вооруженными, черезъ Дарданеллы. Порта постоянно возбуждала по этому поводу затрудненiя и несмотря на то, каждый разъ по настоянiю Новикова окончательно соглашалась на пропускъ. Затѣмъ при немъ разрѣшился вопросъ о постройкѣ храма на Шипкѣ, тоже встрѣтившiй разнообразныя затрудненiя, наконецъ дѣло о военномъ вознагражденiи и цѣлый рядъ другихъ, хотя и второстепенныхъ успѣховъ—служили доказательствомъ его необыкновеннаго умѣнiя вести дѣла.

Несмотря на это, враждебная ему руссофильская партiя разными интригами достигла въ 1882 году смѣщенiя его съ поста посла въ Константинополѣ; онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ этою новою дѣятельностiю онъ никакъ не могъ примириться; привыкши руководить важными международными дѣлами, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь, онъ никакъ не могъ сжиться съ интересами административной дѣятельности и при томъ нерѣдко чисто формальной, въ качествѣ члена Общаго Собранiя. Послѣ сезона, проведеннаго въ Петербургѣ, онъ испросилъ себѣ безсрочный отпускъ, окончательно поселился въ Москвѣ и въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта уже не принималъ никакого участiя. Такимъ образомъ изъ-за личныхъ интригъ, Россiя была лишена услугъ первостепеннаго дипломата, который могъ бы еще не мало принести пользы нашему отечеству; тѣмъ болѣе, что мы въ то время не обладали въ числѣ нашихъ дипломатовъ особенно выдающимися личностями.

Нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, ознакомившись нѣсколько съ положенiемъ дѣла, я написалъ обстоятельное донесенiе въ формѣ письма, Министру Финансовъ. Въ этомъ письмѣ я между прочимъ указывалъ на шаги, уже сдѣланные Новиковымъ въ нашемъ дѣлѣ и на его твердый и энергическiй образъ дѣйствiя. Я считалъ необходимымъ выставить послѣднее, зная, что Новикова упрекаютъ въ Петербургѣ въ недостаточной энергiи, при моемъ отъѣздѣ мнѣ говорилъ одинъ совѣтникъ М.И.Д. въ видѣ напутствiя: surtout beaucoup d'énergie, c'est ce que l'on désire en haut lieu. Передъ отсылкою

моего письма, я далъ его прочитать Евгенію Петровичу. Привычный бороться съ интригами, которыми такъ изобилуетъ дипломатическая карьера, Новиковъ не могъ не оцѣнить моего прямого и откровеннаго образа дѣйствія, и это съ самаго начала послужило основаніемъ къ нашему сближенію съ нимъ. Содержаніе моего письма было доложено Государю, и вскорѣ послѣ того была получена депеша, въ которой Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Гирсъ извѣщалъ Новикова, что Государь вполнѣ одобряетъ его образъ дѣйствія и направленіе, данное имъ дѣлу о военной контрибуціи. Разумѣется, эта депеша не могла не произвести на него самое пріятное впечатлѣніе. Наши отношенія становились все болѣе интимными и сохранились таковыми до самаго конца его жизни. Память о нашей совмѣстной дѣятельности и о близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ такою замѣчательною личностію, какою былъ Евгеній Петровичъ Новиковъ, принадлежитъ къ лучшимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Семейство Евгенія Петровича состояло изъ жены, дочери и двухъ сыновей. Его жена Марія Николаевна была женщина умная и добрая.

Его дочь Вѣра Евгеніевна, очень милая и умная особа, вышла впослѣдствіи замужъ за Шеншина. Изъ двухъ его сыновей младшій умеръ еще молодымъ человѣкомъ, а старшій, начавшій службу въ флотѣ и перешедшій затѣмъ въ дипломатическую карьеру, женился на дочери графа Лорисъ-Меликова, съ которою я впослѣдствіи познакомился въ Петербургѣ.

Составъ нашего посольства, съ которымъ я тоже очень скоро сблизился, такъ какъ былъ принятъ очень радушно въ его средѣ, состоялъ въ то время изъ слѣдующихъ лицъ:

Совѣтникомъ посольства былъ Базили—человѣкъ очень богатый, греческаго происхожденія (его отецъ находился въ качествѣ драгомана также на русской службѣ), державшійся почему-то нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ членовъ посольства. Впослѣдствіи онъ занималъ постъ директора Азіатскаго Департамента.

Начальникомъ драгомановъ былъ главный драгоманъ Ону. Онъ былъ румынскаго происхожденія и женатый на французской подданной. Во время Крымской войны онъ, какъ кажется, сиротою былъ подобранъ русскими, чуть ли не на полѣ сраженія, въ какой-то раззоренной деревнѣ и впослѣдствіи усыновленъ барономъ Жомини, сыномъ извѣстнаго военнаго писателя временъ Александра I-го, который былъ совѣтникомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Баронъ Жомини воспиталъ его и помѣстилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Какъ человѣкъ очень способный и хорошо знакомый съ восточными языками, онъ сдѣлалъ, благодаря вліятельному положенію барона Жомини, быструю карьеру.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Константинополь съ Ону случился слѣдующій трагическій эпизодъ, о которомъ тогда очень много говорили. Ону очень любилъ лошадей и хорошо ѣздилъ верхомъ. Однажды ему Султанъ подарилъ лошадь изъ своей конюшни. На этой лошади Ону вмѣстѣ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Экъ, находившимся въ командировкѣ въ Константинополѣ, поѣхалъ гулять въ окрестности города. Сѣдоки разговорились о качествѣ своихъ лошадей; Ону предложилъ своему спутнику испробовать его лошадь, полученную отъ Султана, и они пересѣли одинъ на лошадь другого. Они проѣхали только нѣсколько шаговъ, какъ изъ канавы, находившейся вдоль дороги, раздался выстрѣлъ, и нашъ военный агентъ, смертельно раненый, упалъ съ лошади. Убійца былъ схваченъ и оказался конюхомъ, ходившимъ за лошадью, которая была подарена Ону. Эти люди замѣчательно привязываются къ животнымъ, за которыми они ходятъ; убійца, полюбившій свою лошадь, былъ такъ возмущенъ тѣмъ, что Султанъ подарилъ ее гяуру, что рѣшился убить его. Убійцу судили и приговорили, кажется, къ каторжнымъ работамъ. Такимъ образомъ Ону, благодаря счастливой для него случайности, спасся отъ вѣрной смерти, такъ какъ пуля, сразившая нашего военнаго агента, очевидно была предназначена ему.

Ону окончилъ свою дипломатическую карьеру постомъ посланника въ Аѳинахъ, на которомъ онъ и оставался до своей смерти.

Генеральнымъ консуломъ въ Константинополѣ былъ Лишинъ, у котораго жила прехорошенькая его родственница, M-lle Farnetti, замѣчательная піанистка. Она впослѣдствіи вышла замужъ за состоящаго при посольствѣ Яковлева, который затѣмъ былъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ.

Первымъ секретаремъ въ посольствѣ былъ Щербачевъ, человѣкъ чрезвычайно сдержанный, деликатный и обладавшій большимъ тактомъ,—онъ въ настоящее время занимаетъ мѣсто посланника въ Аѳинахъ, куда онъ былъ назначенъ послѣ смерти Ону.

Затѣмъ при посольствѣ находились Карцовъ, Вурцель, Максимовъ, Кухти, Демерикъ и Комаровъ.

Ю. С. Карцовъ, сынъ покойнаго генерала Карцова, игравшаго нѣкоторую роль въ Польшѣ во время подавленія возстанія и надѣленнаго тамъ маіоратомъ, и племянникъ нашего генеральнаго консула въ Парижѣ, былъ секретаремъ посольства. Карцовъ рѣдко умный человѣкъ, но часто крайній въ своихъ сужденіяхъ и всегда склонный доводить мысли до послѣдняго парадоксально логическаго предѣла. Нѣсколько времени послѣ моего отъѣзда изъ Константинополя, онъ былъ назначенъ консуломъ въ г. Могуль, въ центрѣ Малой Азіи, гдѣ онъ имѣлъ несчастіе прострѣлить себѣ колѣно. Ѣдучи верхомъ,

онъ увидѣлъ на дорогѣ зайца, выхватилъ изъ сѣдла пистолетъ, чтобы выстрѣлить въ него, но какъ человѣкъ близорукій, по неосторожности выстрѣлилъ слишкомъ рано и попалъ себѣ въ ногу, раздробивъ колѣно. Могуль находился, какъ я уже замѣтилъ, въ центрѣ Азіи, удаленный на нѣсколько сотъ верстъ отъ такого города, въ которомъ можно было оказать правильную помощь раненому. Въ такомъ состояніи несли его всю дорогу на носилкахъ и, наконецъ, доставили въ Константинополь. Можно себѣ представить, какія страданія онъ перенесъ во время этого продолжительнаго пути, лежа на носилкахъ съ раздробленной ногой. Въ Константинополѣ онъ былъ помѣщенъ въ госпиталь, гдѣ ему оказали первую настоящую хирургическую помощь, но такъ какъ столь трудный случай требовалъ особенно умѣлаго лѣченія, то его перевезли затѣмъ въ Вѣну, гдѣ онъ долгое время лежалъ въ клиникѣ знаменитаго мѣстнаго хирурга. Благодаря заботливому уходу послѣдняго, онъ совершенно оправился, но остался хромымъ на больную ногу, которая послѣ операціи и лѣченія оказалась короче другой. Послѣ этого происшествія онъ оставилъ службу и жилъ нѣкоторое время у себя въ маіоратномъ имѣніи въ Польшѣ, завѣдуя его хозяйствомъ. Затѣмъ, познакомившись съ Ковалевскимъ, онъ чрезъ него былъ представленъ С. Ю. Витте и получилъ мѣсто агента министерства финансовъ въ одномъ изъ южныхъ портовъ Англіи. Какъ человѣкъ очень самостоятельный, относившійся крайне основательно ко всѣмъ вопросамъ, входившимъ въ сферу его дѣятельности и не согласившійся подчиняться бюрократическому руководству изъ Петербурга — онъ не ужился съ министерствомъ финансовъ и вторично оставилъ службу. Въ настоящее время онъ состоитъ причисленнымъ къ портовому вѣдомству при Вел. Кн. Александрѣ Михаиловичѣ. Живо интересующійся всѣми современными вопросами, онъ въ теченіе всего этого времени занимался политической литературой, и его статьи хотя и безъ подписи—обращали на себя вниманіе въ политическихъ кругахъ, такъ что онъ составилъ себѣ репутацію очень выдающагося писателя. Онъ сошелся между прочимъ съ M-me Juliette Adam и помѣстилъ въ издаваемомъ ею журналѣ, Nouvelle Revue, рядъ статей о Россіи на французскомъ языкѣ, но тоже безъ подписи. Онъ написалъ даже французскій романъ. Кажется, ему же принадлежали письма о русскомъ обществѣ, появившіяся въ Nouvelle Revue, о которыхъ всѣ говорили, но тогда никто не зналъ, кто ихъ авторъ, такъ хорошо ознакомленный со всѣми подробностями Петербургскихъ общественныхъ сферъ. Съ Ю. С. Карцовымъ я до того близко сошелся, что когда впослѣдствіи онъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ гр. Путятина, дѣвицѣ Христофовичъ,

очень симпатичной особѣ, я былъ на его свадьбѣ посаженымъ отцомъ.

Вурцель, сынъ профессора въ технологическомъ институтѣ, былъ при мнѣ не долго въ Константинополѣ и впослѣдствіи получилъ мѣсто секретаря въ Цетинье при нашемъ Черногорскомъ министръ-резидентѣ.

Максимовъ, Кухта и Демерикъ состояли при посольствѣ въ качествѣ драгомановъ.

Максимовъ былъ изъ богатаго московскаго купеческаго семейства. Онъ обратилъ на себя вниманіе во время избіенія армянъ въ Константинополѣ, спасши своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ Константинопольскій банкъ отъ разграбленія черни. Въ благодарность за его помощь банкъ поднесъ ему значительную сумму, которую ему и разрѣшено было принять. Въ настоящее время онъ находится генеральнымъ консуломъ въ Каирѣ.

Демерикъ въ настоящее время генеральнымъ консуломъ въ Бейрутѣ.

Кухта, по дѣламъ о военномъ вознагражденіи, перешелъ впослѣдствіи въ Министерство Финансовъ и въ настоящее время состоитъ представителемъ министерства въ Херсонскомъ банкѣ въ Одессѣ.

Комаровъ, братъ фрейлины Комаровой, которая состояла при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ и затѣмъ вышла замужъ за графа Шувалова, бывшаго нашимъ посломъ въ Берлинѣ и затѣмъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ. Во время нашихъ переговоровъ Комаровъ былъ назначенъ состоять при мнѣ секретаремъ, и мы все время съ нимъ вмѣстѣ работали; обладая замѣчательнымъ талантомъ французской редакціи, онъ оказывалъ мнѣ большую пользу. Въ настоящее время онъ состоитъ совѣтникомъ въ М. И. Д. и участвуетъ въ редакціи „Journal de St. Pétersbourg“.

Кромѣ лицъ постояннаго состава посольства, въ Константинополѣ находился въ то время еще Данзасъ съ женою. Данзасъ былъ родственникомъ, кажется племянникомъ, извѣстнаго секунданта Пушкина, человѣкъ необыкновенный умный и тонкій, исполненный разныхъ талантовъ, превосходный знатокъ музыки, занимавшійся живописью, вообще личность замѣчательно одаренная. Онъ былъ въ то время секретаремъ посольства въ Аѳинахъ и вслѣдствіе, кажется, несогласія съ посланникомъ, оставилъ этотъ постъ и былъ временно прикомандированъ къ посольству въ Константинополѣ. Мы съ нимъ очень сблизились, и затѣмъ наши близкія отношенія съ его семействомъ продолжались и въ Петербургѣ, когда онъ былъ назначенъ совѣтникомъ министерства. Къ несчастію, въ болѣзненномъ припадкѣ онъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ Константинополѣ же я познакомился съ Ст. Ос. Макаровымъ, такъ ужасно погибшимъ передъ Портъ-Артуромъ въ такой моментъ, когда на него возлагались всѣ надежды. При посольствѣ всегда находился русскій станціонеръ, и во время моего пребыванія туда пришелъ въ качествѣ станціонера пароходъ „Тамань“ подъ начальствомъ Макарова. Онъ и жена его, находившаяся съ нимъ, были, разумѣется, приняты въ посольствѣ, гдѣ я съ ними и познакомился. Съ тѣхъ поръ я находился съ нимъ и его женой въ постоянныхъ сношеніяхъ, они посѣщали меня въ Петербургѣ и нерѣдко у насъ обѣдали. На одномъ такомъ обѣдѣ Степанъ Осиповичъ какъ-то разсказалъ, что для его парохода построены два новыхъ паровыхъ катера, но что онъ еще не знаетъ, какъ ихъ назвать. Я предложилъ ему назвать ихъ „Мечъ“ и „Щитъ“, и онъ немедленно принялъ мое предложеніе, такъ что я могу считаться крестнымъ отцомъ двухъ, хотя и скромныхъ членовъ нашего флота. Степанъ Осиповичъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно простой и симпатичный, безъ всякой позировки, такъ что отношенія съ нимъ были самыя пріятныя. Уже тогда о немъ говорили, какъ о выдающемся морскомъ офицерѣ. Онъ отличился на турецкой войнѣ потопленіемъ турецкаго судна. Его ловкость командованія судномъ проявлялась даже въ мелочахъ. Такъ напр. въ Босфорѣ, гдѣ очень сильное теченіе, приходится двигаться очень осторожно, тѣмъ болѣе, что передъ пароходомъ постоянно снуетъ масса разныхъ мелкихъ судовъ. Несмотря на то, Макаровъ на своемъ пароходѣ всегда шелъ обыкновеннымъ ходомъ, иногда при этомъ передъ самымъ носомъ парохода оказывалась турецкая фелюга, и такъ и казалось, что она будетъ затоплена, но въ послѣдній моментъ Макаровъ ловко отворачивалъ нѣсколько въ сторону, и спокойно проходилъ мимо нея, у него никогда не происходило столкновенія съ посторонимъ судномъ. Точно также подходя къ мѣсту стоянки, другіе пароходы задолго умѣряли ходъ, боясь въ виду сильнаго теченія быть отнесенными въ сторону. Но Макаровъ, не умѣряя хода почти до послѣдней минуты, прямо подходилъ къ бочкѣ, которая означала мѣсто стоянки, по данному сигналу матросъ спускался съ парохода съ канатомъ и прикрѣплялъ пароходъ къ бочкѣ; все это было дѣло минуты и происходило какъ на парадѣ, несмотря на трудныя условія, вызываемыя сильнымъ теченіемъ.

Со всѣми личностями, входившими въ составъ Константинопольскаго посольства, я еще долгое время оставался въ сношеніяхъ; когда кто-либо изъ нихъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, они обыкновенно посѣщали меня и у меня обѣдали, а съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ уже выше указано, у меня установились постоянныя пріятельскія отношенія.

Нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, Е. П. Новиковъ представилъ меня турецкимъ министрамъ. Первымъ министромъ былъ тогда Саидъ-Паша, который пользовался большимъ вліяніемъ у Султана. Мы поѣхали къ нему въ Порту съ Евгеніемъ Петровичемъ, и насъ немедленно ввели въ комнату, убранную по-европейски, но по виду похожую на пріемную комнату второклассной гостиницы. Голыя стѣны безъ всякаго убранства, нѣсколько креселъ и стульевъ, обитыхъ краснымъ бархатомъ, да нѣсколько столовъ, вотъ и все, вообще безъ всякой другой обстановки. Очевидно, что въ этой комнатѣ не жили, и что она служила только для пріема. Саидъ-Паша, который насъ ожидалъ въ этой комнатѣ, былъ маленькій человѣчекъ, поражающій посѣтителя своими умными и проницательными глазами, типъ восточнаго государственнаго человѣка; это была личность съ твердымъ характеромъ, очень осторожная и хитрая. Новиковъ представилъ меня ему; нашъ разговоръ ограничился, разумѣется, только общими мѣстами, такъ какъ наши дѣловые переговоры еще не начинались.

Затѣмъ посолъ представилъ меня министру иностранныхъ дѣлъ Ассимъ-Пашѣ и министру финансовъ Серверъ-Пашѣ, которые были назначены Султаномъ для переговоровъ съ нами. Ассимъ-Паша высокій, худощавый турка, чрезвычайно деликатный и боязливый и по виду добродушный; бѣдный Ассимъ-Паша нѣсколько лѣтъ спустя былъ уволенъ отъ мѣста министра иностранныхъ дѣлъ и сосланъ въ Малую Азію, какъ это часто происходило въ Турціи съ сановниками, попадавшими почему-либо въ немилость. Тамъ онъ и померъ; говорили, что будто его отравили, вѣроятно по повелѣнію Султана.

Серверъ-Паша былъ, напротивъ того, человѣкъ красивой наружности, чрезвычайно спокойный и уравновѣшанный и съ большимъ достоинствомъ. По своему образу обращенія съ людьми онъ напоминалъ мнѣ нѣсколько А. А. Абазу.

Но самая выдающаяся и интересная личность изъ мѣстныхъ вліятельныхъ особъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться, былъ тогдашній вселенскій патріархъ Іоакимъ III, которому меня Новиковъ также представилъ, и у котораго я бывалъ съ Евгеніемъ Петровичемъ нѣсколько разъ. Вселенскій патріархъ произвелъ на меня въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Красивый мужчина, тогда среднихъ лѣтъ, онъ принималъ насъ съ большимъ достоинствомъ, но обращался совершенно просто и естественно, такъ что въ разговорѣ съ нимъ не ощущалось никакого стѣсненія. Разговоръ его былъ разговоромъ совершенно образованнаго человѣка, и дѣйствительно мнѣ говорили, что онъ даже слушалъ лекціи

въ германскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда, онъ по интригамъ одной греческой партіи, вліявшей на патріархію, принужденъ былъ сложить съ себя званіе вселенскаго патріарха. Но затѣмъ въ послѣднее время онъ вторично былъ избранъ патріархомъ и въ настоящее время носитъ этотъ санъ. Вселенскій патріархъ живетъ въ отдѣльной части города, называемой Фанаромъ, окруженной со всѣхъ сторонъ стѣнами, въ которую въѣзжаютъ чрезъ особенныя врата. Эти врата получили историческую извѣстность съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ прошлаго столѣтія, во время греческаго возстанія, на нихъ былъ повѣшенъ тогдашній вселенскій патріархъ, по приказанію султана Соломона.

Въ Фанарѣ помѣщается также патріаршая церковь, большое строеніе, не отличающееся изяществомъ архитектуры. Мнѣ пришлось однажды быть въ ней на службѣ, и я былъ непріятно пораженъ греческимъ пѣніемъ, чрезвычайно монотоннымъ, при почти совершенномъ отсутствіи опредѣленной мелодіи. Замѣчательно, что внутри собора, по стѣнамъ устроенъ рядъ маленькихъ отдѣленій, какъ бы стойла,—при чемъ каждый молящійся становится въ такое отдѣленіе.

Одновременно съ ознакомленіемъ съ турецкимъ личнымъ составомъ, пришлось знакомиться и съ мѣстными дипломатами. Евгеній Петровичъ самъ представлялъ меня главнымъ изъ нихъ. Представителемъ Англіи былъ тогда лордъ Дэферинъ, бывшій нѣкоторое время посломъ въ Петербургѣ; германскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ Гиршфельдъ, женатый на дочери богатаго заводчика Крамста, владѣвшаго громадными копями каменнаго угля въ Силезіи; австрійскій посолъ—баронъ Каличе, женатый, кажется, на англичанкѣ; греческій посолъ Кондуріоти и итальянскій посолъ графъ Расконгли. У послѣдняго были двѣ хорошенькія дочери, которыя очень мило пѣли испанскіе романсы, аккомпанируя сами себѣ на гитарѣ. Изъ всего этого общества я особенно сблизился съ австрійцами и германцами, это все были очень любезные и обходительные люди. Въ числѣ германскихъ дипломатовъ былъ между прочимъ интересный молодой человѣкъ князь Аренбергъ, съ которымъ я часто видѣлся.

Въ Англійскомъ посольствѣ я встрѣтилъ стараго знакомаго, Валласа (Wallace), извѣстнаго корреспондента Таймса, который нѣкоторое время жилъ въ Россіи и написалъ о Россіи книгу, обратившую общее на себя вниманіе вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ людей и жизни. Валласъ предложилъ мнѣ пользоваться его перомъ, если бы мнѣ пришлось желательнымъ помѣстить что-либо

въ иностранномъ журналѣ, и я дѣйствительно во время переговоровъ пользовался его услугами.

Наконецъ пришлось познакомиться и съ представителями бондгольдеровъ и сдѣлать имъ визиты. Съ представителемъ австрійцевъ Майеромъ я уже былъ знакомъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ секретаремъ или совѣтникомъ посольства, французъ Вальфрей и нѣмецъ Гешеръ оказались очень любезными людьми, но не могу сказать того же объ англичанинѣ Брооксѣ. Бесѣдуя со мною на первомъ же визитѣ, онъ такъ нестѣсненно отрицалъ права Россіи, отстаивая права бондгольдеровъ, что пришлось отвѣтить ему просто, что я совершенно противоположнаго съ нимъ мнѣнія, и что потому продолжать разговоръ на эту тему совершенно излишне; мы разстались съ нимъ очень сухо и затѣмъ оставались на натянутой ногѣ, между тѣмъ какъ съ остальными представителями бондгольдеровъ я все время поддерживалъ хорошія отношенія.

Послѣ указанія на личности, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться въ Константинополѣ, остается еще сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня самимъ городомъ.

Константинополь состоитъ собственно изъ трехъ частей. Возвышенная часть города, Пера, въ которой помѣщается большинство посольствъ, гостиницы и дома богатыхъ греческихъ негоціантовъ, которыхъ потому называютъ перротами, и жилища другихъ европейцевъ; эта часть города имѣетъ потому совершенно европейскій характеръ. Нижняя часть города Галата, соединенная съ Перой подземной желѣзной дорогой, по которой въ какія-нибудь пять минутъ происходитъ переѣздъ изъ одной части города въ другую. Здѣсь ютится мелкій торговый людъ, преимущественно армяне, греки и итальянцы, наконецъ турецкая часть города, старый настоящій Стамбулъ. Здѣсь прежде жили Султаны въ такъ называемой pointe du Serail у Золотого Рога (заливъ Босфора)— здѣсь же возвышаются громадныя мечети съ высокими минаретами и самая главная изъ нихъ Айя-Софія, Са-Софія.

Къ этому древне-христіанскому собору, святилищу Византіи, подходишь и вступаешь въ него съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ благоговѣнія. Это чудо христіанскаго зодчества, обращенное послѣ взятія Константинополя турками въ мечеть, уже много столѣтій ожидаетъ возврата его христіанскому культу, но, вѣроятно, еще много и много времени турки будутъ оставаться хранителями главныхъ христіанскихъ святынь въ Константинополѣ и Іерусалимѣ. Какую печальную иронію надъ культомъ христіанской любви и единства христіанъ, къ которымъ взываетъ божественная религія, представляютъ тѣ печальныя отношенія вражды, въ которыхъ на-

ходятся между собою различныя христіанскія исповѣданія. Несомнѣнно, что если бы завтра турецкая стража удалилась отъ гроба Господня, то на этомъ святомъ мѣстѣ немедленно возгорѣлась бы междуусобная борьба между христіанами: православными, католиками, протестантами и даже среди православныхъ между греками, сербами, русскими и другими національностями.

Внѣшній видъ Св. Софіи совершенно разочаровываетъ приближающагося къ этой исторической святынѣ. Ожидаешь усмотрѣть величественный храмъ, а вмѣсто того взорамъ подходящаго представляется массовая агломерація разныхъ незначительныхъ строеній, такъ, сказать облѣпившихъ храмъ со всѣхъ сторонъ, такъ что изъза нихъ собственно совершенно не видно никакого собора и только изъ этой груды построекъ возвышается величественный куполъ Св. Софіи; но тѣмъ болѣе поражаетъ посѣтителя внутренность собора, при вступленіи въ него. Трудно описать впечатлѣніе, производимое громадными размѣрами внутренности собора, съ возвышающимся надъ нимъ куполомъ, прорѣзаннымъ рядомъ продолговатыхъ окошекъ, и покоющимся непосредственно на стѣнахъ собора, безъ какой-либо опоры пилястрами. Въ этомъ заключается чудо зодчества Св. Софіи. Благодаря такой конструкціи, внутренность собора дѣлаетъ впечатлѣніе какого-то воздушнаго пространства, какъ бы возносящаго въ высь самого посѣтителя.

Внутренность собора, обращеннаго въ мечеть, украшена только вдоль стѣнъ рядомъ изящныхъ колоннъ, но затѣмъ безъ всякихъ другихъ украшеній, какъ во всѣхъ мечетяхъ, такъ какъ исламизмъ не допускаетъ никакихъ священныхъ изображеній; только на стѣнахъ мѣстами повѣшены арабскія надписи изъ корана, на полу мечети разосланы ковры, а вблизи того мѣста, гдѣ находился иконостасъ, возвышается родъ каѳедры для муллы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Въ мечети, впрочемъ, всегда можно застать молящихся, сидящихъ какъ-то особенно на корточкахъ. Стѣны собора были первоначально покрыты священными фресками, но такъ какъ, какъ уже выше замѣчено, магометанская религія не допускаетъ въ мечетяхъ изображенія личностей, то всѣ эти фрески, съ превращеніемъ христіанскаго собора въ мечеть, были закрашены известью. Со временемъ, однако, известковая краска обсыпалась, такъ что изъ-за нея мѣстами полувыглядываютъ головы и крылья ангеловъ и херувимовъ, которыя производятъ какое-то особенное впечатлѣніе. На одной изъ стѣнъ собора показываютъ коричневое пятно въ формѣ пальцевъ человѣческой руки. Разсказываютъ, что во время взятія Константинополя турками масса мѣстныхъ жителей, бросилась въ соборъ, ища тамъ спасенія отъ враговъ. Но

турки, ворвавшись за ними въ соборъ, произвели въ самомъ соборѣ ужасную рѣзню, убивая и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Послѣ нѣкотораго времени въ соборъ въѣхалъ по трупамъ, на конѣ султанъ Сулейманъ и, приложивъ свою окрававленную руку къ стѣнѣ (это мѣсто пятна), объявилъ конецъ рѣзни и убійствамъ. Разстояніе, на которомъ находится отъ пола кровавое пятно, позволяетъ судить о томъ, до какой высоты храмъ былъ наполненъ трупами.

Сохранилось еще другое сказаніе о времени вторженія турокъ въ Св. Софію — нѣсколько напоминающее легенду о германскомъ императорѣ Фридрихѣ Барбаросѣ, погибшемъ на пути въ Іерусалимъ во время крестоваго похода. Легенда о послѣднемъ гласила, что онъ не погибъ, а сидитъ въ пещерахъ Кифгейзера, его борода продолжаетъ расти и проросла уже каменную плиту, на которую онъ опирается,—онъ возстанетъ и появится въ міръ, когда возникнетъ вновь Германская Имперія.

Подобная же легенда существуетъ и о Софійскомъ соборѣ. Разсказываютъ, что во время вторженія въ него враговъ, священникъ совершалъ литургію передъ алтаремъ; желая охранить св. дары отъ осквернения мусульманами, онъ взялъ чашу и дары въ руки, и пошелъ по галлереѣ, идущей вдоль стѣны храма, надѣясь найти тайный выходъ, вдругъ передъ нимъ разверзлась стѣна и онъ вошелъ съ дарами въ открывшееся пустое пространство въ стѣнѣ, которая немедленно закрылась за нимъ. Тамъ онъ пребываетъ до сихъ поръ и въ тотъ моментъ, когда Айя Софія возвратится христіанамъ, стѣна вновь раскроется, и изъ нея выйдетъ священникъ съ дарами.

Не вдалекѣ отъ Айя Софіи находится историческая площадь Подмайданъ. На этой площади, во времена Византіи, происходили народныя собранія, конныя ристалища, скачки и битвы между партіями зеленыхъ и синихъ; вообще здѣсь кипѣла мѣстная жизнь. Посреди площади сохранилась еще змѣеобразная извилистая колонна изъ бронзы, сооруженная еще до взятія Константинополя турками.

На концѣ Стамбула, на мысѣ, образуемомъ Золотымъ Рогомъ, заливомъ Босфора, на такъ называемой pointe du Serail, находится старый дворецъ, въ которомъ нынѣ помѣщаются сокровища Султана,—одѣянія, оружія, сѣдла, богато убранныя драгоцѣнными каменьями. Я нигдѣ не видалъ изумрудовъ такой величины, какъ тамъ. Въ прежнее время Султаны жили въ этомъ дворцѣ, но Абдулъ-Меджидъ, послѣ революціи, которою онъ былъ возведенъ на престолъ, переселился въ Ильдизъ-Кіоскъ, на берегу Босфора и живетъ тамъ подъ охраной гвардіи, состоящей изъ отборныхъ

албанскихъ войскъ. Безъ особаго разрѣшенія никто не можетъ проникнуть въ Ильдизъ-Кіоскъ, со всѣхъ сторонъ окруженный войсками. Крайне подозрительный Абдулъ-Меджидъ находится въ постоянномъ опасеніи, могущаго случиться, направленнаго противъ него движенія.

Къ осмотру дворцовыхъ строеній и хранящихся въ нихъ драгоцѣнностей допускаются только почетныя лица. На это испрашивается каждый разъ разрѣшеніе Султана и затѣмъ, за лицомъ, которому дано такое разрѣшеніе, пріѣзжаетъ придворный экипажъ, съ лакеями, въ которомъ его везутъ въ серальскій дворецъ. Кучеру и сопровождавшей прислугѣ принято давать довольно значительное вознагражденіе, франковъ около шестидесяти.

Стамбулъ соединяется съ Галатой широкимъ плывучимъ мостомъ. По этому мосту происходитъ постоянно самое оживленное движеніе, поражающее зрителя разнообразіемъ народностей, костюмовъ возницъ и т. п. По немъ движутся постоянно европейцы, турки, арабы, черкесы—а между ними экипажи, запряженные то лошадьми, то мулами. Небольшіе фаэтоны, элегантныя викторіи, арбы, телѣги, — наконецъ всадники на лошадяхъ и ослахъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Среди этой публики, на ослахъ верхомъ, или въ носилкахъ, попадаются представительницы прекраснаго пола, закутанныя въ широкія простыни, окутывающія ихъ съ головы до ногъ, такъ что онѣ похожи на какихъ-то пузырей, съ закрытыми также лицами. У бѣдныхъ женщинъ эти покрывала изъ бумажной матеріи сѣраго цвѣта, а у богатыхъ шелковыя и атласныя, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, голубыя, розовыя, бѣлыя.

Интересное мѣсто въ Стамбулѣ также турецкій базаръ. Это раскинутое на обширномъ пространствѣ низкое зданіе или скорѣе рядъ зданій, подъ круглыми сводами, среди которыхъ пролегаетъ цѣлый лабиринтъ проходовъ и корридоровъ, по сторонамъ которыхъ ютятся мелкія лавченки, чрезвычайно невзрачныя на видъ, но въ которыхъ продаются драгоцѣнныя турецкія и другія восточныя ткани, золотыя вышивки, ковры, старое оружіе, серебряныя издѣлія и т. п. Въ Константинополѣ особенно цѣнятся старинные ковры.

Въ сторону отъ Босфора, за Буюкдере лежатъ красивыя долины Токани и Бейкой, украшенныя богатою растительностью, столѣтними дубовыми рощами, между которыми вьются красивыя дорожки. За однимъ изъ самыхъ старыхъ дубовъ сохранилось историческое воспоминаніе; разсказываютъ, что во время крестовыхъ походовъ подъ этимъ дубомъ сидѣлъ Годфридъ Бульонскій.

По ту сторону Босфора находится поселеніе Скутари, древній

Хризополисъ или Золотой городъ, называвшійся такъ потому, что вечернее солнце до того ярко отражается постоянно въ окнахъ его строеній, что онъ, когда смотрѣть на него изъ Константинополя, кажется какъ бы горящимъ въ яркомъ пламени.

При устьѣ небольшой рѣчки, впадающей въ Золотой Рогъ, на азіатской сторонѣ находятся такъ называемыя „Сладкія воды“. Это мѣсто гулянья, на которое по пятницамъ собирается все мѣстное турецкое общество, какъ у насъ ѣздятъ на Стрѣлку, представляетъ интересную картину мѣстной восточной жизни. Туда направляются—бѣдный классъ жителей въ большихъ лодкахъ, богатые въ элегантныхъ каюкахъ и въ экипажахъ. Все это разнообразное общество располагается живописно, въ тѣни деревъ, на привезенныхъ съ собою коврахъ и подушкахъ, наслаждаясь красивыми видами окрестностей, освѣщенныхъ восточнымъ солнцемъ. Между группами посѣтителей располагаются разные продавцы и разнозчики, предлагающіе готовый кофе, рахатъ-лукумъ и другія мѣстныя сладости. Между ними ходятъ продавцы разныхъ издѣлій, золотыхъ, металлическихъ и др., фокусники, укротители звѣрей, акробаты, играющіе странствующіе оркестры. Въ большихъ четверомѣстныхъ экипажахъ, съ стеклянными стѣнами, сидятъ женщины гаремовъ, съ прислугой и дѣтьми, покрытыя вуалями, которыя иногда какъ бы невзначай спускаются съ лица, показывая нерѣдко красивые глаза, но обыкновенно лишенные всякаго выраженія. Все это представляетъ пеструю и живописную картину восточной жизни.

Подготовленіемъ ко всему интересному, которое приходится созерцать въ Константинополѣ, можетъ служить самая поѣздка въ городъ, по Босфору. Еще живо помню то поразительное впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ этой поѣздки, когда въ первый разъ, нѣсколько дней послѣ пріѣзда, я отправился изъ Буюкдере въ Константинополь.

Я уже говорилъ о первомъ впечатлѣніи при въѣздѣ въ Босфоръ, съ его генуэзскими развалинами на азіатскомъ берегу. Но чѣмъ дальше, тѣмъ картина становится все живописнѣе. Босфоръ окаймленъ скалистыми возвышенностями, то круто спускающимися къ водѣ, то пологими, перерѣзанными красивыми долинами. Кустарная растительность, покрывающая вначалѣ эти возвышенности, мало по малу переходитъ въ роскошную растительность, богатую листвой, среди которой мелькаютъ деревни, роскошныя строенія европейскихъ посольствъ, красивые дома турецкихъ вельможъ, дворецъ Султана Ильдизъ-Кіоскъ и, наконецъ, оригинальный дворецъ Дольма-Бахче. Посреди Босфора, на обоихъ его берегахъ другъ противъ друга, возвышаются живописныя старинныя укрѣпленія Анатоли-

Кавакъ и Румели-Кавакъ. Румеліею турки называютъ Европу, такъ какъ ближайшая къ нимъ страна Европы Румелія, а Анатоліею они называютъ Азію. Румели-Кавакъ и Анатоли-Кавакъ означаетъ, поэтому, европейская крѣпость и азіатская крѣпость, т. е. лежащія на европейскомъ и на азіатскомъ берегу. И вдругъ передъ взорами удивленнаго пріѣзжаго открывается Мраморное море, окаймляющее Константинополь съ его оригинальными постройками, высокими минаретами, Золотой Рогъ, Серальскій мысъ (La pointe du Serail) и Скутари на азіатскомъ берегу. Все это представляетъ восхитительную картину, съ которой едва-ли можетъ сравниться какая-либо другая мѣстность.

Въ половинѣ октября посольство переѣхало изъ лѣтняго помѣщенія въ Буюкдере въ городъ, въ роскошный дворецъ русскаго посольства въ Перѣ. Я нанялъ помѣщеніе въ Hôtel d'Orient, но едва туда переѣхалъ и не успѣлъ еще размѣститься, какъ получилъ записку отъ Е. П. Новикова, который очень любезно увѣдомлялъ меня, что онъ можетъ предоставить въ посольствѣ помѣщеніе для меня и приглашаетъ меня туда переѣхать. Я, разумѣется, принялъ съ благодарностью его приглашеніе и немедленно переѣхалъ въ посольство, гдѣ въ мое распоряженіе были предоставлены двѣ элегантныя комнаты съ передней, выходящія на стеклянную галлерею, съ чуднымъ видомъ на Босфоръ и на окрестности Константинополя, которыми я каждый день могъ наслаждаться.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ городъ начались наши переговоры съ турецкими делегатами Ассимъ-Пашей и Серверомъ. Совѣщанія происходили въ зданіи Порты. Порта — это зданіе, въ которомъ помѣщаются всѣ министерства, съ ихъ восточно-чиновнымъ людомъ, но тамъ ведутся въ сущности только обыкновенныя текущія дѣла, а суть каждаго важнаго дѣла получаетъ направленіе изъ Ильдизъ-Кіоска, гдѣ Султанъ самъ руководитъ всѣмъ лично, подъ вліяніемъ окружающихъ его приближенныхъ, родъ камарильи, среди которыхъ выдающуюся роль играетъ главный евнухъ, съ которымъ приходится считаться и министрамъ.

Во время нашихъ переговоровъ я могъ убѣдиться, что нѣтъ людей въ мірѣ, которые, подобно туркамъ, умѣли бы подъ разными предлогами такъ оттягивать дѣло. Засѣданіе происходило за засѣданіемъ, но наше дѣло почти не двигалось; иногда казалось, что мы приходили къ разрѣшенію, но вдругъ въ слѣдующее засѣданіе все начиналось сызнова; очевидно, по указанію Султана, который держался постоянно въ курсѣ за ходомъ нашихъ засѣданій. Иногда даже засѣданія внезапно прекращались недѣли на двѣ или на три, турецкіе министры заявляли намъ, что они не могли еще получить

необходимыхъ разрѣшеній отъ Султана. Иногда мы были на порогѣ полнаго разрыва, но потомъ дѣло опять начиналось. Благодаря такой тактики турокъ, наши переговоры протянулись отъ октября до апрѣля, т. е. цѣлую зиму. Очевидно, Султанъ хотѣлъ прежде покончить дѣло съ бондгольдерами, чтобы ясно сообразить, въ какія обязательства онъ войдетъ съ ними, чтобы уже тогда серьезно приступить къ установленію условій съ нами. Переговоры съ бондгольдерами окончились дѣйствительно во вторую половину зимы, послѣ того и наши переговоры пошли успѣшно, но все же протянулись еще около двухъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, когда Султанъ окончательно рѣшилъ, какіе источники доходовъ могутъ быть предоставлены намъ, то все дѣло окончилось въ какую-нибудь недѣлю. Въ счетъ 800 милліоновъ военной контрибуціи турецкое правительство обязалось платить намъ ежегодно около 3-хъ милліоновъ рублей, или 12 милліоновъ франковъ, которые должны были отчисляться въ нашу пользу изъ поступленія прямыхъ податей четырехъ малоазіатскихъ вилайетовъ, такъ какъ доходъ отъ таможенъ былъ уже переданъ бондгольдерамъ. Договоръ былъ подписанъ Новиковымъ и мною съ нашей стороны и турецкими министрами Ассимомъ, Серверомъ со стороны Порты. Мнѣ было предоставлено подписаться титуломъ Plenipotentiaire de Sa Majesté l'Empereur de Russie. Сознаюсь, что этотъ титулъ доставилъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Въ юности, бывъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, мнѣ приходилось постоянно переписывать ноты съ адресами Envoyé extraordinaire и Ministre Plenipotentiaire; эти титулы потому были окружены тогда какимъ-то особеннымъ ореоломъ въ моихъ глазахъ — теперь же мнѣ самому пришлось облечься въ этотъ титулъ.

Такимъ образомъ я пробылъ въ Константинополѣ девять мѣсяцевъ; все это время я провелъ въ крайне интересныхъ и пріятныхъ условіяхъ.

Жизнь въ семействѣ Е. П. Новикова, съ которымъ я находился въ совершенно интимныхъ отношеніяхъ, и въ обществѣ другихъ членовъ нашего посольства, которые всѣ относились ко мнѣ очень любезно, жизнь для меня совершенно новая, представляла для меня особенный интересъ. Въ этой же средѣ я встрѣчался со всѣми выдающимися личностями, какъ русскими, такъ и иностранными, которыя пріѣзжали въ Константинополь и которыя постоянно приглашались Новиковымъ къ обѣду. У него же я встрѣтился съ Н. К. Айвазовскимъ, который пробылъ нѣсколько дней въ Констан-

тинополѣ. Я эти дни провелъ вмѣстѣ съ нимъ, и мы даже вмѣстѣ снялись на одной карточкѣ у извѣстнаго Константинопольскаго фотографа Абдула.

По временамъ нѣкоторые секретари посольства устраивали завтраки для всего посольства. Такъ какъ они и меня приглашали на эти завтраки, то пришлось отплатить имъ тѣмъ же, — я тоже устроилъ завтракъ для всего посольства, и мой пріемъ вполнѣ удался: всѣ были въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; послѣ завтрака отправились танцовать въ зало посольства, всѣ остались очень довольны и еще нѣкоторое время послѣ того говорили о томъ, какъ у меня было весело. Мы обѣдали также на станціонерѣ у Макарова, все это вносило пріятное развлеченіе въ нашу жизнь. Какъ замѣчательный фактъ, приведу, что когда мы обѣдали на пароходѣ у Макарова, былъ жаркій свѣтлый день, солнце грѣло какъ въ іюлѣ, а три дня спустя выпалъ снѣгъ, который покрылъ на нѣсколько вершковъ всѣ улицы Константинополя.

Въ Константинополѣ, гдѣ почти нѣтъ мѣстнаго общества, кругъ такъ называемаго общества, la Société, составляютъ только семейства дипломатовъ, которыя потому живутъ, какъ вообще на востокѣ, въ очень близкихъ между собою сношеніяхъ. Турецкое населеніе, съ гаремной жизнію, разумѣется, въ обществѣ никакого участія не принимаетъ, только мужчины, министры и высшіе сановники появляются на оффиціальныхъ обѣдахъ и большихъ раутахъ у дипломатовъ, сами же у себя никакихъ пріемовъ не дѣлаютъ. Мѣстныя греческія и армянскія семейства, пероты, негоціанты, банкиры, промышленники, въ средѣ которыхъ есть очень богатые люди, небольшое только число ихъ имѣютъ доступъ въ такъ называемое общество; между ними не мало красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, съ восточно греческимъ типомъ.

Въ дипломатическомъ кругу въ то время жили очень весело. Утренніе пріемы, обѣды, балы, рауты, происходили довольно часто. Помню одну курьезную нашу экспедицію на балъ въ австрійское посольство. Зданіе австрійскаго посольства граничило спиною съ русскимъ посольствомъ, такъ что изъ нашего двора непосредственно можно было пройти во дворъ австрійскаго посольства. Но въ экипажѣ приходилось дѣлать довольно большой объѣздъ по улицѣ, круто спускавшейся къ низу. Въ день бала выпалъ сильный снѣгъ и вслѣдствіе того по круто спускавшейся улицѣ опасно было ѣхать. Тогда все наше общество рѣшилось пройти въ австрійское посольство пѣшкомъ черезъ дворы. И вотъ всѣ наши кавалеры и дамы, накинувъ сверхъ бальнаго костюма плащи и въ калошахъ, отправились на балъ пѣшкомъ, предшествуемые прислугой, кото-

рая несла въ канделябрахъ, взятыхъ изъ замка, свѣчи, для освѣщенія пути. Это представляло довольно курьезный кортежъ.

Кромѣ того нерѣдко предпринимались въ пріятномъ обществѣ поѣздки и экскурсіи въ восхитительныя окрестности Константинополя. Въ распоряженіи посольства кромѣ станціонера имѣлся еще маленькій пароходикъ mouche, которымъ можно было пользоваться для этихъ экскурсій. Иногда мы ѣздили въ посольскомъ каюкѣ, элегантномъ длинномъ яликѣ, съ двѣнадцатью гребцами, одѣтыми въ богатые турецкіе бѣлые костюмы, въ красныхъ фескахъ съ золотомъ.

Наши экскурсіи направлялись къ генуэскимъ развалинамъ, на противоположной сторонѣ Босфора; на островъ Принчипо, къ развалинамъ городскихъ стѣнъ и въ разныя другія сосѣднія мѣстности.

Одна изъ самыхъ красивыхъ экскурсій была на островѣ Принчипо, l'isle des Princes. Это небольшой гористый островокъ, лежащій посреди Мраморнаго моря невдалекѣ отъ города. На немъ находились виллы богатыхъ негоціантовъ, преимущественно грековъ, которые тамъ обыкновенно проводили лѣтній сезонъ.

На Принчипо все общество отправлялось на пароходѣ, который ходитъ ежедневно между городомъ и островомъ, а съ пристани верхами, нѣкоторые на ослахъ, другіе на лошадяхъ, на возвышенный пунктъ острова, съ котораго открывался чудный видъ на Мраморное море и на Константинополь. Тутъ, среди высокихъ деревъ, кавалеры посольства разстилали по травѣ ковры, на которыхъ располагались экскурсіонисты, а кругомъ на деревьяхъ также развѣшивались ковры, для защиты отъ вѣтра, такъ что образовалась какъ бы импровизированная палатка. Расположившись на коврахъ, общество принималось за завтракъ, привезенный съ собою. Однажды кавасы приготовили намъ рѣдкое блюдо. Они въ нашемъ присутствіи сжарили цѣлаго ягненка, проткнувъ черезъ него колъ, на громадномъ горящемъ кострѣ; это было крайне живописное и оригинальное зрѣлище; такой вкусной и сочной баранины, какъ эта зажаренная столь элементарнымъ способомъ, мнѣ никогда не приходилось ѣсть ни до того, ни послѣ того.

Не менѣе интересна была прогулка около древнихъ стѣнъ Византіи; эта прогулка такъ и называлась autour des murs. Къ стѣнамъ приходилось ѣхать одну станцію по желѣзной дорогѣ, къ мѣсту, откуда начиналась прогулка. Эта прогулка вокругъ стѣнъ представляла необыкновенный интересъ какъ по разнообразію красивыхъ видовъ, открывавшихся съ каждаго пункта, такъ и по массѣ историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ этою мѣстностью. Гуляющіе проходятъ мимо сохранившихся еще воротъ въ стѣнѣ, че-

резъ которыя турки ворвались въ городъ, и у которыхъ палъ, сражаясь, послѣдній Византійскій императоръ, затѣмъ хорошо сохранившіяся еще развалины дворца Велизарія, въ концѣ стѣнъ башня, въ которой содержался нѣкоторое время въ заключеніи русскій посолъ во время перваго греческаго возстанія.

Между прочимъ я воспользовался свободнымъ временемъ для поѣздки въ С.-Стефано, къ мѣсту стоянки нашихъ войскъ въ послѣднюю войну и мѣсто заключенія мирнаго договора. Въ этой совершенно пустынной мѣстности ничего не напоминало тогда о происходившихъ на ней историческихъ событіяхъ. Тамъ оказалась только небольшая лавченка, въ которой я съ трудомъ могъ достать кусокъ хлѣба и коробку сардинъ, чтобы утолить свой голодъ.

Наконецъ, чтобы представить полную картину восточныхъ проявленій мѣстной жизни, остается еще указать на три достопримѣчательности—это селамликъ султана, ночную религіозную прецессію персовъ, живущихъ въ Константинополѣ, мохаремъ и представленіе вертящихся дервишей.

Селамликъ это процессія торжественнаго выѣзда Султана на поклоненіе въ мечеть Ханидіе, находящуюся въ Константинополѣ. Такъ какъ кромѣ селамлика, Султанъ никогда не выѣзжаетъ изъ Ильдизъ-Кіоска, то это представляетъ единственный случай, когда можно видѣть Султана, и потому на селамликъ стекается всегда масса зрителей. Вся мѣстность между дворцомъ и мечетью наполнена народомъ, посреди котораго шпалерами стоятъ войска, и вотъ появляется Султанъ на бѣломъ конѣ, съ многочисленной свитой, привѣтствуемый восторженными криками зрителей.

Мохаремъ, происходящій въ мартѣ мѣсяцѣ—печальная процессія живущихъ въ Константинополѣ персовъ-шіитовъ, въ воспоминаніе дня смерти Гусейна и страданія семейства Аліева. Персы, какъ извѣстно, раздѣляются на двѣ секты: шіиты и сунниты. Шіиты считаютъ своими родоначальниками и учредителями пророковъ Гусейна и Алія, которые были умерщвлены противниками; вотъ въ день смерти этихъ пророковъ и совершается означенное памятное торжественное шествіе.

Дѣло происходитъ вечеромъ, въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя. Мѣстность тускло освѣщается немногими фонарями и факелами, бросающими красный свѣтъ на окружающіе предметы. Вдругъ раздается издали заунывное пѣніе, которое приближается все ближе и ближе, и наконецъ появляется покаянная процессія. Это рядъ людей въ бѣлыхъ рубахахъ, которые при пѣніи покаяннаго гимна, при чемъ постоянно слышится имя Али, медленно шествуя, бьютъ себя по спинѣ веревками и цѣпями до того что съ

нихъ струится кровь, окрашивающая въ багровый цвѣтъ ихъ бѣлыя одѣянія; наиболѣе фанатичные поклонники ударяютъ себя по головѣ даже мечами и доказательствомъ того, что это не просто формальный жестъ, служитъ струящаяся у нихъ изъ головы кровь, падающая также красными пятнами на ихъ бѣлыя рубахи. За каждымъ такимъ меченосцемъ слѣдуетъ его товарищъ и держитъ надъ его головою небольшую палочку, чтобы ею ослабить ударъ меча,—потому что въ фанатическомъ изступленіи такой фанатикъ могъ бы разсѣчь себѣ не только мускульные покровы головы, но и расколоть себѣ черепъ.

Замѣчательно, что утверждаютъ, что всѣ эти раны очень серьезныя, судя по массѣ крови, которыми покрыты паломники, заживаютъ очень быстро.

Громадное впечатлѣніе, производимое на европейца этимъ дикимъ зрѣлищемъ, трудно поддается описанію—красный тусклый свѣтъ факеловъ, эти окровавленные люди, бичующіе сами себя, стоящій въ воздухѣ запахъ крови, заунывное и однообразное пѣніе—все это поражаетъ зрителя какимъ-то ужасающимъ впечатлѣніемъ.

Въ Константинополѣ можно было видѣть вертящихся дервишей (dervisches tourneurs), и мы разъ отправились въ большомъ обществѣ посмотрѣть на ихъ богослуженія; впечатлѣніе совершенно необыкновенное, но нельзя сказать пріятное, оставляетъ за собою это посѣщеніе. Въ полутемной комнатѣ, стѣны которой завѣшаны тканями, находилась группа дервишей въ темныхъ халатахъ, съ остроконечными клобуками на головахъ. Служба началась съ того, что на какомъ-то звуковомъ инструментѣ, кажется родъ флейты, стали играть заунывную однообразную мелодію. Мало-по-малу дервиши, стоявшіе въ кружкѣ, подъ звуки этой мелодіи, стали поворачиваться, кружиться, первоначально медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, разбрасывая руки, и наконецъ стали приходить въ какое-то изступленіе. Мы тогда вышли изъ комнаты.

По заключеніи переговоровъ, состоялось мое представленіе Султану. Во всѣхъ европейскихъ странахъ делегаты иностранныхъ правительствъ, являющіеся для переговоровъ, обыкновенно представляются главѣ государства вслѣдъ за ихъ прибытіемъ. Но въ Турціи все происходитъ иначе. При моемъ прибытіи въ Константинополь и въ теченіе всего хода переговоровъ, я вѣроятно не былъ для Султана persona grata, такъ какъ являлся съ непріятнымъ для него требованіемъ, и потому Султанъ не изъявлялъ желанія меня видѣть. Но когда переговоры благополучно окончились, то мнѣ былъ переданъ однимъ турецкимъ сановникомъ благопріятный обо мнѣ

отзывъ Султана, и вслѣдъ за тѣмъ состоялось мое представленіе. Я поѣхалъ на ауденцію въ Ильдизъ-Кіоскъ вмѣстѣ съ Е. П. Новиковымъ, который и представилъ меня Султану. Султанъ держалъ себя очень сдержано, разговоръ происходилъ при посредствѣ драгомана (переводчика) и продолжался недолго.

На слѣдующій день Евгеній Петровичъ передалъ мнѣ отъ Султана орденъ Меджедіе первой степени.

Почти одновременно съ закончаніемъ нашихъ переговоровъ Евгеній Петровичъ получилъ отъ Гирса письмо, въ которомъ Гирсъ извѣщалъ его, что онъ отзывается изъ Константинополя съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Это неожиданное извѣстіе, разумѣется, поразило насъ всѣхъ до крайности, особенно послѣ столь благополучнаго исхода нашихъ переговоровъ, котораго даже никакъ нельзя было ожидать. Нелегко было Евгенію Петровичу разставаться съ дипломатическою дѣятельностью, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь и которую онъ такъ любилъ, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ ожидали его бюрократически-законодательно-административныя занятія, совершенно для него чуждыя. Онъ перенесъ этотъ ударъ съ большимъ спокойствіемъ духа и достоинствомъ. Такъ какъ онъ собирался вскорѣ за симъ отправиться въ Россію, то и я отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Въ эти дни мы посѣтили еще съ нимъ на прощаніе вселенскаго патріарха, заѣхали въ Св. Софію и были на интимномъ прощальномъ обѣдѣ у австрійскаго посла, барона Каличе, который былъ всегда въ наилучшимъ отношеніяхъ съ Новиковымъ, и затѣмъ стали собираться въ путь.

Насталъ день отъѣзда. Передъ отъѣздомъ въ посольской церкви служили молебенъ, на которомъ называли имена всѣхъ отъѣзжающихъ; затѣмъ сняли со всѣхъ присутствующихъ фотографію, и мы отправились на пароходъ „Корниловъ“, который долженъ былъ доставить насъ въ Одессу.

До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ съ Новиковымъ и его семействомъ. Грустно было разставаться съ ними въ Москвѣ послѣ столь продолжительнаго пребыванія въ ихъ семействѣ. По возвращеніи въ Петербургъ я представлялся Государю.

Мнѣ доставило удовольствіе, что въ рескриптѣ, который сопровождалъ пожалованный мнѣ орденъ Бѣлаго Орла, было упомянуто, что дарується мнѣ послѣдній за успѣшное исполненіе переговоровъ съ Портой. Обыкновенно ордена даются просто послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы, а потому орденъ, дарованный за спеціальныя заслуги, получалъ особую цѣну.

1883.

Въ концѣ марта я испыталъ тяжелую утрату со смертію матушки. Хотя ей было уже за восемьдесятъ лѣтъ, но она еще принимала до того живое участіе во всей нашей жизни, что ея кончина глубоко отозвалась въ средѣ нашей семьи.

Въ началѣ лѣта я отправился въ путешествіе по Россіи, для ознакомленія съ устройствомъ и порядками нашихъ казначействъ. Черезъ Москву и Воронежъ, гдѣ я засталъ моего бывшаго товарища Раева управляющимъ казенной палатой, я проѣхалъ на Кавказъ, посѣтилъ Ставрополь, Владикавказъ, по Военно-Грузинской дорогѣ проѣхалъ въ Тифлисъ, посѣтилъ Потійскій портъ, Кутаисъ, Батумъ, и оттуда моремъ проѣхалъ въ Ялту.

Переѣздъ по Грузинской дорогѣ производитъ громадное впечатлѣніе. Былъ жаркій лѣтній день и, несмотря на то, вершины горъ были покрыты сплошь бѣлою снѣговой пеленой, такъ что, поднявшись къ перевалу, пришлось ѣхать въ траншеѣ, вырытой въ снѣгу, снѣжныя стѣны которой по обѣимъ сторонамъ дороги доходили до сажени. Особенно эффектное зрѣлище представляетъ спускъ послѣ перевала, когда передъ глазами окруженнаго снѣжными полями путешественника открывается картина мѣстности, покрытой богатой растительностью, освѣщенной южнымъ солнцемъ и омываемой водами Аргуни. Въ Тифлисѣ тогда былъ главноуправляющимъ гражданскою частью кн. Дондуковъ-Корсаковъ, но я его не засталъ, такъ какъ онъ былъ въ разъѣздѣ;я посѣтилъ княгиню и обѣдалъ у нея нѣсколько разъ. Дворецъ намѣстника съ его роскошною залой въ персидскомъ стилѣ поражаетъ изяществомъ и красотою убранства въ восточномъ вкусѣ; при дворцѣ красивый паркъ, наполненный экзотическими растеніями. Поти и Батумъ были въ то время извѣстны какъ наиболѣе лихорадочныя мѣстности на Кавказѣ. Потійскій портъ, который я осматривалъ, постоянно строился и все оказывался неудобнымъ. О томъ, какъ его перестроить, чтобы сдѣлать доступнымъ судоходству, я тогда слышалъ на мѣстѣ самыя разнообразныя мнѣнія, каждый предлагалъ другой способъ его исправленія. Дѣло въ томъ, что онъ былъ такъ поставленъ къ морю, что во время бури не только въ портѣ не было спокойной воды, но въ немъ происходила такая толчея, что суда внутри порта подвергались бо́льшой опасности, чѣмъ въ открытомъ морѣ, и потому предпочитали въ бурное время совершенно не входить въ портъ. Батумъ съ его наполовину восточнымъ, на половину европейскимъ видомъ, тогда только что начиналъ развиваться. Окруженный болотистою мѣстностію, онъ до

того былъ зараженъ лихорадками, что почти нельзя было встрѣтить въ Батумѣ совершенно здороваго человѣка изъ мѣстныхъ жителей.

Кавказъ и Крымъ представляютъ какъ бы естественный контрастъ. Обѣ мѣстности чрезвычайно живописны и богаты чарующими видами, но между тѣмъ какъ Кавказъ поражаетъ грандіозностью впечатлѣній, въ Крыму все нѣжно, миловидно и уютно. Крымъ— это русская Италія. Несмотря на то, что, пріѣхавъ первый разъ въ Ялту, я уже былъ знакомъ съ Италіей, крымскіе виды произвели на меня чарующее впечатлѣніе. Я тогда не подозрѣвалъ, что этотъ чудный уголокъ Россіи сдѣлается впослѣдствіи постояннымъ мѣстомъ моего осенняго пребыванія.

1884—1886.

Слѣдующіе три года протекли въ обычныхъ занятіяхъ по управленію департаментомъ Государственнаго Казначейства.

Съ Н. Хр. Бунге я всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, а въ это время насъ еще болѣе сблизилъ пріѣздъ въ Петербургъ его племянницы, княгини Витгенштейнъ, бывшей м-ль Эйлеръ, моей давнишней знакомой, со временъ Михайловскаго дворца. Оставивъ дворъ В. Кн. Елены Павловны, она была нѣсколько лѣтъ гофмейстериной при дворѣ В. Кн. Ольги Ѳеодоровны на Кавказѣ и затѣмъ вышла за князя Витгенштейнъ. Съ княземъ я тоже былъ знакомъ еще изъ Египта, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались во время открытія Суэцкаго канала. Я часто обѣдалъ съ нею у Николая Христіановича, а также у нея съ Николаемъ Христіановичемъ. Эти обѣды были тѣмъ пріятны, что нѣсколько часовъ проводились всегда въ нестѣсненномъ и пріятномъ разговорѣ. У княгини Витгенштейнъ бывали иногда кромѣ того интересные музыкальные вечера, на которыхъ нерѣдко присутствовалъ Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ. Для него обыкновенно устраивалась маленькая партія въ карты.

Управленіе Бунге министерствомъ финансовъ ознаменовалось главнымъ образомъ отмѣною подушной подати, при чемъ только часть ея была переложена на землю, а остальная, кажется до 40 милліоновъ, была совершенно сложена. Такимъ образомъ крестьяне получили существенное облегченіе; но къ сожалѣнію при этомъ была сохранена круговая порука, которая лежала на нихъ главнымъ ярмомъ.

Во внутренней политической жизни въ эту эпоху высказывалось замѣчательное вліяніе двухъ лицъ, стоящихъ совершенно въ сторонѣ

отъ администраціи—Каткова и кн. Мещерскаго. Послѣ польскаго возстанія, когда статьи Каткова вызвали совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи и оказали существенную поддержку правительству, онъ сталъ въ совершенно исключительное положеніе. Дѣло дошло до того, что когда графъ Толстой, тогдашній М. В. Д., объявилъ однажды „Московскимъ Вѣдомостямъ“ предостереженіе за какую-то статью, Катковъ отказался напечатать это предостереженіе, и дѣло такъ и осталось. Катковъ былъ въ постоянной войнѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гирсомъ, изъ-за его внѣшней политики, которую онъ постоянно критиковалъ.

Между тѣмъ какъ вліяніе Каткова высказывалось болѣе въ сферѣ нашей внутренней и внѣшней политики, вліяніе Мещерскаго проявлялось преимущественно въ личныхъ вопросахъ. Разныя высокія назначенія приписывались въ общественномъ мнѣніи прямо вліянію кн. Мещерскаго. Это вліяніе считалось столь сильнымъ, что даже министры являлись къ нему на поклоненіе. На его воскресныхъ завтракахъ происходилъ постоянно съѣздъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ бы заискивавшихъ его протекціи или поддержки.

Говоря о личностяхъ, игравшихъ въ то время нѣкоторую роль, остается упомянуть еще о Татищевѣ, который тоже въ то время обращалъ на себя вниманіе. У него собирался по вечерамъ кружокъ ультра-консерваторовъ и сторонниковъ кн. Мещерскаго. На этихъ вечерахъ обсуждались всѣ государственныя дѣла. О Татищевскихъ вечерахъ говорили въ обществѣ, что они играютъ роль какъ бы подготовительнаго совѣщанія по дѣламъ, подлежавшимъ обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ. Кончилось тѣмъ, что Татищевъ самъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; но здѣсь онъ игралъ очень пассивную роль, я ни разу не слышалъ его говорящимъ. Года два или три послѣ своего назначенія онъ скончался, ни въ чемъ не оставивъ слѣда своей государственной дѣятельности въ средѣ этого учрежденія. Ни на завтракахъ Мещерскаго, ни на вечерахъ Татищева я не бывалъ.

Кромѣ текущихъ занятій по департаменту, мнѣ приходилось въ это время участвовать въ разныхъ комиссіяхъ. Одна изъ нихъ, о сокращеніи дополнительныхъ окладовъ въ привилегированныхъ мѣстностяхъ, у меня осталась въ памяти, потому что возлѣ меня сидѣлъ молодой, красивый офицеръ Генеральнаго Штаба—это былъ А. Н. Куропаткинъ—впослѣдствіи главнокомандующій въ первый періодъ японской войны,—съ которымъ я по этому случаю познакомился. Онъ на меня тогда произвелъ очень пріятное впечатлѣніе—человѣка дѣльнаго и просто относившагося къ дѣловымъ вопросамъ.

Другая комиссія была замѣчательна по совершенно необыкновенному предмету, подлежавшему ея обсужденію—а именно своеобразной претензіи Новосельскаго.

Какъ извѣстно, Новосельскій игралъ выдающуюся роль въ разныхъ предпріятіяхъ промышленнаго свойства. Необыкновенно способный по части постановки новыхъ дѣлъ,—онъ былъ между прочимъ учредителемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли,—но былъ рѣшительно неспособенъ вести самыя дѣла. Вслѣдствіе своей необыкновенной живости и впечатлительности, онъ бросался постоянно съ одного дѣла на другое, не имѣя ни достаточной выдержки, ни достаточной аккуратности, чтобы вести созданныя имъ дѣла, и вотъ почему онъ постоянно путался въ дѣлахъ, и всѣ дѣла, поставляемыя имъ на ноги, даже самыя лучшія и серьезныя, подъ его управленіямъ начинали чахнуть и приходили въ упадокъ; только по переходѣ управленія въ другія руки, эти дѣла получили серьезное движеніе. Замѣчательно безкорыстный, Новосельскій, орудуя милліонами, всегда нуждался въ средствахъ и не только не нажилъ себѣ состоянія, но находился даже постоянно въ долгахъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ крайне добрый и симпатичный, сдѣлавшій дѣйствительно много для развитія нашей промышленности, то у него было много доброжелателей и друзей (въ томъ числѣ и К. П. Побѣдоносцевъ)—которые желали ему помочь. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовали и его кредиторы, въ надеждѣ воспользоваться улучшеніемъ его положенія.

Во время послѣдней восточной войны, какое-то принадлежавшее ему судно, нагруженное желѣзомъ, было конфисковано на Дунаѣ турками. По этому поводу и былъ возбужденъ его протекторами вопросъ о томъ, что ему слѣдуетъ выдать изъ государственнаго казначейства вознагражденіе въ возмѣщеніе понесеннаго имъ ущерба. Для разсмотрѣнія этого вопроса была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ графа П. Л. Шувалова, бывшаго начальника III-го отдѣленія.

Какъ ни странно это можетъ казаться, но большинство членовъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ склонялось въ пользу удовлетворенія ходатайства Новосельскаго. Какъ представитель министерства финансовъ, я, однако, съ такимъ рѣшеніемъ никакъ не могъ согласиться. Несомнѣнно, въ С.-Стефанскомъ договорѣ было установлено обязательство турецкаго правительства—вознаградить русскихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ войны. Но при этомъ имѣлось въ виду вознагражденіе отъ турецкаго правительства. Требованіе же, чтобы русское правительство изъ своихъ средствъ выдало вознагражденіе пострадавшему, да еще по претензіи, заявленной много лѣтъ послѣ

заключенія мира и при томъ претензіи довольно сомнительнаго свойства, очевидно, нельзя было признать правильнымъ. Выдача такого вознагражденія создала бы прецедентъ, на основаніи котораго могла бы быть возбуждена масса подобныхъ требованій, обращенныхъ къ государственному казначейству. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я высказалъ, что нельзя не признать заслугъ Новосельскаго, оказанныхъ развитію нашей промышленности, что если вслѣдствіе того Государю угодно будетъ вообще назначить ему какое-либо пособіе, то такое назначеніе не повлечетъ за собою никакихъ неудобствъ—выдавать же ему вознагражденіе на основаніи вышеприведенной его претензіи совершенно невозможно. Окончательно по моему настоянію ходатайство было отклонено.

Наконецъ укажу еще на третью комиссію, которая состоялась подъ моимъ предсѣдательствомъ по довольно сложному вопросу. Дѣло касалось претензій правительства и подданныхъ Румыніи къ нашему правительству и о долгахъ послѣднему Восточной Румыніи и княжествъ Балканскаго Полуострова. Дѣломъ этимъ занимались нѣсколько лѣтъ на мѣстахъ, но оно все не приходило къ окончанію, потому что, несмотря на то, что общія цифры были уже довольно точно выяснены контролемъ, требовалось представленіе квитанцій по каждой отдѣльной поставкѣ—чего очевидно нельзя было исполнить. Членомъ въ эту комиссію былъ назначенъ и отъ контроля Н. С. Петровъ, впослѣдствіи бывшій начальникомъ контроля въ министерствѣ двора и состоящій нынѣ членомъ Государственнаго Совѣта. Изучивъ въ подробности дѣло, я пришелъ къ заключенію, что требовать подробной отчетности и представленія росписокъ по всѣмъ заборамъ нашихъ войскъ во время войны практически въ настоящее время неисполнимо, такъ что на этой почвѣ было бы совершенно невозможно придти къ какому-либо соглашенію; поэтому оставалось одно — ограничиться тѣми общими цифрами, которыя уже были достаточно выяснены, и на этомъ основаніи произвести всѣ разсчеты. Представитель контроля, отказавшись отъ формальной точки зрѣнія государственнаго контроля, вполнѣ со мною согласился—произведенный на этомъ основаніи разсчетъ былъ утвержденъ правительствомъ, и мы такимъ образомъ въ нѣсколько засѣданій окончили дѣло, длившееся около десяти лѣтъ.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время я продолжалъ заниматься религіозными вопросами. Въ 1885 году я напечаталъ за границей нѣмецкую брошюру подъ заглавіемъ „Sechs Briefe über die kirchlich-religiosen Zustände im Abendlande und die Kirche vom Standpunkte eines morgenländischen Christen“. Въ томъ

же году вышла моя книга „О церкви“, а въ 1886 году я напечаталъ „Опытъ краткаго изъясненія на евангеліе отъ Іоанна“.

Въ то время, по поводу старокатолическихъ собраній, много занимались вопросомъ о соединеніи церквей. Между тѣмъ всѣ сферы старокатолической Германіи знали нашу церковь почти только съ формальной ея стороны. Вотъ почему у меня явилась мысль изложить основанія православнаго ученія въ сравненіи съ протестантской и католической доктриной—для нѣмецкихъ читателей.

Католицизмъ является представителемъ начала безусловнаго авторитета. Онъ во всемъ и совершенно подавляетъ свободу мнѣній и убѣжденій каждой отдѣльной личности; онъ требуетъ безусловнаго послушанія и подчиненія своей мысли подъ авторитетъ церкви не только по отношенію къ догматамъ, но и по всѣмъ духовнымъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи протестантизмъ представляетъ прямую противоположность, предоставляя почти полную свободу каждой отдѣльной личности въ пониманіи евангелія. При отсутствіи видимой церкви и непризнаніи преданія, въ протестантизмѣ трудно сохраняются незыблемость догмата, такъ какъ тексты евангелія со стороны разныхъ лицъ получаютъ самыя разнообразныя толкованія. Православная церковь занимаетъ средину между ними, соединяя въ разумныхъ предѣлахъ авторитетъ католической церкви и свободу протестантизма.

Вотъ эту мысль мнѣ хотѣлось выяснить для нѣмецкихъ читателей, при чемъ я нашелъ очень хорошій матеріалъ въ книгѣ извѣстнаго германскаго богослова Тирша „Protestantismus und Katolicismus“, изданной въ 1846 году. Тиршъ доказывалъ въ своей книгѣ неустойчивость протестантскаго вѣроученія, вслѣдствіе безусловной свободы толкованія, предоставленной каждому отдѣльному протестанту. Въ поискахъ за устойчивостью церкви, проф. Тиршъ, не соглашаясь съ католицизмомъ и оставаясь протестантомъ, присоединился впослѣдствіи къ ирвингіанизму, думая найти въ немъ нѣкоторое подобіе видимой церкви.

Печатанію моей брошюры за границей, въ Бременѣ, оказалъ содѣйствіе пасторъ Дальтонъ, человѣкъ чрезвычайно живой и интересующійся церковными вопросами. Онъ даже написалъ вступленіе къ моимъ письмамъ, въ которомъ онъ рекомендовалъ ихъ нѣмецкимъ богословамъ, совершенно незнакомымъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ православной церкви.

По его совѣту и указанію я разослалъ мою брошюру многимъ богословамъ въ Германіи и получилъ отъ нихъ болѣе или менѣе краткіе отвѣты, заключавшіе въ себѣ большею частью общія учтивыя фразы. Существеннаго обсужденія мой трудъ въ Германіи не

вызвалъ, потому что въ то время внѣ сферы старокатолической тамъ вообще мало интересовались вопросами о церкви. У насъ же моя брошюра была почти полностью переведена въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“.

Моя русская книга о церкви была вызвана рядомъ разговоровъ, происходившихъ у меня съ посѣтителями Пашковскаго кружка, съ которыми я очень сблизился, какъ уже выше приведено. Видя въ нашей церкви одно проявленіе формализма, они никакъ не могли усвоить себѣ ея значенія. Мнѣ приходилось неоднократно и обстоятельно бесѣдовать съ ними на эту тему; это дало мнѣ мысль развить мои сужденія въ особой книгѣ. Мое сочиненіе появилось первоначально въ „Православномъ Обозрѣніи“ и вышло впослѣдствіи отдѣльной книгой. Оно обратило на себя вниманіе нашихъ духовныхъ журналовъ, которые отнеслись весьма одобрительно къ моему труду. Даже восемнадцать лѣтъ спустя этотъ мой трудъ далъ журналу „Вѣра и Разумъ“ поводъ сопоставить мое имя съ именами Хомякова и Соловьева, въ статьѣ „Православная Церковь, по ученію нашихъ свѣтскихъ писателей“.

Въ моей книгѣ я развивалъ между прочимъ нѣсколько своеобразное положеніе о значеніи „догмата“, положеніе, котораго я въ другихъ богословскихъ трактатахъ не встрѣчалъ; несмотря на общее сочувствіе, которое было высказано въ нашей духовной литературѣ къ моему труду, ни одинъ изъ отзывовъ не коснулся этой стороны вопроса; противъ моего мнѣнія не возражали, но и не высказывали съ нимъ согласія, какъ будто вообще боялись коснуться этого деликатнаго вопроса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Молитва для учащагося юношества.

М. о. А. Г. Ш. — Опись дѣламъ II отдѣленія Дежурства Главнаго Штаба Его Императ. Величества по военному поселенію за 1826 годъ. Книга 2-я № 1050/41, дѣло № 3316 (объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Реутовѣ).

Ваше Высокопревосходительство!

Отъ всепреданности Вашей къ Государю Императору зависитъ представить Его Величеству изданныя мною молитвы (для учащагося юношества), которыя, по докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, утверждены почившимъ въ Богѣ Императоромъ Александромъ I и по предписанію Министерства введены онѣ въ употребленіе во всѣ подвѣдомственныя высшія училища, Гимназіи, Уѣздныя, Приходскія и частные пансіоны. Но во всѣхъ Государственныхъ-военныхъ училищахъ нѣтъ сихъ Молитвъ, которыя заключаютъ въ себѣ главное основаніе учащагося юношества и всѣ его обязанности: къ Богу, Государю, Государству, Начальникамъ, Родителямъ и Учителямъ. Изъ приложенной къ сему записки подъ буквою Д[1]) Ваше В—во усмотрѣть изволите: причину сихъ молитвъ, слѣдствія отъ нихъ происходящія и законное ихъ опредѣленіе.

---

[1]) Выписка изъ записки подъ буквою Д. Реутовъ былъ старшимъ учителемъ въ Гофъ-Интендантскомъ вѣдомствѣ и въ это время издалъ молитвы въ 1820 году; представилъ ихъ при запискѣ въ М-во Нар. Просвѣщ. въ 1824 г.—Записка была доложена 1 апрѣля 1824 г. Государю Императору. Молитвы были Высочайше утверждены и введены циркуляромъ Министерства отъ 5 апрѣля во всѣ подвѣдомств. учебн. заведенія, а Реутову дана единовременная награда въ 500 р. Высочайшимъ указомъ 1 іюля 1824 г.

Предая себя и всѣ представляемыя мною истины благотворному покровительству Вашего Высокопревосходительства! прошу о доведеніи ихъ до свѣдѣнія Всемилостивѣйшаго Монарха!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ вѣчно пребуду прославителемъ имени Вашего Высокопревосходительства

всепреданнѣйшій слуга

Иванъ Реутовъ

Отставной титулярный совѣтникъ.

Молитвы эти существуютъ до настоящаго времени, хотя уже и подверглись съ теченіемъ времени нѣкоторому измѣненію. Для сравненія приводится текстъ первоначальный и существующій.

Молитва передъ ученіемъ.

Первоначальный текстъ.

Преблагій Господи! Низпосли къ намъ благодать Духа Твоего Святаго, *дарствующую смыслъ и укрѣпляющую* душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому намъ ученію, возрасли мы Тебѣ нашему Создателю во славу, *Государю-же нашему, Родителямъ и Государству всему* на пользу.

Существующій текстъ.

(по учебнику молитвъ придвор. протоіерея Дм. Соколова, изд. 76).

Преблагій Господи, ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому намъ ученію, возрасли мы Тебѣ, нашему Создателю, во славу, *родителемъ-же нашимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству* на пользу.

Молитва послѣ ученія.

Первоначальный текстъ.

Благодаримъ Тебе Создателю! Яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея, во еже внимати ученію. Благослови *Государя нашего*, Начальниковъ, Родителей и Учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силы и крѣпость къ продолженію ученія сего.

Существующій текстъ.

Благодаримъ Тебѣ Создателю, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея, во еже внимати ученію. Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія сего.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1].

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

13.

20-го февраля ст. ст. 1824 г. Шаево.

Третьяго дни имѣлъ я удовольствіе, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, получить Ваше письмо изъ Парижа отъ 4-го Генваря новаго стиля; конвертъ, сдѣланный Вами, съ трехъ боковъ разрѣзанъ, крестъ на крестъ обвитъ двумя полосами бумаги и на перекрестѣ опять запечатанъ при надписи что письмо было просмотрѣно въ Мемелѣ: странное любопытство читать чужія письма! Я воображаю притомъ сколько труда стоило нѣмцамъ разбирать Русскую грамоту, и мнѣ смѣшно становится. Вы жалѣете что меня и Андрея Андреевича нѣтъ съ Вами въ Парижѣ чтобы вмѣстѣ осматривать, любоваться и толковать: и я жалѣю, и онъ вѣроятно также: но судьба всегда помыкаетъ людьми и разбрасываетъ по лицу земли тѣхъ которымъ бы должно жить рядомъ; кто въ Парижѣ, кто въ Петербургѣ, а кто въ Кологривѣ. Лестно для моего самолюбія что сперва Колосова, а потомъ и Вы, посѣтивъ французкій театръ десять лѣтъ послѣ меня нашли актеровъ точно такими какъ я вамъ говорилъ, тоесть что Тальма и Марсъ [2] стоятъ на первомъ мѣстѣ, одинъ съ высокимъ дарованіемъ и большими пороками, другая въ низшемъ родѣ, но со всевозможнымъ совершенствомъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

[2]) Anne-Françoise—Boutet—Monvel, dite m-lle Mars, знаменитая актриса, р. въ 1779 г., ум. въ 1847 г.

Привезите ко съ собой всѣ Лавиневы творенія старыя и новыя Покуда надобно и вамъ на оборотъ сообщить что нибудь о Русскомъ театрѣ, и хотя меня нѣтъ въ Петербургѣ, однако получая еженедѣльно извѣстія, могу служить чѣмъ богъ послалъ. Шаховской плодовитѣе чѣмъ когда нибудь: онъ сочинилъ въ пяти дѣйствіяхъ и прозѣ смѣшанной со стихами 1-е Судьба Ниджеля изъ Вальтера Скота [1]), 2-е Соколъ князя Ярослава [2]), бѣлыми стихами, въ трехъ дѣйствіяхъ: Фингалъ и Росклана [3]); вольными стихами въ одномъ дѣйствіи Урокъ женатымъ [4]); Аристофанъ [5]) разучивается; число мѣлкихъ произведеній, водевилей, комедій-водевилей, фоли-водевилей, комедій-балетовъ, интермедій-дивертисементовъ и тому подобныхъ несчетно; Жандръ сочинилъ романтическое представленіе: Морской Разбойникъ [6]) изъ романа Вальтера Скота, которое принесло Каратыгину за всѣми расходами болѣе 5.000 рублей; но успѣха не имѣло: декораціи безпрестанно мѣнялись, столы носились по сценѣ, машинисты подавали сигналы свистками, и все это вмѣстѣ утомило; Варвара Семеновна [7]) перевела для бенефиса Колосовой комедію le Legs и говорятъ будто очень хорошо, извѣстій о представленіи еще нѣтъ. Жуковскій для бенефиса же Колосовой матери перевелъ привезенную Ею изъ Парижа новую драму Валерію

---

[1]) „Судьба Ниджеля или Все бѣда для несчастнаго“ романт. комедія въ 5 д. кн. А. А. Шаховскаго была поставлена въ 1-ый разъ 3-го янв. 1824 г. въ бенефисъ Брянскаго. По свидѣтельству Арапова, пьеса успѣха не имѣла.

[2]) „Соколъ князя Ярослава Тверскаго или Суженый на бѣломъ конѣ“, русская историческая быль въ 4 д., предст. 18-го окт. 1823 г., въ бенефисъ Ежовой.

[3]) 23-го янв. 1824 г. въ пользу М. И. Валберховой была представлена драмат. поэма въ 3-хъ д. кн. Шаховскаго: „Фингалъ и Розкрана“ (сюжетъ заимствованъ изъ Оссіана), главныя роли были исполнены В. А. Каратыгинымъ и Дюровой.

[4]) „Урокъ женатымъ“ ком. въ 1 д., представл. 29-го янв 1823 г. (въ бенефисъ Брянскаго).

[5]) „Аристофанъ или Представленіе комедіи Всадники“, истор. комедія въ древнемъ родѣ и въ разныхъ стихахъ греческаго стихосложенія, въ 3-хъ д. съ прологомъ, интермедіями, пѣніемъ и хорами. М. 1828 г. представл. въ 1-ый разъ въ бенефисъ Ежовой 19 ноября 1825 г.

[6]) „Морской Разбойникъ или Волшебство не Волшебство“, романт. комедія въ 5 д. А. А. Жандра, взятая изъ романа Вальтеръ Скотта, представл. 3-го дек. 1823 г., въ бенефисъ В. А. Каратыгина.

[7]) Варвара Семеновна Миклашевичева, урожд. Смагина, род. 1768, ум. 1846, перевела комедію „Le Legs“ подъ названіемъ „Завѣщаніе или Кто кого перехитритъ“, представл. въ 1-ый разъ 29 янв. 1824 г. въ бенефисъ А. М. Колосовой.

или Слѣпую [1]); зрителей было мало и впечатлѣнія никакого піэса не сдѣлала. Наконецъ Лобановъ перевелъ Федру, а Семенова ее сыграла очень дурно, что называется осрамилась; даже вызывали ее и выходила она не одна, а съ Иполитомъ! переводъ напечатанъ [2]) и есть у меня, онъ совершенно выполнилъ мое ожиданіе, но предисловіе еще превзошло его; выпишу здѣсь для васъ нѣсколько изъ него: „Лестные отзывы просвѣщенной публики о первомъ моемъ переводѣ... поощрили меня. Переводами Федры занимались великіе Геніи. Не позволяю себѣ думать, чтобъ я лучше всѣхъ сдѣлалъ: я только желалъ лучше сдѣлать.—Просвѣщенные литераторы знаютъ какого труда, какихъ неутомимыхъ усилій стоитъ... Я любилъ услаждать досуги свои бесѣдою съ безсмертнымъ Расиномъ, любилъ, переводя Его, бороться съ самыми трудностями; а онѣ представляются почти при каждомъ стихѣ Его, и не смѣю думать, чтобы всѣ были побѣждены". Послѣ такого скромнаго предисловія, вотъ образчикъ стиховъ:

Уже дѣля твой страхъ, я былъ на отдаленныхъ
Заливахъ и моряхъ, Коринфомъ раздѣленныхъ.—
Въ какихъ же ты странахъ надѣешься найти
Тезея жаркій слѣдъ, иль темные пути?

Выходъ Фе́дры:

Постой, Энона, здѣсь. О скорбь! О дни унылы!

Noble et brillant:

О ты, краса небесъ, божественный блистатель,
Чьей титломъ дочери моя гордилась матерь.

Кажется этого довольно; и вѣрите ли вы? все въ одномъ родѣ; со всѣмъ тѣмъ въ Сынѣ Отечества помѣщенъ былъ разборъ Ореста Сомова, и Орестъ пишетъ что Лобановъ вездѣ шелъ на ряду съ Расиномъ, а мѣстами побѣдилъ непобѣдимаго: Tu dors, Brutus [3])!— Богатство риѳмъ неимовѣрное: съ перваго стиха *почтенный* и *Трезены*. Замѣтьте, что должно говорить Трезена. *Крита* и *лабиринта; чувствъ* и *посягнувъ*. Мѣстами совершенно противусмысліе, напримѣръ: qu'aucuns monstres par moi domptés jusqu'aujourd'hui [4])— и пр. по-русски:

—Что сонмы поразивъ чудовищъ и звѣрей
Я права не стяжалъ преткнуться какъ Тезей.

---

[1]) „Валерія или Слѣпая", ком. Малесвиля, перевед. В. А. Жуковскимъ, представл. 17-го дек. 1823 г.

[2]) Спб. 1823.

[3]) „Ты спишь, Брутъ!"

[4]) Что ни одно изъ чудовищъ, мною до сихъ поръ укрощенныхъ (Phédre A. I. sc. 1).

И эта нелѣпица восхваляется! и благоразумный человѣкъ, который стыдится явно лгать, въ угожденіе литературной шайки, ненавидимъ, гонимъ и выведенъ in arena на Бестужевыхъ и Розинговъ! Надо перемѣнить рѣчь, а не то я право разсержусь. Писалъ ли я къ Вамъ, что я купилъ другую усадьбу и сто душъ? это бы очень хорошо, но я нѣсколько ошибся въ разчетахъ: казна въ нынѣшнемъ году мало подрядила вина и то по цѣнѣ убыточной для бѣдныхъ поставщиковъ; я въ долгу какъ въ шелку, и потому на сей разъ принужденъ отказаться отъ Брегетовыхъ часовъ; о Репертуарѣ же Петитота продолжаю просить Васъ; но куда послать деньги? отпишите.—На той недѣлѣ начатое письмо прервано было масленицей и гостями; дописываю его великимъ постомъ, а между тѣмъ получилъ новыя извѣстія о Петербургскомъ театрѣ. Бенефисы Вальберховой и Колосовой м. прошли одинъ за другимъ; въ первый была *Драматическая поэма* Фингалъ и Розкрапа, мерзость поддержанная нѣсколько однимъ Каратыгинымъ, Дюрова осрамилась, Шаховской незванный выбѣгалъ въ ложу откланиваться. За симъ слѣдовала комедія *Ты и Вы* [1]), гдѣ главное лице Вольтеръ, а времени проходитъ между двухъ дѣйствій 60 лѣтъ; піеса того же Шаховскаго, понравилась, и Сосницкій прекрасно игралъ Вольтера особенно во 2-мъ дѣйствіи гдѣ ему 80 лѣтъ. Бенефисъ Колосовой за всѣми расходами принесъ ей 9.000 рублей; давали Гамлета, Каратыгинъ игралъ отлично, она средственно, Семенова безъ смысла; потомъ комедія le Legs, переведенная В. С. Миклашевичевой: успѣхъ страшный, Колосова играла во всемъ совершенствѣ, и отецъ Каратыгинъ, который былъ весьма холоденъ къ ней, чуть не влюбился и не зоветъ иначе какъ Марсъ русскаго театра. Сегодня же буду писать поздравленіе къ переводчицѣ, а если вы изъ Франціи слово объ этомъ пришлете, тогда ей еще пріятнѣе будетъ. Долго ли Вы пробудете въ Парижѣ? Когда возвратитесь въ Россію? Когда меня свиданіемъ обрадуете? ибо, признаюсь Вамъ, въ Петербургѣ быть не надѣюсь, а надобно чтобы пріятели мои меня въ пустынѣ навѣстили; нѣчего грѣшить: нѣкоторые уже и сдѣлали это, а другихъ жду. Между тѣмъ жилище мое нѣсколько украшается: въ городѣ уѣздномъ, который отъ меня въ 43 верстахъ и куда я часто принужденъ ѣздить, все приготовлено къ постройкѣ хорошенькаго дома, гдѣ и покойнымъ диванамъ моимъ будетъ мѣсто; въ усадьбѣ же моей завелъ я цвѣты и плоды, а этого въ здѣшнихъ мѣстахъ и не слыхано бывало. Одного не достаетъ: людей. Представьте,

[1]) „Ты и Вы, Вольтерово посланіе или шестьдесятъ лѣтъ антракта“, представл. 23 янв. 1824 г.

когда вы въ многолюдной столицѣ, гдѣ все дышитъ веселостью, съ сожалѣніемъ вспоминаете двухъ пріятелей и чувствуете что ихъ недостаетъ, каково горько мнѣ иногда бываетъ, то въ одиночествѣ совершенномъ, то въ обществѣ сосѣдей, къ которымъ я уже обязанъ поддѣлываться ибо они ко мнѣ поддѣлаться не могутъ. Нѣтъ мнѣ болѣе удовольствія какъ получать письма и на нихъ отвѣчать, тогда мысленно переносишься въ любимое общество и пользуешься хоть отъ части прежними бесѣдами. Не забывайте этого, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и дарите чаще меня вашими письмами, не смотря на нескромное любопытство Мемельской почтовой Експедиціи. Познакомьтесь съ Лавинемъ, онъ долженъ быть весьма хорошимъ человѣкомъ. Прощайте. Весь вашъ

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія идеалиста, принимавшаго участіе въ работахъ по реформамъ крестьянскимъ.

Скорѣ наступитъ пятидесятилѣтняя годовщина крестьянской реформы во всей Россійской Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, гдѣ эта реформа начала вводиться тремя годами позже.

Столь важная реформа, стяжавшая на вѣчныя времена покойному Государю Императору Александру II-му званіе „Царя-Освободителя“ и послужившая рычагомъ новаго оборота жизни нашего отечества, должна имѣть свою исторію, основанную не только на архивныхъ матеріалахъ, каковыхъ, надо думать, имѣется громадный запасъ въ подлежащемъ вѣдомствѣ, гдѣ стоило бы заняться съ особеннымъ вниманіемъ—для сгруппировки всего этого историческаго матеріала въ стройный систематическій порядокъ, хотя-бы для того, чтобы возстановить въ памяти всю исторію этого знаменательнаго событія.

Но не лишнимъ было бы, кромѣ того, всѣмъ тѣмъ, которые принимали дѣятельное участіе въ работахъ на мѣстахъ по данной реформѣ, хотя-бы и въ позднѣйшее время, попытаться—порыться въ своей памяти, чтобы возстановить все то, что ими пережито, прочувствовано, и въ формѣ воспоминаній своихъ—подѣлиться съ читающей публикой всѣмъ тѣмъ, что прямо или косвенно имѣетъ отношеніе къ этому событію.

Несомнѣнно, что близкое, личное участіе въ работахъ на мѣстахъ запечатлѣлось въ памяти тѣхъ, къ сожалѣнію уже не многихъ живыхъ, которые пожелали бы не поскупиться своими воспоминанія-

ми обо всемъ томъ, что имѣло, впослѣдствіи, вліяніе на всю ихъ послѣдующую жизнь; такъ какъ по личному опыту я знаю, что новая жизнь нашего отечества, вызванная всѣми реформами шестидесятыхъ годовъ, оставила глубокія впечатлѣнія и повліяла даже на измѣненіе личнаго взгляда моего на людей, задачу самой жизни, каковая систематически складывалась въ юной головѣ „барчука“, подъ вліяніемъ современнаго воспитанія съ помощію наёмныхъ гувернеровъ и дворовыхъ (изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей), у которыхъ слово „мужикъ“ считалось браннымъ словомъ, и невольно внушало, какъ помнится мнѣ, какое-то брезгливое чувство къ „лаптямъ“ и „сермягамъ“, и это, несмотря на то, что покойный отецъ мой, владѣвшій не одною тысячью душъ крѣпостныхъ крестьянъ, являлся по тогдашнимъ временамъ и понятіямъ—филантропомъ по отношенію своихъ крѣпостныхъ, большая часть коихъ находилась въ Рязанской губерніи. Для нихъ онъ заводилъ школы, лечебницы, нанималъ врачебный персоналъ на собственныя средства и всячески приходилъ имъ на помощь; но къ сожалѣнію моему—принималъ мало личнаго участія въ моемъ воспитаніи, которое и было поручено сначала гувернанткамъ, потомъ гувернерамъ и наконецъ учебному заведенію, гдѣ ко времени введенія реформы крестьянской я, состоя пансіонеромъ, уже оканчивалъ курсъ, намѣреваясь поступить въ Московскій университетъ.

Какъ теперь, помню мой пріѣздъ въ одно изъ нашихъ имѣній, находящееся во Владимірской губерніи, гдѣ вся семья проводила лѣто, и куда я всегда съ особымъ наслажденіемъ ѣхалъ весной, послѣ занятій, подготовившись предварительно, чуть-ли не съ зимы, къ предстоящимъ экскурсіямъ по лѣсамъ и болотамъ съ ружьемъ и собакою, что называлось мною охотою, хотя въ сущности всѣ эти экскурсіи имѣли главною цѣлью—природу и возможность удаленія отъ заведеннаго порядка въ семьѣ, гдѣ каждый часъ дня имѣлъ свое назначеніе, то завтракъ, то обѣдъ, то визиты или прогулки и т. д.

Это было въ 1862 году, когда я уже началъ посѣщать лекціи въ Московскомъ университетѣ, а слѣдовательно чувствовалъ себя полноправнымъ гражданиномъ, курящимъ папиросы и освобожденнымъ отъ всякой опеки гувернеровъ или какихъ-либо менторовъ.

Ко времени нашего прибытія въ имѣніе прибылъ мировой посредникъ г. Есиповъ для повѣрки и введенія уставной грамоты.

Сойдясь съ мировымъ посредникомъ, котораго помѣстили въ одномъ со мною флигелѣ, я добровольно поступилъ къ нему работникомъ вмѣсто внезапно заболѣвшаго его письмоводителя, и съ утра

до поздней ночи, въ теченіе нѣсколькихъ дней его пребыванія въ имѣніи нашемъ проводилъ съ нимъ на сельскомъ сходѣ, гдѣ участвовало поголовно все крестьянское общество съ женами и дѣтьми. Тутъ только я замѣтилъ, что то брезгливое чувство, о которомъ выше упомянулъ, уступило мѣсто какому-то чувству участія къ „лаптямъ“ и „сермягѣ“, и я, неожиданно для себя самого, сдѣлался самымъ рьянымъ адвокатомъ въ пользу освобожденныхъ крестьянъ, отвоевалъ въ пользу ихъ озерко, которое съ трехъ сторонъ было окружено деревянными постройками, а съ четвертой—примыкало къ господскому саду, отъ котораго даже не было огорожено заборомъ. Какъ теперь помню лица тѣхъ крестьянъ, которые слышали мою горячую защиту ихъ правъ на озеро, и недовольныя возраженія матери моей, на чье имя имѣніе было когда-то куплено отцомъ,—которая, въ концѣ концовъ, любя меня—уступила свои права въ ихъ пользу.

Возвратясь къ осени въ Москву, гдѣ начались уже лекціи, я замѣтилъ, что всѣ товарищи моего дѣтства, поступившіе одновременно въ университетъ, находятся въ какомъ-то приподнятомъ состояніи духа. Всѣ они, проведя лѣтнее время въ имѣніяхъ у своихъ родныхъ, крайне заинтересовались жизнью деревни, на что ранѣе, какъ бы, не обращали никакого вниманія.

Общеніе же съ людьми (въ родѣ Каткова, Леонтьева, Аксакова, Кошелева, Тургенева, Майкова, Самарина и многихъ другихъ), съ которыми каждый изъ насъ, то есть молодыхъ людей моего кружка, имѣли родственныя отношенія—довершило остальное въ смыслѣ приданія всѣмъ намъ какого-то новаго взгляда на жизнь, ея цѣль и всѣ проводимыя въ то время правительственныя реформы, которыя составляли главную тему всѣхъ разговоровъ—будили въ насъ сознаніе, что дворянское сословіе должно идти на помощь тому Правительству, которое рѣшилось пробудить новую жизнь въ нашемъ отечествѣ. Съ увлеченіемъ зачитывались только не романами, или повѣстями, какъ прежде, а всѣми силами стремились стать въ уровень тѣхъ немногихъ современныхъ людей, которые, какъ намъ казалось, являлись свѣточами новыхъ порядковъ. Горячо обсуждали всякую реформу, и отнюдь не трактовали тѣхъ вопросовъ, которые въ XX столѣтіи стали излюбленными идеями—увлекающими современныхъ студентовъ, до научныхъ забастовокъ включительно.

Помню какъ теперь студенческія вечеринки у Каткова и Леонтьева, и у покойной графини Е. В. Салліасъ, на которыхъ относились къ намъ, какъ къ равноправнымъ членамъ общества. Все это въ

совокупности, разумѣется, поднимало насъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ и оставило неизгладимые слѣды и въ послѣдующей нашей жизни.

Появившіяся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьи Каткова о польскомъ возстаніи, о необходимости всѣми силами отстоять Царство Польское, гдѣ вспыхнулъ мятежъ подъ вліяніемъ, какъ тогда утверждалось, Наполеона III, не могли конечно не повліять на меня и на многихъ моихъ сотоварищей; и вотъ, не окончивши университета, многіе изъ насъ, никогда не выѣзжавшіе изъ бѣлокаменной Москвы, устремились въ Западный край и Царство Польское.

Пріѣхавши въ Варшаву въ концѣ 1863 года, гдѣ я разсчитывалъ поступить въ Кіевскій гренадерскій полкъ, которымъ командовалъ, покойный нынѣ, дядя мой—Сергѣй Ивановичъ Дохтуровъ, я совершенно неожиданно для себя самого, въ началѣ 1864 года, то есть почти что къ „шапочному разбору“, очутился юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ Его Величества полку, иными словами, облекся въ военную реформу тогда, когда польскій мятежъ былъ уже на послѣднемъ своемъ издыханіи.

Военная служба пришлась мнѣ по вкусу, и я, внѣ всякаго сомнѣнія, не оставилъ бы ея до самой смерти моей, если бы въ семейныхъ имущественныхъ дѣлахъ не произошла перемѣна къ худшему, вслѣдствіе чего, покинувъ службу въ гвардіи, я перешелъ на гражданскую службу. Оканчивать университетъ было поздновато, да и смерть отца и выѣздъ остальныхъ членовъ семьи моей изъ Москвы—не располагали вовсе къ возвращенію на родину мою.—Къ несчастью моему, до 1880 года мнѣ не удавалось поступить въ то вѣдомство, которое меня болѣе всего манило, то есть учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, но въ 1880 году удалось мнѣ, наконецъ, сдѣлаться, сначала мировымъ посредникомъ, а затѣмъ и комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ.

Сравнительно непродолжительная моя служба мировымъ посредникомъ и болѣе продолжительная—комиссаромъ, не могла имѣть того интереса, какой былъ для тѣхъ дѣятелей, которые принимали личное участіе въ первоначальныхъ работахъ по введенію реформы, какъ напр. Н. К. Полевого, Ѳ. Ѳ. Воропонова и многихъ другихъ, которые нынѣ могутъ подѣлиться путемъ печати своими воспоминаніями; но тѣмъ не менѣе и мои воспоминанія составятъ, быть можетъ, посильный вкладъ, хотя бы ради того, что служба моя въ

учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ отразилась на послѣдующую 20-ти-лѣтнюю мою службу, сначала предсѣдателемъ, а затѣмъ управляющимъ отдѣленіями крестьянскаго Поземельнаго Банка, то есть того учрежденія, которое по желанію Государя Императора Александра III-го могло бы служить „коррективомъ“ крестьянской реформы съ ея экономической стороны, такъ какъ для достиженія именно этой цѣли созданъ крестьянскій Поземельный Банкъ.

И мы всѣ, вошедшіе въ составъ этого новаго учрежденія, такъ именно и смотрѣли на наши обязанности, а отнюдь не рѣшились бы поступать на службу въ коммерческіе банки.

Да иначе и смотрѣть-то на это новое правительственное учрежденіе нельзя было, въ виду того, что въ началѣ еще 70-хъ годовъ всѣми органами и самимъ правительствомъ признавались неустроеніе, малоземелье и незаконченность крестьянской реформы, о чемъ также много говорилось въ печати.

Вотъ почему я позволяю себѣ надѣяться, что всѣ мои воспоминанія дѣятельности моей какъ мирового посредника, комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, а затѣмъ, въ послѣднія 20 лѣтъ моей службы въ крестьянскомъ Поземельномъ Банкѣ въ качествѣ управляющаго отдѣленіями въ разныхъ полосахъ Россіи и Царства Польскаго,—не лишены будутъ интереса и несомнѣнно будутъ имѣть связь съ тою реформою, пятидесятилѣтній юбилей которой наступаетъ въ будущемъ году.

Перейдя съ должности мирового посредника, которые вскорѣ переименованы были въ непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, на должность комиссара по крестьянскимъ дѣламъ — въ одинъ изъ уѣздовъ Варшавской губерніи, я убѣдился, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ несравненно были лучше устроены, чѣмъ тѣ, которые надѣлены были по силѣ указа 19 февраля 1861 года.

Весь край Привислянскаго раіона по сравненію съ коренными губерніями Россіи на первыхъ же порахъ являлся болѣе благоустроеннымъ, пути сообщенія (желѣзнодорожныя и шоссейныя дороги), а равно и густая населенность, со множествомъ городовъ всякихъ наименованій, мѣстечекъ и посадовъ, давали возможность сельскому люду выгоднаго сбыта всякихъ деревенскихъ продуктовъ, не исключая одного фунта масла и десятка яицъ; нахожденіе въ каждой гминѣ (всесословной волости) ссудосберегательныхъ кассъ до нѣкоторой степени ставило крестьянъ въ сравнительно малую зависимость отъ еврейскаго населенія; а путемъ замѣны сервитутныхъ правъ по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ имѣнія,

давалась возможность увеличенія крестьянской земельной собственности, нерѣдко удвоивая количество надѣльной земли; кромѣ всего этого, почти всѣ помѣщики и болѣе крупные землевладѣльцы сидѣли въ своихъ помѣстьяхъ и на своей землѣ, ведя интенсивное хозяйство, что давало большіе заработки малоземельнымъ. Нечего и говорить, что колонисты и хуторяне (господаржи), владѣющіе 10—15 десятинами, представляли классъ вполнѣ зажиточный и обезпеченный.

Объѣзжая, какъ мнѣ помнится, въ 1885 и 1886 годахъ гминныя правленія (волости) для ревизіи гминныхъ сберегательныхъ кассъ, для каковой цѣли вызывались обыкновенно всѣ вкладчики, заемщики и уполномоченные отъ гмины, и разговаривая со всѣми присутствовавшими о ихъ благосостояніи, я, какъ бы мимоходомъ, напомнилъ, что въ скоромъ времени наступаетъ 25-ти-лѣтняя годовщина указа 19 февраля 1864 года, благодаря которому ихъ положеніе устроилось, и, по моему мнѣнію—надлежало бы почтить память Царя-Освободителя какимъ-либо способомъ, при чемъ намекнулъ, что „складка[1])“ въ одну—двѣ копѣйки съ надѣльнаго морга земли могла бы составить достаточный фондъ для сооруженія гдѣ-либо монумента въ память Царя-освободителя отъ „благодарныхъ крестьянъ Царства Польскаго“.

По возвращеніи моемъ изъ поѣздки въ г. Влоцлавскъ, гдѣ я проживалъ, ко мнѣ стали поступать донесенія гминныхъ правленій о томъ, что на гминномъ сходѣ собранные крестьяне постановили почтить память покойнаго Императора сооруженіемъ памятника, и что собранныя уже на этотъ предметъ деньги находятся въ гминномъ правленіи, и меня спрашиваютъ, куда ихъ надлежитъ направить?

Получивъ со всѣхъ 23 гминъ уѣзда подобныя же донесенія, я конфиденціально донесъ о томъ варшавскому губернатору (Н. Н. Медемъ), прося его указаній.

Болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, не получая никакого отвѣта на мой запросъ, я въ бытность мою въ Варшавѣ, у родственника моего полковника Николая Дмитріевича Солнцева (б. адъютанта у генерала Гурко), въ присутствіи полковника Малыхина (состоявшаго въ распоряженіи генерала Оржевскаго, а нынѣ генерала) высказался о крайней медленности въ отвѣтѣ губернатора—барона Медема на мое представленіе, при чемъ не могъ не высказать того, что въ виду приближенія срока 25-ти лѣтъ, и благонамѣренія крестьянъ моего уѣзда—увѣковѣчить память покойнаго Царя-Осво-

[1]) Складчина.

бодителя,—слѣдовало бы распространить черезъ начальника края объ этомъ благомъ намѣреніи и въ прочихъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Эти именно лица и доложили генералъ-губернатору Іосифу Владиміровичу Гурко, по распоряженію котораго были извѣщены всѣ губернаторы.

Въ скоромъ времени со всего Царства набралась, исключительно отъ крестьянъ, значительная сумма, собранная вполнѣ добровольно отъ „благодарныхъ крестьянъ".

Тогда покойный І. В. Гурко вошелъ въ обсужденіе о мѣстѣ сооруженія самаго памятника и снесся съ художникомъ г. Опекушинымъ, который, какъ мнѣ говорили, свою работу предложилъ даромъ, и лишь пожелалъ получить стоимость одного матеріала. На сколько это вѣрно — не ручаюсь, но вполнѣ положительно могу сказать, что памятникъ вышелъ грандіознымъ и вполнѣ достойнымъ того, чья память имъ увѣковѣчивалась. И выборъ мѣста сооруженія его — городъ Ченстоховъ — былъ весьма удаченъ, такъ какъ къ мѣстной Святынѣ — Ченстоховской Богоматери (чтимой и православными) ежегодно собираются сотни тысячъ паломниковъ, и рѣдкій изъ мѣстныхъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей крестьянъ пропуститъ и одинъ годъ, чтобы не посѣтить города Ченстохова и его Святыни „Ясногурскаго монастыря", гдѣ и хранится чудотворная икона Богоматери. Несомнѣнно, что всякій изъ жертвователей можетъ воочію убѣдиться въ томъ, что его добровольное приношеніе на увѣковѣченіе памяти Царя-Освободителя пошло именно на опредѣленную имъ цѣль.

Въ 1889 году, лѣтомъ, въ годъ 25-ти-лѣтія крестьянской реформы памятникъ былъ вполнѣ готовъ, и лично мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ торжества открытія и освященія его, что̀ осталось у меня въ памяти до мельчайшихъ подробностей.

Къ тому времени я уже состоялъ въ г. Петроковѣ на должности предсѣдателя крестьянскаго Поземельнаго Банка (въ районѣ моемъ были: Калишская, Кѣлецкая и Петроковская губерніи).

Живя въ двухчасовомъ разстояніи ѣзды по желѣзной дорогѣ, я имѣлъ возможность побывать неоднократно на мѣстѣ сооруженія самого памятника, а слѣдовательно присмотрѣться къ нему, но тѣмъ не менѣе то впечатлѣніе, которое я ощутилъ при его открытіи, въ законченномъ вполнѣ видѣ, я глубоко сохранилъ и по настоящее время.

Судить по этому, полагаю, возможно о томъ, что испытывали

тѣ, которымъ пришлось въ день освященія и открытія памятника видѣть его впервые?

На возвышенности, по прямому направленію аллеи, которая начинается на городскомъ базарѣ и оканчивается у подножія „Ясной горы“, на которой и возвышается величественное зданіе монастыря ордена Паулиновъ, окруженное каменною, бѣлою стѣною, — устроена эспланада изъ тёсаннаго, бѣлаго плитняка, на которую ведетъ широкая терраса въ нѣсколько десятковъ каменныхъ ступеней — бѣлаго же цвѣта съ поперечною, — въ длину всего спуска, бронзовою рѣшеткою, которая, ко времени всѣхъ священнодѣйствій по открытію и освященію памятника, была открыта, давая свободный доступъ на площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ бронзовою же, изящною рѣшеткою съ канделябрами, два газовыхъ фонаря по всѣмъ четыремъ угламъ; на мраморномъ цоколѣ и высокой, изъ болѣе темнаго мрамора колоннѣ, возвышается величественная фигура „Царя-Освободителя“ въ порфирѣ, ниспадающей сзади ниже краевъ самой колонны. По правую сторону самой бронзовой фигуры Вѣнценосца, на подушкѣ лежатъ корона, скипетръ и держава, изъ подъ которыхъ развѣвается бронзовый свитокъ Указа 19-го февраля 1864 года, на который и указываетъ правая рука фигуры. Вокругъ всей колонны и цоколя размѣщены гербы всѣхъ уѣздовъ губерній Царства Польскаго, вылитые изъ одинаковой съ фигурою бронзы, и на самой колоннѣ красуется надпись: „Царю-Освободителю отъ благодарныхъ крестьянъ Царства Польскаго“.

Вся фигура, весьма большого размѣра, рѣзко вырисовывается на бѣломъ фонѣ монастырской ограды, и съ начала послѣдней аллеи, начинающейся въ уровень съ вокзаломъ желѣзной дороги, ясно представляется взорамъ приближающихся къ монастырю лицъ.

Болѣе удачнаго мѣста, какъ уже сказалъ это выше, для сооруженія этого монумента нельзя было избрать и придумать.

Чинъ освященія совершался католическимъ духовенствомъ съ епископомъ Бериневичемъ во главѣ, по окончаніи чего, православное духовенство съ епископомъ Флавіаномъ (нынѣ кіевскимъ митрополитомъ) вышло крестнымъ ходомъ изъ мѣстнаго православнаго собора—для служенія у подножія монумента литіи и провозглашенія „Вѣчной памяти“ Царю-Освободителю.

По совѣсти могу сказать, что въ жизни своей я не могу припомнить болѣе торжественныхъ моментовъ, наполнявшихъ всѣхъ присутствовавшихъ чувствомъ торжества и умиленія—неизгладимо врѣзавшихся въ память всѣхъ многочисленныхъ, пріѣхавшихъ на эти торжества лицъ. А ихъ было много: по распоряженію гене-

рала-губернатора І. В. Гурко съѣхались всѣ губернаторы, комиссары по крестьянскимъ дѣламъ съ депутаціями отъ крестьянъ со всѣхъ уѣздовъ Царства Польскаго, кромѣ свиты генералъ-губернатора и варшавскаго православнаго духовенства была цѣлая масса постороннихъ, пріѣзжихъ лицъ.

Самъ по себѣ городъ Ченстоховъ, довольно многолюдный, но не всегда, какъ мнѣ казалось, опрятный, принялъ праздничный видъ и украсился къ этому торжественному дню флагами и лампіонами для предстоящей вечеромъ иллюминаціи. Тогдашній варшавскій оберъ-полицеймейстеръ, флигель-адъютантъ Клейгельсъ не мало приложилъ труда къ устройству того порядка, который водворенъ былъ къ этому времени.

По окончаніи всѣхъ священнодѣйствій, въ монастырской рефекторіи (трапезѣ) заботами покойнаго І. В. Гурко былъ устроенъ завтракъ, на которомъ радушный хозяинъ сумѣлъ совмѣстить казавшееся несовмѣстимымъ, т. е. католическое и православное духовенство, которое въ самой радушной бесѣдѣ провело незабвенный день, сидя за трапезою въ перемѣшку, до момента разъѣзда всѣхъ прибывшихъ экстренными и обыкновенными поѣздами, отходившими отъ станціи, какъ помнится, каждые полчаса.

Такимъ именно образомъ памятное двадцатипятилѣтіе реформы крестьянской въ Царствѣ Польскомъ было ознаменовано, и всякому пріѣзжающему въ городъ Ченстоховъ предоставляется во-очію убѣдиться „въ благодарности крестьянъ губерній Царства Польскаго“.

Пробывши около семи лѣтъ на должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, я получилъ предложеніе — занять одну изъ должностей—предсѣдателя отдѣленія Крест. Поз. Банка, дѣйствія котораго предполагалось распространить и на Царство Польское.

Вскорѣ, затѣмъ, и состоялось мое назначеніе въ Петроковское отдѣленіе (на три губерніи), а до водворенія меня на мѣстѣ приглашенъ былъ прибыть въ Петербургъ, гдѣ пришлось свести знакомство съ лицами, стоящими во главѣ этого учежденія: Е. Э. Картавцевымъ—управляющимъ, и чинами Совѣта Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ, П. П. Храповицкимъ (вскорѣ умершимъ) и только что назначеннымъ членомъ А. Б. Врасскимъ.

Общеніе съ этими людьми убѣдило меня въ полномъ отсутствіи чиновничьяго отношенія къ дѣлу, вслѣдствіе чего совмѣстная съ ними служба казалась легкою, интересною и пріятною. Чувствовалась несомнѣнная польза одного лишь дѣла, составляющаго главную цѣль возникновенія и самаго учрежденія. Главную пружину

дѣятельности Крест. Поз. Банка безспорно составлялъ Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, безъ совѣта съ которымъ управляющій Е. Э. Картавцевъ ничего не рѣшалъ.

Самъ управляющій, еще молодой вполнѣ человѣкъ, укоренилъ въ насъ то убѣжденіе, что предсѣдатели отдѣленій должны быть его—„глазами, ушами и правыми руками на мѣстахъ ихъ службы," и что все, что только окажется нужнымъ, они непосредственно должны будутъ доводить до его свѣдѣнія, онъ же не замедлитъ отвѣтомъ, а гдѣ это окажется нужнымъ, своимъ содѣйствіемъ. Просилъ всѣхъ насъ, вновь назначенныхъ въ Банкъ, избѣгать излишней регламентаціи—и о большемъ вниманіи къ самому дѣлу.

При подобныхъ условіяхъ каждому изъ насъ было пріятно начинать службу въ новомъ вѣдомствѣ, которое въ сущности должно быть продолженіемъ нашей предшествующей дѣятельности—устройства крестьянъ и сельскихъ жителей.

Потрудившись на разработкѣ правилъ дѣйствій Крест. Поз. Банка въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ первоначальный уставъ Крест. Поз. Банка не укладывался въ существующія законныя формы края, мы всѣ вновь назначенные разъѣхались по мѣстамъ нашей новой служебной дѣятельности, торопясь устройствомъ отдѣленій и подготовляясь къ открытію дѣйствій, что нѣсколько замедлилось вслѣдствіе неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ „Правилъ дѣйствій въ губ. Царства Польскаго".

Служба моя въ Царствѣ Польскомъ на должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ дала мнѣ обширное знакомство съ мѣстными людьми, обычаями, нравами и языкомъ; а благодаря тому, что со всѣми почти комиссарами по крест. дѣламъ я былъ знакомъ, а со многими даже друженъ, я, не ожидая утвержденія въ законодательномъ порядкѣ правилъ дѣйствій Банка въ Царствѣ Польскомъ, вполнѣ уяснилъ себѣ то, что на первыхъ же порахъ потребуетъ особаго вниманія и помощи Крест. Поз. Банка.

Несмотря на сравнительно лучшее устройство крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ по указу 1864 года, по сравненій съ устройствомъ крестьянъ коренныхъ русскихъ губерній, о чемъ я уже сказалъ выше, тѣмъ не менѣе нужда въ землѣ ощущалась и здѣсь, вслѣдствіе естественнаго прироста народонаселенія.

Въ виду земельный нужды и спроса на нее народилась спекуляція (parcelacia), которою главнымъ образомъ занялись мѣстные жители, по преимуществу нѣмцы и евреи.

Купивъ сравнительно дешево имѣніе, эти господа распродавали

земельные участки нуждающимся крестьянамъ, которые и селились колоніями, возводя постройки. Этого рода сдѣлки, представляя всѣ выгоды продавцамъ, являлись рискованными для покупщиковъ.

Я не желаю утверждать, что подъ подобными сдѣлками скрывались недобросовѣстныя соглашенія, но бывали случаи, когда покупщики, внесшіе значительныя части разсроченныхъ по продажѣ платежей, рисковали лишиться всего своего имущества, если продавецъ умиралъ, а наслѣдники его не принимали на себя сдѣлокъ, совершенныхъ ихъ предшественникомъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, какъ извѣстно, существуетъ ипотечное право. Самая сдѣлка облекалась въ форму „обѣщанія продажи“ (przyżeczenie spszedaży). Покупщикъ вносилъ часть разсроченной, нерѣдко на 12 лѣтъ, продажно-покупной цѣны, допускался къ пользованію приторгованнымъ участкомъ, на которомъ онъ и возводилъ всякія постройки. Право собственности оставалось за продавцомъ, а на рукахъ покупщика имѣлась лишь копія „обѣщанія продажи“. За смертью одной изъ договорившихся сторонъ сдѣлка, если не принималась правопреемниками, считалась несостоявшейся. Такихъ случаевъ было весьма не мало, и я съ помощью г.г. комиссаровъ, съ которыми не прерывалъ сношеній, уяснилъ этотъ вопросъ. Въ этомъ отношеніи большую помощь оказалъ мнѣ б. комиссаръ Гаральдъ Ивановичъ Гаффербергъ (нынѣ плоцкій губернаторъ).

По прежнему уставу Крест. Поз. Банка ссуды были крайне ограничены (500 руб. на домохозяина и 125 р. на душу м. п.). Понятно, что столь ограниченный размѣръ ссудъ, при дороговизнѣ на земли въ губерніяхъ Царства Польскаго, не сулилъ въ ближайшемъ будущемъ особаго развитія операцій Банка; но сдѣлки, по которымъ уже значительная часть продажно-покупной цѣны была уплачена, являлись вполнѣ подходящими и желательными при подобныхъ условіяхъ. И вотъ, ихъ-то, такъ сказать, въ первую голову — мнѣ и удалось при помощи моихъ бывшихъ товарищей-комиссаровъ осуществить, и быть можетъ, спасти отъ разоренія, тѣмъ болѣе, что къ этому именно времени введены были во всей Германіи боевыя пошлины на ввозимый туда хлѣбъ, что значительно неблагопріятно отозвалось на хозяйствахъ, не обремененныхъ даже такими долговыми обязательствами — какъ эти несчастные колонисты.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ моей дѣятельности въ Петроковскомъ отдѣленіи Крест. Поз. Банка весь личный составъ отдѣленія состоялъ изъ предсѣдателя, члена-оцѣнщика и бухгалтера. Членъ-оцѣнщикъ (кандидатъ Спб. университета Михаилъ Ивановичъ

Виноградовъ) былъ совершенно больной, не могъ ѣздить на оцѣнки и ровно ничего не понималъ по-польски; а потому по взаимному моему съ нимъ соглашенію, онъ оставался въ отдѣленіи за канцелярскою работою, я же все время ѣздилъ на осмотры и оцѣнки.

Объѣзжая всѣ три губерніи моего раіона, я невольно изучалъ системы хозяйства, выгодность или невыгодность той или другой системы, и вообще, могу сказать вполнѣ откровенно, что научился до мельчайшей подробности всему тому, что нелишнимъ было бы позаимствовать намъ у массы культурныхъ сельскихъ хозяевъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ какой-либо владѣлецъ 10—15 уволокъ, то есть 200—250 десятинъ земли, живетъ куда лучше нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользуется комфортомъ, воспитываетъ своихъ дѣтей и проявляетъ широкое гостепріимство всякому заѣхавшему въ его фольваркъ (хуторъ) лицу.

Со многими я познакомился весьма коротко и благодаря имъ проникся сознаніемъ, что первая обязанность всякаго земельнаго собственника, „гражданина своего отечества", состоитъ въ томъ, чтобы сидѣть на своей землѣ, работать и подавать примѣръ меньшей братіи, словомъ, проявлять культурное воздѣйствіе на сельскихъ жителей—своихъ сосѣдей, а не околачиваться по канцеляріямъ разныхъ наименованій.

Въ 1892 году умеръ мой единокровный братъ — старый полковникъ кавалергардскаго полка временъ Николая I-го, и мнѣ досталось по наслѣдству родовое имѣніе въ Московской губерніи, въ Клинскомъ уѣздѣ, всего свыше 2.000 десятинъ.

Проникшись обязанностью личнаго хозяйства въ имѣніи моемъ, я подалъ въ отставку и уѣхалъ изъ Царства Польскаго.

Прибывъ въ доставшееся мнѣ по наслѣдству имѣніе, котораго я никогда и въ глаза не видалъ, я началъ съ того, что изучилъ его подробно во всѣхъ отношеніяхъ, прежде чѣмъ приступать къ какимъ-либо новшествамъ.

Убѣдившись въ доброкачественности земли, на которой велось трехпольное хозяйство, я пришелъ къ заключенію, что хозяйничать можно при условіи нѣкоторыхъ затратъ на улучшеніе скота, самую обработку земли, отысканія средствъ къ обезпеченію себя рабочими руками на время уборокъ и т. п.

Покойный братъ мой, какъ это оказалось впослѣдствіи, былъ совершенно правъ, увѣряя меня, что съ нашими рабочими, въ той

полосѣ Россіи, въ которой находилось имѣніе, нынѣ мнѣ отъ него доставшееся, нельзя вводить всего того, что съ успѣхомъ и выгодами вводится въ малороссійскихъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ.

Я сначала этому не повѣрилъ, предполагая, что все то, что онъ говорилъ мнѣ, основывается на нѣкоторой скупости его и нежеланіи ломать дворянской своей головы надъ тѣми вопросами, которые надлежало бы разрѣшить прежде, чѣмъ вводить что-либо новое.

Но вскорѣ убѣдился самъ, что онъ былъ правъ: районъ нахожденія имѣнія (подмосковнаго) есть районъ фабричный. Почти всѣ мѣстные и окрестныхъ селъ жители находятся въ городахъ и на фабрикахъ, а если и возвращаются въ страдную, рабочую пору домой, — то единственно, чтобы помочь своимъ старикамъ въ хозяйствѣ, а о заработкахъ въ экономіяхъ и говорить не станутъ; держать же годовыхъ, или хотя-бы сроковыхъ рабочихъ положительно являлось невозможнымъ, въ виду краткости времени рабочей полевой работы и высокихъ платъ, со всѣми претензіями и недовольствіями господскими харчами, каковыхъ не оберешься.

Въ 1893 и 94 годахъ, въ годъ неурожая въ большинствѣ русскихъ губерній, я попробовалъ выписать одиннадцать человѣкъ туляковъ въ качествѣ годовыхъ рабочихъ, по цѣнѣ, которая мнѣ сначала показалась умѣренною (по 60 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ).

Работники были хорошіе, и я, проживая зиму и лѣто въ имѣніи, всячески старался имъ угодить. Но въ концѣ концовъ убѣдился, что результатъ былъ неудовлетворителенъ.

Изыскивая другіе способы, я подмѣтилъ, что мѣстные крестьяне крайне нуждаются въ кормовыхъ средствахъ; у меня же, среди лѣсного участка имѣлось свыше 300 десятинъ сѣнокосныхъ полянъ, въ которыхъ и я самъ ощущалъ потребность для рогатаго скота въ 70 штукъ, — а слѣдовательно оставалось придумать способъ освобожденія этихъ полянъ отъ личной моей въ нихъ необходимости и взамѣнъ этого кормового источника изыскать другой.

Убѣдившись въ почвенной пригодности пахотныхъ полей для заведенія травосѣянія, я замѣнилъ трехполье—четырехпольемъ, съ посѣвомъ клевера въ озимомъ полѣ. Всѣ, кто смотрѣлъ на мою молчаливую работу, удивлялись барскимъ прихотямъ и мало хорошаго пророчили въ будущемъ. Но каково было удивленіе на третій

годъ, когда съ 36 десятинъ клевернаго посѣва я убралъ свыше 20 тысячъ пудовъ хорошаго клевернаго сѣна и тѣмъ обезпечилъ себя кормами на всю зиму, а съ весны слѣдующаго года объявилъ крестьянамъ о сдачѣ мною за отработокъ въ экономіи всѣхъ сѣнокосныхъ пустошей.

Мѣстные крестьяне возымѣли ко мнѣ довѣріе, охотно разобрали всѣ пустоши, обезпечили себя кормомъ на зиму; я же всю уборку свою съ ихъ помощью своевременно и успѣшно закончилъ. Этотъ годъ моего хозяйства нравственно меня удовлетворилъ. Но устройство лѣса, теплаго скотнаго сарая, заведеніе образцовой фермы съ молочнымъ хозяйствомъ — все это поглотило всѣ мои денежныя средства, и я очутился при благоустроенномъ имѣніи, но безъ запаснаго капитала для оборота.

Въ довершеніе всего, мужичекъ нашъ, который прекрасно соображаетъ свои выгоды и охотно перенимаетъ въ экономіяхъ все то, что считаетъ полезнымъ для себя—обратился ко мнѣ съ просьбою помочь имъ въ заведеніи на ихъ надѣльной землѣ сѣвооборота съ травосѣяніемъ.

Самъ я съ землемѣромъ разбилъ ихъ поля на четыре поля, досталъ имъ клеверныхъ сѣмянъ, одолжилъ свою сѣянку и... свилъ, такъ сказать, плеть на свои собственныя плечи. Черезъ два съ немногимъ года, ни одна пустошь моя не снималась, и я очутился безъ рабочихъ рукъ ко времени всякихъ уборокъ.

„Придетъ бѣда — отворяй ворота“, говоритъ мѣстная поговорка. На этомъ еще не кончились всѣ тяжкія испытанія.

Въ бытность мою въ гор. Бреславлѣ, гдѣ въ клиникѣ находилась моя больная дочь, въ селѣ случился пожаръ. Мой пожарный обозъ, выѣхавшій на помощь, обгорѣлъ такъ, что когда пламя перекинуло на мои постройки, то некому и нечѣмъ было спасать. Погорѣло болѣе шести моихъ построекъ, въ томъ числѣ двѣ теплицы, гдѣ находилось свыше 1.800 планокъ ананасныхъ, и если не погибли всѣ хозяйственныя постройки, то только благодаря тому, что часть ихъ была каменная, да и раскинуты были на большихъ другъ отъ друга дистанціяхъ.

Результатомъ моихъ стараній — осѣсть на собственной землѣ и насаждать культуру—было мое раззореніе, такъ какъ имѣніе, заложенное въ Банкѣ, не могло дать и тѣхъ доходовъ, которые могли бы покрывать платежи по ссудѣ.

Вотъ какъ оправдались пророческія слова покойнаго моего брата, котораго я считалъ отсталымъ и скупымъ человѣкомъ, не

желающимъ поломать своей дворянской головы, чтобы помочь меньшей братіи, не умаляя собственныхъ своихъ выгодъ.

Онъ имѣніе свое сохранялъ въ теченіе 50 лѣтъ, я же, послѣ девяти-лѣтняго владѣнія, долженъ былъ его продать, чтобы спасти хоть что-нибудь.

А. Н. Т.

Первые годы службы.

Въ Богуславѣ.

Въ Аракчеевскомъ корпусѣ пробылъ я 6 лѣтъ да въ Дворянскомъ полку 2 года, въ такъ называемыхъ спеціальныхъ классахъ, и 1844 году произведенъ въ прапорщики полевой артиллеріи. Я былъ очень доволенъ, что попалъ въ артиллерію и на радостяхъ порядочно выпилъ со многими товарищами рому или коньяку, такъ что нѣсколько одурѣлъ и долженъ былъ лечь спать. Зачѣмъ требовалось выпить—Господь знаетъ, вѣроятно по традиціи, такъ какъ нужно же было ознаменовать пріобрѣтеніе свободы послѣ 8-лѣтняго подневольнаго положенія. Положимъ, и впереди ожидало не ахти какое количество прапорщичьихъ прерогативъ, но разница въ смыслѣ прежней и новой жизни была все-таки огромная.

Пошла возня съ обмундировкою и закупками всего необходимаго. Роскошничать было не изъ чего, даже нельзя было удовлетворить самыя первыя потребности, тѣмъ не менѣе угораздило меня накупить много вздора, хотя и недорогого, а пропустить вещи, существенно необходимыя. Собрались мы ѣхать вдвоемъ, для удешевленія переѣзда, но сохранить половину прогонныхъ денегъ показалось намъ мало, и мы рѣшили ѣхать на долгихъ. Въ результатѣ получилась медленная ѣзда, значительное опазданіе, 60 р. передержки, такъ какъ вмѣсто бѣлорусскаго тракта мы избрали московскій, и извозчикъ нашъ дѣлалъ съ нами, что хотѣлъ. Ѣхалъ онъ тихо, кормилъ чаще, чѣмъ было нужно и дольше, чѣмъ нужно, выпрашивалъ впередъ денегъ, канючилъ постоянно на чай. Когда выдачею лиш-

нихъ денегъ впередъ, мы попали къ нему въ лапы окончательно, онъ насъ передалъ другому, а другой—третьему. Въ одно прекрасное утро одинъ изъ нихъ объявилъ, что дальше везти не можетъ по распутицѣ, если мы не согласимся припречь третью лошадь и за нее платить. Что тутъ было дѣлать? Пришлось согласиться, и въ результатѣ вмѣсто сбереженій получилась передержка.

Въ концѣ сентября добрались мы наконецъ до мѣстечка Богуслава, Кіевской губерніи, гдѣ были расположены штабъ и одна батарея 1-й артиллерійской бригады. Бригадный командиръ, полковникъ Котовичъ, принялъ насъ нѣсколько величественно, но вѣжливо, а батарейный командиръ, полковникъ Пассекъ, даже любезно и радушно и предложилъ обращаться къ нему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы, молодые и неопытные, будемъ нуждаться въ совѣтѣ или матеріальной помощи. Это послѣднее обстоятельство нисколько насъ не удивило, но впослѣдствіи мы имѣли случай не разъ убѣдиться, что такого рода предложенія дѣлаются далеко не каждымъ начальникомъ, а если кѣмъ и дѣлаются, то для красоты слога, а вовсе не съ цѣлью исполненія. Пассекъ былъ не изъ такихъ.

Мѣстечко Богуславъ раскинулось широко и вмѣщало въ себѣ около 5.000 жителей, изъ коихъ до $^2/_3$ насчитывалось евреевъ. Мѣстоположеніе Богуслава порядочно гористо; въ сухую погоду пыль тутъ несносная, а въ сырую—грязь невылазная. Въ мое время существовали тамъ торговые ряды; офицеры называли ихъ гостинымъ дворомъ и говорили, что слышали легенду, будто противъ одной изъ лавокъ этого гостинаго двора утонула въ грязи карета какого-то помѣщика вмѣстѣ съ людьми и лошадьми. Хорошихъ, т. е. сносныхъ домовъ въ Богуславѣ были единицы, а простыхъ хатъ-мазанокъ—сотни, если не тысячи. Въ такихъ палаццо обиталъ и нашъ братъ-офицеръ.

А офицеровъ тутъ было не мало, такъ какъ совмѣстно квартировали бригадный штабъ и одна батарея (прочія три батареи размѣщались въ Таращѣ, Кошеватомъ и Ракитнѣ). Кромѣ начальства, двухъ полковниковъ, наше общество состояло изъ штабсъ-капитана, 11 прапорщиковъ, двухъ врачей и ветеринара. Начальство съ нами не якшалось, не изъ пренебреженія, а по своимъ личнымъ характерамъ и вкусамъ. Пассекъ придерживался кромѣ того чарки и вѣроятно не желалъ выказывать передъ подчиненными свою слабость. Крайней молодежи между нами было немного, всего человѣка 3—4, остальные причисляли себя къ людямъ солиднымъ и дѣйствительно такими были, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Если почти всѣ они состояли въ чинѣ прапорщика, то это ничего не опровергало, такъ какъ въ армейской артиллеріи офицерскіе чины шли очень туго:

прапорщиками служили по 7 и 8 лѣтъ, и не рѣдкость было встрѣтить сѣдыхъ или лысыхъ капитановъ, находившихся на службѣ въ офицерскихъ чинахъ лѣтъ по 25. Стариковъ между нами однако же не было, даже штабсъ-капитана нельзя было назвать пожилымъ, ибо произошелъ онъ въ свой высокій чинъ по какимъ-то обстоятельствамъ необычно быстро, а потому служилъ для насъ въ этомъ отношеніи предметомъ тайной зависти.

Общество офицеровъ м. Богуслава было замѣчательно хорошее. Почти всѣ они были люди порядочные, во внутреннемъ смыслѣ, и эта порядочность сквозила такъ часто въ разныхъ житейскихъ мелочахъ, изъ которыхъ состояла наша жизнь, что давала нашему кружку характерную окраску. Можно было эту характерную окраску не сознавать, не замѣчать, но нельзя было ее не чувствовать и такъ сказать къ ней не прилаживаться. Изысканной вѣжливости не было, не было даже той наружной порядочности, которая служитъ принадлежностью каждаго jeune homme bien élevé. Вмѣсто этого была простота обращенія и ежедневныхъ, ежечасныхъ взаимныхъ отношеній, участіе другъ къ другу, внимательность, доброжелательство. Фамильярности не существовало; всѣ говорили другъ другу: „вы“. Осмотрѣвшись, я замѣтилъ, что два офицера, Богаевскій и Афанасьевъ, были въ особенно близкихъ, настоящихъ дружественныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ говорили другъ другу „вы“. Я рѣшился спросить объ этомъ одного изъ нихъ и получилъ такой отвѣтъ:— „Потому, А. Ф., что въ дурной часъ гораздо легче съ языка сойдетъ дуракъ и свинья, при мѣстоименіи „ты“, чѣмъ при мѣстоименіи „вы“.

Когда я первый разъ появился въ этомъ офицерскомъ кружкѣ, то чувствовалъ себя неловко. Мнѣ казалось, что всѣ должны смотрѣть на меня, какъ на мальчика, относиться ко мнѣ съ покровительственной снисходительностью, съ любезностью какъ бы начальственной и проч. Я очень ошибся, ничего подобнаго не произошло. Меня встрѣтили такъ просто и естественно-любезно, что самолюбіе мое успокоилось сразу. Предложили играть въ карты, но когда я отказался за неумѣніемъ, то не настаивали, не совѣтовали поучиться, да и впредь не надоѣдали. Ни о службѣ, ни объ образѣ жизни никакихъ разсказовъ и косвенныхъ наставленій я не слыхалъ; охотно и обстоятельно отвѣчали на всѣ мои вопросы и разъясняли мои наивныя недоразумѣнія, вотъ и все. Ни въ чемъ не было навязчивости, но всегда была готовность услужить словомъ или дѣломъ. Этотъ замѣчательный тактъ въ людяхъ которые не принадлежали къ категоріи такъ называемыхъ bien élevés, доказывалъ, что они обладали умомъ здоровымъ. Дѣйствительно, по крайней

мѣрѣ половина всѣхъ членовъ нашего замкнутаго общества были по своимъ умственнымъ качествамъ выше обыкновеннаго уровня офицерскаго общества тогдашней полевой артиллеріи, хотя они не обладали особеннымъ образованіемъ и не отличались отъ своей среды болѣе возвышенными взглядами или широкимъ умственнымъ кругозоромъ.

Наша бригада принадлежала къ такъ называемой дѣйствующей арміи, состоявшей изъ 4 пѣхотныхъ корпусовъ, которые каждые три года мѣняли свои квартиры и переходили на новыя. Такимъ образомъ удѣломъ дѣйствующей арміи было вѣчное кочеваніе; обзаводиться осѣдлостью было невозможно для простыхъ офицеровъ и исполнимо лишь для командировъ, да и то въ весьма слабой степени. Кромѣ лицъ высокостоящихъ, каковы корпусный командиръ или начальникъ дивизіи, у остальныхъ командировъ понятію объ осѣдлости соотвѣтствовало лишь небольшое количество кое-какой складной мебели, которую они и перевозили съ однѣхъ зимнихъ квартиръ на другія. Изъ субалтернъ-офицеровъ большинство ограничивало свой домашній скарбъ лишь погребцами да складными кроватями, а у многихъ, особенно молодыхъ, и этого не было, какъ напримѣръ у меня. Квартиры мы получали по отводу отъ обывателей, подлежавшихъ этой натуральной повинности; мебель набиралась отъ нихъ же. Но все это было въ такой мѣрѣ мизерно и бѣдно, въ такой степени не соотвѣтствовало громкимъ словамъ *квартира* и *мебель*, что въ людяхъ, свыкшихся съ кое-какими требованіями удобства и комфорта, возбуждало улыбку.

Такимъ условіямъ домашняго существованія отвѣчали условія и службы и общественной жизни; въ общемъ выводѣ получалось совершенное однообразіе армейскаго заурядnаго быта въ глухихъ углахъ, т. е. въ $^{9}/_{10}$ квартирныхъ стоянокъ войскъ дѣйствующей арміи. Хорошо, если въ окрестностяхъ можно было найти подходящія знакомства (преимущественно въ средѣ помѣщиковъ); тогда все почти свободное время уходило на разъѣзды по знакомымъ, но такія льготныя условія находились далеко не всюду, а безъ нихъ существованіе офицера получало окраску унылую и тоскливую до одурѣнія.

Именно въ такой ультра-захолустной обстановкѣ находились мы, временные обитатели мѣстечка Богуслава. Богуславъ былъ окруженъ обширными владѣніями Браницкаго. Браницкій, разумѣется, отсутствовалъ, а имѣніями его правили два комиссара (главные управляющіе) и подчиненные имъ нѣсколько десятковъ экономовъ, т. е. низшихъ управителей. Кромѣ владѣній Браницкаго въ недальнемъ сосѣдствѣ Богуслава находились крупныя имѣнія

3 или 4 помѣщиковъ-поляковъ, которые постоянно или временно находились на-лицо. Съ этими панами офицеры не вели знакомства потому, что богачи были имъ не подъ-стать, на равной ногѣ быть съ ними они не надѣялись, а другихъ отношеній допустить не желали. Съ комиссарами, а тѣмъ паче съ экономами не завязывалось знакомство потому, что эти господа принадлежали совсѣмъ другому міру по своему образованію и общественному положенію. Такимъ образомъ нашъ офицерскій кружокъ волей-неволей замкнулся въ самомъ себѣ, и временное разнообразіе нашей жизни заключалось развѣ только въ томъ, что къ намъ иногда навѣдывались офицеры изъ другихъ батарей и мы сами изрѣдка туда заѣзжали по двое и по трое, на день, на два.

Службой насъ не затрудняли; фронтовое ученье производилось два раза въ недѣлю, да и то первоначальное, т. е. маршировка, тесачные пріемы и пріемы при орудіяхъ. Артиллерійскаго ученья съ запряженными лошадьми во всю зиму не было ни раза. Не было и обученія верховой ѣздѣ, хотя одновременно со мною прибыло двое или трое молодыхъ офицеровъ, можетъ быть отъ роду не сидѣвшихъ на лошади. По этой части предоставлялось каждому заботиться о себѣ самомъ. Взглядъ на дѣло очевидно былъ фальшивый; если предоставлялось усмотрѣнію моему обучаться или нѣтъ верховой ѣздѣ, то почему же не предоставлялось моей доброй волѣ—ходить или нѣтъ на остальныя служебныя занятія, напримѣръ, на дежурство? Въ обыкновенное время дежурство это не существовало, по неимѣнію обязанностей для дежурнаго офицера, но когда я явился на службу въ 1-ю бригаду, тогда народились обстоятельства исключительныя.

За нѣсколько недѣль до моего пріѣзда, въ одно прекрасное утро казенный денежный ящикъ оказался взломаннымъ и обокраденнымъ, а часовой неизвѣстно куда исчезъ. Схватились по горячимъ слѣдамъ искать преступниковъ, но нѣсколько дней прошло безъ всякаго успѣха. Наконецъ бѣжавшій часовой былъ пойманъ, и тогда дѣло быстро двинулось впередъ. Часовой оказался лишь сообщникомъ, а настоящими преступниками-иниціаторами были три или четыре писаря бригадной канцеляріи. Всѣ конечно были арестованы, и началось слѣдствіе. Сначала писаря отнѣкивались: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, но очевидностью уликъ были приведены къ сознанію. Однако это сознаніе къ результату не приблизило, ибо народъ былъ все прожженый. Украдено было нѣсколько тысячъ рублей, и писаря, надѣясь убѣжать, не открывали украденнаго. Что именно они говорили и какъ отвиливали и затягивали дѣло,—теперь я уже не помню. Осталось въ памяти лишь одно обстоятель-

ство: писаря, конечно, разлученные и разсаженные по отдѣльнымъ помѣщеніямъ, вдругъ стали поддаваться на уговоры, и то одинъ, то другой изъявляли согласіе указать мѣсто, гдѣ деньги спрятаны. При этомъ каждый изъ нихъ говорилъ не о всей украденной суммѣ, а только о той ея части, которая досталась на его долю, отзываясь незнаніемъ объ остальныхъ частяхъ. Начались экспедиціи кладоискателей. По указанію Петрова отправлялись за нѣсколько верстъ, рыли землю и ничего не находили. „Запамятовалъ, ваше благородіе, сбился и не туда привелъ, дозвольте припомнить и сообразить еще". Нѣсколько дней уходило на припоминаніе и соображеніе; указывалось другое мѣсто, совсѣмъ не тамъ, гдѣ первое; вся комиссія туда ѣхала вмѣстѣ съ Петровымъ, и съ Николаевымъ, и съ Никитинымъ. Такъ тянулось все время, пока я служилъ въ Богуславѣ, т. е. безъ малаго полгода, и когда я уѣзжалъ, дѣло находилось почти въ томъ же положеніи, какъ и вначалѣ, т. е. не открыто было ни копейки изъ украденныхъ денегъ.

Эти артисты воровского дѣла содержались отдѣльно одинъ отъ другого, въ разныхъ зданіяхъ, въ разныхъ концахъ мѣстечка и за мѣстечкомъ. Одинъ или двое сидѣли въ клѣткахъ, какъ Пугачевъ у Суворова. Почему понадобились клѣтки—ужъ я призабылъ; вѣроятно, для удобства надзора. Вотъ для этого надзора и учреждено было ежедневное дежурство офицеровъ. Помню, что до одного изъ арестованныхъ было отъ моей квартиры 3 версты, до остальныхъ меньше, но все-таки общій объѣздъ простирался верстъ до 8—10. Дежурные офицеры или лѣнились, не ѣздили, а въ дневной рапортичкѣ отмѣчали, что все исправно, или же объѣзжали верхомъ. У меня верховой лошади не было и хотя нѣкоторые изъ сослуживцевъ предлагали свою, но я отказывался, потому что ѣздить не умѣлъ и могъ лошадь испортить. Я попробовалъ обойти всѣхъ арестованныхъ пѣшкомъ, но такъ озябъ, усталъ и испачкался грязью, что въ слѣдующія мои дежурства рѣшился посѣщать только одинъ постъ, поочередно, и лишь однажды объѣхалъ всѣ разомъ на лошадяхъ старшаго офицера штабсъ-капитана Викгорста. Можно было конечно и нанять, при томъ недорого, но на такую роскошь ни у кого изъ насъ денегъ не было, а у меня, новоиспеченнаго прапорщика, тѣмъ паче.

У насъ служила все голытьба абсолютная. Исключеніе составляли двое и то какое исключеніе! Викгорстъ имѣлъ года два назадъ командировку — обмундировать въ Кіевѣ 1.000—1.500 безсрочно отпускныхъ и съ этой командировки, такъ сказать, оперился, т. е. обставилъ нѣсколько свой домашній обиходъ и имѣлъ бричку съ парою лошадей (прокормить лошадей стоило дешево, сѣно обходи-

лось въ 4—5 коп. пудъ). Другой офицеръ, изъ молодыхъ, прапорщикъ Бергъ, получалъ отъ отца ежегодное пособіе, въ размѣрѣ 15 руб. серебромъ въ мѣсяцъ. При годовомъ жалованьѣ въ 225 руб., прибавка 180 руб. имѣла значеніе очень существенное, а потому всѣ смотрѣли на Берга, какъ на человѣка обезпеченнаго, слегка завиловали ему и называли его въ глаза и за глаза богачемъ. Всѣ остальные жили однимъ жалованьемъ.

А. Петрушевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Выписка изъ двухъ приказовъ по 1-й арміи.

I.

6 октября 1824 г., № 124.

По Высочайшему повелѣнію предписываю:

1. Чтобы кавалерійскіе офицеры, находясь въ строю, ѣздили на лошадяхъ одинакой шерсти съ лошадьми того эскадрона, въ которомъ служатъ.

2. Чтобы офицеры въ пѣхотѣ непремѣнно маршировали солдатскимъ шагомъ, т. е. какъ хорошо выученный солдатъ маршируетъ.

3. Чтобы при постройкѣ новыхъ мундировъ наблюдать, дабы солдатъ не былъ перетянутъ въ поясѣ и чтобы передняя длина мундира была въ такой мѣрѣ, чтобы нижній бортъ у фалдъ доходилъ до самыхъ костей—лядвей, такъ что когда солдата заставятъ поднять руки какъ можно выше, мундиръ бы не подымался кверху и не открывалъ рубашки между мундиромъ и панталонами, но при томъ наблюдать, чтобы нижній бортъ мундира отъ фалдъ къ животу не имѣлъ кругловатаго спуска, но совершенно прямой, горизонтальный обрѣзъ.

II.

10 октября 1824 г., № 127.

Случалось, что солдаты не знаютъ, какъ называются ихъ начальники, и даже не умѣютъ назвать самого ротнаго командира, или знаютъ только имя, или одну фамилію его. Во второмъ случаѣ незнаніе сіе есть доказательство, что солдаты мало видятъ своего ротнаго командира и только по слуху знаютъ, что таковой есть у нихъ; въ послѣднихъ же случаяхъ очевидно, что они рѣдко являются къ нему по службѣ.

Генералъ-отъ-инфантеріи графъ Сакенъ.

Сообщилъ Мих. Соколовскій.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА VII [1]).

Наканунѣ войны.

Ольга Алексѣевна возвратилась въ Россію въ январѣ 1877 г. Положеніе на Востокѣ было критическое. Лордъ Сализбери возвратился изъ Константинополя послѣ неудавшейся конференціи. Лордъ Дерби рѣшительно отказался отъ всякаго участія отъ воздѣйствія на турокъ, единственнымъ исходомъ чего была бы Русско-Турецкая война. Дассентъ въ своей „Жизни І. Г. Деленъ“ приписываетъ лорду Дерби слѣдующія слова: „Если они желаютъ притѣснять турокъ, они должны найти другое лицо: я этого дѣлать не стану“.

Общимъ притѣсненіемъ считалось отозваніе изъ Константинополя всѣхъ пословъ, но и это вскорѣ было оставлено. Стало очевидно, что несмотря на всѣ увѣренія министровъ въ желаніи освободить Болгарію, англійское правительство ничего не сдѣлаетъ для обезпеченія свободы на Востокѣ.

Война между Россіей и Турціей, или предоставленіе на произволъ судьбы Балканскихъ христіанъ, съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе неизбѣжной. Надежды и опасенія англичанъ сосредоточились на вопросѣ: что сдѣлаетъ Россія? Единомышленники Гладстона надѣялись, что она не измѣнитъ славянамъ. Друзья Биконсфильда боялись, что она завладѣетъ Константинополемъ. Среди этихъ противорѣчивыхъ теченій разгорались страсти.

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1910 года.

Передъ самымъ отъѣздомъ Ольги Алексѣевны изъ Англіи, она получила оригинальное письмо отъ Е. С. Фуксъ. Этотъ сотрудникъ „Quarter ly Rewiew“ писалъ г-жѣ Новиковой изъ Виггинтона:

„Вы должны неусыпно работать въ пользу Россіи, въ эту минуту больше, чѣмъ когда-либо и больше молиться. Молитесь, чтобы она возвысилась до своего назначенія и выполнила бы его съ честью, презирая все, кромѣ высокихъ побужденій и возвышенныхъ цѣлей. Она конечно будетъ побѣдительницей, если не будетъ въ тайнѣ эгоистичной, потому что людей она при желаніи легко можетъ обмануть, но Бога никогда, какъ бы ни старалась. Но я долженъ признаться въ моихъ сомнѣніяхъ, наступила ли уже настоящая минута?“

Въ то время какъ набожные священники въ деревенскихъ приходахъ молились о томъ, чтобы Богъ Духовъ возсталъ и поразилъ невѣрныхъ, хотя бы въ рукахъ его было орудіе слабое, люди иного мнѣнія другими способами выражали свои убѣжденія.

Трудно по истеченіи четверти вѣка представить себѣ всю глубину страстей, возбужденныхъ агитаціей противъ союза съ Турціей. Глубина ихъ не была достигнута до раннихъ мѣсяцевъ 1878 г., но уже въ 1877 г. мы предвкушали то, что должно было случиться. Подъ вліяніемъ туркофильской прессы, съ утра до вечера воспѣвающей похвалы лорду Биконсфильду, на Гладстона стали сыпаться письма возмутительнаго содержанія, въ сравненіи съ которыми намекъ г-на Фримана „на пьяную дерзость жида“ совершенно безобиденъ. Патріоты эти не довольствовались нечестивыми и нечистыми выраженіями своихъ злыхъ пожеланій, они прибѣгали къ различнымъ способамъ, чтобъ досаждать государственному человѣку, котораго они инстиктивно ненавидѣли. Одинъ изъ способовъ была фабрикація угрожающихъ писемъ; самое смѣшное изъ нихъ онъ передалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ. Оно анонимно, какъ и полагается, и озаглавлено: Сюррей 16 декабря 1876.

„Г-ну Гладстону. М. Р.

Милостивый Государь

Я уполномоченъ однимъ изъ тайныхъ славянскихъ обществъ лишить васъ жизни—по поводу вашихъ дѣйствій, несомнѣнно клонящихся къ тому, чтобы сдѣлать насъ подвластными Россіи, народу, который принесетъ съ собой убійства, страданія и ужасъ. Предупреждаю васъ, чтобы вы измѣнили свое направленіе прежде, чѣмъ будетъ поздно. Мнѣ дано пять дней на исполненіе моего порученія и, если вы не перемѣните своихъ плановъ, готовьтесь“.

Неудивительно было, что низкопробные патріоты съ жадностью ухватились за представившійся имъ случай, въ открытой и искренней дружбѣ между Гладстономъ и г-жей Новиковой, чтобъ напасть на либеральнаго лидера, виновника ненавистной переписки съ русской дамой въ то время, какъ премьеръ-министръ грозилъ войной Россіи. Была тщательно придумана исторія, что Гладстонъ писалъ нѣкоторыя письма компрометтирующаго свойства Ольгѣ Алексѣевнѣ, которую вѣжливо называли извѣстнымъ агентомъ русскаго посольства въ Лондонѣ. Одинъ Шефильдскій корреспондентъ Гладстона, прочитавъ это сообщеніе, написалъ ему, чтобъ обратить его вниманіе на эту выдумку. Гладстонъ немедленно отвѣтилъ.

18 января 1877 г.

Милостивый Государь

„Спѣшу отвѣтить на ваше обязательное письмо. Выписка, которую вы любезно прислали мнѣ, носитъ въ моихъ глазахъ отпечатокъ тѣхъ вульгарныхъ вторженій въ частную жизнь, которыя обыкновенно сопровождаются беззастѣнчивою смѣлостью. Утвержденіе, что кто-то изъ моихъ корреспондентовъ имѣетъ компрометтирующія меня письма,—чистая ложь

Я не могу явиться въ печати по такому предмету, но только-что данное мною увѣреніе можетъ быть свободно повторяемо.

Преданный вамъ В. Е. Гладстонъ.“

Что ни одного письма Гладстона къ Ольгѣ Алексѣевнѣ не было компрометтирующаго характера,—ясно изъ прочтенія самихъ писемъ, но во мнѣніи тогдашнихъ туркофиловъ самый фактъ переписки съ г-жей Новиковой уже компрометтировалъ всякаго британскаго сановника, потому что она была русская и русская патріотка, невѣстка русскаго посла, слѣдовательно, по джингоистской логикѣ, она—заговорщица, строящая козни, чтобъ погубить Британскую имперію.

„Vanity Fair“ распространялась о дѣйствіяхъ Британскаго нумы съ московской эгеріей и въ статьѣ подъ заглавіемъ „Разоблаченіе великаго агитатора“, появившейся какъ „потрясающія открытія, разсчитанныя на то, чтобы вкрасться въ національное довѣріе растроганныхъ и гуманитарныхъ политиковъ“, помѣстили исторію, какъ Гладстонъ съ г-жей Новиковой сотрудничали въ составленіи отвѣта на „Русскія нужды въ Туркестанѣ“.

Чтобъ не дать себя превзойти своимъ соперникамъ изъ свѣтскихъ журналовъ, „Whitehall Review“ напечаталъ подъ названіемъ „Шувалово-Гладстоно-Новиковскій заговоръ“, какъ донесеніе кѣмъ-то

изъ его штаба Митхату-пашѣ. Въ видѣ курьеза, можно привести первую часть этой нелѣпой выдумки:

„Первый предметъ, котораго я коснулся, былъ Шуваловo-Гладстоно-Новиковскій заговоръ. Я объяснилъ Его Величеству, что г-нъ Гладстонъ хотя хорошій человѣкъ, но чрезвычайно любящій власть, а также, что онъ питаетъ самыя враждебныя чувства мести къ своему великому и счастливому сопернику лорду Биконсфильду. Когда онъ (г-нъ Гладстонъ) былъ смѣненъ съ своего поста въ 1874 г., его партія раскололась, и не было надежды на возвратъ его къ власти за всю его жизнь. Два года спустя возникъ Восточный вопросъ, а съ нимъ представился случай для г-на Гладстона. Англійскій народъ мало знакомъ съ иностранною политикою, но онъ очень чутокъ къ человѣческому страданію. Поэтому онъ не могъ повѣрить, чтобъ даже Россія была способна возбудить возстаніе въ Турціи, а съ другой стороны онъ былъ сильно тронутъ вымышленными отчетами о жестокостяхъ въ Болгаріи. Князь Горчаковъ зналъ это, и г-жѣ Новиковой было поручено завербовать экс-премьера поборникомъ Болгарскихъ христіанъ. Гладстонъ охотно согласился съ этимъ планомъ“.

Между бумагами, которыя Гладстонъ далъ мнѣ для исторіи антитурецкой агитаціи, я нашелъ письмо отъ одного заморскаго корреспондента, къ которому приложена вырѣзка изъ одной ливерпульской газеты, содержащая слѣдующее:

„Г-нъ Гладстонъ и русскіе агенты. Русскіе агенты здѣсь подговариваютъ либеральную партію черезъ Гладстона; выработали выборную программу для него и избрали“.

Вотъ какимъ обвиненіямъ и инсинуаціямъ подвергаются бѣдные смертные, старающіеся служить своей странѣ въ священномъ дѣлѣ международнаго братства! Не знаю, отвѣчалъ ли Гладстонъ на это письмо.

Гладстонъ былъ слишкомъ искрененъ, чтобъ быть осторожнымъ. Но ему надоѣли эти пошлыя вмѣшательства въ частную жизнь, и казалось, въ ту минуту рѣшился быть сдержаннѣе въ своихъ сообщеніяхъ. Въ концѣ января Ольга Алексѣевна намекала въ своемъ письмѣ, что благоразумнѣе посылать письма заказныя,—намекъ, который не удивитъ никого, кто знаетъ почтовое вѣдомство. Гладстонъ однако встревожился, хотя и это никого не удивитъ, если принять въ соображеніе необыкновенную подозрительность и недовѣріе, парившія въ воздухѣ. 6-го февраля онъ пишетъ ей изъ Harley Street:

„Я вамъ писалъ 22-го настоящаго мѣсяца и очень жалѣю, что мои быстрыя и нѣсколько измѣнчивыя передвиженія лишили меня

возможности съ должной поспѣшностью отвѣтить на Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю теперь. Не удивитесь, если я вамъ скажу, что не желалъ бы посылать Вамъ письма заказными, потому что это могло бы подтвердить нелѣпое мнѣніе, уже существующее, что я Вамъ сообщаю нѣчто таинственное. Такое нелѣпое сужденіе о моихъ частныхъ письмахъ указывало бы на какую-то таинственность. Въ этомъ дѣлѣ у меня секретовъ нѣтъ; но я вынужденъ быть осторожнымъ къ нашимъ отношеніямъ, ложно понимаемымъ со стороны. Кратко коснусь нѣсколькихъ пунктовъ:

„1. Что произойдетъ въ четвергъ, когда соберется парламентъ, совершенно не извѣстно. Мы имѣемъ привычку ждать достовѣрнаго ознакомленія съ фактомъ прежде, чѣмъ начать пренія, а синюю книгу можно представить только послѣ четверга. Вскорѣ могутъ быть серьезные дебаты.

„2. Я не ручаюсь за тонъ или за подачу голосовъ въ парламентѣ. Въ палатѣ лордовъ турецкое или анти-русское направленіе будетъ имѣть ослѣпительное превосходство. Въ палатѣ общинъ министерское большинство очень сплочено. Ирландскіе католики тоже до сихъ поръ дѣйствовали плохо изъ уваженія къ трубному гласу изъ Рима. Пройдетъ быть можетъ три года прежде, чѣмъ парламентъ вернется къ своимъ избирателямъ.

„3. Я считаю, что мы (агитаторы) выиграли два пункта: возобновленіе европейскаго концерта, отступленіе отъ постыднаго положенія предполагаемаго соучастія съ Турціей. Это сдѣлано, по моему мнѣнію, но много еще требующее внимательнаго обсужденія остается сдѣлать.

„4. Провинціальные выборы, которыхъ было удивительно мало, въ дѣйствительности служатъ лучшимъ указателемъ, хотя недостаточны для выраженія всего національнаго чувства.

„5. Но я могу твердо сказать теперь, что, по моему мнѣнію, нація здраво мыслитъ. Въ западныхъ земледѣльческихъ провинціяхъ я встрѣтилъ даже больше энтузіазма, чѣмъ съ сѣверныхъ. Въ частныхъ посѣщеніяхъ, меня всюду въ городахъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ преслѣдовалъ народный энтузіазмъ, и его я всецѣло приписываю народному чувству въ Восточномъ вопросѣ.

„6. Еще одно слово, смѣлое, такъ какъ я намѣренъ совѣтовать. Прежде всего мнѣ бы слѣдовало Вамъ сказать, что Хива меня нисколько не интересуетъ. Далѣе я считаю совершенно возможнымъ, что существуетъ давленіе для ея присоединенія къ Россіи. Тѣмъ не менѣе я бы очень сожалѣлъ, если бы это присоединеніе послѣдовало теперь, потому что это дало бы нашей турецкой партіи то орудіе, которое оно желаетъ. Принявъ во вниманіе объясненіе

вашего императора черезъ графа Шувалова, я чувствую, что это принесетъ большой и серьезный вредъ.

„Настоящій результатъ, насколько я могу видѣть, произойдетъ, когда вопросъ станетъ таковъ: должна ли Россія одна исполнить дѣло Европы? Я съ удовольствіемъ узналъ о паденіи Мидхадъ-паши".

Г-жа Новикова въ Россіи и ея друзья въ Англіи слѣдили съ негодованіемъ и боязнью за кажущимся имъ намѣреніемъ правительствъ не выполнить своихъ обязательствъ относительно восточныхъ христіанъ. Письма Фримана того времени даютъ вѣрную картину безпокойства, съ которымъ люди либеральнаго Гладстоновскаго направленія смотрѣли на положеніе. При посѣщеніи Гладстономъ западныхъ провинцій онъ гостилъ у маркиза Батъ въ Лонглетѣ и у епископа. Г-нъ Фриманъ, проведя въ Лонглетѣ нѣсколько дней съ Гладстономъ, пишетъ 7-го февраля, что лордъ Батъ полонъ рвенія, какъ и другіе.

„Я былъ съ нимъ на одномъ завтракѣ, на который собралось нѣсколько человѣкъ, было произнесено нѣсколько рѣчей. Принимали его всюду, какъ подобаетъ. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ Гондвина Смита и д-ра Сандвитъ; туркамъ досталось не мало проклятій".

Парламентъ открылся 8 февраля. „Желалъ бы я быть членомъ парламента", писалъ Фриманъ. Желаніе это никогда не исполнилось.

Мѣсяцъ спустя, 2-го марта, Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о предстоящемъ изданіи своей брошюры подъ заглавіемъ „Уроки въ кровопролитіи". Онъ такъ объясняетъ причину ея появленія.

„Что бы ни случилось, Вы можете быть увѣрены, что я постоянно занятъ великимъ вопросомъ, который теперь и для меня поглощаетъ всѣ другіе. Я готовлю брошюру, которую надѣюсь издать на будущей недѣлѣ и въ которой надѣюсь доказать, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, что турецкое правительство со времени болгарской рѣзни дѣйствовало такъ, чтобъ научить свой народъ повторить ту же рѣзню, какъ только представится случай.

„Я это дѣлаю помимо другихъ причинъ потому, что въ рѣчи, произнесенной въ нижней палатѣ, нельзя представить доказательства въ надлежащей подробности, 2-е потому, что наши парламентскія требованія заставляютъ насъ почти прекратить пренія, пока наше правительство вмѣстѣ съ другими державами измышляетъ отвѣтъ на вопросъ Россіи.

„Я нисколько не ожидаю, чтобы они изобрѣли что-нибудь хорошее. До прошлаго августа они принесли только большій вредъ, а съ прошлаго августа повторяется то же самое! Вы помните, какъ

много разъ я выражалъ Вамъ мое убѣжденіе, что сердце и умъ націи правы въ этомъ вопросѣ, чего нельзя найти ни въ высшихъ классахъ, ни въ столичной печати. И какъ лучшій образецъ правильности этого мнѣнія служатъ мѣстные выборы, которые происходятъ по временамъ для пополненія вакантныхъ мѣстъ въ парламентѣ. До сихъ поръ очевидность поддерживаетъ мои взгляды. Правда, на однихъ выборахъ въ Вильтолѣ молодой Сидней Гербертъ былъ поддержанъ какъ тори, но три четверти выборщиковъ, арендаторы его брата и другого пэра консерватора и населеніе слишкомъ малочисленное (нѣсколько тысячъ), чтобъ имѣть значеніе. Другіе почти такіе же выборы произойдутъ на-дняхъ въ маленькомъ городкѣ Лонсестонъ. Но у насъ было два дѣйствительныя собранія: Галифаксъ съ 12.000 избирателей далъ большинство либеральной партіи въ 2.000 ч. Олдсамъ съ 29.000 избирателей, гдѣ мы были побиты на 200 голосовъ на прошлыхъ выборахъ, вчера далъ большинство въ 700 голосовъ. Также въ Челтенгамѣ (4.300 избирателей) мы имѣли либеральнаго кандидата, ждущаго вакансіи, но онъ былъ туркофилъ, и поэтому онъ не прошелъ, а замѣненъ приверженцемъ христіанъ. Пока все хорошо, но подвигается медленно. Будь у насъ распущенъ парламентъ, я думаю, это измѣнило бы вѣсы Европы. Какъ теперь обстоитъ дѣло, мы по существу въ рукахъ Россіи. То-есть, если она будетъ дѣйствовать энергично, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, это откроетъ дѣятельность здѣсь. Но мы находимся въ потемкахъ и бросаемся изъ стороны въ сторону на основаніи противорѣчивыхъ слуховъ. Пойдетъ ли Россія на демобилизацію, или остановится, пойдетъ ли въ Румынію или объявитъ рѣшительную войну, или станетъ проводить особую политику въ Константинополѣ? Между европейскими правительствами вообще царитъ безсердечіе и эгоизмъ, но я твердо стою за свою вѣру въ англійскій народъ.

Опасенія Гладстона раздѣлялъ Фриманъ. 26-го февраля онъ писалъ: „Повѣрьте мнѣ, политика еврея сводится къ тому, чтобы ничего не дѣлать, допустить Россію до войны и потомъ найти предлогъ, чтобъ ее атаковать; я сомнѣваюсь во враждебности другихъ и въ смѣтливости Дерби, чтобъ это понять, но еврей всѣхъ ихъ поддѣнетъ, какъ его предокъ поддѣлъ своего отца и братьевъ. Фриманъ часто писалъ въ это время и письма его были полны сильныхъ, а иногда грубыхъ выраженій. Въ нихъ лордъ Бпконсфильдъ всегда назывался евреемъ и лордъ Дерби не болѣе лестно.

Въ письмѣ отъ 4-го марта, когда генералъ Игнатьевъ объѣзжалъ государства по поводу протокола, и двѣ недѣли послѣ того какъ германскій императоръ, открывая рейхстагъ, выразилъ убѣжденіе,

что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, Фриманъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Я получилъ два Ваши письма и нѣсколько вырѣзокъ, на все это отвѣчаю заразъ. Мы удивляемся, надѣемся и боимся. Здѣсь надѣяться не на что. Еврейское правительство, повидимому, рѣшило ничего не дѣлать, но дать турку годъ льготы, чтобы онъ продолжалъ дѣйствовать по-прежнему только для того, чтобы избавить лорда Дерби отъ всякаго дѣла. Когда онъ услышитъ о новой Батакѣ, онъ изобразитъ недоумѣніе и скажетъ, что не ожидалъ, чтобъ это было такъ серьезно. Но Вы, которые не управляемы евреемъ, но императоромъ, на котораго мы всѣ привыкли смотрѣть какъ на честнѣйшаго человѣка, неужели Вы отступитесь напослѣдокъ? Такъ увѣряютъ газеты, хотя мы не можемъ этому вѣрить. Д-ръ Сандвитъ говоритъ, что война начнется въ текущемъ мѣсяцѣ [1]) Теперь Вы понимаете наше положеніе. Мы смотримъ на Россію какъ на всякое европейское государство, ни хуже, ни лучше, увѣренные въ томъ, что русскіе, какъ и англичане не ангелы и не дьяволы, но люди способные на доброе и злое, поэтому мы не имѣемъ недостойныхъ подозрѣній на Вашъ счетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ намъ не хотѣлось бы все предоставить Вамъ. Поэтому мы думаемъ, что дѣло было бы сдѣлано лучше Англіей совмѣстно съ Россіей, нежели Россіей одной. Такимъ путемъ каждое государство служило бы помощью другому и не допустило бы другъ друга до злоупотребленій. Но разъ это невозможно, разъ мы такъ связаны евреемъ что не въ силахъ ничего сдѣлать, а Вы свободны отъ евреевъ и можете дѣйствовать, идите впередъ, дѣйствуйте, Бога ради сами за себя, лучше чѣмъ оставить дѣло вовсе не сдѣланнымъ. Не обращайте вниманіе на то, что турки—люди или съ еврейскими понятіями люди, гдѣ бы то ни было говорятъ о Васъ. Чѣмъ больше нареканій, тѣмъ больше чести, по крайней мѣрѣ, я дошелъ до такого убѣжденія. (Пропускается длинное письмо Фримана къ Стеду и еще письма къ Ольгѣ Алексѣевнѣ на ту же тему).

На письмо Гладстона отъ 2-го марта г-жа Новикова отвѣчала изъ Москвы, десять дней спустя, слѣдующее:

„Горячо благодарю за Ваше интересное и полное значенія письмо. Если Вы находитесь въ невѣдѣніи о нашей политикѣ, мы остаемся въ такомъ же невѣдѣніи о Вашей. Ходитъ слухъ, что если бы Россія объявила войну, чего мы горячо желаемъ, Англія просто заняла бы Константинополь и завладѣла бы имъ. Турція, быстро

[1]) Д-ръ Сандвитъ былъ не правъ, война была объявлена 24-го апрѣля.

идущая на самоубійство, не представляется опаснымъ сосѣдомъ для Россіи, тогда какъ Англія во многихъ отношеніяхъ насъ превосходитъ (за исключеніемъ того, что нами никогда не могъ бы управлять еврей). Это обстоятельство колеблетъ намѣреніе начать такую серьезную войну. Конечно, будь теперь у власти либералы, христіанскимъ провинціямъ было бы свободнѣе дышать. Но теперешнее англійское правительство не увлекается возвышенными чувствами и имѣетъ другія цѣли въ виду. Все же, что бы ни случилось, я думаю и не я одна, а тысячи русскихъ думаютъ такъ же, нашъ долгъ защитить христіанъ, если никто другой не сжалится надъ ними.

„Когда найдете свободную минуту и захотите доставить мнѣ большое удовольствіе, напишите. Мой сердечный привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Искренно преданная

Ольга Н.“

Русское правительство, находясь лицомъ къ лицу съ предстоящей великой войной, къ которой оно не было приготовлено, сдѣлало послѣднюю отчаянную попытку избѣжать ея,ославъ генерала Игнатьева [1]) во всѣ государства Европы съ предложеніемъ дать согласіе на составленіе протокола, цѣль котораго была отвратить неизбѣжную войну, представивъ проектъ общаго содѣйствія въ будущемъ, если турокъ не исполнитъ обѣщанныхъ реформъ въ Болгаріи.

На этотъ шагъ смотрѣли въ Москвѣ съ негодованіемъ, которое г-жа Новикова такъ описываетъ, когда миновалъ кризисъ.

„Послѣднее усиліе избѣжать войны былъ протоколъ. Этимъ знаменитымъ документомъ оффиціальная Россія соглашалась, ради Европейскаго концерта и мира на континентѣ, отложить на неопредѣленный срокъ всякія дѣйствія касательно южныхъ славянъ, получивъ взамѣнъ за пожертвованіе своимъ призваніемъ обѣщаніе, что великія державы будутъ „слѣдить за Турціей“. Послѣ извѣстнаго времени, не особенно опредѣленнаго, будетъ доказано въ тысячный разъ даже уму дипломатовъ, что турецкое правленіе совершенно не способно къ реформамъ, къ улучшенію или къ другому измѣненію. Тогда примутся обсуждать, какъ бы спасти нашихъ измученныхъ братьевъ отъ Оттоманскаго ига?

---

[1]) Генералъ Игнатьевъ прибылъ въ Лондонъ 14-го марта и 22 марта уѣхалъ въ Парижъ. Воскресенье, 18-го, онъ провелъ у лорда Сользбери въ Хатфильдѣ и былъ принятъ королевой во вторникъ. Переговоры о протоколѣ показались подозрительными обѣимъ партіямъ. Delaine въ Times сказалъ, что не желалъ бы встрѣтить генерала Игнатьева, такъ какъ онъ увѣренъ, что это была мистификація.

„Тѣ, кто жили въ самомъ центрѣ національнаго движенія, никогда не забудутъ страшныхъ предчувствій въ эти печальные дни. Мы всѣ жили подъ давленіемъ болѣзненнаго страха. Такъ ли все должно кончиться? Неужели всѣ наши жертвы принесутся въ жертву? Неужели кровь нашихъ мучениковъ проливалась напрасно? Неужели святая Русь перестала быть святою, а превратилась только въ космополитическій Петербургъ? Когда пришли извѣстія, что англійскій кабинетъ настаиваетъ на измѣненіяхъ, мы вздохнули свободнѣе. „Демобилизація“, воскликнули мы, „это не демобилизація, а деморализація!“ Государь слишкомъ благороденъ, слишкомъ русскій въ душѣ, чтобъ на это согласиться. Вдругъ пришло извѣстіе, что и это принято, и все стало мракомъ вокругъ насъ.

Наконецъ, къ великому нашему успокоенію, тучи разсѣялись, мракъ исчезъ, такъ какъ турки отклонили протоколъ и объявленіе войны стало неминуемо“.

Генералъ Игнатьевъ все сдѣлалъ, чтобъ избѣжать войны, для которой онъ зналъ, что Россія не готова. Онъ видѣлъ лорда Биконсфильда, намекавшаго ему на возможность занятія Митилены англійскими войсками, противъ чего генералъ Игнатьевъ протестовалъ [1]), онъ посѣтилъ лорда Сользбери въ Гетфильдѣ и видѣлъ Гладстона наканунѣ своего отъѣзда изъ Лондона.

Я нашелъ въ бумагахъ Гладстона интересную записку, приготовленную имъ для генерала Игнатьева. Она была написана частью по-французски, частью по-англійски, но не была прочитана, вѣроятно потому, что Гладстонъ нашелъ удобнѣе переговорить безъ бумаги. Онъ намѣревался сказать генералу Игнатьеву, что хотя у него были свои мнѣнія и идеи, эти мнѣнія не имѣли цѣны, такъ какъ онъ былъ безсиленъ привести ихъ въ исполненіе. Большая часть торіевъ поддержала бы правительство, будь оно черное или бѣлое или всякаго другого цвѣта, будущіе выборы, доказывающіе иногда, откуда дуетъ вѣтеръ, лучшее средство для вліянія на парламентъ въ этомъ вопросѣ.

---

[1]) О лордѣ Биконсфильдѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, генералъ Игнатьевъ относится безъ энтузіазма. Одно, что произвело на него впечатлѣніе въ тогдашнемъ премьерѣ, была его страсть къ турецкимъ островамъ, онъ говорилъ больше чѣмъ за годъ до подписанія Англіей турецкаго соглашенія объ оккупаціи Кипра и въ разговорѣ съ г. Игнатьевымъ намекалъ на возможность соглашенія съ Россіей о Босфорѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Англія заняла Митилену. Ген. Игнатьевъ не сочувствовалъ этой идеѣ. Онъ находилъ, что Митилена слишкомъ близка,—всего два часа отъ устьевъ Дарданеллъ. Лордъ Биконсфильдъ не продолжалъ спора, переговоры о протоколѣ не удались. Турція сдѣлала нападеніе на Черногорію, и началась война.

Вотъ копія записки.

„Игнатьевъ.—Англійскій народъ рѣшилъ Восточный вопросъ въ христіанскомъ духѣ. Я не говорю о правительствѣ, или парламентѣ, или объ имущихъ классахъ, или объ арміи, или о большей части столичной печати. Но что касается народа, онъ до глубины души возмущенъ преступленіями и варварствомъ Порты. Таймсъ будетъ стоять за правительство, какое бы оно ни было, ему я не довѣряю. Либеральная партія въ огромномъ большинствѣ желаетъ политики искренней и твердой въ пользу христіанъ, я бы охотно сказалъ des races sujettes. Правительство дало право лорду Сользбери на свободное слово, но себѣ предоставило свободу дѣйствій, и въ настоящую минуту я мало вѣрю въ согласіе дѣйствій. Протоколъ не признанъ. Дипломатія дискредитирована неудачей Константинопольской конференціи. Возгордившаяся Порта, растоптанныя княжества и проч. Voilà un compte rendu assez triste.

21 марта 1878.

25-го марта г-нъ Фриманъ въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой передаетъ сплетню о посѣщеніи ген. Игнатьевымъ Хатфильда.

„Я вижу, что Вы знаете не больше нашего. Джорджъ Витамъ, бывшій въ Хатфильдѣ въ одно время съ Игнатьевымъ, не знаетъ ничего, но говоритъ, что лордъ Сользбери совершенно на нашей сторонѣ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ присталъ къ еврею? Конечно, возвращеніе Элліота есть оскорбленіе человѣчеству. Ничего подобнаго не видѣлъ, какъ его спокойная, безчеловѣчная ариѳметика. Ему безразлично, 10.000 будетъ убитыхъ или 20.000.

Могу ли я вывести заключеніе, что у Васъ, какъ и у насъ, такъ называемое общество заблуждается? Я мало знаю общество и не имѣю желанія больше знакомиться съ нимъ, такъ какъ оно, кажется, очень грубо, лѣниво и невѣжественно. Я вамъ послалъ нѣсколько вырѣзокъ. Сѣверное Эхо въ Дарлингтонѣ—лучшая газета въ Англіи никогда не колеблется и не боится. Я бы хотѣлъ, чтобы она была главной лондонской газетой, вмѣсто этого угодливаго „Times'a“.

Если я подвергаю собя упреку въ эгоизмѣ, приводя это одобреніе, я это дѣлаю потому, что эти замѣчанія доставили мнѣ дружбу съ г-жей Новиковой, а во-вторыхъ потому, что все то время я дѣйствовалъ подъ руководствомъ и вдохновеніемъ Гладстона. Слѣдующее письмо, отъ 12-го октября 1876 года, представляетъ читателю образецъ этого поощренія и направленія молодому журналисту (мнѣ было 27 лѣтъ), я издавалъ крошечную провинціальную газету.

Милостивый Государь.

Я совершенно не въ силахъ отвѣтить на Ваше письмо такъ, какъ бы я искренно желалъ, относительно истинной горячности и большого таланта, съ которымъ Сѣверное Эхо вело войну въ Восточномъ вопросѣ. Я даже не въ силахъ раскрыть того громаднаго количества газетъ, которыя мнѣ присылаютъ, и поэтому я не могу просить Васъ продолжать высылку Вашей газеты, исключая того, когда она содержитъ что-нибудь особенное.

„Трудно отвѣчать на Вашъ вопросъ, такъ какъ событія мѣняются изо дня въ день. Замѣтьте, что въ послѣднемъ выраженіи общественнаго мнѣнія былъ пробѣлъ, не было провинціальныхъ митинговъ, это не маловажно.

„Будь я на мѣстѣ издателя Вашей газеты, я бы избралъ слѣдующее общее направленіе. Правительство, имѣя намѣреніе страшать Россію своимъ дурнымъ способомъ дѣйствій и принести ей вредъ, отдало все въ ея руки. Она вмѣстѣ съ Австріей, а можетъ быть и безъ Австріи, поставлена въ положеніе, въ которомъ она можетъ дѣлать, что захочетъ, а мы безсильны. Англія унижена, мы обманули турокъ фальшивыми ожиданіями, не достигли ни одной нашей цѣли, не удовлетворили никого, враждебно отнеслись къ христіанамъ, оставили ихъ на съѣденіе Австріи и Россіи, которая конечно гораздо лучше Турціи, но все же мы имъ не дали возможности управлять своими дѣлами. Преданный Вамъ

Гладстонъ.

Около этого времени г-нъ Фриманъ сталъ очень безпокоиться о томъ, что необходимо было разсѣять любимую туркофильскую иллюзію, что страна измѣнила свое мнѣніе. Вотъ одно изъ посланій, сыпавшихся на меня въ это время.

29 марта 1877.

„Я увѣренъ въ томъ, что нація должна бы высказать свое мнѣніе, если оно у нея есть. Турецкія газеты говорятъ, что она измѣнила свой взглядъ съ осени. Я этому не вѣрю, и если я правъ, то фактъ этотъ долженъ сдѣлаться извѣстнымъ, чтобы врагъ не могъ далѣе богохульствовать. Лично мнѣ мысль, что миръ сохраняется, потому что ведутся переговоры, кажется высшимъ дипломатическимъ криводушіемъ, хотя я увѣренъ, что здѣсь оффиціальныя лица всѣхъ партій были бы противъ меня. Когда долгъ и честь націи служатъ игрушкой еврея, болѣе чѣмъ когда-нибудь нація должна заговорить и высказать, чего она желаетъ“.

Протоколъ былъ подписанъ 31-го марта. Это былъ длинный и многословный документъ, суть котораго заключалась въ концѣ. Принявъ во вниманіе обѣщанія турокъ, державы сохраняютъ за собою право обсудить сообща способы благоденствія христіанскаго населенія и интересы общаго мира. Чтобъ кто-нибудь не вообразилъ, что протоколъ обязывалъ къ чему-нибудь подписавшихъ его, лордъ Дерби внесъ декларацію „что протоколъ считается недѣйствительнымъ и уничтоженнымъ въ случаѣ недостиженія предлагаемыхъ цѣлей!“

Онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ: „а теперь о протоколѣ. Мы знаемъ теперь его текстъ. Но что все это значитъ? Съ нашей стороны, т. е. со стороны еврея это понятно. Они ему радуются какъ средству ничего не дѣлать. Но какъ Вашему народу? Это все „если, если, если“. Если турокъ это сдѣлаетъ. Да онъ это постоянно дѣлаетъ. Ваши войска могли бы выступить сейчасъ при всемъ, что сказано въ протоколѣ. Роль Дерби въ этомъ является такой прозрачно глупой, что кажется, что за этимъ кроется какой-то фокусъ.

Г-жа Новикова испытывала нетерпѣніе по поводу молчанія Гладстона. Она писала 18-го апрѣля:

„Цѣлую вѣчность не имѣю извѣстій отъ Васъ и очень объ этомъ сожалѣю. Конечно, я не имѣю права на Вашу добрую память. Вы уже знаете, что Россіи не послужило препятствіемъ рѣшеніе лорда Биконсфильда защищать своихъ возлюбленныхъ турокъ и ее не устрашаютъ новыя страшныя жертвы. Черезъ шесть дней 24 (12) апрѣля война будетъ объявлена. Государь ѣдетъ завтра въ Кишиневъ, и объявленіе войны будетъ послано оттуда. Вы не можете вообразить мученія, которыя мы переживали все время этой безполезной дипломатической болтовни, отъ которой только потеря времени и терпѣнія. Но нашъ Государь вошелъ въ свою обычную, благородную роль, и всѣ наши сердца—съ его великодушнымъ рѣшеніемъ. Англія мѣшаетъ Греціи присоединиться къ возстанію, но мы, конечно, этого ожидали.

Что сдѣлаетъ теперь оппозиція, когда о мирѣ не можетъ быть рѣчи? Можно ли объяснить, почему либеральная партія такъ мало оказала сопротивленія въ обѣихъ палатахъ? Я увѣрена, что должна быть для этого причина, которой мы, русскіе, не можемъ понять.

Пожалуйста, напишите мнѣ нѣсколько строчекъ. Если въ свободной Англіи люди не могутъ вести переписки безъ того, чтобы быть оклеветанными самымъ возмутительнымъ образомъ, Англія очевидно вырождается. Простите эту грубость. Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Преданная Вамъ.

Ольга Н.“

23-го апрѣля Гладстонъ сообщалъ г-жѣ Новиковой о своемъ разочарованіи въ успѣхѣ своей брошюры „Уроки въ кровопролитіи". Онъ отвѣчалъ на ея письмо съ жалобой на ея молчаніе.

„По правдѣ сказать, я ждалъ извѣстій отъ Васъ. Около шести недѣль тому назадъ я написалъ статью, которую считалъ грознымъ обвинительнымъ актомъ турецкому правительству. Копію я тотчасъ послалъ Вамъ. Черезъ двѣ недѣли я послалъ вторую, такъ какъ былъ увѣренъ, что Вы обратите на нее вниманіе,—доводы въ ней дѣйствительной важности. Изъ Вашего письма я вижу, что ни одна не дошла до Васъ, почему? Я не могу понять. Теперь прилагаю копію маленькаго популярнаго изданія. Обвиненіе содержится въ первыхъ строчкахъ и доказательство, мнѣ кажется, такъ же полно, какъ и ужасно.

Я долженъ прибавить, что оно не произвело большого впечатлѣнія въ публикѣ; продажа отъ—6.000 до 7.000 экз., но я не слыхалъ еще, чтобъ ее переводили.

„Я говорилъ Вамъ, что мы должны наблюдать за мѣстными выборами, представляющими иногда лучшее указаніе англійскаго чувства. Около пяти изъ нихъ послѣдовательно вполнѣ подтвердили мое мнѣніе, что народъ англійскій все же антитурецкаго направленія. На прошлой недѣлѣ явилось разочарованіе въ противоположномъ рѣшеніи въ большомъ городѣ Сальфордѣ. Споръ былъ почти на разное число голосовъ и ни въ какомъ случаѣ не опровергаетъ моего мнѣнія, но служитъ однимъ голосомъ меньше въ пользу его. Лордъ Сольсбери, повидимому, раздавленъ, и кабинетъ дѣлаетъ все, что можетъ для турокъ. Настроеніе высшихъ классовъ очень плохое. Все же мы выиграли отъ осеннихъ событій то, что правительство не смѣетъ болѣе увѣрять открыто въ своемъ равнодушіи къ положенію христіанскихъ подданныхъ Турціи и что воевать за турокъ невозможно, хотя многіе, я думаю, этого бы желали.

Вы, вѣроятно, помните, какъ я предупреждалъ Васъ, что нельзя пренебрегать обвиненіями Россіи въ Польшѣ, и выражалъ мнѣніе, что если Россія дорожитъ народнымъ чувствомъ Англіи, она должна будетъ принять мѣры, чтобы выяснить свой взглядъ и обстоятельства дѣла въ печати. Англійское правительство напечатало теперь свой протестъ о дѣйствіяхъ въ Польшѣ (на мой взглядъ, поступокъ подлый), тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Поступокъ подлый по тому, что мы не всегда разоблачаемъ собственныя ошибки. Турки прекрасно понимаютъ значеніе вліянія прессы.

Что касается парламента, сочетаніе важныхъ причинъ заставило либеральную партію молчать объ окончательномъ исходѣ. Намѣренія Россіи, напримѣръ, были неизвѣстны, и я боялся очень впеча-

тлѣнія за границей, которое могло, при неблагопріятномъ раздѣленіи, произойти въ пользу турокъ. Теперь положеніе измѣняется и выясняется. Многіе не вѣрятъ, чтобы Россія рѣшилась на войну. Этого ожидаю и я. Но если Европа оставитъ дѣло на рѣшеніе между ней и Турціей, то будетъ великій позоръ. Турецкіе греки поступили скверно".

Прежде чѣмъ письмо это дошло до Ольги Алексѣевны, 24-го апрѣля война уже была объявлена Россіей, и при наступленіи ночи 50.000 русскихъ войскъ перешли границу Румыніи по дорогѣ въ Болгарію.

Слѣдующія письма г-жи Новиковой Гладстону были послѣдними, писанными ею до объявленія войны.

22-го апрѣля 1877.

„Всѣ наши сегодняшнія газеты приписываютъ Англіи три слѣдующіе плана: 1) Занять Аѳины и Критъ, чтобы не допустить возстанія въ Греціи на помощь намъ; 2) отказъ пропустить русскіе корабли черезъ Гибралтаръ; и 3) занять Константинополь, если Турція будетъ побита. Признаюсь, я въ недоумѣніи. Все это равняется объявленію войны противъ Россіи. Я даже увѣряла своихъ друзей, что большинство англійскаго народа все же расположено къ христіанамъ. Умоляю Васъ дать намъ ключъ для раскрытія этихъ тайнъ. Кто же лучше васъ можетъ это объяснить? Искренній привѣтъ г-жѣ Гладстонъ".

24—12-го апрѣля 1877.

„Объявленіе войны получено здѣсь въ 2 ч. по полудни. Въ пять Московская дума собралась въ думскомъ залѣ. Большой энтузіазмъ. Дума предложила немедленно милліонъ рублей и 1000 кроватей для раненыхъ. Слышны со всѣхъ сторонъ восклицанія: „этого мало", „слишкомъ мало". Рѣшено смотрѣть на эту сумму какъ на начало. Собрались купцы и тоже было повторено; добровольное пожертвованіе—милліонъ рублей. 160 дамъ предложили себя въ сестры милосердія. Сто изъ нихъ уже выдержали экзаменъ. Россія точно воскресла. Что сдѣлаетъ Англія? Я знаю, что бы она сдѣлала, будь во главѣ правительства Вы. А теперь? Мы, Богъ дастъ, будемъ исполнять свой долгъ и будь что будетъ!

Искренно преданная Ольга Новикова".

Сообщено Е. С. М.

А. Н. Сергѣевъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е іюля с. г. въ г. Ригѣ, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни скончался на 72 году жизни сотрудникъ „Русской Старины“ Алексѣй Николаевичъ Сергѣевъ. Въ лицѣ покойнаго педагогическій міръ потерялъ одного изъ лучшихъ преподавателей географіи и отечествовѣдѣнія, многочисленные его ученики—добраго и гуманнѣйшаго человѣка.

Сообщаемъ краткія біографическія данныя объ А. Н. Сергѣевѣ. Родился А. Н. въ 1838 году. По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по юридическому факультету, со званіемъ дѣйствительнаго студента, А. Н. въ 1859 г. поступилъ на службу въ Симбирское губернское правленіе. Однако скучная и монотонная канцелярская работа не могла удовлетворить всегда пылкаго и жизнерадостнаго юношу, стремившагося поработать на педагогическомъ поприщѣ. Къ „входящимъ и исходящимъ“ А. Н. питалъ органическое отвращеніе. Стать учителемъ было постоянной мечтой юноши. Идею эту вскорѣ же пришлось и осуществить. Спустя девять мѣсяцевъ послѣ своего опредѣленія въ канцелярію Симбирскаго губернскаго правленія, А. Н. переходитъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, зачисляясь на должность младшаго учителя географіи въ Оренбургскую мужскую гимназію, а затѣмъ и въ женское училище перваго разряда.

Въ 1863 году перемѣщается въ Казань, гдѣ преподаетъ географію

въ 1-ой Императорской Казанской гимназіи и женскомъ Родіоновскомъ институтѣ. Въ 1863 году переведенъ былъ въ Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназію. Дальнѣйшая педагогическая дѣятельность А. Н. протекала въ Бердянскѣ, Ѳеодосіи, Одессѣ (въ теченіе 10 лѣтъ), Вильнѣ и наконецъ Петербургѣ. Больше всего покойный прослужилъ въ Вильнѣ, а именно двадцать одинъ годъ, состоя здѣсь преподавателемъ: географіи—во 2-ой мужской гимназіи и законовѣдѣнія въ юнкерскомъ (нынѣ военномъ) училищѣ. Выйдя въ іюлѣ 1906 г. въ отставку, А. Н. переѣхалъ на жительство въ С.-Петербургъ. Однако бездѣятельность сильно угнетала покойнаго. Сроднившись съ любимымъ предметомъ—географіей, А. Н. никакъ не могъ примириться съ мыслью, что онъ уже „на покоѣ“, такъ сказать „сданъ въ архивъ“. Разстаться съ педагогической дѣятельностью равносильно было отреченію отъ внѣшняго міра. Постоянно живой, веселый, полный энергіи старикъ ужасно тосковалъ по любимомъ предметѣ—географіи. Наконецъ, въ 1907 г А. Н. удалось таки получить мѣсто преподавателя географіи въ одной изъ Петербургскихъ гимназій. Съ этого момента онъ считалъ себя вполнѣ счастливымъ и удовлетвореннымъ. Помню, съ какой чисто-юношеской радостью А. Н. подѣлился тогда со мною радостной вѣстью: „а я снова учительствую!“

Сколько неподдѣльнаго восторга слышалось въ этомъ восклицаніи стараго педагога!

Кромѣ географіи А. Н. еще преподавалъ: исторію, отечествовѣдѣніе, законовѣдѣніе, коммерческую географію и культуру Востока. Предметы эти покойный зналъ въ совершенствѣ и, какъ учитель, съ любовью къ нимъ относился. А между тѣмъ вѣдь по образованію былъ *юристъ*. Съ увѣренностью могу сказать, что въ настоящее время врядъ ли найдется среди провинціальныхъ педагоговъ-филологовъ столь блестящій знатокъ географіи и отечествовѣдѣнія, каковымъ былъ покойный А. Н. Сергѣевъ. Система преподаванія у А. Н. была всегда лекціонная. Нѣсколько уроковъ подъ-рядъ онъ намъ разсказывалъ, а мы должны были записывать слышанное, рисовать карты, чертить; затѣмъ началось „спрашиваніе“ уроковъ. Благодаря подобному методу, ученики Сергѣева всегда преуспѣвали въ географіи. Выше я замѣтилъ, что покойный по своему образованію былъ юристъ. Однако это обстоятельство нисколько не помѣшало сдѣлаться идеальнымъ педагогомъ. Не чеховскимъ „человѣкомъ въ футлярѣ“, каковыхъ, къ сожалѣнію, у насъ много, а педагогомъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Послѣдніе годы своей жизни А. Н. усиленно работалъ надъ составленіемъ „Курса отечествовѣдѣнія“

для военныхъ училищъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній.

Трудъ этотъ былъ представленъ на разсмотрѣніе ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, однако по нѣкоторымъ „высшимъ соображеніямъ“ признанъ былъ тенденціознымъ, а потому подлежащимъ коренному исправленію.

Покойный не захотѣлъ подчиниться требованію М-ва Народ. Просвѣщенія, и „Курсъ отечествовѣдѣнія“ такъ и не вышелъ изъ печати. А между тѣмъ капитальный трудъ Сергѣева заслуживаетъ лучшей участи. При скудости у насъ подобнаго рода учебниковъ „Отечествовѣдѣніе“ Сергѣева слѣдовало бы непремѣнно издать, какъ весьма цѣнное и полезное учебное пособіе для юнкеровъ и гимназистовъ.

Изданный же Т-вомъ „Общественная Польза“ (кажется, въ 80 годахъ) „Полный Курсъ Географіи“ для средне-учебныхъ заведеній выдержалъ четыре изданія и разошелся безъ остатка.

А два небольшихъ печатныхъ томика Сергѣева „Историческіе очерки Россіи“ составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. На сколько припоминаю, за этотъ трудъ А. Н-чу Московскимъ отдѣленіемъ Императорскаго Археологическаго Общества было прѣподнесено званіе „дѣйствительнаго члена“ названнаго Общества. Родная старина всегда интересовала покойнаго. Этимъ объясняется то обстоятельсто, что весь свой досугъ въ лѣтнее время А. Н. посвящалъ путешествію по древнимъ русскимъ городамъ, гдѣ онъ старался разыскивать разныя древности, старинные документы, рукописи, картины; здѣсь покойный записывалъ интересные разсказы, легенды и преданія о происхожденіи того или иного города, мѣстности, древняго зданія и т. п. При чемъ А. Н. никогда не брезгалъ даже самымъ незначительнымъ разсказомъ или анекдотомъ, разъ таковые имѣли какое-либо отношеніе къ родной старинѣ. Съ особенною любовью просиживалъ покойный въ архивѣ Святѣйшаго Синода, гдѣ съ необычайнымъ рвеніемъ копался въ старыхъ дѣлахъ, выуживая оттуда любопытный матеріалъ для своихъ статей изъ жизни нашего духовенства. На страницахъ „Русской Старины“ въ разное время печатались интересныя изысканія, касающіяся іерарховъ русской церкви, какъ напримѣръ, „Смерть Моисея Гумилевскаго, епископа ѳеодосійскаго и маріупольскаго“, „Запечатанная церковь“, „Присяга Наполеону и моленіе за него въ Могилевской епархіи“, „Амвросій Орнатскій, епископъ пензенскій и саратовскій“, „Воспоминанія о Димитріѣ (Муретовѣ), архіепископѣ одесскомъ“ и мн. др. Заслуживаютъ также быть отмѣченными мелкія

„сообщенія“ А. Н. Сергѣева въ „Русской Старинѣ“ относительно различныхъ курьезныхъ резолюцій архіереевъ. Матеріалъ этотъ всегда добывался изъ подлинныхъ „дѣлъ“, хранящихся въ Синодальномъ архивѣ. Не происходя самъ изъ духовнаго званія, покойный тѣмъ не менѣе былъ прекраснымъ знатокомъ исторіи русской церкви. Здѣсь слѣдуетъ указать, что А. Н. обладалъ громадной коллекціей портретовъ (свыше 400) русскихъ архіереевъ, большею частію съ ихъ автографами. Среди этихъ портретовъ много было очень рѣдкихъ экземпляровъ, имѣющихъ значительную цѣнность. Въ библіотекѣ А. Н. насчитывалось свыше 500 біографій епископовъ и архіепископовъ съ древнихъ временъ до теперешняго. Все это добывалось изъ рѣдкихъ источниковъ и мемуаровъ.

Кромѣ того покойный извѣстенъ былъ какъ страстный филателистъ, обладавшій большой коллекціей рѣдкихъ экземпляровъ иностранныхъ почтовыхъ и русскихъ земскихъ марокъ. Послѣднія составляютъ особенную цѣнность, такъ какъ покойный занимался филателіей около 50 лѣтъ. Какъ археологъ, А. Н. естественно долженъ былъ быть также и нумизматомъ. Дѣйствительно, его коллекція древнихъ монетъ представляетъ не малый интересъ, если не въ количественномъ, то во всякомъ случаѣ въ качественномъ отношеніи. Нѣкоторые же экземпляры монетъ изъ этой коллекціи смѣло можно признать униками. Вообще, покойный обладалъ страстью собирать всякаго рода коллекціи, какъ напримѣръ: этикетокъ съ табаку и папиросъ, бандеролей (русскихъ и иностранныхъ), трамвайныхъ билетовъ (буквально всѣхъ городовъ свѣта), почтовыхъ карточекъ и т. п. Всѣ эти оригинальныя въ своемъ родѣ коллекціи находились въ поразительномъ порядкѣ и строгой классификаціи.

Кромѣ чисто научныхъ трудовъ въ области исторіи, археологіи, географіи и отечествовѣдѣнія А. Н. не чуждъ былъ и беллетристики. Его повѣсти, разсказы и очерки печатались въ журналахъ: „Сѣверѣ“, „Историческомъ журналѣ для всѣхъ І. І. Ясинскаго“, „Родникѣ“, „Нови“, „Иллюстрированномъ мірѣ“, „Всходахъ“, „Зорькѣ“ и въ газетѣ „Виленскій Вѣстникъ“.

Покойный по Виленской 2-й гимназіи былъ моимъ учителемъ. Невзирая на громадную разницу въ лѣтахъ, мы всегда находились другъ съ другомъ въ чисто товарищескихъ отношеніяхъ. Особенно эта дружба окрѣпла, когда, послѣ 15-лѣтней разлуки, мы снова встрѣтились въ Петербургѣ. Гимназисты отъ мала до велика обожали своего добраго, дорогого наставника. Для насъ А. Н. всегда былъ не только учителемъ, но вторымъ отцомъ, умѣвшимъ всякаго

обласкать, утѣшить, дать добрый, полезный совѣтъ, а въ критическую минуту и оказать посильную моральную поддержку.

Это былъ образецъ идеальнѣйшаго педагога, какихъ мнѣ очень рѣдко приходилось встрѣчать.

Николай Еремѣевъ.

Неизданное письмо К. Н. Батюшкова.

Римъ. 13 Генваря 1821.

Вы безъ сомнѣнія, почтенная Тетушка, извините мое молчаніе, зная, что у меня не много свободнаго времени. Однако же, я не всегда молчалъ: можетъ быть, письма мои, отправленныя по почтѣ, терялись. Это поручено вѣрному человѣку.

Я переведенъ изъ Неаполя въ Римъ, и былъ бы очень доволенъ моимъ положеніемъ, какъ доволенъ моимъ новымъ начальникомъ, если бы здоровье мое исправилось. Но дурное его состояніе мнѣ докучаетъ необыкновеннымъ образомъ. Надѣюсь, что ваше здоровье соотвѣтствуетъ моимъ искреннимъ желаніямъ. Пекитесь о немъ для дѣтей вашихъ, въ число коихъ себя смѣло включаю. Не думайте, чтобы время хотя мало измѣнило мою къ вамъ преданность, основанную на всѣхъ чувствахъ души. Увѣрьте брата, что я никогда не измѣнюсь. Скажите ему, что я желаю его видѣть благополучнымъ и достойнымъ его почтеннаго родителя, въ совершенномъ смыслѣ. Сашу обнимаю также. Началъ ли онъ служить; и скоро ли братъ начнетъ, послѣ отставки. Милаго малютку въ Москвѣ Бога ради не забудьте. Здоровъ ли онъ? Каковъ его пенсіонъ? Имѣетъ ли онъ все нужное. Увѣдомьте меня при случаѣ. Еще просьба усерднѣйшая. Не замедлите доставить мнѣ черезъ посредство Г. Фуссадье (которому я очень обязанъ) 3000 р., изъ моихъ деревень вамъ снова присланные. Мнѣ деньги становятся очень нужны, и перемѣщеніе изъ города въ городъ при настоящей дороговизнѣ требовало издержекъ.—Но прошу васъ, отпишите Павлу Алексѣеву, что я съ горестію увидѣлъ изъ письма его, что онъ хочетъ наложить еще оброкъ. Зачѣмъ? Развѣ нельзя принять другихъ мѣръ для заплаты небольшого долга въ Ломбардъ? Скажите ему, что я желаю, чтобы на крестьянъ моихъ въ отсутствіи моемъ ничего не налагали, и самъ къ нему и къ нимъ объ етомъ писать буду. Просите лучше моего

племянника, чтобы онъ велъ себя лучше у Г. Кавелина и прилежнѣе занимался своей латынью и Греческимъ языкомъ. Кончу мое письмо пожелавъ вамъ душевно всѣхъ благъ и поруча себя снова вашей дружбѣ, вѣрной, постоянной и снисходительной, достойной вашего сердца.

К. Б.

P. S. О нашихъ новостяхъ вы знаете изъ Газетъ. Мнѣ ета глупая революція очень надоѣла. Пора быть умнымъ, то есть покойнымъ. Здѣсь множество рускихъ, и между прочими К. Зенеида, вамъ знакомая. Здѣсь также Г. Толстой Остерманъ.

Это письмо, подлинникъ котораго находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ числѣ бумагъ покойнаго Н. К. Шильдера (см. ея Отчетъ за 1903 г., прилож., стр. 155), появляется въ печати впервые. Оно написано на бѣлой бумагѣ большого почтоваго формата, съ водяными знаками 1817 года; на четвертой страницѣ сургучный оттискъ гербовой печатки, которою оно было запечатано, и адресъ:

„Ея Превосходительству Катеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, у Аничкина моста, въ собственномъ ея домѣ, въ С.-Петербургѣ“. Надъ первой строкою письма помѣтка: „Отвечала“.

Извѣстно, чѣмъ была для Батюшкова Е. Ѳ. Муравьева, его названная мать, любившая его какъ родного сына. Упоминаемые въ письмѣ „братъ“ и „его почтенный родитель“—Никита Михайловичъ Муравьевъ и его покойный отецъ Михаилъ Никитичъ, приходившійся Батюшкову двоюроднымъ дядей. Племянникъ—сынъ сестры Батюшкова, бывшей замужемъ за барономъ Гревенницемъ. Кавелинъ—директоръ главнаго педагогическаго института и петербургскаго университета. К. Зенеида—княгиня З. А. Волконская, извѣстная красавица, пѣвица, композиторъ, поэтесса, — „царица музъ и красоты“, какъ назвалъ ее Пушкинъ. Вскорѣ, въ началѣ марта, Батюшковъ писалъ Карамзину, что ему надоѣли итальянскія революціонныя движенія.

Н. Лернеръ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 августа по 14-е октября 1910 г.

Адамовичъ, Б. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ Лейбъ-Гвардіи Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка. Томъ I. Часть I и II. Спб. 1910. Тип. Военная. 8° (19×26). XII+406 стр. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 510 экз.

Альтшулеръ, И. М. Значеніе вѣнчанія для брака въ его историческомъ развитіи на Руси. (Докладъ, читанный въ историко-этнографическомъ кружкѣ при Университетѣ Св. Владиміра). Кіевъ. 1910. Тип. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×23). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Брусининъ, В. Поэты-крестьяне—Суриковъ и Дрожжинъ. Библіотека для семьи и школы. М. 1910. Изд. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 24), 2-е. Тип. П. Н. Рябушинскаго (Страстной бульв., соб. д.). 16° (13×19). 77 стр. Съ портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 3.600 экз.

Бузескулъ, В. О лекціяхъ В. Ф. Цыха, профессора Харьковскаго Университета въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Харьковъ. 1910. Тип. „Печатное Дѣло“ (Конторская, Клещевскій 3). 8° (17×26). 7 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Высоцкій, И. И. Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей (1710—1910 г.). Вып. третій. Православіе. Часть вторая. Рига. 1910. Тип. Нитавскій (Гертрудинская, 14). 8° (15×24). 43 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 1.1000 экз.

Георгіевскій, Г. И. Русское общество въ произведеніяхъ Антона Чехова. Публичная лекція. Пятигорскъ. 1910. Тип. К. К. Кибардина. 8° (14×23). 24 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть 5-я. Критика о Пушкинѣ В. Г. Бѣлинскаго. М. 1910. Изд. 3-е. Тип. В. Рихтеръ. 8° (15×28). II+308 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 1.200 экз.

Зоринъ, Н. Минувшее и настоящее Полоцка. (Къ торжеству перенесенія мощей пр. Евфросиніи изъ Кіева въ Полоцкъ). Краткій историческій очеркъ. Полоцкъ. 1910. Тип. Х. В. Клячко. 8° (16×22). 36 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Ильинъ, А. и Толстой, И., гр. Русскія монеты, чеканенныя съ 1725 по 1801 г. Практическое руководство для собирателей. Спб. 1910. Изд.

Картографич. завед. Тип. Бенке (Новый пер., 2). 4° (18×23). XII+128 стр.+4 таб. Ц. 4 р. Вѣсъ 31 л. 1.250 экз.

Короленко, Владиміръ. Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Спб. 1910. Изд. ред. журн. „Рус. Богатство". 2-е. Тип. 1-й спб. трудовой артели. 8° (15×23). 122 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 16 л. 5.000 экз.

Лицейскій журналъ. Годъ седьмой. II. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ. 8° (16×23). 67—128 стр. Вѣсъ 8 л. 150 экз.

Мейстеръ, Іоганъ. Краткій Очеркъ Русско-Японской войны 1904—1905 г.г. Перевелъ съ нѣмецкаго полк. В. А. Желтышевъ. Варшава 1910. Изд. Кн. скл. при журн. Офицерская Жизнь (Новый Свѣтъ, 69). Тип. Эстетическая (Ново-Велькая, 25). 8° (17×24). 29+1 нен. стр.+1 карта. Ц. 75 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи свода мѣстныхъ законовъ Западныхъ губерній. Издали по порученію Юридическаго Факультета Имп. Спб. Унив-тета профессоръ М. Я. Пергаментъ и приватъ-доцентъ баронъ А. Э. Нольде. Спб. 1910. Тип. Р. Т-ва Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (18×27). 64 стр. Вѣсъ 13 л. 600 экз.

Описаніе военныхъ дѣйствій на морѣ въ 37—38 гг. Мейдзи (въ 1904—1905). Составлено морскимъ генеральнымъ штабомъ въ Токіо. Томъ второй. Совмѣстныя дѣйствія флота и арміи подъ Портъ-Артуромъ. Перев. съ японскаго А. Воскресенскаго. Спб. 1910. Тип. Морск. Министер. (Гл. Адмиралт.). 8° (18×27). 182 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 3.000 экз.

Павловскій, И. Ф. Шведская могила. Историческій очеркъ. Полтава. 1910. Тип. „И. А. Дохманъ". 8° (16×26). 39 стр. Съ 20 рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій въ двухъ частяхъ. Спб. 1910. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ со 2-го изданія). Тип. М. А. Александрова. (Спб. Надеждинск., 43). 8° (17×22). 492 стр. Складъ: Спб. Итальянская, 31, у Я. Башмакова и К°. Ц. 1 р. 80 к. въ перепл. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 30.000 экз.

Русско-японская война 1904—1905 г. Т. IV. Шахэ—Сандепу. Доп. къ части второй. Набѣгъ на Инкоу. Спб. 1910. Тип. Тренке и Фюсно (Максим. пер., 13). 8° (19×28). IV+122 стр. Вѣсъ 26 л. 4.050 экз.

Святскій, Д. Крестьянскіе костюмы въ области соприкосновенія Орловской, Курской и Черниговской губерній (Сѣвскій у., Орлов. губ.). Спб. 1910. Изд. Журн. Живая Старина. Тип. М-ва Путей Сообщенія (Фонтанка, 117). 8° (16×27). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая Хрестоматія по исторіи Русской Словесности. Т. I. Вып. 3. Спб. 1910. Изд. Башмакова Я. и К° 3-е (Спб. Итальянская, 31). Тип. Трудъ. (Фонтанка, 86). 8° (17×23). 224 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Сумцовъ, Н. Ф., проф. М. М. Антокольскій. (Изъ XIX т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910. Тип. „Печатное Дѣло" (Конторская, Клещевскій, 3). 8° (18×26). 29 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Толстой, Л. Н. Біографія характеристики, воспоминанія (Жизнь, Личность, творчество). Сборникъ статей: П. И. Бирюкова, В. В. Каллаша, проф. В. Ѳ. Лазурскаго, П. А. Сергѣенка и Н. И. Тимковскаго. („Русская Быль", серія III). М. 1910. Изд. Т-ва Образованіе (Долгоруков-

ская, 82). Тип. Русск. Тов. (Мыльниковъ пер., с. д.). 8⁰ (17×25) 165 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 5.000 экз.

Эсадзе, Семенъ, подполк. Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Тифлисъ. 1909. Изд. Военно-Истор. Отд. Тип. Штаба Кавк. Воен. Окр. 8⁰ (18×27). II+208+4 стр.+1 карта. Вѣсъ 30 л. 1.200 экз.

Яковлевъ, П. А. Воспоминанія пижняго чина о Русско-Японской войнѣ. Часть первая и вторая. Спб. 1910. Изд. Яковлева (Гор. стан. каз. ж. дор., Троицкая, 1). Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (16×24). 99 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Голубевъ, С. Дополненіе къ одному изъ „Объяснительныхъ параграфовъ по исторіи западно-русской церкви". (От. изъ журн. „Труды Кіев. Дух. Акад." 1910 г.). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія русскаго искусства. Вып. 4 Спб. 1910. Изд. І. Кнебель. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (24×32). 110 стр. Съ 103 рис. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 15.000 экз.

Иллюстрированный путеводитель по этнографическому музею Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея. І. Отдѣленіе иностранной этнографіи. П. Дашковскій этнографическій музей. М. 1910. Изд. 2-е. Тип. А. Н. Снегиревой. 8⁰ (15×21). 109 стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Коллекція старыхъ портретовъ и другихъ вещей, переданная въ 1909 году въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Дух. Академіи изъ Кіевскаго Митрополитскаго Дома. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×24). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Курдиновскій, Захарій Г. Н. В. Гоголь и его творчество. Популярный очеркъ къ 100-лѣтнему юбилею для школъ и самообразованія. Въ 2-хъ частяхъ. Кишиневъ—Полтава. 1910. Тип. Епархіальная и И. Я. Фришберга. 8⁰ (16×22). 125+106 стр. Съ портр. Складъ: кн. маг. Г. И. Маркевича, Полтава, Бульваръ Котляревскаго. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.000 экз.

Ливчакъ, Николай Николаевичъ, прот. Къ исторіи возсоединенія уніатовъ Холмской епархіи. Записки и воспоминанія. Вильна. 1910. Изд. И. Н. Ливчака. Тип. Русскій Починъ (Сиротская, 20). 8⁰ (15×23). 160+2 нен. стр. Съ портр. Вѣсъ 16 л. 500 экз.

Орловскій, Е. Гродненская Старина. Часть І. Гор. Гродна. Гродна. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (14×22). 341+2 нен. стр. Съ гравюрами. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 1.500 экз.

Сергѣевичъ, В. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Спб. 1910. Изд. 4-е, доп. и испр. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 л., д. 28). 8⁰ (16×24). VIII+666 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 2.500 экз.

Соловьевъ, А. Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархіи. Симбирскъ. 1910. Тип. Токарева. 8⁰ (17×24). 194 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 20 л. 200 экз.

Труды Саратовской Ученой Архивной комиссіи. Выпускъ 26. Саратовъ. 1910. Тип. О-ва Книгопечатниковъ. 8⁰ (18×27). 259+II+94 стр.+4 таб. рис. и плановъ. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 750 экз.

Штановъ, Х. Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ. Историческій очеркъ. М. 1910. Тип. Т-ва В. Чичеринъ. (Марьинск. уч., соб. д.). 16⁰ (12×19). 95 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Баіовъ, А., проф. Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства. Вып. VI. Эпоха Императора Павла I. Спб. 1910. Тип. Скачкова (Итальянская, 16). 8° (17×25). 176 стр. Вѣсъ 20 л. 600 экз.

Барановъ, В. С. Лѣтопись Верхотурскаго Николаевскаго мужского общежительнаго монастыря въ связи съ историческимъ сказаніемъ о житіи, чудотвореніяхъ и св. мощахъ св. праведнаго Симеона, Верхотурскаго Чудотворца. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. И. М. Машистова. 8° (16×23). V+1 нен.+ 292 стр. Вѣсъ 1 ф. 5.000 экз.

Витмеръ, Александръ. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. I. Скобелевъ и его юность. II. Задачи русскаго флота. Спб. 1910. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 16° (12×16). 139 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 3 л 1.500 экз.

Высоцкій, И. И. Очеркъ по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей (1710—1910 г.г.). Вып. четвертый. Православіе. Часть третья. Рига. 1910. Тип. А. Нитавскаго (Гертрудинская, 14). 8° (16×23). 47 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 1.100 экз.

Долговъ, Н. Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ. Очеркъ жизни и опытъ сценической характеристики. Спб. 1910. Изд. Имп. Рус. Театральнаго Общества. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (17×25). 66 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 1.240 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-біографическихъ статей. Ч. 6. Критика о Пушкинѣ В. Г. Бѣлинскаго. М. 1910. Изд. 3-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 8° (16×23). 264 стр. Складъ: Патріаршіе пр., д. Михайлова. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 1.200 экз.

Историческая записка о возникновеніи, развитіи и дѣятельности литературно-просвѣтительнаго общества имени Н. В. Гоголя въ Екатеринославѣ 1901—1910 г. Екатеринославъ. 1910. Тип. бывш. братства св. Владиміра. 8° (18×22). 28 стр. Съ портр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Каталогъ антикварнаго книжнаго магазина Ѳ. А. Семенова № 91. Спб. 1910. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (15×22). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Каталогъ аукціона монетъ и медалей царствованія Императора Александра I, принадлежащихъ фирмѣ Б. Ф. Копылова. Спб. 1910. Тип. Трейлоба (Лиговская, 117). 8° (16×24). 42 стр. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Каталогъ Н. Соловьева. № 99. Спб. 1910. Тип. Спіусъ 8° (17×23). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Куницевичъ, Г. Сказаніе о послѣднихъ дняхъ жизни митрополита Макарія (15 Сентября—31 Декабря 1563 года). Спб. 1910. Тип. М. А. Александрова. 8° (18×27). 27 стр. Вѣсъ 6 л. 75 экз.

Лазарева-Бодаева, А. В. Очеркъ 35-лѣтія бакинской Маріинской женской гимназіи. Баку. 1909. Тип. Т-ва Кавк. Печат. дѣла „Каспій“. 16° (12×18). 35 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Лебедевъ, Александръ. Рукописи Братства Святого Креста въ Саратовѣ. Саратовъ. 1910. Изд. Сарат. Архив. комис. при город. библ. Тип. Союза Печ. Дѣла (Армянская). 8° (17×26). 96 стр. Вѣсъ 11 л. 100 экз.

Лебедевъ, В., свящ. Бортнянскій, Турчаниновъ и Львовъ. Публичное чтеніе. Изъ журн. „Гуселькн Яровчаты“. 1910. № 1—6. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (17×25). 26 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 4 л. 250 экз.

Натіевъ, Д. Памяти генерала князя Циціанова, шефа 156 пѣхотнаго елисаветпольскаго полка. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго. Тип. Рус. скоро-

печатня (Екатер. кан., 94). 8° (15×23). 32 стр. Съ 6 рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Орденъ мартинистовъ. Его происхожденіе, цѣли, значеніе и краткій очеркъ его исторіи. Съ предисловіемъ д-ра Папюса. Библіотека мартинистовъ. Вып. 1. Спб. 1910. Тип. „Коммерческая“ (Лиговская, 97). 16° (15×21). 31 стр. Съ 1 рис. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Побилевскій, Н. Дневникъ Артурца. 27 Янв.—22 Дек. 1904. Спб. 1910. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×25). 103 стр. Вѣсъ 11 л. 200 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. IX. Кіевъ. 1910. Тип. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 25 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Товянскій. Хроника боевыхъ дѣйствій 8 пѣхотнаго Сибирскаго Томскаго полка въ войнѣ съ Японіей 1904—1905 гг. Для нижнихъ чиновъ. Томскъ. 1910. Тип. Спб. Т-ва Печатнаго дѣла. 16° (12×17). 60 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Чтенія въ Историческомъ О-вѣ Нестора-лѣтописца. Изданъ подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы. Книга 21. Вып. III. Кіевъ. 1910. Тип. Т. Г. Мейпандера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 85—110+7+16+2+111 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 17 л. 400 экз.

Чтенія въ церковно-историческомъ и археологическомъ обществѣ при Кіевской духовной Академіи. Вып. X. Кіевъ 1910. Тип. Акц. О-ва „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 152 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 14 л. 300 экз.

Содержаніе: Къ матеріаламъ для исторической топографіи Кіева. † Прот. Петра Лебединцева. — О духовныхъ драмахъ св. Дмитрія Ростовскаго (къ 200-лѣтію его кончины). Н. И. Петрова.—Ветхій завѣтъ и его непреходящее значеніе въ христіанской Церкви (по поводу древнихъ и современныхъ литературныхъ и общественныхъ теченій противъ общепринятаго значенія и употребленія христіанами ветхозавѣтныхъ священныхъ писаній, св. А. А. Глаголевъ.—„Церковно-археологическій музей С.-Петербургской Духовной Академіи“, проф. Н. В. Покровскаго (С.-Петербургъ, 1909 г.). Н. И. Петрова. А. И. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Изъ лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1908—9 акад. году. Т. 1-й. Русская живопись до XV вѣка вкл. Москва. 1910 г. стр. 1—VI+1—471+1—LXXI. В. Прилуцкаго. Коллекція старыхъ портретовъ и другихъ вещей, переданная въ 1909 г. въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Дух. Академіи изъ Кіевскаго Митрополитанскаго Дома. Н. И. Петрова.

Ахмаровъ, Гайнетдинъ. Отчетъ о поѣздкѣ съ археологическою цѣлью лѣтомъ 1909 г. въ Свіяжскій и Тетюшскій уѣзды, Казанской губерніи. Казань. 1910. Изд. Совѣта общества археологіи. Тип. Университета. 8° (17×25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Бѣлецкій, А. Е. К. Рѣдинъ, какъ историкъ Византійскаго искусства. (Изъ XIX т. сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910. Тип. Печатн Дѣло (Конторская, Клещевск., 3). 8° (17×26). 27 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Гревсъ, И. М. Къ теоріи и практикѣ „Экскурсій“, какъ орудія научнаго изученія исторіи въ университетахъ. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 48 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Дьяковъ, Н. К. Народнымъ героямъ. Севастопольская эпопея.

1854—1855 г.г. Къ статьямъ г. Леонидова (Л. П. Пезелли): „Корпусъ арміи и флота, какъ живой памятникъ обороны Севастополя", напечатаннымъ въ „Крымскомъ Листкѣ". Севастополь. 1910. Изд. А. Н. Данилова. Тип. Н. Ковалева. 8⁰ (12×27). 50 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Козьминъ, Н. Н. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1911. Тип. Печатный трудъ (Надеждин., 38). 8⁰ (16×24). VI+266 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 1.500 экз.

Краткій очеркъ пятидесятилѣтія Полтавской Маріинской Женской гимназіи. Полтава. 1910. Тип. И. А. Дохманъ. 8⁰ (18×25). 13 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Мансуровъ. Сергѣй. Царь Іоаннъ Грозный, какъ государственный дѣятель западнаго типа. Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8⁰ (15×24). 40 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го департамента Правительствующаго Сената, хранящимся въ Сенатскомъ архивѣ. 1797—1825 г.г. 1. А. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8⁰ (18×26). 202 стр. Вѣсъ 29 л. 300 экз.

Отчетъ Годовой Высочайше утвержденнаго Особаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года. За второй 1909—10 г. М. 1910. Тип. А. И. Снегиревой. 8⁰ (17×24). 106+1 нен. стр. Вѣсъ 13 л. 600 экз.

Памятники древне-русскаго искусства. Вып. Ш. Текстъ составилъ В. В. Сусловъ. Спб. 1910. Изд. Академіи Художествъ. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (30×40). 38 стр.+7 табл. рис. Ц. 10 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 600 экз.

Панкратьевъ, Г. А. Историческіе памятники г. Самарканда. Самаркандъ. 1910. Тип. Т-ва Б. Газаровъ и К. Сліяновъ. 8⁰ (18×26). 21 стр. и 1 планъ. Ц. 45 к. Вѣсъ 5 л.

Плотниковъ, К. Исторія и обличеніе русскаго сектантства. Выпускъ I. Введеніе. Исторія и разборъ ученія русскихъ мистическихъ сектъ. Спб. 1910. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ переул., 4). 8⁰ (16×32). 132+III стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 13 л. 1.000 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Ч. I. М. 1910. Изд. 7-е. Тип. т-ва Печатня С. П. Яковлева (Салтыковск. пер., 9). 8⁰ (15×22). 406+II стр. Складъ: кн. маг. Н. П. Карбасникова. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 6.000 экз.

Синягинъ, Н. К. Императоръ Александръ Благословенный и его эпоха. Вып. I. Портреты. Историческія картины и виды памятниковъ. Сатирическія изображенія. Спб. 1910. Изд. Синягина. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (28×37). XVI+135 стр.+1 портр.+1 планъ. Вѣсъ 4 ф. 125 экз.

Соболевскій, А. Холмская Русь въ этнографическомъ отношеніи. Харьковъ. 1910. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8⁰ (16×23). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 800 экз.

Хомяковъ, М. М. Къ вопросу о подземныхъ ходахъ гор. Казани. Казань. 1910. Изд. Совѣта общества археологіи. Тип. Университета. 8⁰ (16×24). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Шаровольскій, И. Гоголь среди великихъ юмористовъ новаго времени. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Императорскаго университета св. Владиміра 10 апрѣля 1909 г. Кіевъ 1910. Тип. акц.

о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8⁰ (17×25). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Александровскій, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. 1-й. Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы. 2) Бѣлинскій, 3) Тургеневъ, 4) Гончаровъ, 5) Островскій, 6) Некрасовъ. Кіевъ. 1910. Изд. 7-е. Тип. 1-й арт. Печат. Дѣла (Трехсвятител., 5) 8⁰ (18×27). VIII+212 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 5.000 экз.

Байэ, К. Исторія искусствъ. Перев. подъ ред. и съ прибавл. главы о русскомъ искусствѣ профессора университета св. Владиміра Г. Г. Павлуцкаго. Кіевъ. 1910. Изд. С. В. Кульженко, 2-е, испр. и доп. (Пушкинская, 4). 4⁰ (19×28). IV+437 стр. Съ рис. и 36 таб. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 2.000 экз.

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. IV. Спб. 1910. Изд. и тип. Брокгаузъ-Эфронъ (Прачешный, 6). 8⁰ (20×28). 560+LXXIX стр. Съ рис. и таб. Вѣсъ 5 ф. 10.000 экз.

Игнатьевъ, А., свящ. Церковно-правительственныя комиссіи по исправленію богослужебнаго пѣнія русской церкви во второй половинѣ XVII вѣка. Казань. 1910. Изд. духовной академіи. Тип. Центральная. 8⁰ (16×24). 47 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Князьковъ, С. А. и Сербовъ, Н. И. Очерки исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра I. Подъ ред. С. В. Рождественскаго. М. 1910. Изд. „Польза“, Антикъ и К⁰ (Тверская, Козицкій п., 2). Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., св. д.). 8⁰ (16×23). IV+240 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 7.000 экз.

Легатовъ, Илія, прот. Богъ. Новый варіантъ оды Державина. Съ предисл. Архангельскъ. 1910. Тип. С. М. Павлова. 8⁰ (14×19). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Макарій, митрополитъ. Исторія русской церкви. Томъ XII. Патріаршество въ Россіи. Книга III. Спб. 1910. Изд. 2-е, А. Булгакова. Тип. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигор., 11). 8⁰ XXVI+792 стр. Съ портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 600 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. V. М. 1910. Изд. Товарищ. „Образованіе“ (3-я Тверская-Ямская, д. Ларіонова). Тип. „Русскаго Товарищества“ (Чистые пруды, св. д.). 4⁰ (25×35). 129—249 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 5.000 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 1-й. Гоголь. Спб. Изд. 3-е т-ва Общ. польза и книгоизд. Прометей (Поварской, 10) Тип. Обществ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×24). 196 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 4.000 экз.

Отчетъ Этнографическаго отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за 1909 г. Спб. 1910. Тип. Розена (Театральная пл., 2). 4⁰ (23×39). 39 стр. Вѣсъ 15 л. 100 экз.

Поселянинъ, Е. Русскіе подвижники 19 вѣка. Спб. 1910. Изд. 3-е доп. И. Л. Тузова (Гостинный дв., 45). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (17×25). 568+6 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 4.000 экз.

Руссобтовскій, М. Историческое освѣщеніе Финляндскаго вопроса. Спб. 1910. Тип. Родникъ (Невскій, 88). 8⁰ (17×25). 193 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 20 л. 1.200 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, вып. 2-й. Русская литература начала XIX вѣка. Спб.

1910. Изд. Я. Башмакова и К°, 2-е. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (17×23). VIII+189 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Спицынъ, А. Археологическія раскопки. Спб. 1910. Изд. Археологической Комиссіи. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (18×24). 125 стр. Съ 154 рис. Вѣсъ 27 л. 800 экз.

Стефановичъ, Дм., свящ. О значеніи стоглава въ исторіи древне-русскаго церковнаго права. Отд. отт. журн. „Христіан. чтеніе“ 1910 г. Спб. 1910. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (16×24). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Вененманскій, Михаилъ. Душевная грамота вдовы Ѳедосьи. Казань. 1910. Изд. Совѣта общ. археол. при унив. Тип. Университетская. 8° (17×25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Благовѣщенскій, С. И. Къ библіографіи Олонецкой губерніи. (Критическій очеркъ). Петрозаводскъ. 1910. Тип. Олонецкая губернская. 16° (10×16). 29 стр. Вѣсъ 2 л. 70 экз.

Веселовскій, Юрій. Литературные очерки. Томъ I. М. 1910. Изд. 2-е, автора (Б. Камен. мостъ, д. Куракиныхъ). Тип. Ф. А. Бурче (Тверск. б., 60). 8° (17×25). 545 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 1.500 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. Отдѣльный оттискъ изъ изданія „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“. М. 1910. Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., соб. д.). 4° (25×33) 95 стр. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 200 экз.

Исаевъ, А. А. Графъ Л. Н. Толстой какъ мыслитель. Спб. 1910. Изд. Кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга. Тип. Шредера (Спб., Гороховая, 42). 8° (17×20). VI+249 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 26 л. 1.210 экз.

Орловскій, Петръ, прот. Церковно-археологическая замѣтка. (Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ 1910 г.). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Покровскій, В. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиж., Крестовоздвиж., 9). 8° (16×25). VII+411 стр. Адр. склада: Кн. маг. Спиридонова (Столешниковъ, д. Ліонозова). Ц. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 6.000 экз.

Покровскій, Н. В., проф. Очерки памятниковъ христіанскаго искусства и иконографіи. Спб. 1910. Изд. Археологич. Института, III-е. Тип. Синодальная. 4° (21×28). XIII+450 стр. Съ 236 рис. Вѣсъ 3 ф. 1.200 экз.

Покровскій, Н. В., проф. Памятники христіанской архитектуры, особенно русскіе. Спб. 1910. Изд. Археологич. Института. Тип. Синодальная. 4° (21×28). 81 стр. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Пучковъ, С. В. Къ характеристикѣ доктора Ѳ. П. Гааза. М. 1910. Изд. Московск. Городск. Склада Учебн. пособій, 2-е. Тип. Городская. 16° (11×17). 48 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 2.450 экз.

Пятницкій, М. Историческая записка о новгородскомъ духовномъ училищѣ (по поводу столѣтняго существованія). Новгородъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (16×24). 31 стр. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Русско-Японская война 1904—1905. Т. III. Ляоянскій періодъ. Ч. I. Обстановка въ первыхъ числахъ іюля. Іюльскіе бои. Перерывъ военныхъ дѣйствій въ періодъ дождей. Ч. II. Отъ возобновленія военныхъ дѣйствій

10 августа до сосредоточенія русской арміи къ Ляоянскимъ позиціямъ 16 августа 1904 г. Спб. 1910. Изд. Воен. Истор. коммиссіи. Тип. Т-во худож. печати (Ивановская, 14). 8° (19×28). XV+449+320 стр. Вѣсъ 4 ф. 26 л. 3.000 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г. Т. III. Ляоянскій періодъ. Ч. III. Ляоянское сраженіе и отступленіе русской арміи къ г. Мукдену. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. коммиссіи. Тип. Т-во худож. печати (Ивановская, 14). 8° (19×28). IX+455 стр. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 3.000 экз.

Свѣчинъ, Александръ. Русско-Японская война 1904—05 г.г. По документальнымъ даннымъ труда военно-исторической коммиссіи и другимъ источникамъ. Спб. 1910. Изд. Офиц. стрѣлков. школы. Тип. Розена (Театральная пл., 2). 8° (17×25). VIII+387 стр. Съ 48 черт. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 3.100 экз.

Симони, Павелъ (собралъ, приготовилъ къ изданію и снабдилъ вводною статьею). Мьстиславово Евангеліе начала XII вѣка въ археологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ. I. Вводная статья. Спб. 1910. Изд. общ. любит. древн. письмен. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). f° (37×57). 46 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 600 экз.

Симони, Павелъ (собралъ и приготовилъ къ изданію). Собраніе изображеній окладовъ на русскихъ богослужебныхъ книгахъ XII—XVII столѣтій. Вып. I. Древнѣйшіе церковные оклады XII—XIV столѣтій. Спб. 1910. Изд. общ. любит. древн. письмен. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). Листъ (46×63). 7 стр.+3 рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 600 экз.

Симоновъ, И. С. Кавелинъ-учитель. (Къ 25-лѣтію со дня смерти: 3 мая 1885 г.—3 мая 1910 г.). Спб. 1910. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (16×25). 33 стр. Вѣсъ 5 л. 230 экз.

Спнайскій, Павелъ, прот. Историческій очеркъ Рижскаго Каѳедральнаго собора. Рига. 1910. Тип. Г. Гемпель и К° (Крѣпостная, 7). 8° (14×21). 149 стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 13 л. 1.000 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. 1752—1831. Спб. 1910. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (17×25). 257 стр. Съ 7 рис. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 400 экз.

Алавердянцъ, М. Я. Тесть А. С. Грибоѣдова—Князь Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка. Отд. отт. изъ „Русской Старины", 1910 г., № IX. Спб. 1910. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×24). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Барацъ, Г. М. Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Возстановленіе текста, переводъ, комментарій и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности съ Русскою Правдою. Кіевъ. 1910. Тип. 1-й Кіев. артели печ. дѣла (Трехсвятительск., 5). 8° (17×25). XII+265 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 1.000 экз.

Бѣлогорскій Свято-Николаевскій православно-миссіонерскій мужской общежительный монастырь (въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской епархіи). М. 1910. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., соб. д.). 8° (15×23). 101 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Деммени, М. Г. Указъ 1698 года о чеканкѣ бородовыхъ знаковъ. Спб. 1910. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (19×27). 5 стр. Вѣсъ 4 л. 150 экз.

Записки Нумизматическаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества, издаваемыя подъ ред. М. Г. Деммени. Т. II, вып. I и II.

Спб. 1910. Изд. Рус. Археолог. Общества. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8⁰ (20×29). 271 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 580 экз.

Кіевъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Воспоминанія старожила. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (16×24). 211 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 20 л. 2.000 экз.

Кобловъ, Я. Миѳологія казанскихъ татаръ. Казань. 1910. Тип. Казанскаго университета. 8⁰ (17×25). 49 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Кулишъ, П. А. Сочиненія и письма. Подъ ред. И. Каманина. Томъ 5-й. Кіевъ. 1910. Изд. А. М. Кулиша. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8⁰ (16×24). 396+37 стр. Съ портр. Складъ: Кн. маг. „Україна“, Кіевъ, Безаковская, 8. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 300 экз.

Лебедевъ, Александръ. Матеріалы для исторіи Раскола въ Поволжьи. Краткій очеркъ исторіи Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей. Саратовъ. 1910. Изд. Ред. „Духовнаго Вѣстника“. Тип. союза печатнаго Дѣла (Армянская ул.). 8⁰ (15×22). 37 стр. Вѣсъ 3 л. 120 экз.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по народной словесности. Кіевъ. 1910. Изд. Студ. ист. филолог. фак. Ун. св. Влад. Тип. К. В. Андрусича (Крещатикъ, 36). 8⁰ (17×23). 119 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 13 л. 250 экз.

Ломоносовъ, И. А. С. Хомяковъ. Гжатскъ. 1910. Тип. Г. Н. Подосѣкова. 8⁰ (14×20). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. II. И. С. Тургеневъ. Спб. 1910. Изд. 3-е и тип. „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×23). 271 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 29 л. 4.000 экз.

Перетцъ, В. Н. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и палеографіи. Критико-библіографическій обзоръ. Вторая серія. XV—XXV. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8⁰ (18×25). 42 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Разумовскій, В. И. Къ исторіи Университетовъ и медицинскихъ факультетовъ. Саратовъ. 1910. Изд. Рец. Извѣстій Николаев. Унив. Тип. Союза печатнаго дѣла. 8⁰ (17×25). 2+46 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Томъ XVI. Юрьевъ. 1910. Тип. К. Маттисена. 8⁰ (17×24). 265 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 28 л. 425 экз.

Сергѣевичъ, А. М. Ю. Лермонтовъ. Литературная характеристика. (Безпл. прил. къ „Современному Журналу“ № 6. Іюнь 1910 г.). Критико-біографическая библіотека. Спб. 1910. Изд. 2-е. Тип. К. А. Четверикова (Караван., 7). 16⁰ (13×19). 16 стр. Вѣсъ 2 л.

Сергѣевичъ, А. Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и литературная дѣятельность. Критико-біографическая библіотека. (Безпл. прилож. къ „Современ. Журн.“ № 5 за 1910 г.). Спб. 1910. Изд. 9-е. Тип. К. А. Четверикова (Караван., 7). 8⁰ (14×20). 23 стр. Вѣсъ 3 л.

Татищевъ, С. С. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Томъ первый. Спб. 1911. Изд. и тип. А. С. Суворина, 2-е. 8⁰ (21×31). XVIII+496 стр. Съ 28 рис. Ц. за 2 т. 12 р. Вѣсъ 5 ф. 15 л. 3.100 экз.

Труды Вятской ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 1. Вятка. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (16×24). 15+128+96+31+VIII стр. Вѣсъ 23 л. 350 экз.

Ассоновъ В. Нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣятельности православнаго духовенства Калужской епархіи въ началѣ 19 вѣка. Изъ памятной книжки Калужской губерніи. Калуга. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (18×25). 25 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и монастырѣ Печерскомъ. Спб. 1910. Изд. 11-е, и тип. „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (16×24). 44 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Богословскій, И. Описаніе иконъ, хранящихся въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей. Ростовъ-Ярославскій. 1909. Тип. С. П. Сорокина. 8⁰ (16×24). 118 стр. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Веригинъ, Е. А. Новоторжскій воскресенскій женскій монастырь. Историческій очеркъ. Тверь. 1910. Изд. Тверск. Учен. Архивн. Комис. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятск., д. Шиканова). 8⁰ (16×25). 82+2 стр. съ рис. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Томъ II. Допетровская эпоха (Москва и Украина). Вып. V. Спб. 1910. Изд. І. Кнебель.— Москва. Тип. Р. Голике (Звенигородская, 11). 4⁰ (24×31). 112 стр. Съ 77 рис. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 15.000 экз.

Духовской, Владиміръ, свящ. Прошлое и настоящее Успенской Колмовской церкви Новгородской Епархіи по поводу 600-лѣтія со времени устройства и ея освященія. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская 8⁰ (16×27). 16 стр. Съ 4 рис. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Жуковичъ, П., проф. Сеймовая борьба православнаго западнаго русскаго дворянства съ церковной уніей. Вып. V (1625—1629 гг.). Спб. 1910. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8⁰ (16×24). VII+199 стр. Вѣсъ 31 л. 150 экз.

Завалишинъ, Д. И. Записки декабриста. Спб. 1910. Изд. 2-е, русское изданіе. Тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 лин., собств. домъ). 8⁰ (18×25). 464 стр. и 2 портр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 26 л.

Истоминъ, Д. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Краткая біографія съ портретомъ. Спб. 1910. Изд. Н. С. Аскарханова. Тип. Т-во Обществ. Польза (Б. Подъяческая, 839). 8⁰ (14×19). 15 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Кириконъ, еп. Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси. Тифлисъ. 1910. Изд. автора. Тип. К. П. Козловскаго (Голов. пр., 12). 8⁰ (15×22). 448 стр. Складъ: О-во распр. грамотн. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 2.020 экз.

Косиненко, Н. И. Первая русско-турецкая семилѣтняя война. Чигиринскіе походы 1677—1678 г.г. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго. Тип. Рус. скоропечатня. (Екатер. кан., 94). 8⁰. (14×19). 94 стр. Съ 4 рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 1.050 экз.

Ласковскій, В. П. Путеводитель по Новгороду. Пособіе при обозрѣніи города и его ближайшихъ окрестностей, его святынь и древностей. Новгородъ. 1910. Изд. Общества любителей древностей. Тип. Губернская. 16⁰ (12×19). 2+273 стр.+11 рис. и 1 карт. Вѣсъ 22 л. 1.500 экз.

Линева, Е. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Вып. II. Пѣсни Новгородскія. Текстъ подъ ред. Ѳ. Е. Корша. Спб. 1909. Изд. Типогр. Импер. Ак. Наукъ. 8⁰ (21×29). LXXVIII+65 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50. Вѣсъ 29 л. 2 232 экз.

Лицейскій журналъ (на правахъ рукописи). Годъ седьмой 1909—1910. Вып. IV Спб.. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8⁰ (16×23). 183—240 стр. Вѣсъ 8 л. 150 экз.

Лѣтопись Вознесенской церкви слободы Казацкой, Старооскольскаго

уѣзда, Курской губерніи. Спб. 1910. Тип. Алекс.-Невскаго общества трезвости (Обводн. к., 116). 8⁰ (15×21). 38 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Любавскій, М. К., проф. Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи включительно. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ М. 1910. Изд. Общ. ист. и древн. россійск. Тип. Синодальная 8⁰ (19×29). 2 нен.+376+2+2 нен. стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 1.400 экз.

Михайловъ, Дм. Дм. Курсъ устной народной словесности и хрестоматія. Спб. 1910. Тип. Т-ва А. Ф. Маркъ (Измайл. пр., 29). 8⁰ (17×25). VII+94+159+VI стр. Скл.: Книжн. маг. „Учебное Дѣло“. Пет. ст., Больш. пр., 6. Ц. 90 к. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Новосадскій, Н. И. Экскурсія слушателей Московскаго Археологическаго Института на мѣста древне-греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго моря въ іюлѣ—августѣ 1910 года. М. 1910. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савельевскій пер., с. д.). 8⁰ (17×25). 16 стр. Вѣсъ 5 л. 300 стр.

Обновленскій И. Трехсотлѣтіе осады Троице-Сергіевой Лавры поляками (12 января 1610 года—12 января 1910 года). Галичъ. 1910. Тип. Г. В. Дрампельманъ. 8⁰ (16×22). 44 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Покровскій В. И. Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1910. Изд. 2-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., 9). 8⁰ (16×25). 2 нен.+164 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова (Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова). Ц. 50 к. Вѣсъ 16 л. 2.400 экз.

Полторацкая, Э. С. Русскій Историческій Календарь на 1911 годъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Отто Кирхнера. (Б. Пушкарская, 14, 16, 18). 8⁰ (15×23). 365 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 10.000 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 79. Дневники частей XIV арм. корпуса. Спб. 1910. Изд. Военно-Истор. Ком. Гл. Упр. Генер. Шт. Тип. Альтшулера (Фонтанка, 96). 8⁰ (20×19). 225 стр. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 1.210 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканск. полуостровѣ. Вып. 83. Документы дѣятельности тыловыхъ учрежденій арміи съ 1 по 31 Авг. 1877 г. Спб. 1909. Изд. Воен.-истор. комиссіи Гл. Упр. Ген. Штаба. Тип. Ныркина (Изм. полкъ, 7 рота, 13). 8⁰ (19×28). XXXIV+397 стр. Вѣсъ 2 ф. 19 л. 1.210 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 96. Отчетъ по интендантской части. Спб. 1910. Изд. Воен.-Истор. комис. Глав. Упр. Генер. Штаба. Тип. Ныркина (Измайл. полкъ, 7 рота, 13). 8⁰ (20×28). XIII+563 стр. Вѣсъ 3 ф. 22 л. 1.200 экз.

Стеблевъ, А. П. Очерки культурной исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія). М. 1910. Изд. Кнебеля. Тип. А. А. Левенсонъ (Мамоновск п., с. д.). 8⁰ (17×24). 410 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 2.000 экз.

Александровскій, И. Актеръ А. Е. Мартыновъ. Жизнь и сценическая дѣятельность. Одесса. 1910. Тип. Одесск. Листка (Ланжероновск.). 16⁰ (12×17). 28 стр. Съ портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 400 экз.

Великая реформа 19 февраля. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ I (Истори-

ческая коммиссія учебнаго отдѣла о. р. т. з. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета). М. 1910. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (22×29). XVI+260+2 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 17 л. 3.000 экз.

Грушевскій, Мих., проф. Кіевская Русь. Т. I. Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства (Извлеченіе изъ 2-го украинскаго изданія). Спб. 1911. Тип. Аленевой (Мойка, 54). 8⁰ (18×26). VI+490 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 1.500 экз.

Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемыя подъ ред. А. И. Успенскаго. Томъ II. М. 1910. Изд. Іером. Іоакима. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 4⁰ (28×37). 402+18 стр.+58 отд. лист. рис. Ц. 40 р. Вѣсъ 7 ф. 24 л. 600 экз.

Ивановскій, Н. И. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ. Часть I. Исторія раскола. Казань. 1910. Изд. Казанской Духовной Академіи, 8-е. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8⁰ (16×25). 272+IV стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 24 л. 1.200 экз.

Макшеевъ, Ѳ. А. Къ 50-лѣтію „Военнаго сборника“. (Оттискъ статей, напечатанныхъ въ №№ 4—6—11 Воен. сборника за 1908 годъ). Спб. 1910. Изд. Редакц. журн. Воен. сборникъ. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (16×24). 109 стр. Вѣсъ 10 л. 150 экз.

Масловскій, С. Д. Библіотека Императорской Николаевской академіи. Систематическій указатель книгъ (1832—1910). Вып. Ш. Военное искусство. Спб. 1910. Тип. Бережливость (Невскій, 139) и Скачкова (Итальянская, 16). 8⁰ (13×28). VI+570 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Томъ Ш. С. Т. Аксаковъ, П. И. Мельниковъ, А. Н. Островскій. Спб. 1910. Изд. 5-е и тип. т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 лин., с. д.). 8⁰ (15×23). 388 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 3.000 экз.

Набиркинъ, Н. А. Свѣдѣнія объ историческомъ развитіи г. Екатеринослава. Къ открытію Областной Южно-Русской Выставки въ Екатеринославѣ. Екатеринославъ. 1910. Тип. Бывш. Бр-ва Св. Владиміра. 8⁰ (17×25). 18 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Овсяный, Военныя дѣйствія въ Китаѣ. 1900—1901 г.г. Часть II и III. Спб. 1910. Тип. Военная (въ зданіи Главн. Штаба). 8⁰ (19×28). VIII+259 съ картой+VII+300 стр. Вѣсъ 4 ф. 3 л. 500 экз.

Отчетъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей съ 14-го ноября 1907 г. по 14-е ноября 1909 г. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (16×24). 42 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

П. И. В. А. Бѣлинскій и религіозные вопросы. Спб. 1910. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К⁰ (Англійскій пр., 28). 16⁰ (11×18). 38 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Павловскій, И. Ф. Каталогъ музея Полтавской битвы на Шведской могилѣ. Полтава. 1910. Тип. И. А. Дохманъ. 8⁰ (17×25). 34 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Платоновъ, С. Ф., проф. Лекціи по Русской Исторіи. Издалъ И. Блиновъ. Спб. 1910. Изд. VII. И. А. Блинова (Сергіевская, 75, кв. 3). Тип. Сенатская. 8⁰ (17×24). 664 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 4.500 экз.

Повѣсть временныхъ лѣтъ—по Лаврентьевскому списку. Спб. 1910.

Изд. Археографич. коммиссіи. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×25). XV+274+24 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 2.000 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XIII. Спб. 1910. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ. 8° (16×25). 202 стр.+1 таб. Вѣсъ 26 л. 730 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Т. I. Событія на Дальнемъ Востокѣ, предшествовавшія войнѣ, и подготовка къ этой войнѣ. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. коммиссіи по описанію войны 1904—1905 г.г. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (20×29). XIII+857 стр. и 3 карты. Вѣсъ 5 ф. 20 л. 4.055 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Томъ IV. Шахэ—Сандепу. Части 1 и 2. Сраженіе на р. Шахэ и зимній періодъ кампаніи и сраженіе у Сандепу. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. коммиссіи по описанію войны 1904—1905 г.г. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (20×29). 507+536 стр. Вѣсъ 6 ф. 16 л. По 4.055 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Томъ VI. Сыпингайскій періодъ. Спб. 1910. Изд. Воен.-истор. коммиссіи по описанію войны 1904—1905 г.г. Тип. А. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (20×29). X+664 стр. Вѣсъ 4 ф. 5 л. 4.055 экз.

Рыстенко, А. В. Рукописи, принадлежащія библіотекѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I. Рукописи церковно-славянскія и русскія, документы и письма. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×28). 88 стр. Вѣсъ 15 л. 150 экз.

Семеновъ, Вл. Расплата. Трилогія. 1. Портъ-Артуръ и походъ 2-й эскадры. Спб. 1910. Изд. 2-е и тип. Т-во М. О. Вольфъ (В. О., 16 линія, св. д.). 8° (16×23). 420+IV стр. Съ портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 3.000 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Вып. VI. Грибоѣдовъ. Спб. 1910. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (17×26). 114 стр. Складъ: Тверская, 14. Ц. 1 р. Вѣсъ 15 л. 5.000 экз.

Фарфоровскій, С. Кобзари на Кубани. (Изъ XIX т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевск., 3). 8° (18×26). 7 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Чуевскій, И. А. Къ Исторіи Императорскаго Николаевскаго Университета. Саратовъ. 1910. Тип. Союза Печ. Дѣла (Армянская). 8° (17×26). 22 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

смѣлыхъ построеній, утонченныхъ замѣчаній и оглушительныхъ парадоксовъ. Эти страницы характерны для современной литературной критики, въ которой, какъ извѣстно, восторженность преобладаетъ; и похвала, и брань съ нею неразрывны. Но г. Айхенвальдъ имѣетъ право писать о литературѣ, онъ ее знаетъ, талантливо понимаетъ и умно цѣнитъ; ему нельзя не отдать должное въ проницательномъ и своеобразномъ опредѣленіи свойствъ дарованій нѣкоторыхъ писателей. Къ сожалѣнію, на книгѣ лежитъ слишкомъ густая тѣнь современности и, слѣдовательно, преходящности, на нее нельзя смотрѣть, какъ на произведеніе историко-литературное, хотя большинство „силуэтовъ“ отдано писателямъ старымъ: критикъ глядитъ на нихъ съ исключительной точки зрѣнія и его субъективизмъ производилъ бы необходимое впечатлѣніе, если бы авторъ не претендовалъ на большее—научную объективность. Смѣшеніе этихъ двухъ намѣреній приводитъ къ такимъ страннымъ статьямъ, какъ „силуэтъ“ Тургенева, для котораго г. А. находитъ лишь нѣсколько теплыхъ словъ, въ остальномъ эта статья сплошной обвинительный актъ—осуждены и тургеневскій юморъ, и тяготѣніе къ общественности и многое другое. Не является ли это мнѣніе слишкомъ, до непріятности современнымъ—вѣдь хорошо извѣстенъ фактъ охлажденія къ Тургеневу нынѣшней молодежи. Или отношеніе Ю. А. къ Островскому? Умѣстивъ характеристику его на двухъ-трехъ страницахъ, онъ стремится совершенно уничтожить бытописателя купеческой Москвы, повидимому, лишь потому, что у него не встрѣтишь вершинъ эстетики и глубинъ философіи, исторіи же, общественности и быта авторъ избѣгаетъ. Но подобный критерій не всеобъемлющъ, исторія литературы, какъ наука, признаетъ и другіе. Въ виду легкости и талантливости изложенія, книга можетъ появиться у мало подготовленнаго читателя, что представляется даже опаснымъ, какъ въ старину писаревскія оцѣнки. Кстати будетъ замѣтить, что г. А. часто обращается къ второстепеннымъ писателямъ и въ этомъ случаѣ для широкой публики хотѣлось бы не силуэтовъ, а болѣе тщательно исполненныхъ портретовъ. Какъ, напримѣръ, жаль, что замѣтка о Веневитиновѣ коротка и холодна, а вѣдь онъ философиченъ, да и красивъ. Къ числу недостатковъ книги слѣдуетъ отнести изображенія писателей, какія-то карамельныя обертки, что въ первомъ выпускѣ страннымъ образомъ гармонировало иногда съ „карамельностью“ текста. Лучшими страницами намъ кажутся (I-го вып. не касаемся) написанныя о Фетѣ, Достоевскомъ, Полонскомъ и однимъ изъ современныхъ писателей, а, выдѣливъ въ другихъ сорныя травы, найдемъ вдохновенныя строки, полныя ума и любви къ русской литературѣ.

Современное искусство. Серія иллюстрированныхъ монографій. Изд. Н. Н. Бутковской. СПБ. Выпускъ I. Борисовъ-Мусатовъ. Біографическій очеркъ барона Н. Н. Врангеля.

Въ той полосѣ русскаго искусства, когда тоска настоящаго и грезы о прошломъ заволакивали умъ и сердце, когда въ полной силѣ было обаяніе Чехова, Левитана и Чайковскаго, а Якунчикова и Рахманиновъ были новыми строками такихъ же грустныхъ страницъ, въ эти недавніе годы имя художника Борисова-Мусатова стало однимъ изъ самыхъ дорогихъ, а любовь къ нему—самой искренней. Онъ жилъ недолго. Нѣжное мусатовское дарованіе запечатлѣлось однако въ душѣ русскаго человѣка, и не поблекнутъ созданныя имъ трогательныя поэмы увяданія. Баронъ Н. Врангель со свойственною ему тонкостью очертилъ творчество художника и въ короткомъ описаніи далъ цѣльный образъ.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1910. Выпускъ II.

Новая редакція этого журнала очень повысила интересъ къ нему своимъ вдумчивымъ, любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу и совершенно неожиданно, за одинъ только годъ, изданіе, имѣвшее полуофиціальный, отчетный характеръ, выросло въ прекрасное литературное явленіе. Быть можетъ заглавіе стало теперь не совсѣмъ точнымъ, а прежній любитель юбилейныхъ замѣтокъ, фотографическихъ снимковъ актеровъ, сценъ изъ пьесъ, афишъ и т. п. мало удовлетворенъ, но для интересующагося исторіей нашего театра и серьезной литературой, близкой къ нему, находится большой запасъ живого и свѣжаго матеріала. Въ упоминаемомъ выпускѣ, менѣе объемистомъ, чѣмъ другіе, напечатаны три письма Чехова къ Григоровичу, въ которыхъ обычныя для этого писателя нѣжность и красивая юмористика составляютъ очаровательное цѣлое. Какъ всегда чеховски-тонкое чувство жизни и природы даютъ главный тонъ его письму. Приведемъ нѣсколько теплыхъ строкъ: „Я глубоко убѣжденъ, что пока на Руси существуютъ лѣса, овраги, лѣтнія ночи, пока еще кричатъ куликн и плачутъ чибисы, не забудутъ ни Васъ (Григоровича), ни Тургенева, ни Толстого, какъ не забудутъ Гоголя. Вымрутъ и забудутся люди, которыхъ Вы изображали, но Вы останетесь цѣлы и невредимы. Такова Ваша сила и таково, значитъ, и счастье“.

Заслуживаетъ вниманія тема статьи „Рембрандтъ и сцена“ очень полно иллюстрированной. Удачны, какъ и во всѣхъ выпускахъ новаго ежегодника, обзоры театральной жизни—впечатлѣнія сезона К. И. Арабажина (Петербургъ) и Н. Е. Эфроса (Москва). Все остальное, статьи памяти В. Ѳ. Комиссаржевской, французская драма и „Свободный театръ“ Л. М. Василевскаго и пр. дополняютъ хорошее впечатлѣніе. О безукоризненной внѣшности у насъ, кажется, уже говорилось. Мало мы привыкли къ такимъ изданіямъ, и энергія редактора барона Н. В. Дризенъ заслуживаетъ большого сочувствія. *В. Я.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **3** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Воронцовъ. Тип. т-ва и. ф. „Эл.-тип. И. Я. Стойковой". Знаменская, 27.